

А К А Д Е М И Я
Н А У К
С С С Р

ИНСТИТУТ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

МЕКСИКА

ПОЛИТИКА
ЭКОНОМИКА
КУЛЬТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 6 8

Редакционная коллегия

**А. Ф. ШУЛЬГОВСКИЙ (ответственный редактор),
М. И. БЫЛИНКИНА, Б. И. КОВАЛЬ, И. К. ШЕРЕМЕТЬЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много ассоциаций возникает у нас в памяти, когда речь заходит о Мексике, одной из крупнейших латиноамериканских стран. Мексику нельзя себе представить без всемирно известной монументальной живописи и ее творцов, художников Хосе Клементе Ороско, Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса. Мексика — это также страна чудесных народной музыки и танцев, замечательных изделий народных умельцев. Во всем своем неповторимом своеобразии предстает Мексика в кинофильмах выдающегося мексиканского кинорежиссера Эмилио Фернандеса и кинооператора Фигероа, вдохновенно и с любовью рассказывающих о жизни простых мексиканских тружеников. А какое глубочайшее впечатление производят величественные пирамиды и другие монументальные сооружения, созданные индейцами древних цивилизаций много веков назад! Но поражает не только своеобразие и богатство мексиканской культуры, внесшей ценнейший вклад в мировую цивилизацию. Вызывает удивление поистине фантастичность ее природных контрастов, естественных богатств. На территории страны, занимающей почти 2 млн. кв. км, простираются обширные пустыни, возвышаются горные цепи, раскинулись непроходимые тропические леса. А в недрах таятся богатейшие залежи нефти, благородных и цветных металлов, серы и других полезных ископаемых. Но самое большое богатство страны — это люди. Это они, мексиканцы, — их сейчас насчитывается свыше 40 млн. человек — создали свое самостоятельное государство, мужественно отстаивали его свободу и независимость, способствуя своим неустанным трудом социальному прогрессу страны.

Советские люди, которые высоко ценят борьбу народов за свободу и независимость, высокое чувство патриотизма и любви к родине, с особым волнением и симпатией знакомятся с яркими страницами мексиканской истории.

В упорнейшей героической борьбе с испанскими колонизаторами мексиканский народ завоевал в начале XIX в. свою государственную самостоятельность. В Мексике свято чтят память Мигеля Идальго, Хосе Мариа Морелоса, руководителей борьбы за независимость, павших в борьбе.

И в дальнейшем мексиканским патриотам неоднократно приходилось вставать на защиту чести и независимости своей родины. Достаточно вспомнить, с какой самоотверженностью они боролись против превосходящих сил армии Соединенных Штатов, развязавших против Мексики грабительскую захватническую войну (1846—1847 гг.). В историю Мексики вошел подвиг юных кадетов военного училища, которые пали с оружием в руках, защищая подступы к столице страны.

В нашей стране хорошо известен героизм мексиканского народа, который под руководством великого государственного деятеля Бенито Хуареса и его сподвижников в ходе национально-освободительной войны 1861—1867 гг. разгромил французских интервентов, отстоял независимость своей родины. Все прогрессивные силы мира приветствовали победу мексиканского народа. Обращаясь к Хуаресу, борец за свободу Италии революционер Гарибальди писал: «Привет тебе, героический мексиканский народ! Я завидую стальному мужеству, с которым ты защищаешь свободу своей прекрасной республики от наемников деспотизма. Привет тебе, Хуарес — борец за свободу мира и человеческое достоинство! Привет тебе! Итальянский народ приветствует тебя с благодарностью за то, что ты поверг в прах братьев его угнетателя!»¹

Тесно связана с войной за независимость и освободительной борьбой против французских агрессоров Мексиканская революция 1910—1917 гг.

Революция в Мексике развернулась непосредственно вслед за революцией 1905 г. в России и почти одновременно с революциями в Иране, Турции, Китае. Это были революционные движения, которые показали рост национального самосознания народов зависимых, экономически слабо развитых стран, их стремление осуществить демократические социальные преобразования. Мексиканская революция стала важным этапом в истории страны, способствовала укреплению национальной и экономической независимости, вызвала к жизни серьезные социальные преобразования, которые способствовали экономическому и культурному развитию, отвечали интересам широких слоев населения. С мексиканской революцией связаны имена крестьянских вождей Эмильяно Сапаты и Франсиско Вильи, представителей революционной интеллигенции братьев Магон, замеча-

¹ «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960, стр. 221.

тельного человека и убежденного демократа генерала Фелипе Анхелоса и многих других.

В ходе революции выкристаллизовалась внешнеполитическая доктрина Мексики о невмешательстве во внутренние дела других стран, уважении национального суверенитета и решении споров между народами мирным путем, что значительно усилило роль Мексики в международных делах, повысило ее престиж в мире.

И здесь хотелось бы подчеркнуть весьма важное обстоятельство: новый этап во взаимоотношениях нашей страны с Мексикой начался с 1917 г., т. е. в тот период, когда была принята новая конституция Мексики и произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Несмотря на существенные отличия в целях и задачах революций, многое с самого начала объединяло и сближало наш народ с народом Мексики.

«Дело, за которое борются революционная Мексика и недавно освободившаяся Россия,— говорил вскоре после победы Октябрьской революции Эмильяно Сапата,— это общее дело всего человечества, в котором кровно заинтересованы все народы»².

Уважение к суверенитету всех народов независимо от того, большие они или малые, стремление к миру во всем мире, осуждение империалистической политики — на такой прочной основе начали развиваться наши взаимоотношения.

Яркую страницу в свою историю вписала Мексика борьбой против империализма в 30-е годы, когда президентом страны был выдающийся государственный деятель генерал Ласаро Карденас (1934—1940 гг.). В те годы Мексика национализировала собственность англо-американских нефтяных компаний, экспроприировала владения иностранных крупных земельных собственников, создала сильный государственный сектор, ставший опорой в борьбе за экономическое освобождение. Большие симпатии демократических сил всего мира снискало правительство Ласаро Карденаса последовательной позицией поддержки героической борьбы испанского народа против фашизма.

Солидарность советского государства с национальными, антиимпериалистическими устремлениями мексиканского народа была немаловажным фактором в укреплении дружественных отношений между двумя странами. Мы не забываем, что Мексика была первой латиноамериканской страной, которая установила дипломатические отношения с Советским Союзом. И впоследствии в самые ответственные периоды истории человечества Мексика и Советский Союз были вместе.

В нашей стране высоко ценят позитивный вклад Мексики в борьбу за урегулирование всех международных проблем мирным конструктивным путем. В борьбе за всеобщее разоружение,

² «La Voz de México», 17.IX 1954.

за полное запрещение ядерного оружия, мирное разрешение территориальных споров и по ряду других вопросов позиции СССР и Мексики совпадают. Эта позиция мексиканского правительства убедительно свидетельствует о том, насколько бережно в Мексике относятся к своим миролюбивым традициям, уходящим корнями еще в период борьбы за независимость.

Не могут не привлекать внимания советских людей беспорные успехи Мексики в социально-экономическом развитии. Современная Мексика — это не та отсталая страна, какой она была несколько десятилетий назад. В Мексике выросли новые промышленные предприятия, оснащенные современным оборудованием, построены крупные гидросооружения, являющиеся гордостью мексиканцев. В средних и высших учебных заведениях готовятся высококвалифицированные кадры. Все больше внимания уделяется развитию национальной культуры, физическому воспитанию населения. Не случайно Мексика избрана страной, где будут проводиться Олимпийские игры в 1968 г.

Многое сделано Мексикой, но еще многое предстоит сделать. Неравномерное распределение национального дохода ведет к тому, что значительные слои населения, особенно в сельских местностях, живут в условиях, которые сами мексиканцы не могут назвать даже удовлетворительными. В стране действуют влиятельные реакционные силы, выступающие под флагом антикоммунизма против борьбы трудящихся за свои права, яростно нападающие на демократическое движение.

В немалой степени трудности, с которыми сталкивается Мексика, вызваны тем, что в стране сильны позиции иностранного капитала, прежде всего частного капитала США. По капиталовложениям монополий Соединенных Штатов (около 1,5 млрд. долларов) Мексика занимает второе после Венесуэлы место в Латинской Америке. Засилье иностранного капитала тормозит упрочение экономической независимости страны, препятствует гармоничному развитию национальной экономики. В этих условиях демократические, антиимпериалистические силы страны все шире развертывают борьбу за укрепление экономической независимости, за демократию и социальный прогресс.

Этой книгой мы хотим выразить чувство глубокого уважения и симпатии к мексиканскому народу, содействовать укреплению всесторонних дружеских связей между нашими народами. Бенито Хуарес писал: «Между людьми, так же как и между народами, уважение прав других ведет к миру». Такими яркими словами замечательного сына мексиканского народа мы хотим закончить наше краткое вступление и отослать читателя к основным разделам книги.

А. Ф. Шulyговский —
доктор исторических наук,
член правления Общества
«СССР — Мексика»

ПОЛИТИКА ЭКОНОМИКА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

овременная Мексика — одна из наиболее развитых в экономическом отношении стран Латинской Америки. По абсолютным размерам национального продукта, как и по ряду других важных показателей уровня экономического, в частности промышленного развития, она занимает сейчас второе-третье места среди латиноамериканских стран, уступая в отдельных случаях Бразилии и Аргентине. При этом в некоторых отношениях (например, по производству нефти и нефтепродуктов) она превосходит и эти страны.

Вместе с тем следует заметить, что по относительному уровню экономического развития (т. е. с учетом общей численности населения страны) Мексика занимает как бы срединное положение среди стран Латинской Америки и в этом отношении может считаться «представительной страной» континента. Так, по размерам национального продукта на душу населения она еще значительно уступает Аргентине, Уругваю, Чили, но вместе с тем примерно в 3 раза превосходит уровень душевого дохода, характерный для таких стран, как Парагвай, Боливия, Гаити.

Для Мексики характерны относительно более устойчивые темпы экономического роста. Несмотря на известные колебания производства, обусловленные все еще существенным воздействием на национальную экономику «внешнего фактора» — конъюнктуры мирового капиталистического рынка и прежде всего рынка США (главного контрагента Мексики в экономических и финансовых связях), среднегодовые темпы роста ее национального продукта в последние десять лет составляли примерно 5—6%. Только в 1961—1966 гг. ее промышленная продукция возросла более чем на 60%, а сельскохозяйственная — на 40%¹.

При этом в силу ряда причин (в частности, вследствие высокого урожая) особенно благоприятным для страны был 1964 г., когда национальный продукт увеличился более чем на 10% ².

Эти успехи становятся особенно заметными на фоне существенных перебоев в экономическом развитии двух других ведущих стран Латинской Америки — Аргентины и Бразилии, где в 60-е годы определился заметный спад в производственной деятельности.

Истекшие два с лишним десятилетия ознаменовались не только существенным количественным ростом производства. В прогрессивном направлении изменились также структура материального производства и его территориальное размещение. Прежде чем разобраться в главном, что привлекает к себе внимание многих экономистов, изучающих опыт развития латиноамериканских стран, а именно в причинах «экономического броска» Мексики, попытаемся хотя бы вкратце дать общий обзор структуры и тенденций развития ее современного хозяйства.

* * *

Характерной чертой развития мексиканской экономики является прежде всего опережающий рост промышленного производства по сравнению с сельскохозяйственным. Хотя по числу занятых (2652 тыс. человек в 1964 г., включая занятых в строительстве) промышленность все еще значительно уступает сельскому хозяйству (6909 тыс. человек, включая занятых в лесном хозяйстве, рыбном промысле и др.), ее доля в национальном продукте страны существенно возросла и ныне значительно превышает долю сельского хозяйства. Так, если в 1950 г. на долю сельского хозяйства приходилось 22,5% стоимости национального продукта, а на долю промышленности — 27,0% (включая строительство), то в 1966 г. это соотношение составляло уже 16 и 31% ³.

В этих данных находит косвенное отражение значительно более высокий уровень производительности труда в промышленности по сравнению с сельским хозяйством, обусловленный, в частности, превосходством технической базы крупнейших промышленных предприятий страны, а также весьма прогрессивной структурой ее современного промышленного производства.

Наиболее высокими темпами развивались такие важные для национального хозяйства отрасли, как нефтяная и газовая промышленность, нефтехимия, основная химия, черная металлургия, некоторые виды металлообработки и машиностроения, производство строительных материалов, электротехника. Большое внимание вместе с тем уделялось развитию топливно-энергетической базы, в частности систематическому расширению произ-

Таблица 1

Динамика промышленного производства Мексики
(1960 г.=100)⁴

Отрасль хозяйства	1963 г.	1964 г.	1965 г.*	1966 г.*
Промышленность в целом	123,1	141,8	149,6	162,3
В том числе:				
Добывающая	99,3	97,6	96,6	97,5
Благородные металлы	92,6	86,6	...	...
Металлы промышленного назначения	95,9	92,6	...	...
Неметаллические минералы . . .	112,4	117,8	...	...
Нефтяная	117,1	127,3	132,6	135,6
Сырая нефть	115,7	119,9	...	...
Нефтепродукты	117,7	130,2	...	...
Электроэнергетическая	128,9	148,1	163,1	177,6
Строительная	113,1	131,6	129,7	149,1
Обрабатывающая	127,2	149,2	159,8	173,7
Потребительские товары	119,2	139,5	...	...
Средства производства	134,2	157,7	...	...

* Подсчеты авторов.

водства электроэнергии на государственных электростанциях. При общем расширении объема промышленного производства на 62% выработка электроэнергии увеличилась на 78%. Если производство потребительских товаров в 1961—1964 гг. увеличилось на 39,5%, то производство средств производства за этот период выросло на 57,7%.

Одной из наиболее важных отраслей мексиканской промышленности является черная металлургия. Ныне на Мексику приходится свыше 30% производства черных металлов в Латинской Америке. По этому показателю она занимает второе место на континенте, уступая лишь Бразилии.

Ядро черной металлургии Мексики образует группа контролируемых государством компаний, среди которых наиболее важной является «Альтос орнос де Мехико» — технически совершенный мощный комбинат, дающий свыше 40% производимой в стране стали. Этот комбинат, которым не без оснований гордится мексиканский народ, наряду с другой крупной полугосударственной компанией «Фундидора де фьерро и асеро де Монтеррей» в производственном отношении связан с рядом предприятий, производящих разнообразный высокосортный прокат, находящий широкое применение в различных отраслях национальной экономики, а в последнее время частично экспортируемый в другие страны. Среди таких предприятий следует

особенно отметить крупный завод по производству бесшовных стальных и чугунных труб «Тубос де асеро де Мехико», обеспечивающий потребности развитой нефтегазовой промышленности страны. Создание мощного комплекса взаимоувязанных предприятий черной металлургии послужило основой развития многих других отраслей промышленности и транспорта.

Наряду с черной металлургией к числу наиболее динамичных и технически совершенных отраслей мексиканской промышленности относится нефтяная и нефтехимическая промышленность. Подобно комбинату «Альтос орнос» в черной металлургии, ядром и базой развития нефтяной и нефтехимической промышленности служит не менее известная государственная компания «Петролеос мекиканос» (сокращенно «Пемекс»), возникшая еще в конце 30-х годов в результате изгнания из страны иностранных нефтяных трестов и национализации нефти.

Компания «Пемекс» дорога мексиканскому народу: она символизирует и воплощает в своей практической деятельности его стремления к национальной свободе, к экономической независимости. Именно поэтому она окружена особым вниманием прогрессивной общественности, всех патриотических сил страны, оберегающих ее от приисков империалистической реакции и ее пособников.

Благодаря деятельности «Пемекс» нефть стала подлинным национальным достоянием, превратилась в мощный фактор экономического прогресса страны. По размерам добычи сырой нефти (20 млн. тонн в 1966 г.) Мексика прочно занимает второе место в Латинской Америке после Венесуэлы, а по производству некоторых ценных нефтепродуктов превосходит ее.

Большие изменения произошли в размещении нефтяной промышленности. Сравнительно недавно почти вся добыча и переработка нефти находились в одном районе — в центральной части побережья Мексиканского залива (города Поса-Рика, Туслан, Тампико). Отсюда большая часть нефти вывозилась за границу для рафинирования. В настоящее время быстро развиваются новые районы добычи и переработки нефти и природного газа на юго-востоке (Сьюдад-Пемекс) и северо-востоке страны (Рейноса). На тихоокеанском побережье появился первый крупный нефтеочистительный завод в г. Масатлан.

Большое значение приобрело строительство трубопроводов, облегчающих и удешевляющих доставку нефтепродуктов в основные районы их потребления.

Общая протяженность газо- и продуктопроводов превышает 11 тыс. км. Наиболее важными из них являются системы Поса-Рика — Ацкапотсалько — Саламанка, Минатитлан — Федеральный округ и Минатитлан — Салина Крус (с выходом к тихоокеанскому побережью). На северо-западе страны особое значение приобретает система трубопроводов, связывающих газо-нефте-

добывающий район г. Рейноса с торгово-промышленными городами Монтеррей, Монклова, Торреон.

Нефтяная промышленность теперь не только является основой энергетики страны, но и служит важной базой развития новой перспективной отрасли промышленности — нефтехимии. В стране уже функционируют десятки предприятий этой отрасли: наиболее важные из них находятся в городах Рейноса, Сьюдад-Мадеро, Саламанка, Минатитлан. Нефтехимическая промышленность в свою очередь служит основой новых отраслей в строительной и легкой промышленности (производство строительных материалов и изделия из пластических масс, синтетического волокна и т. д.).

С помощью компании «Пемекс», объединяющей все нефтехимические предприятия страны, уже построены и действуют заводы по производству важнейших химических продуктов (бензола, толуола, этилбензола, аммиака и т. д.).

В 1963 г. началось строительство еще десяти нефтехимических предприятий, среди которых наиболее важными являются заводы по производству этилена, полиэтилена и монохлорной уксусной кислоты. Общая стоимость работ составит 880 млн. песо. Нефтехимическая промышленность Мексики стала одной из самых притягательных отраслей для иностранных вкладчиков капитала. Многие предприятия этой отрасли построены и строятся на совместных началах с иностранным капиталом. Так, японская фирма «Токио инджиниринг» принимает участие в строительстве завода по производству азотных удобрений в г. Камарио (штат Чиуауа). Мощность этого предприятия составит 45 тыс. тонн в год, а стоимость его сооружения — 13,3 млн. долларов. Доля участия японской фирмы — 40%. Кроме того, английский банк предоставил Мексике кредит на приобретение оборудования для предприятий нефтехимической промышленности на сумму 800 млн. песо сроком на 15 лет.

В географическом отношении химическая промышленность сместилась к основным центрам добычи нефти и газа, расположенным вдоль побережья Мексиканского залива (города Рейноса, Тампико, Поса-Рика, Минатитлан, Сьюдад-Пемекс). Вместе с тем она получила дальнейшее развитие в центральном промышленном районе, обильно снабжаемом по трубопроводам нефтью и газом (города Мехико, Саламанка и др.).

После второй мировой войны на базе использования побочных продуктов коксового и металлургического производства сильно шагнула вперед основная химия. Главные центры черной металлургии — Монтеррей и Монклова стали важнейшими центрами химической промышленности.

В основной химии главную роль играет производство серной кислоты, которое базируется на богатейших залежах самородной серы Теунтепекского перешейка. По производству серной

кислоты (свыше 500 тыс. тонн) Мексика занимает первое место в Латинской Америке⁵. В стране имеется 13 сернокислотных заводов, 9 из которых расположены в районе г. Мехико. Установки по производству серной кислоты имеются и в северном районе — на металлургических заводах Монтеррея, Монкловы, Сан-Луис-Потоси и Нуэва-Росита. Более 60% вырабатываемой в Мексике серной кислоты идет на производство искусственных удобрений, главным образом сульфата аммония.

Ведущую роль в производстве удобрений играет государственная компания «Гуанос и фертилизантес», имеющая четыре завода (по производству сульфата аммония, суперфосфата, костяной муки и переработке гуано). Крупный завод по производству азотных удобрений расположен в г. Монклова. Он принадлежит компании «Фертилизантес де Монклова», в которой принимает участие французская группа.

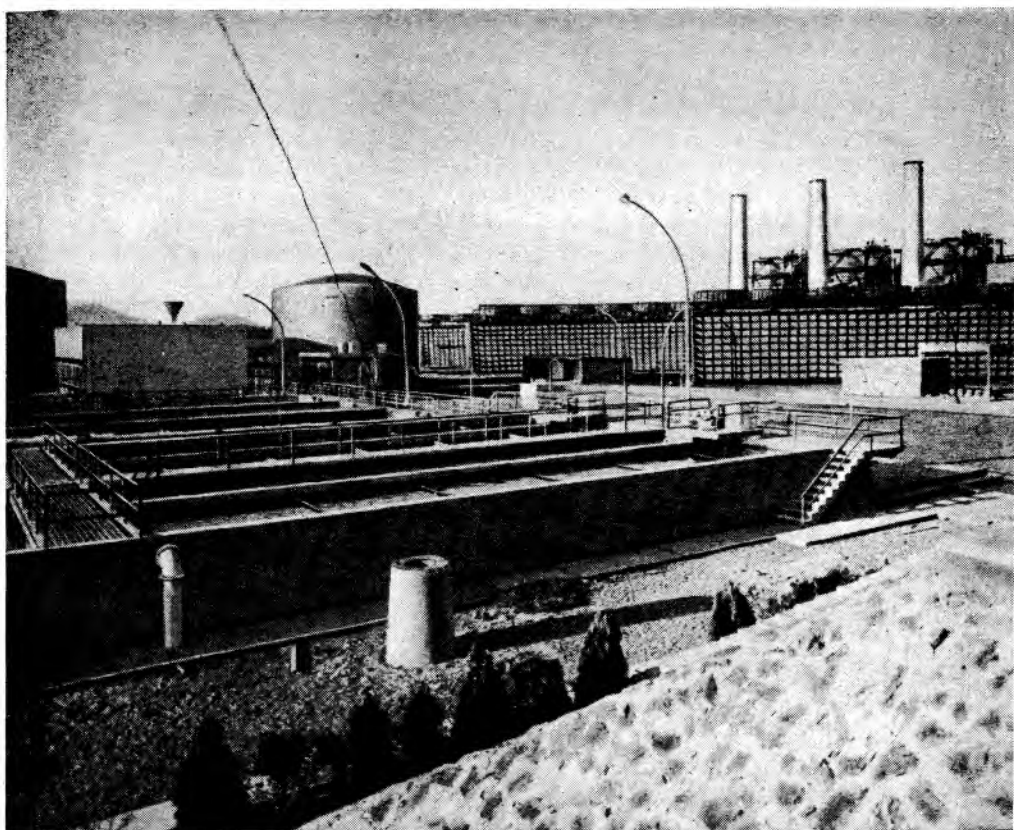
Важным звеном в развитии химической промышленности Мексики явился ввод в строй в 1962 г. крупнейшего в Латинской Америке химического комбината «Фертилизантес дель Истмо», включающего шесть предприятий по производству различных химических продуктов.

В результате ускоренного роста химической промышленности Мексика теперь в основном удовлетворяет свои потребности в удобрениях, искусственных волокнах и ряде других химических товаров. Более того, она выходит с этими продуктами на внешние (в основном латиноамериканские) рынки.

Воплощением прогрессивных тенденций в развитии национальной экономики Мексики служит также национализация и дальнейшее интенсивное развитие применительно к потребностям страны еще одной ключевой отрасли хозяйства — электроэнергетики.

Уже в 30-е годы в Мексике были предприняты первые шаги к созданию государственного сектора в этой отрасли в противовес мощным иностранным электрическим компаниям. Однако только в 1960 г. в результате выкупа их имущества удалось завершить национализацию электроэнергетики и тем самым создать необходимые предпосылки для ее скоординированного и более целенаправленного развития.

С 1950 по 1966 г. мощности всех электростанций страны увеличились с 1,2 млн. до 5,7 млн. киловатт, а производство электроэнергии — с 4,4 млрд. киловатт-часов до 19 млрд., или в 4,3 раза. В последние годы ежегодный прирост в выработке электроэнергии достигал 9—10%. По размерам производства электроэнергии Мексика уступает среди латиноамериканских стран лишь одной Бразилии. Так, в 1964 г. выработка электроэнергии в Латинской Америке в целом составила 92,5 млрд. киловатт-часов, из них на Бразилию приходилось 30,6 млрд. (32%), на Мексику — 15,8 млрд. (17%).

Теплоэлектростанция. Монтеррей

В стране ведется интенсивное строительство электростанций как в старых промышленных районах, так и в новых, развивающихся.

Особое значение приобретает укрепление электроэнергетической базы северных и северо-западных штатов страны, так как для этих районов Мексика вынуждена импортировать электроэнергию из США (в среднем 0,6 млрд. киловатт-часов в год, что составляет 4—5% к общей выработке).

На севере и западе страны завершается строительство ряда новых электростанций. Среди них «Тихуана» в штате Нижняя Калифорния (мощность 229 тыс. квт) и «Эль Новильо» в штате Сонора (90 тыс. киловатт). Среди уже введенных в эксплуатацию электростанций в других районах страны к числу наиболее крупных относятся «Эль Инферпилю» на границе штатов Мичоакан и Герреро (проектной мощностью свыше 600 тыс. киловатт), «Масатепек» в штате Пуэбла (200 тыс. киловатт), «Валье де Мехико» в штате Мехико (150 тыс. киловатт).

Свыше половины мощностей строящихся электростанций приходится на гидроэлектростанции. Одной из самых крупных ГЭС будет электростанция «Дружба» на пограничной с США реке Рио-Браво-дель-Норте, вблизи г. Вилья-Акунья (штат Коауила). В строительстве участвует капитал США. Доля участия мексиканского капитала составит 42%. Окончание ее строительства намечено на 1970 г.

С вводом в строй новых электростанций мексиканская экономика получит дополнительно значительное количество электроэнергии, которая позволит существенно ускорить процесс индустриализации страны.

На фоне значительных успехов, достигнутых Мексикой в развитии перечисленных отраслей промышленности, особенно отчетливо проявляются замедленные темпы роста горнорудной промышленности. Особенность этой отрасли состоит прежде всего в том, что она до настоящего времени ориентируется в сбыте своей продукции в основном на внешний рынок и, следовательно, все еще сильно зависит от капризов неустойчивой конъюнктуры мирового капиталистического хозяйства. Другая характерная черта горнорудной промышленности Мексики заключается в том, что в ней длительное время по существу безраздельно хозяйничал иностранный и монополистический капитал, главным образом США, в лице трех компаний: «Америкэн смелтинг энд рифайнинг К°», «Америкэн металл К°» и «Анаконда коп-пер К°». В последнем десятилетии объем добычи цветных металлов в общем почти не изменился. Так, в 1961—1964 гг. уровень производства в этой отрасли колебался в пределах 96—99% (1960 г. = 100) %.

Наблюдаемое в последнее время состояние застоя в добыче и экспорте цветных металлов в немалой степени объясняется

ухудшением условий их сбыта в США и других странах-потребителях. Другой существенной причиной неблагоприятного положения служит продолжительная интенсивная эксплуатация старых месторождений цветных металлов, что приводит к их истощению, вызывает необходимость, увеличения затрат на совершенствование методов добычи, на поиски новых районов. Однако на такие затраты иностранные монополии идут сейчас весьма неохотно.

В начале 1961 г. правительство Мексики приняло закон о так называемой мексиканизации горнорудной промышленности. Суть закона сводится к тому, чтобы побудить иностранные компании кооперироваться с национальным капиталом в форме «смешанных обществ», а в перспективе обеспечить формальное преобладание в акционерных обществах последнего. Ради установления такого чисто формального контроля иностранным монополиям сделаны новые уступки и предоставлены новые возможности. Нужно вместе с тем отметить, что новый закон оставляет в силе на ближайшие 25 лет все предыдущие соглашения о концессиях с иностранными компаниями. Таким образом, «мексиканизация» не решает проблемы зависимости одной из важнейших отраслей экономики страны от иностранного капитала. Скорее это мера, которая содействует закреплению на долгие времена его позиций в хозяйстве страны в новых несколько завуалированных формах.

* * *

Значительных успехов добилась Мексика и в области развития сельскохозяйственного производства. Его объем увеличился более чем в 4 раза по сравнению с довоенным уровнем. При этом в последнем десятилетии рост составил около 70%, между тем как по Латинской Америке в целом он не превышал 30%⁷.

На Мексику приходится до 15% производства пшеницы в Латинской Америке, свыше 20% кукурузы, 15% сахарного тростника и около 30% хлопка. Если 10—15 лет назад в мексиканском земледелии резко выделялись по значимости две потребительские культуры (кукуруза и фасоль), то теперь большую роль стали играть такие культуры, как хлопок, сахарный тростник, томаты.

В структуре современного сельского хозяйства Мексики можно выделить две основные группы культур — потребительские, предназначенные главным образом для местного рынка, и экспортные, реализуемые в значительной мере на внешнем рынке.

К первой группе относятся прежде всего кукуруза, бобовые, а также пшеница, ко второй — кофе, хлопок, сахарный тростник.

В группе продовольственных культур первое место по занимаемым площадям принадлежит кукурузе (около половины всей возделываемой площади в 1964 г.). Однако более половины посевов этой культуры приходится на эхидальные (общинные) хозяйства, которые являются менее продуктивными по сравнению с высокомеханизированными крупнокапиталистическими фермами. Поэтому на долю кукурузы приходится только 23% стоимости всей сельскохозяйственной продукции, в то время как сахарный тростник, занимая всего лишь 2,8% посевной площади, дает 19,6% всей стоимости⁸.

Культура кукурузы распространена в Мексике повсеместно. Несколько выделяется по объему производства только штат Халиско, который дает 25% всего ее сбора.

Почти 50% производства фасоли сосредоточено в трех штатах: Халиско, Веракрус и Сакатекас. Штат Сонора дает до 50% всего производства пшеницы. 73% урожая всех зерновых дают штаты Нижняя Калифорния, Синалоа и Гуанахуато. Все вышеперечисленные штаты относятся к старым районам мексиканского земледелия. Наряду с ними в стране сформировались новые важные области интенсивного товарного производства в северных и северо-западных штатах: Матаморос, Сонора, Синалоа, Мехикали и район Лагуны.

Из технических культур особенно большое значение имеют экспортные культуры — хлопок и хенекен. В настоящее время хлопок является одной из основных статей мексиканского экспорта, а Мексика — крупнейшим его производителем. Так, например, в 1964 г. на Мексику приходилось 4,3% мирового производства хлопка, что ставит ее на шестое место в мире по его производству.

Основными хлопководческими штатами являются Тамаулипас и Сонора. Хлопок выращивается на лучших орошаемых землях. Посевы хлопчатника в последние 20 лет увеличились в 3—3,5 раза, примерно в 2 раза возросла его урожайность. Сбор хлопка сейчас ежегодно составляет 450—500 тыс. тонн по сравнению с 70 тыс. тонн в довоенные годы⁹. До 75% его производства реализуется на внешнем рынке. По размерам экспорта хлопка Мексика стоит на третьем месте в мире (после США и ОАР).

Мексика является крупнейшим в мире производителем хенекена (около 90% мирового производства). Основной район плантаций этой культуры расположен на полуострове Юкатан.

Сахарный тростник — третья по значению в экспорте страны сельскохозяйственная культура (после хлопка и кофе). Сбор тростника достигает ежегодно 18 млн. тонн. Основные плантации этой культуры сосредоточены на побережье Мексиканского залива в штате Веракрус.

Вследствие большого разнообразия почвенно-климатических условий круг возделываемых в Мексике сельскохозяйствен-

ных культур весьма широк. Помимо вышеназванных, возделываются такие культуры умеренной зоны, как рожь, ячмень, картофель. С другой стороны, в жарких, южных районах выращиваются такие тропические культуры, как бананы, апельсины, ананасы. По сравнению с довоенным уровнем резко возросло производство томатов. В последние годы сбор их составлял в среднем 360 тыс. тонн. Такое резкое увеличение производства этой культуры объясняется, в частности, расширением спроса на томаты в США, а также развитием консервной промышленности. Более $\frac{2}{3}$ производства томатов приходится на пограничные и приморские штаты: Нижняя Калифорния, Синалоа, Тамаулипас и Веракрус.

Т а б л и ц а 2

Сбор основных сельскохозяйственных культур в Мексике
(тыс. тонн)¹⁰

Культура	1948—1952 гг.	1955 г.	1966 г.*	1967 г.*
Пшеница	534	850	2088	1851
Кукуруза	3090	4500	8678	9400
Фасоль	235	377	1173	1177
Хлопок	220	508	591	544
Кофе	70	93	180	174
Сахарный тростник	...	...	28083	28954
Хекекен	95	110	175	167
Рис	173	210	333	380

* 1963/66 и 1966/67 сельскохозяйственные годы.

Несмотря, однако, на довольно значительный прогресс в мексиканском сельском хозяйстве, оно все еще продолжает отставать от быстрорастущих потребностей страны, в чем и сказывается известная технико-экономическая отсталость отдельных районов сельскохозяйственного производства с преобладанием мелких крестьянских хозяйств, не получающих достаточной финансовой и технико-экономической помощи. Об известной отсталости сельского хозяйства свидетельствует хотя бы тот факт, что производительность труда в этой отрасли примерно в 6 раз ниже, чем в промышленности.

* * *

Каковы же основные факторы, позволившие Мексике добиться заметных успехов в развитии и частичной структурной перестройке своего национального хозяйства?

На этот счет существует несколько мнений. Среди них нередко можно встретить утверждение, что одним из решающих факторов, если не главным, ее «экономического броска» (как иногда называют сдвиги в хозяйстве страны, происшедшие в последние десятилетия) явились обильные поступления иностранной валюты, интенсивный прилив иностранных кредитов, частных инвестиций и т. п.

Надо сказать, что такое утверждение на первый взгляд не лишено известной солидности. Действительно, валютное положение Мексики выгодно отличается от многих других латиноамериканских стран, в частности Бразилии и Аргентины, испытывающих большие затруднения в своих внешних расчетах и нередко вынужденных прибегать к различного рода ограничениям в области импорта товаров, движения капитала и т. д.

Значительные валютные средства Мексика получает от своего довольно разнообразного по товарной номенклатуре экспорта; важным источником поступления валюты являются доходы от развитого иностранного туризма (как известно, Мексику ежегодно посещают сотни тысяч иностранных туристов); нельзя отрицать и того, что в формировании ее валютного фонда существенную роль играют заемные средства в виде иностранных кредитов и частных инвестиций. Все это дает стране возможность более или менее равномерно осуществлять закупки за рубежом необходимых для экономического развития товаров, вовремя рассчитываться с кредиторами и т. д.

Тем не менее точка зрения, приписывающая экономические достижения Мексики лишь одному этому фактору, представляется глубоко ошибочной и сама по себе ничего не объясняет. Более того, она как бы перечеркивает значение всех предыдущих этапов экономического развития страны, отрицает значение освободительной борьбы мексиканского народа, огромных созидательных усилий в области организации основ экономической самостоятельности страны.

Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающий анализ проблемы, попытаемся все же отметить некоторые из главных факторов экономического прогресса Мексики последних десятилетий.

Ее экономические достижения в настоящем уходят своими корнями в сравнительно недалекое историческое прошлое. Исходным моментом «экономического броска» явился как раз тот период, когда иностранный капитал вынужден был сворачивать свою деятельность в мексиканской экономике, когда иностранная валюта стала чрезвычайно дефицитной в результате бегства из страны иностранного капитала, экономического и кредитного бойкота Мексики.

Мы имеем в виду период Мексиканской революции 1910—1917 гг. и последующие за ней два десятилетия. Именно в тот

исторический отрезок времени в стране были заложены определенные основы для поступательного развития производительных сил, для изменения самой структуры производства в сторону ее большего приспособления к нуждам национального развития. Огромное значение в этом отношении имели аграрные преобразования. Несмотря на их в ряде случаев непоследовательный или ограниченный характер, в конечном счете они способствовали развитию внутреннего рынка, росту производительности труда населения, занятого в сельском хозяйстве, интенсификации товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней.

Аграрные преобразования сопровождались расширением помощи сельскохозяйственным производителям со стороны государства. В этом отношении особое значение имели систематические капиталовложения в гидротехническое и ирригационное строительство, в землеустройство. В условиях Мексики большая роль такого рода работ для развития сельскохозяйственного производства определяется тем обстоятельством, что на большей части территории страны земледелие требует организации искусственного орошения.

В настоящее время крупные ирригационные системы, построенные при непосредственном участии государства, охватывают площадь в 2,4—2,5 млн. га, что составляет около одной пятой пахотных угодий страны. Как уже упоминалось, в северных и северо-восточных штатах Мексики на орошаемых землях сложились новые крупные очаги товарного земледелия; они дают до половины сельскохозяйственной продукции страны, хотя занимают значительно меньший удельный вес в возделываемых площадях.

Помимо организации крупного гидротехнического и ирригационного строительства, государство оказывает определенную помощь сельскому хозяйству и в других формах. Еще с 20-х — 30-х годов в стране функционируют специализированные банки сельскохозяйственного кредита, одновременно содействующие сельским производителям в приобретении машин, инвентаря, удобрений, улучшенных семян и т. д. Определенное значение имеет также закупка у крестьян по так называемым гарантированным ценам части продовольственных товаров для снабжения городов, осуществляемая национальной компанией КОНАСУПО.

В последние годы государством были приняты серьезные меры к расширению местного производства искусственных удобрений для сельского хозяйства. Крупнейшими национальными предприятиями в этой области стали компании «Гуанос и Фертилизантес де Мехико», «Фертилизантес де Монклова» и «Фертилизантес дель Истмо». Важной сырьевой базой производства искусственных удобрений служат, в частности, отходы нефтяного и металлургического производства. Лишь за последние пять

лет объем производства удобрений вырос примерно в 3 раза; расширилась и его номенклатура. По производству удобрений Мексика заняла ведущее место в Латинской Америке.

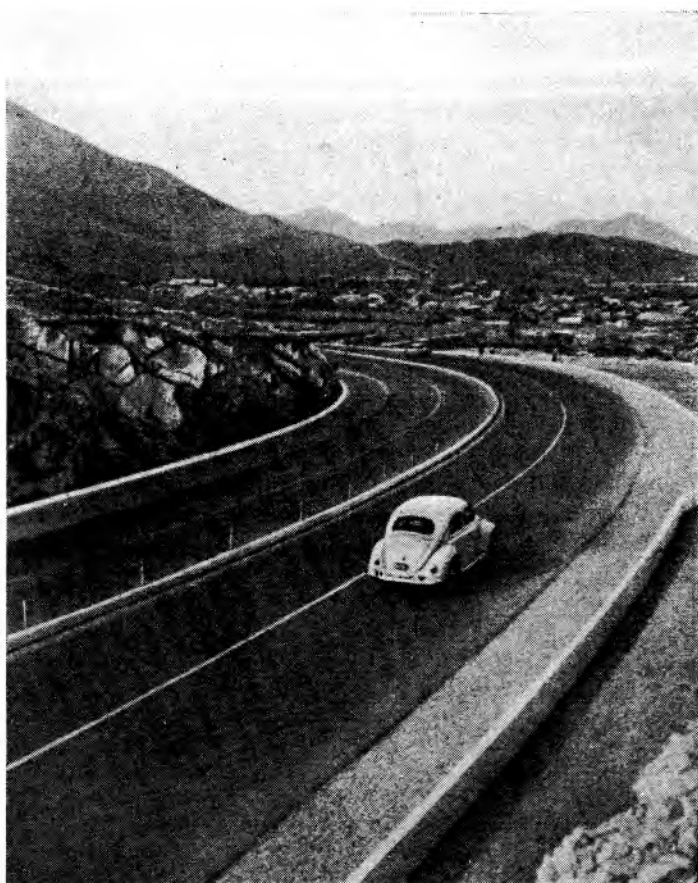
Существенную роль играет государство и в стимулировании промышленного развития Мексики. Трудно переоценить благотворное влияние на весь процесс индустриализации комплекса ведущих государственных компаний, созданных в ряде ключевых отраслей национального хозяйства. К ним относятся уже упоминавшиеся нами нефтяная компания «Пемекс», металлургический комбинат «Альтос орнос де Мехико» с группой смежных предприятий, машиностроительные предприятия в новом промышленном центре страны г. Ироло¹¹, национализированные предприятия электроэнергетической промышленности и ряд других.

В буржуазной литературе, посвященной экономическим проблемам развивающихся стран, в том числе латиноамериканским, широко пропагандируется тезис о решающих преимуществах и «особых возможностях» так называемой частной инициативы. Между тем, как нам представляется, именно опыт Мексики, как, впрочем, и некоторых других развивающихся стран, убедительно свидетельствует о ее ограниченных самостоятельных возможностях в решении сложных экономических проблем таких стран. Частное предпринимательство, движимое прежде всего эгоистическим интересом обогащения и наживы, неизбежно придает стихийный характер всему процессу развития, а это, как правило, не соответствует интересам скорейшего преодоления экономической отсталости, росту благосостояния широких слоев нации.

Довольно широкое и разнообразное по формам и методам вмешательство государства в экономику, в частности в промышленное производство, позволило ликвидировать ряд узких мест в системе национального хозяйства, унаследованных от прошлого периода, придать более целенаправленный характер развитию всей экономики.

Помимо прямого вмешательства в сферу производства, когда государство непосредственно организует и направляет деятельность тех или иных предприятий, в Мексике широко практикуются также косвенные методы воздействия на процесс промышленного развития. К ним, в частности, относятся меры протекционистской защиты местного рынка, система субсидирования и льготного кредитования предприятий, деятельность которых поощряется экономической политикой правительства. В системе регулирования промышленного развития большую роль играет крупнейшая в стране государственная финансово-кредитная корпорация «Насьональ финансьера» (сокращенно «Нафин»). Аккумулируемые этим банком финансовые средства, включая иностранные кредиты, используются затем для финансирования

Новое шоссе

и кредитования уже упоминавшейся категории предприятий, поощряемых правительственной политикой.

Есть еще одна важная сфера экономической деятельности государства в Мексике. Это — дорожно-транспортное строительство. Уже многие годы государство систематически вкладывает большие средства в реконструкцию железнодорожного транспорта, расширение сети шоссе и других грунтовых дорог. Доля таких затрат в общих расходах государства на цели экономического и социального развития достигает 30%. Широкая программа дорожно-транспортного строительства, рассчитанная на укрепление и развитие хозяйственных связей между различными районами страны, позволила Мексике преодолеть многие недостатки в ее прежней системе путей сообщения. Раньше большинство ее железных и шоссе дорог пролегало в меридиональном направлении — из центральной части страны (г. Мехико) к границе с США на север. Такая схема дорог в значительной мере определялась интересами экономической экспансии американских империалистических монополий. Ныне в Мексике уделяется большое внимание строительству дорог, соединяющих ее внутренние районы с западными и восточными. В целях облегчения вывозки сельскохозяйственных товаров из глубинных районов к главным магистралям, центрам потребления или портовым городам усиливаются также работы по строительству дорог местного значения.

* * *

Как видно из сказанного выше, мексиканский народ добился немалых успехов в развитии и укреплении своей национальной экономики. В основе этих успехов лежит не только большой созидательный труд, но и самоотверженная борьба против сил внешней и внутренней реакции за подлинное экономическое освобождение, немыслимое без серьезных социально-экономических преобразований, без ликвидации тяжелого наследия прошлых времен.

Вместе с тем нельзя не видеть того, что перед страной все еще стоят большие трудности; далеко не все ее проблемы, особенно в социальной области, получили должное разрешение. Социально-экономическое развитие Мексики, сопровождаемое проникновением в ее хозяйство иностранного капитала, прежде всего капитала США, носит противоречивый характер.

В критических исследованиях современной экономической обстановки в стране ряда видных мексиканских экономистов звучит тревога по поводу все еще значительной степени экономической и финансовой зависимости Мексики от империалистических монополий США и некоторых других государств, при-

водятся факты, показывающие появление в ряде случаев новых форм зависимости, раскрываются ее отрицательные экономические и социальные последствия. В этой связи привлекает, например, внимание работа мексиканского экономиста профессора Хосе Луиса Сесеньи «Монополистический капитал и мексиканская экономика».

Как видно из данных этой работы, а также из других довольно многочисленных источников, доминирующие позиции в мексиканской экономике занимает крупный капитал США. В середине 50-х годов из 1225 зарегистрированных в стране иностранных компаний 1129, или свыше 90% общего числа, принадлежали монополиям США.

Небезынтересно отметить, что проникновение капитала США в Мексику происходит более интенсивно, чем в другие страны Латинской Америки. Так, с 1950 по 1966 г. прямые частные капиталовложения США в этом районе в целом увеличились в 2,2 раза, а в Мексике — в 3 раза. Ныне в Мексике сосредоточивается около 12% всех прямых инвестиций США, приходящихся на Латинскую Америку. По их абсолютной величине в 1966 г. ее опережала в этом районе лишь одна Венесуэла (около 30%)¹². Структура американских (и вообще иностранных) инвестиций в Мексике претерпела существенные изменения. Еще в конце 40-х годов их основная часть приходилась на добывающую промышленность и коммунальное хозяйство (включая электроснабжение). Ныне иностранный капитал все более сосредоточивается в обрабатывающей промышленности, торговле и сфере обслуживания туристов. Так, например, с 1950 по 1966 г. прямые инвестиции США в горнодобывающей промышленности Мексики сократились на 10%, в предприятиях коммунального хозяйства — на 70%, между тем в обрабатывающей промышленности они возросли в 6 раз, в торговле — в 5,2 раза. На обрабатывающую промышленность приходится теперь до 65% всех иностранных инвестиций в стране¹³.

Такой поворот в направлении иностранных капиталовложений не случаен. Он отражает стремление империалистических монополий использовать в своих интересах предпринимаемые страной усилия в области индустриализации экономики. Принятые в целях ускорения развития новых отраслей промышленности специальные законы и постановления, предусматривающие большие льготы для предприятий, создаваемых в сфере обрабатывающей промышленности, распространяются не только на национальные предприятия, но и на так называемые смешанные компании с участием иностранного капитала. Именно поэтому все большее число иностранных фирм предпочитает теперь вкладывать капиталы в обрабатывающую промышленность и прикрывать свою деятельность национальной вывеской. Таким образом, политика индустриализации, основывающаяся на прин-

циях партнерства национального и иностранного капитала, объективно открывает новые большие возможности наживы для империалистических монополий. Вместе с тем она позволяет им сохранять, хотя и в иных формах, чем ранее, известный контроль над развитием местной промышленности.

Мы не говорим о тех многочисленных отрицательных последствиях деятельности крупнейших американских монополий, которые дают о себе знать в сфере идеологии и общественно-политической надстройки страны (насаждение «культуры иностранного», обработка общественного мнения под видом коммерческой рекламы, пропаганда американского образа жизни и прочее). Все это на конкретных материалах убедительно показано в вышеупомянутой работе Хосе Луиса Сесеньи.

Остро стоят в Мексике и некоторые другие социально-экономические проблемы, в том числе проблема более рационального использования и равномерного распределения национального дохода среди определенных социальных групп.

Экономическое развитие страны все еще протекает в таких формах, которые существенно затрудняют, а иногда и вовсе исключают возможность выравнивания доходов различных категорий населения, препятствуют повышению благосостояния широких трудящихся масс города и деревни. Об остроте и важности этой проблемы свидетельствуют, в частности, следующие данные, заимствованные нами из специального исследования Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА): в 1957 г. 50% наименее обеспеченного населения страны получали лишь 15,8% всей суммы личных доходов, причем на долю 34,8% приходилось всего лишь 9,2%. С другой стороны, 5% населения, представляющие привилегированные социальные группы, сосредоточивали в своих руках 36,7%, из них 2% получали 20,5% суммарной величины всех личных доходов¹⁴. Аналогичные сведения приводятся в некоторых других исследованиях, в частности в интересной критической работе мексиканского экономиста Рамона Рамиреса Гомеса «Тенденции развития экономики Мексики». Автор замечает, что в 1959—1961 гг. положение в области распределения доходов почти не изменилось и оставалось крайне неблагоприятным для многочисленных групп населения¹⁵.

Определяющим фактором в первичной (определяющей) фазе распределения национального дохода является, как известно, характер и форма собственности на основные средства производства, в том числе на землю. Концентрация экономической мощи в руках немногих лиц (крупных землевладельцев, представителей частного, промышленного, банковского и торгово-посреднического капитала, весьма развитого в Мексике) является, следовательно, основной причиной глубоких диспропорций в распределении национального дохода. Высокая концентрация

доходов в руках узкой группы лиц оказывает отрицательное влияние не только на положение широких социальных слоев, чьи доходы оказываются резко урезанными, но и на сам процесс экономического развития, поскольку использование существенной части национального дохода поставлено в зависимость от интересов частных лиц. То или иное разрешение этой весьма сложной социально-экономической проблемы во многом, если не в решающей степени, будет определять судьбы дальнейшего развития мексиканской нации.

¹ «Nacional Financiera, S. A. Informe anual correspondiente a 1964». México, 1965, D. F., p. 152, 154. CEPAL. «Estudio económico de América Latina, 1966». Segunda Parte. Caracas, 1967, p. 255, 266.

² «Quarterly Economic Review». México. Annual Supplement. London, 1967, p. 4.

³ U. N. CEPAL. «Estudio económico de América Latina, 1964», vol. 1, Capítulo III. México, Mayo de 1965, p. 92.

⁴ «Nacional Financiera, S. A. Informe anual correspondiente a 1964», p. 152.

⁵ «Comercio Exterior», Marzo de 1966, p. 217.

⁶ «Nacional Financiera, S. A. Informe anual correspondiente a 1964», p. 152.

⁷ «6 años en el comercio exterior». México, 1964.

⁸ «Comercio exterior», Marzo de 1966, p. 230.

⁹ «6 años en el comercio exterior», p. 164.

¹⁰ «Quarterly economic review». México, 1966, № 1, p. 8; «Quarterly Economic Review». México. Annual Supplement. London, 1967, p. 4.

¹¹ В этом старояндеевском городке в послевоенные годы появились вагоностроительный завод, предприятия по производству дизельных средств транспорта и текстильного оборудования.

¹² «Survey of current business», September de 1965, p. 24.

¹³ «Survey of current business», August de 1965; September 1965, p. 24.

¹⁴ U. N. ECLA. «The economic development of Latin America in the post-war period», vol. II, Mar del Plata, Argentina, May 1963, p. 154.

¹⁵ Ramon Ramirez Gomez. Tendencias de la economía mexicana. México, 1962, p. 77—78.

ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА МЕКСИКАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Буржуазные идеологи Мексики в настоящее время обращают все большее внимание на роль и поведение пролетариата. Наряду с пропагандой «классовой гармонии» и «социальной подвижности общества» в документах правящей Институционно-революционной партии (ИРП) и в высказываниях видных буржуазных социологов все чаще упоминается о классовом неравенстве и борьбе. В апреле 1965 г. на IV ежегодной Национальной конференции ИРП была принята даже специальная резолюция «О совершенствовании форм деятельности профсоюзов с целью развития классовой борьбы»¹. Однако мексиканские буржуазные социологи весьма своеобразно толкуют характер классовой борьбы, доказывая, что в Мексике эта борьба носит мирные формы и по сути дела является сотрудничеством классов под руководством государства.

В выступлении видного идеолога Хесуса Рейеса Эрولиса, огражающего точку зрения ИРП, подчеркивалось: «Наша партия не является партией одного класса, это партия нескольких классов. В ней представлены различные классы и социальные слои»². По признанию Эрولиса, «в Мексике существуют классовые конфликты», но задача состоит в том, чтобы «направить эту борьбу в мирное русло»³ в соответствии с традициями и идеалами «перманентной революции». Только таким путем достигается поступательное развитие всего революционного процесса.

При этом Эрولис пытается замаскировать реальные классовые противоречия путем подмены их противоречиями между так называемыми новыми и старыми силами⁴. Тем не менее сам факт признания идеологом правящей партии того, что по-

ятие «социальный мир» требует ввести «разногласия и борьбу между классами» в мирное русло, говорит о том, что этого удастся достичь далеко не всегда.

В последние годы вследствие быстрого капиталистического развития, с одной стороны, под влиянием успехов мировой социалистической системы и победы Кубинской революции, с другой, классовые противоречия в Мексике стали неудержимо обостряться. Это нашло свое отражение в подъеме рабочего, крестьянского и всего демократического и антиимпериалистического движения.

Первым сигналом этого послужили крупные выступления мексиканского пролетариата в 1958—1959 гг. Забастовки конца 50-х годов, охватившие всю страну, имели ярко выраженную политическую направленность. Они явились началом нового этапа в рабочем движении Мексики — борьбы за независимость профсоюзов, попавших в силу определенных социально-политических условий под идеологический и организационный контроль буржуазии, способствовали росту классового самосознания пролетариата. В ходе упорной борьбы были созданы независимые профсоюзные организации — Национальный совет железнодорожников, Революционное движение работников просвещения и ряд других⁵.

Первые успехи рабочих в борьбе за независимость своих классовых организаций не на шутку встревожили правящие круги. В конфликт немедленно вмешались власти. В результате террора и полицейских репрессий рабочие вынуждены были отступить. Многие рабочие и демократические деятели были брошены в тюрьмы. Допустили серьезные тактические ошибки и сами рабочие организации, что облегчило победу реакции. Удар, нанесенный буржуазией, осложнил дальнейшее развитие рабочего движения, однако полностью остановить его не смог. Постепенно борьба против контроля предпринимателей и государства над профсоюзами вновь стала нарастать, способствуя росту радикализации широких трудящихся масс. Активизировалось также и крестьянское движение. В январе 1963 г. был создан Независимый крестьянский центр (НКЦ). Изменились настроения интеллигенции и вообще средних слоев города, которые начали переходить на более прогрессивные позиции. Усилилась демократическая и антиимпериалистическая борьба, наметилась тенденция к объединению демократических кругов. Серьезным шагом на пути к консолидации прогрессивных и демократических сил явилось создание в декабре 1961 г. общенациональной демократической организации — Движения за национальное освобождение (ДНО).

Наметились противоречия и в рядах самой правящей партии, целый ряд членов ИРП поддержал Движение за национальное освобождение.

Все это способствовало расширению социальной базы демократического и антиимпериалистического движения в Мексике, создавало более благоприятные условия для развития классовой борьбы.

Таким образом, сложилась довольно противоречивая обстановка, когда, с одной стороны, буржуазии удалось отстоять свои экономические и политические позиции, но, с другой, наметилась четкая тенденция к обновлению и радикализации массового демократического и рабочего движения, освобождению профсоюзов от пут буржуазной идеологии и организационного контроля государства.

В этих условиях перед мексиканским пролетариатом встала задача организовать массы на дальнейшую борьбу за политическую самостоятельность своих организаций, в защиту экономических интересов трудящихся против экспансии империализма США и наступления местной буржуазии.

На этом пути пролетариат и его партия встречают большие трудности. Особенно тяжелое положение сложилось в профсоюзах. Мексиканское профсоюзное движение до настоящего времени находится под значительным контролем правящих буржуазных кругов, которые стремятся использовать его в своих интересах. Многие профсоюзы возглавляются правыми лидерами, тесно связанными с правящей буржуазией и превратившимися в проводников реформизма среди рабочего класса. Как указывается в прогрессивной мексиканской печати, профсоюзных прав и демократии в Мексике фактически не существует⁶. Продажная профбюрократия, выполняя волю буржуазии, привела профсоюзное движение Мексики к глубокому расколу. В стране имеется восемь центральных союзов, несколько сот федераций и многочисленные автономные профсоюзы, объединяющие в общем 1,2 млн. человек, что составляет менее 10% всего самодеятельного населения⁷. Основная масса мексиканских трудящихся фактически не организована, что крайне затрудняет их борьбу за свои права и интересы.

Серьезным тормозом на пути мексиканского рабочего движения является также гибкая и умелая политика правящих кругов в рабочем вопросе. Политически изопренная правящая буржуазия Мексики прибегает к различного рода маневрам, чтобы удержать под своим контролем рабочий класс. С одной стороны, с помощью государственного аппарата и угодной ей профсоюзной верхушки она все активнее вмешивается в трудовые конфликты, пытаясь смягчить противоречия между рабочими и предпринимателями, под давлением рабочих нередко идет на определенные уступки, частично улучшающие их положение.

Так, в начале 60-х годов конгрессом Мексики были приняты некоторые поправки к трудовому законодательству. В частности, в конце 1962 — начале 1963 г. были сделаны изменения

и 123-й статье конституции «Об участии рабочих в распределении прибылей предприятий», «О минимальной заработной плате», «Об увольнении», устанавливающие создание соответственных комиссий из представителей правительства, рабочих и предпринимателей, что в известной степени увеличило права рабочих в регулировании трудовых отношений. Были приняты также законы «О равной оплате женского труда», «Об ограничении труда подростков», проведены отдельные мероприятия в области системы народного образования, медицинского обслуживания.

Однако эти мероприятия носят весьма ограниченный характер, так как содержат целый ряд оговорок, значительно снижающих их эффективность. К тому же новые законодательные установки нередко нарушаются предпринимателями. Утаивается большая часть прибылей предприятий, не выдерживается гарантийный уровень минимальной заработной платы и т. д.⁸ Нарушаются предпринимателями и другие прогрессивные реформы об оплате труда. В частности, чтобы избежать двойной оплаты сверхурочных часов работы женщин, установленной в соответствии с поправкой Федерального закона о труде, они прибегают к различного рода уловкам, запрещающим женщинам работать сверхурочно⁹. Тем не менее налицо тот факт, что буржуазия не боится идти на определенные уступки ради сохранения своих позиций, что, в общем говоря, дает свой эффект. Но это лишь одна сторона тактики мексиканской буржуазии.

С другой стороны, правящие круги все чаще прибегают к антирабочему законодательству. Например, широко используется закон о так называемой несуществующей забастовке, по которому хунты по примирению и арбитражу могут объявить «несуществующей» любую забастовку. Практически этот закон сводит почти на нет действенность забастовок. «Право на забастовку до такой степени контролируется правительством, что забастовки возникают только в исключительных случаях. Законодательные ограничения, а также применение репрессивного аппарата почти полностью ликвидируют это право рабочих»¹⁰, — пишет орган компартии «Нуэва эпока». Не случайно, что средний процент забастовок, объявленных в течение года «несуществующими», заметно растет: 1939—1944 гг. — 10%, 1945—1950 гг. — 30,5%, 1961 г. — 34%¹¹.

Одновременно предприниматели широко используют против рабочих специальный пункт трудового законодательства «об исключении из профсоюза», позволяющий изгонять с предприятия всякого революционно настроенного рабочего. Организируются преследования прогрессивных лиц и на основе так называемого закона о преступлении против общественного порядка и т. д.

Ограничение профсоюзной демократии, всевозможные юридические помехи на пути к сплочению отдельных отрядов

рабочего класса, а также спекуляция на частичных уступках и многолетняя проповедь тезиса о «непрерывности мексиканской революции» и «гармонии классов» наносят большой ущерб разворачиванию активной борьбы мексиканского пролетариата. Рабочему движению Мексики до сих пор присущи известная организационная слабость, разобщенность, преобладание экономических требований над политическими.

Наметившиеся в последние годы некоторые новые объективные тенденции, и прежде всего сдвиги, происходящие в структуре и концентрации пролетариата, положительно сказываются на развитии мексиканского рабочего движения, создают предпосылки для нового подъема борьбы пролетариата, укрепляют основу для объединения профсоюзов на классово-революционной основе.

Рабочий класс Мексики представляет в настоящее время внушительную социальную силу. По данным переписи населения 1960 г., он насчитывает в своих рядах 5797 тыс. человек, составляющих 51,1% самостоятельного населения¹². С ростом промышленности и особенно ее тяжелых отраслей значительно возрос промышленный пролетариат. До второй мировой войны в обрабатывающей промышленности было занято всего лишь 262 тыс. человек, причем около 50% из них работали на мелких слабооснащенных в техническом отношении предприятиях. К 1950 г. число рабочих обрабатывающей промышленности выросло до 569 тыс., а к 1960 г. — до 1074 тыс., т. е. более чем в 4 раза, в то время как все население страны увеличилось лишь в 2,1 раза, а самостоятельное — в 2,2 раза¹³.

В целом промышленный пролетариат Мексики составил в 1960 г. 1548 тыс. человек, или 13,5% самостоятельного населения страны. Изменилась и сама структура промышленного пролетариата.

Сравнительно быстрый процесс индустриализации, развитие металлургической и ряда новых отраслей, таких, как нефтехимическая, химическая, цементная, электротехническая, вызвали

Сдвиги в структуре промышленного пролетариата Мексики¹⁴

Отрасль	1950 г.		1960 г	
	Число рабочих (тыс чел.)	%	Число рабочих (тыс чел.)	%
Вся промышленность . . .	840	100	1548	100
В том числе:				
Добывающая	76	9,2	115	7,4
Обрабатывающая	569	67,7	1074	69,4
Строительная	183	21,7	338	21,8
Электричество, газ	12	1,4	21	1,4

не только абсолютное, но и относительное увеличение численности рабочих обрабатывающей промышленности, которые в настоящее время составляют примерно 70% всего промышленного пролетариата. В то же время процент горняков снизился, а остальных категорий — остался на прежнем уровне (при их абсолютном увеличении).

В связи с развитием транспорта, торговли и сферы услуг произошло существенное увеличение и остальных отрядов городского пролетариата. За указанное десятилетие число рабочих-транспортников выросло с 78 тыс. до 224 тыс., торговых рабочих — с 23 тыс. до 80 тыс., рабочих, занятых в сфере обслуживания, — с 375 до 623 тыс. человек. В целом, таким образом, городской рабочий класс Мексики увеличился на 1 млн. человек: с 1529 тыс. до 2525 тыс.¹⁵

Надо отметить, что число сельских рабочих также значительно увеличилось — с 1418 тыс. до 3272 тыс.¹⁶

Одновременно возросла концентрация рабочих в промышленных центрах, на крупных предприятиях важнейших отраслей экономики, принадлежащих преимущественно государственному сектору. По подсчетам Мексиканского института социального обеспечения, 63,1% городского пролетариата фабрично-заводской промышленности работает на предприятиях с числом занятых более 50 человек, из них 22% рабочих трудится на крупнейших фабриках с числом занятых более 500 человек¹⁷. В отдельных городах (Монтеррей, Монклова, Саагун, Сьюдад-Пемекс и др.) возникли крупные промышленные комплексы черной и цветной металлургии, транспортного оборудования, добычи и переработки нефти и другие, насчитывающие до 3—10 тыс. занятых.

Усиливается и территориальная концентрация мексиканского пролетариата в наиболее развитых районах страны (центральной и северной). Только в одном Федеральном округе сосредоточен 61% всех промышленных рабочих Мексики¹⁸. Рост численности и концентрации мексиканского пролетариата способствует укреплению единства рабочего класса, повышению его политической сознательности и организованности.

В связи с дальнейшим развитием капитализма в стране важные процессы происходят также в динамике экономического положения рабочего класса. Определенные уступки, которых в упорной борьбе добились мексиканские трудящиеся, коснулись в основном рабочих главных отраслей промышленности, занятых на крупных национализированных и иностранных предприятиях с современным оборудованием и организованных в крупные профсоюзы, имеющие боевые традиции борьбы. Об этом свидетельствует как значительная разница в тарифных ставках оплаты одного и того же труда в различных отраслях промышленности, так и неравномерное распределение

выплат по социальному обеспечению. Высокая доля оплаты труда в форме выплат из средств социального обеспечения (в среднем до 10—15%) существенно влияет на увеличение реальных заработков только отдельных категорий рабочих и служащих¹⁹.

Показательны в этом отношении расчеты, сделанные нами на основании данных промышленной переписи 1961 г. о заработной плате рабочих отдельных отраслей обрабатывающей промышленности. Так, если среднегодовая номинальная заработная плата рабочего в этой отрасли (за вычетом выплат из средств социального обеспечения) составила 8,5 тыс. песо, то в нефтяной промышленности она была равна 21,7 тыс. песо, в электроэнергетической — 13,7 тыс., на остальных государственных предприятиях — 10,3 тыс., а на частных — только 7,6 тыс., в строительной отрасли — 7,7 тыс. песо²⁰. Рабочие с относительно высокой заработной платой получают, как правило, и наибольшую долю дохода в форме выплат из средств социального обеспечения: рабочий нефтяной и электроэнергетической промышленности — 15,8 тыс. и 10,3 тыс. песо соответственно. В то же время в среднем по обрабатывающей промышленности эта доля составляет 2 3 тыс. песо, на остальных государственных предприятиях — 3 5 тыс., на частных — 1,5 тыс. песо; в строительной промышленности, где подавляющая часть рабочих занята по временным контрактам и в основном не объединена в профсоюзы, — всего лишь 0,3 тыс. песо²¹.

Таким образом, заработная плата рабочего-нефтяника (учитывая выплаты по социальному обеспечению) примерно в 3,4 раза выше средней заработной платы рабочего обрабатывающей промышленности, в том числе рабочего государственных предприятий — в 2,7 раза и частных — более чем в 4 раза. Соответственно выше и заработная плата рабочих электропромышленности.

Реформа закона «о распределении прибыли предприятия» не принесла сколько-нибудь заметного увеличения заработной платы основной массы рабочих. Как показал первый год проведения в жизнь этой реформы, она коснулась только рабочих крупных промышленных предприятий, таких, как «Альтос орнос де Мехико», «Фундидора де иерро и асеро де Монтеррей», «Американ смелтинг энд рифайнинг К°» и других²².

На небольших предприятиях, имеющих каждое до 300 тыс. песо прибыли в год, установленные для распределения между трудящимися 20% чистой прибыли предприятия (вычитаются личная прибыль предпринимателя, капитал для реинвестиции и налоги) составляют ничтожно малую величину. При этом подавляющая часть рабочих и служащих страны не получает дополнительной оплаты в форме распределяемой прибыли предприятия, так как предприниматели или скрывают дейст-

вительный размер получаемой прибыли, или находят возможности вообще не производить ее распределения. По свидетельству председателя Конфедерации трудящихся Мексики, из 40 тыс. предприятий только 3 тыс. заявили в министерство финансов о своих прибылях за 1963 г.²³ Прогрессивный мексиканский журнал «Политика» указывает, что примерная сумма в 700 млн. песо, распределенная среди трудящихся, едва достигает 1% всех прибылей, полученных капиталистами Мексики в 1963 г.²⁴

Незначительно влияют на заработки широких масс трудящихся и повышения официальных минимумов заработной платы. Гарантийные ставки трудящихся городов на 1964—1965 гг. далеко не соответствовали минимальным потребностям семьи рабочего, хотя и были выработаны в отличие от прошлых лет с учетом социально-экономических особенностей отдельных районов. На основании опроса, проведенного Институтом экономических и социальных исследований, необходимые затраты рабочей семьи из пяти человек в Федеральном округе (г. Мехико) в те годы составляли 36,04 песо в день, а официальный минимум заработной платы был равен только 21,5 песо. При этом, как пишет журнал «Политика», институт использовал для исследования заниженные официальные оценки стоимости жилья, питания и т. д. и не учитывал расходов на образование. Следовательно, необходимые потребности рабочей семьи были еще выше²⁵.

Как показали исследования буржуазных ученых, наблюдающийся в Мексике разрыв в оплате труда является одним из значительнейших среди латиноамериканских стран²⁶. Он достигает нередко 200—300%²⁷. Постоянный квалифицированный рабочий на современных предприятиях в г. Саагун, например, получает 65 песо в день (включая выплаты по социальному обеспечению), временный же рабочий, не входящий в профсоюз, только 30% эти суммы²⁸. В сахарной промышленности средняя ежедневная заработная плата квалифицированного рабочего в 2,5—3 раза выше заработной платы неквалифицированного рабочего²⁹. Реальная заработная плата в день неквалифицированного рабочего в Федеральном округе равна 20—25 песо, а в 100 км от него — только 5—10 песо³⁰. Заработная плата рабочих одинаковой квалификации в центре и на севере страны значительно выше, чем в остальных ее районах.

Эта неравномерность используется предпринимателями для получения дополнительных прибылей, усиления эксплуатации, сохранения низкого уровня оплаты труда основной массы пролетариата. По сведениям мексиканской буржуазной печати, значительная часть городских рабочих не получает гарантированного минимума заработной платы, который и так далеко не соответствует необходимым потребностям. В Федеральном ок-

руге, например, в 1964 г. 23 % рабочих обрабатывающей промышленности, 40 % рабочих-строителей, 20 % рабочих транспорта, 22 % работников торговли и 64 % рабочих, занятых в сфере обслуживания³¹, имели ставки ниже минимальных. Официальный опрос 1961—1962 гг. показал, что доходы около 70 % экономически активного населения, живущего в городах, не достигают среднемесячного прожиточного минимума в 1000 песо.

Структура экономически активного городского населения Мексики в зависимости от среднемесячного дохода³²

Среднемесячный доход (песо)	Городское экономически актив- ное население (в %)
До 300	20,6
301—500	30,0
501—750	17,9
751—1000	14,4
1001—2000	12,0
Свыше 2000	5,1

В то время как оплата труда основной массы мексиканских рабочих остается весьма низкой, происходит усиление их эксплуатации, которая, по подсчетам буржуазных ученых, за период 1940—1960 гг. выросла на 134 %³³. Усиление эксплуатации проявляется в росте интенсификации труда и увеличении в связи с этим производственного травматизма.

С 1942 по 1962 г. число несчастных случаев в нефтяной промышленности, например, возросло в 4,5 раза, в текстильной с 1952 по 1962 г. — в 1,6 раза³⁴.

Высок процент травматизма и в горнодобывающей промышленности, особенно на мелких и средних шахтах со старым оборудованием и низкой техникой охраны труда. Так, по словам одного из социологов, посетившего серебряные и золотые рудники муниципалитета Гуанахуато, там в результате обвалов погибает ежегодно в среднем 4—5 человек на каждую тысячу жителей. Высокий процент травматизма на этих шахтах сочетается с почти поголовным заболеванием горняков силикозом. Тяжелые условия труда и профессиональные заболевания сокращают жизнь шахтеров. Редки случаи, когда горняки Гуанахуато доживают до 50 лет³⁵.

На положение мексиканских трудящихся все большее влияние оказывает рост безработицы, наблюдающийся в стране в последние годы. По официальным данным, число безработных в Мексике в 1950—1960 гг. увеличилось почти в 2 раза³⁶. Рост безработицы связан с кризисом в ряде старых отраслей мексиканской промышленности, таких как текстильная и горнодобывающая. Эти отрасли уже в течение нескольких лет работают

на неполную мощность, многие предприятия закрываются, что влечет за собой массовое высвобождение рабочих рук. Несмотря на постоянное увеличение безработицы, число полностью безработных еще относительно невелико (138 тыс. человек). Наиболее серьезной проблемой в Мексике, как и в ряде других латиноамериканских стран, является, однако, проблема «скрытой» и частичной безработицы. К такого рода безработным (*subocupados*) относятся лица, ищущие в первый раз работу, занятые неполный рабочий день или имеющие случайную работу. Она вызвана значительными размерами миграции из села в город, превышающими возможности мексиканской промышленности в использовании рабочей силы. По подсчетам мексиканских экономистов, в 1962 г. в стране насчитывалось 1,5 млн. частично безработных³⁷. Такое количество свободных рук или имеющих временную работу не может не оказывать давления на заработки занятых рабочих.

Низкие доходы мексиканского пролетариата определяют и низкий уровень материальных условий его жизни. Выросшие в связи с общим социально-экономическим развитием страны потребности рабочих удовлетворяются только частично, так как подавляющую долю своего заработка рабочий вынужден тратить на питание, жилье и другие самые необходимые расходы. Только на питание и одежду мексиканский рабочий расходует 70,9% своего годового заработка³⁸. Одновременно он экономит на питании. По переписи населения Мексики 1960 г., 6,25% городского населения страны не едят хлеба, 6,17% — мяса, рыбы, молока и яиц, 58,63% не имеют обуви. По отдельным штатам этот процент еще выше³⁹.

Тяжелы и жилищные условия мексиканских рабочих. Низкие заработки и высокая плата за квартиры, а также острая нехватка жилищ в стране⁴⁰ вынуждают рабочих ютиться в трущобах, не отвечающих самым элементарным санитарным требованиям. В поясах нищеты, или так называемых пролетарских колониях, проживает третья часть населения г. Мехико, свыше 1,75 млн. человек⁴¹.

Строительство жилых домов, осуществляемое в стране в последние годы на основе планов, намеченных правительством, далеко не обеспечивает потребности трудящихся. Во-первых, потому, что из-за нехватки финансовых средств эти планы осуществляются только частично. Во-вторых, дома строятся в основном на кооперативных началах и под высокие проценты, что делает их малодоступными широким слоям рабочих и служащих, имеющим низкие заработки. Так, по подсчетам Национального института жилищного строительства, относительно дешевые жилища для трудящихся, предусмотренные к строительству на 1967 г., смогут приобрести имеющие доходы от 1200 — 3000 песо в месяц, или 8% всех нуждающихся в жилье⁴².

Таким образом, экономическое положение мексиканских рабочих в последние годы характеризуется еще большей эксплуатацией и крайне тяжелыми материальными условиями жизни. Это заставляет их активизировать борьбу за свои экономические и политические права и интересы.

Несмотря на все попытки правящих кругов задержать развитие забастовочной борьбы, она постепенно нарастает. Так, если в 1963 г. в стране было официально зарегистрировано 26 тыс. забастовщиков, то к 1965 г. их число выросло до 50 тыс.⁴³ При этом борьба пролетариата приобретает некоторые новые черты, разнообразнее становятся ее формы, методы и тактика. Основную роль в борьбе по-прежнему играют фабрично-заводские рабочие, горняки, рабочие транспорта.

Главным направлением борьбы мексиканского пролетариата является экономическая борьба. В связи с развитием системы коллективных договоров рамки этой борьбы значительно расширились. Рабочие не ограничиваются только борьбой за повышение заработной платы, они выступают за улучшение условий труда, социального обеспечения и удовлетворение других требований. Последние годы отмечены целым рядом таких выступлений, носивших часто упорный и затяжной характер и нередко кончавшихся успешно.

В 1961 г. свыше четырех месяцев бастовали 1800 рабочих-текстильщиков компании «Индустрия Веракрусана»⁴⁴. В марте 1962 г. 55 тыс. рабочих 320 текстильных фабрик страны в результате 13-дневной забастовки добились значительных уступок со стороны предпринимателей: повышения заработной платы, признания права на пенсию, создания гарантийного фонда для выплаты возмещений увольняемым по вине предпринимателя и других уступок⁴⁵. В июне-июле 1963 г. бастовали 2700 горняков шахты компании «Фриско С. А.», в Сан-Франциско дель Оро (штат Чиуауа). Они добились пересмотра коллективного договора, увеличения на 13% заработной платы и на 11% — ставок за сдельные работы⁴⁶. Победой рабочих закончилась забастовка и на предприятии «Индустриас унидас де Нуэво Ларедо» (штат Тамаулипас)⁴⁷, продолжавшаяся с февраля по сентябрь 1963 г.

В апреле 1965 г. выступили 2 тыс. горняков компании «Фреснильо» с требованием повысить на 40% заработную плату⁴⁸. В ноябре-декабре 1965 г. около месяца бастовали шоферы 130 автобусных линий Вилья — Мадеро — Глориета — Класа, получившие поддержку шоферов других автобусных линий страны. Забастовка закончилась соглашением о повышении рабочим на 7,7—11,2 песо в день заработной платы, об оплате сверхурочных часов работы и компенсации при несчастных случаях⁴⁹.

В феврале 1966 г. бастовали 660 рабочих-металлургов предприятия стальных конструкций в г. Монтеррей, требуя увели-

чения заработной платы на 30% и улучшения условий труда⁵⁰. В декабре с экономическими требованиями выступили 1300 строителей в г. Матаморос (штат Тамаулипас)⁵¹. Тогда же успешно закончилась забастовка 800 рабочих на фарфоровой фабрике «Эль Анфора», продолжавшаяся в течение месяца. Кроме повышения основного заработка, трудящиеся добились гарантий на 100-процентную компенсацию при несчастных случаях на производстве, на предоставление более легкой работы в случае профессиональных заболеваний, на оплаченные отпуска, обеспечение спецодеждой и удовлетворение других требований⁵².

В те же годы решительную борьбу за улучшение условий труда вели тысячи рабочих сахарной, обувной и ряда других отраслей промышленности.

Активную, боевую роль в борьбе мексиканских рабочих играют отряды пролетариата, находящиеся в относительно привилегированном экономическом положении, — рабочие крупных современных предприятий. В начале 1965 г. состоялась забастовка 1500 рабочих автомобильного завода филиала компании «Дженерал моторс», выступивших против намерения предпринимателей перевести часть рабочих на другой завод и понизить им заработную плату. Выступление носило исключительно организованный характер и получило поддержку профсоюзных организаций других иностранных предприятий и некоторых профсоюзных объединений страны. Рабочие добились удовлетворения своего основного требования, а также повышения на 13% заработной платы, выплаты 51% зарплаты, потерянной во время забастовки, и предоставления 250 дополнительных постоянных мест⁵³.

Успешно закончилась забастовка рабочих филиала компании «Дженерал электрик» в декабре 1965 г. В результате заработная плата рабочих была повышена на 14%⁵⁴.

Важное место в последнее время заняли выступления рабочих в защиту своих трудовых прав (против нарушения коллективных договоров, увольнений и т. д.), сочетающиеся с борьбой за демократизацию профсоюзных организаций. Наиболее упорную борьбу вели текстильщики, страдающие от массовых увольнений в связи с кризисом в текстильной промышленности⁵⁵.

В 1963 г. около пяти месяцев продолжалась забастовка 263 уволенных рабочих компании «Асейтера и алгодонера эскандон», требовавших денежного возмещения. Сорок профсоюзных организаций различных предприятий выразили солидарность с бастующими⁵⁶. С августа 1961 г. по март 1964 г. бастовали рабочие текстильной фабрики «Анхел» в г. Мехико в знак протеста против увольнения в связи с закрытием фабрики. Бастующие получили материальную поддержку рабочих

других отраслей. Длительной, настойчивой борьбой текстильщики фабрики добились уступок от предпринимателей.

Успешными были стачки рабочих-строителей в штате Чиапас в марте 1963 г. Начавшись из-за увольнений ряда рабочих, они переросли в выступление за демократизацию профсоюзных организаций. Стачки носили характер острого столкновения с предпринимателями. Последние были вынуждены восстановить уволенных, выплатить задержанную заработную плату и обещать провести выборы профсоюзного руководства⁵⁷.

Растущее снизу недовольство проправительственными лидерами профсоюза, не желающими отстаивать интересы рабочих перед предпринимателями, становится важной чертой борьбы мексиканского рабочего класса. Выступления многих отрядов пролетариата заканчиваются созданием независимых профсоюзных организаций⁵⁸. Учащаются случаи выхода профсоюзных организаций из состава центральных профсоюзов⁵⁹.

В 1964 г. заметно активизировалась борьба за профсоюзную независимость рабочих железных дорог в связи с готовившимися тогда выборами руководства Профсоюза трудящихся-железнодорожников⁶⁰.

В июле-августе 1965 г. состоялись значительные стачки рабочих городского транспорта столицы, охватившие около 40 автобусных линий. Выступив под лозунгами борьбы за муниципализацию городского транспорта, за повышение заработной платы и улучшение условий труда, бастующие в качестве одного из основных требований выдвинули требование демократизации профсоюзов. Примерно на десяти автобусных линиях рабочие добились переизбрания профсоюзных лидеров. Ряд профсоюзных организаций вышел из основных профцентров страны⁶¹.

Известны случаи, когда выступления рабочих за независимость профсоюзов, за демократические права и свободы приобретают форму митингов и манифестаций. Так, в январе 1964 г. 1500 рабочих текстильной фабрики Санта-Роса (г. Мендоса, штат Веракрус) организовали митинг с требованием переизбрания профсоюзного руководства⁶².

В августе 1965 г. тысяча бастующих рабочих текстильной фабрики «Медалья де oro» в г. Монтеррей устроила манифестацию перед зданием дворца правительства штата, потребовав отмены решения местной хунты по примирению и арбитражу о признании их забастовки «несуществующей». В случае неудовлетворения их требования рабочие угрожали организовать поход в г. Мехико. Солидарность с рабочими фабрики выразили некоторые профсоюзные, студенческие и демократические организации. Под давлением трудящихся хунта была вынуждена признать забастовку законной⁶³.

В последние годы пролетариат все чаще использует новые формы борьбы. Распространенной формой стала борьба в рам-

ках «мирного конфликта» с предпринимателями. В те годы, когда правящим кругам мексиканской буржуазии, прибегающим к самым разнообразным способам воздействия на рабочее движение, удается несколько снизить уровень стачечных выступлений, пролетариат шире использует такое средство, как «мирный конфликт», и от этого его борьба не становится менее напряженной. В. И. Ленин в своих работах неоднократно указывал на необходимость использования пролетариатом разнообразных форм борьбы для успешного развития рабочего движения. «Стачки — это *одно* из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса», — писал В. И. Ленин⁶⁴.

Борьба в рамках «мирного конфликта» тесно связана с развитием системы коллективных договоров в стране и ведется в основном в четырех направлениях: за заключение коллективного договора; из-за его нарушения; за пересмотр коллективного договора, если он не удовлетворяет рабочих; за включение в договор новых требований в связи с его обязательным периодическим пересмотром.

Последний вид трудового конфликта является одним из основных, так как в нем участвуют обычно крупные отряды рабочего класса. За несколько месяцев до истечения срока коллективного договора данной отрасли или группы предприятий профсоюз предъявляет предпринимателям определенные требования повышения заработной платы, улучшения условий труда, социального обеспечения и т. д. для включения их в новый договор. Упорно, этап за этапом, нередко угрожая забастовками, рабочие заставляют профсоюзную верхушку добиваться от предпринимателей новых, часто значительных уступок. Об эффективности такой борьбы говорят завоевания рабочих последних лет. В марте 1963 г., например, 5250 рабочих компании «Альтос орнос», 890 металлургов «Ла консолидада» и 980 горняков в Пьедрас-Неграс (штат Коауила) добились пересмотра коллективного договора с включением в него условий о существенном увеличении заработной платы, о дополнительном дне отпуска и других социальных улучшений⁶⁵.

В июне 1964 г. успешно закончился конфликт из-за пересмотра коллективного договора 18 000 рабочих 54 предприятий электропромышленности, входящих в Профсоюз трудящихся электропромышленности Мексиканской республики. Рабочие добились увеличения на 14—28% заработной платы, введения для большинства предприятий 40-часовой рабочей недели, прогрессивной оплаты сверхурочных работ, выплаты трехдневного заработка за работу в выходной день, увеличения фонда сбережений и других уступок⁶⁶.

Некоторые конфликты носят настолько острый характер, что перерастают в забастовки, короткие, но результативные. Таким был двухмесячный конфликт (июль — сентябрь 1964 г.) между рабочими и предпринимателями десяти предприятий, поставляющих топливо центрам торговли и бытового обслуживания г. Мехико. Конфликт вылился в забастовку, продолжавшуюся около 3,5 часов. Предприниматели были вынуждены пойти на значительные уступки. По новому договору увеличилась на 13% зарплата рабочих, на 2 дня был продолжен оплачиваемый отпуск, увеличены фонды социального обеспечения, установлен 8,5-часовой рабочий день и 3-часовой в субботу, определены размеры распределения прибылей предприятия⁶⁷.

Заметно расширился объем требований, выдвигаемых мексиканскими рабочими при обсуждении нового коллективного договора. Рабочие не ограничиваются только борьбой за повышение оплаты труда и улучшение социального обеспечения: они требуют обусловить договором их участие в прибылях предприятия, в решении проблем по организации труда и процесса производства и ряда других вопросов трудовых отношений. Для рабочих текстильной, горнодобывающей и других отраслей, находящихся в процессе модернизации, стали основными требования о включении в коллективные соглашения пунктов об ограничении увольнений при модернизации, против введения потогонных систем и об установлении специального фонда для выплаты возмещения увольняемым рабочим. Показательна в этом отношении борьба рабочих хлопчатобумажной отрасли текстильной промышленности в 1964 г. Конфликт возник весной того года из-за нежелания предпринимателей пересмотреть обязательный контракт с рабочими хлопчатобумажной промышленности. Угрожая забастовкой, 57 тыс. рабочих 400 фабрик страны потребовали от предпринимателей включить в новый договор пункт о повышении на 30% заработной платы, увеличении размеров пенсий, фонда сбережений, отпусков, о закреплении договором создания совместной комиссии по изучению времени производственной операции с целью ликвидации новых потогонных систем работы, вводимых предпринимателями, а также об обусловливании определенных мер, ограничивающих увольнение рабочих в связи с модернизацией фабрик⁶⁸.

В мае Текстильная рабочая национальная коалиция обратилась в хунту по примирению и арбитражу с просьбой назначить день забастовки рабочих этих 400 предприятий. В результате вмешательства хунты был заключен временный договор сторон для обсуждения вопроса о пересмотре контракта⁶⁹. Однако переговоры ни к чему не привели. В июне-июле конфликт достиг наибольшей остроты, когда нависла угроза закрытия семи предприятий компании «Ля компания индустриаль де Атликско» в г. Метепек (штат Пуэбла) и увольнения более

6 тыс. рабочих⁷⁰. На собрании представителей Текстильной рабочей национальной коалиции было принято решение о забастовке. Ее назначили на 27 июля. Текстильщики всей страны выразили солидарность с рабочими хлопчатобумажной отрасли. 19 июля в г. Пуэбла 3 тыс. делегатов всех профсоюзных организаций текстильной промышленности подписали документ о солидарности.

Упорная борьба рабочих, вылившаяся в серьезную угрозу забастовки, заставила предпринимателей уступить. 27 июля был заключен договор о пересмотре коллективного контракта, которым предусматривалось увеличение на 10% заработной платы, на 3% — фонда сбережений и другие социальные улучшения. Договор включал соглашение о создании текстильных кооперативов, предоставляющих рабочим определенные права в управлении предприятиями, принятии некоторых мер, ограничивающих размеры увольнений при модернизации, обуславливал денежное возмещение увольняемым рабочим и т. д.⁷¹

Такую же упорную и трудную борьбу вели рабочие и других отраслей, находящихся в состоянии кризиса, в частности цементной промышленности⁷².

Таким образом, выросший круг требований мексиканских рабочих, использование новых форм борьбы, ее успехи свидетельствуют об определенных сдвигах в идейно-политическом уровне мексиканского пролетариата, может быть еще незначительных, но с каждой новой победой в повседневной борьбе все более приближающих его к пониманию необходимости коренных социальных преобразований.

В ходе упорной борьбы мексиканскому пролетариату удалось добиться повышения ставок и предотвратить падение реальной заработной платы. Об этом свидетельствует динамика индексов почасовой заработной платы рабочего обрабатывающей промышленности за ряд последних лет: 1960 г. — 100, 1961 г. — 103, 1962 г. — 110, 1963 г. — 113⁷³.

Развитию рабочего движения способствует заметное усиление в последние годы политической активности работников просвещения и здравоохранения, служащих авиации и некоторых других отраслей, которые по своему материальному положению, а в ряде случаев и по характеру своего труда все более сближаются с рабочими. Они начинают все шире использовать боевые методы пролетарской борьбы.

Низкие ставки заработной платы и неоднократные задержки ее выплаты явились основной причиной широких забастовочных выступлений преподавателей в 1964 г. В январе бастовали учителя штата Синалоа, получившие поддержку значительной части местного населения⁷⁴. В июне провели стачку учителя всех школ г. Рио-Верде (штат Сан-Луис-Потоси), насчитывающих 8 тыс. учеников. Политическую окраску приняло

выступление преподавателей университетских подготовительных курсов (март), организовавших кампанию протеста против готовившегося снижения заработной платы и увольнений. В отдельных случаях результатом выступлений учителей явилась смена административных лиц ⁷⁵.

События последних лет свидетельствуют о том, что развитие экономической борьбы мексиканских учителей влечет за собой повышение их политического уровня, проявляющегося в растущем стремлении к единству, к демократизации профсоюзов. Важным шагом на этом пути явились результаты VI конференции 9-й секции профсоюза работников просвещения (август 1965 г.), избравшей единое руководство с представителями независимого профсоюзного объединения — Революционного движения учителей и принявшей ряд конкретных решений, направленных на усиление борьбы работников просвещения ⁷⁶.

Значительные масштабы приобрели в последние годы выступления медицинских работников, вызванные низкой оплатой труда, продолжительным рабочим днем и отсутствием зачастую гарантий трудовых прав и социального обеспечения. В декабре 1964 г. одновременно бастовали медицинские работники 35 больниц в г. Мехико. С января по сентябрь 1965 г. по стране прокатилась волна крупных забастовок медицинских работников, в которых участвовало одновременно до 6 тыс. человек ⁷⁷. Забастовщики добились отдельных частичных успехов. Однако в силу слабой организованности движения, отсутствия единого профсоюзного руководства, маневров и репрессий властей движение потерпело временное поражение.

Все шире разворачивается стачечная борьба и других отрядов служащих. В феврале 1964 г. состоялась забастовка персонала авиационной линии «Нэйшнл эйрлайнс», обслуживающей 40 городов страны. Причина забастовки — пересмотр коллективного трудового договора ⁷⁸. В июне успешно закончилась стачка технических работников предприятия «Лабораториос Мехико», продолжавшаяся пять дней. Они добились увеличения на 15% заработной платы и других социальных улучшений ⁷⁹. 1 ноября объявили забастовку 2,5 тыс. человек наземного персонала авиатранспортной компании «Аэронавес де Мехико», требуя повышения заработной платы. Бастующих поддержал Национальный союз бортпроводников.

В ноябре 1966 г. 13 дней бастовали 2,8 тыс. человек наземного персонала авиатранспортной компании «Ла мексикана де авиасьон», требовавшего пересмотра коллективного договора.

Ее участники добились восстановления уволенных служащих, повышения на 19—23,5% заработной платы, для ряда категорий персонала — 200% оплаты сверхурочных, выплаты прибылей компании в размере 15% жалования, важных социальных улучшений для работниц и других уступок ⁸⁰.

Заметно оживилось в последние годы и студенческое движение. Выступая за улучшение условий образования, студенты также прибегают к старой испытанной форме борьбы пролетариата — забастовке. Нередко в забастовке участвуют большие группы студентов. В марте 1965 г., например, была проведена забастовка 10 тыс. студентов 29 сельских педагогических училищ. Выступление носило характер эшелонированных стачек, продолжавшихся от 12 до 48 часов. Студенты требовали повышения стипендий и проведения властями ряда мероприятий по улучшению условий учебы. Забастовка нашла широкий отклик со стороны студентов ряда высших учебных заведений⁸¹. Все чаще выступления студентов приобретают политическую окраску, на первый план выдвигаются требования замены административных лиц, а также демократизации образования. Большим успехом студенческого движения явилась отставка ректора крупнейшего университета страны — Автономного национального университета Мексики (апрель 1966 г.)⁸².

В процессе борьбы трудящихся масс за свои социальные интересы и права растет и укрепляется их взаимная солидарность и поддержка. Ярким выражением усиливающегося в стране движения солидарности явились события в октябре 1964 г. в штате Пуэбла. Там против репрессивных мер местных властей по отношению к мирной демонстрации мелких собственников и поставщиков молока выступили широкие слои населения — студенты, крестьяне, мелкие собственники, рабочие, домашние хозяйки, школьники и др. В митингах и манифестациях приняли участие десятки тысяч человек. По всей стране начались выступления против незаконных действий властей. Под давлением народных масс правящие круги были вынуждены согласиться на отставку губернатора штата. Указывая на организованность и боевой дух трудящихся — участников выступлений в штате Пуэбла, прогрессивная мексиканская печать подчеркивает большое значение их победы для дальнейшего развития всего демократического движения страны⁸³.

Участие различных групп населения в демонстрациях в Пуэбла свидетельствует о том, что в Мексике все активнее пробивает себе дорогу объективная тенденция к объединению прогрессивных сил. Об этом говорят и решительные совместные действия представителей различных демократических организаций, политических и идеологических направлений за освобождение политзаключенных, за ликвидацию 145-й статьи Судебного кодекса «О преступлении против общественного порядка». Под давлением прогрессивной общественности в июле 1964 г. были освобождены из заключения известный художник-коммунист Давид Альфаро Сикейрос, прогрессивный журналист Филумен Мота и восемь политических и профсоюзных руководителей железнодорожников, брошенных в тюрьму весной 1959 г.

В сентябре 1965 г. в г. Мехико состоялась Национальная конференция за свободу политзаключенных и ликвидацию закона «О преступлении против общественного порядка», которая разработала целый ряд конкретных мер, направленных на усиление борьбы за демократические свободы⁸⁴.

Растущее единство действий демократических кругов проявляется и в актах антиимпериалистического характера — таких, как манифестации и митинги в знак протеста против агрессивных действий США в Доминиканской республике, в Демократической Республике Вьетнам, в Южном Вьетнаме.

Появляются и новые общенациональные демократические организации. Так, в октябре 1964 г. был создан Национальный союз мексиканских женщин, в апреле 1966 г. — Национальный центр демократических студентов⁸⁵. По свидетельству мексиканской печати, все более широкие прогрессивные круги включаются в демократическую борьбу.

Активную роль в борьбе против империализма, за демократию и мир играет авангард мексиканского рабочего класса — Мексиканская коммунистическая партия (МКП). Идеологическое и организационное укрепление ее рядов в последние годы, ее численный рост способствуют дальнейшему сплочению прогрессивных сил. МКП, оценив расстановку классовых сил в стране на данном этапе, выдвигает задачу борьбы за создание в Мексике широкого фронта демократических и антиимпериалистических сил. В документах XV съезда МКП (июнь 1967 г.) указывается, что создание такого фронта, основной силой которого должен стать рабочий класс, является необходимым условием для осуществления в стране новой народно-демократической и антиимпериалистической революции. Партия подчеркивает при этом, что борьба за единство прогрессивных сил сопряжена со многими трудностями.

Фактическим проявлением этих трудностей, как свидетельствуют документы МКП, является распад Движения за национальное освобождение и превращение его в узкую политическую группировку. Однако, по мнению МКП, распад ДНО не означает дискредитации идеи единства. Он показал только, что в Мексике в настоящее время еще не созрели условия для создания высшей формы единой демократической и антиимпериалистической организации, на что претендовало ДНО.

Партия поставила задачу поисков новых организационных форм единства. Одним из важнейших моментов своей тактики в настоящий период она считает установление контактов и достижение соглашений с организациями и неорганизованными группами лиц, выступающими за демократию, за избирательную реформу, против репрессивных мер правящих кругов и с другими конкретными требованиями демократического и антиимпериалистического характера⁸⁶.

В новой политической обстановке, складывающейся в Мексике, все острее встает вопрос о роли массовых организаций рабочего класса — профсоюзов. В нынешних условиях становится очевидным, что структура мексиканских профсоюзов не соответствует задачам и уровню современного рабочего движения. В ряде отраслей подготавливается слияние профсоюзов. В конце 1963 г. на общей конференции трех профсоюзов электриков Мексики обсуждался вопрос об их объединении⁸⁷. В июне 1964 г. на собрании представителей всех центральных профсоюзов авиации, насчитывающих свыше 8 тыс. рабочих и служащих, стоял вопрос о создании авиационной профсоюзной федерации. Был выработан проект устава новой организации⁸⁸. Предпринимаются шаги и к объединению центральных профсоюзов. На состоявшейся в феврале 1966 г. Революционной национальной ассамблее мексиканского пролетариата было принято решение о создании «Конгресса труда», объединяющего 29 национальных профцентров и федераций страны. Одной из основных задач этой организации, как говорится в документах ассамблеи, является борьба за единство рабочего класса и всех трудящихся⁸⁹.

С одной стороны, все это свидетельствует о том, что перед лицом растущего снизу недовольства трудящихся господствующие круги стараются через посредство бюрократических профсоюзных лидеров приспособить структуру профсоюзов к современным условиям. Под флагом борьбы за объединение и демократизацию профсоюзов они пытаются сохранить свое влияние на рабочий класс. Так, Революционная национальная ассамблея пролетариата проводилась по инициативе «рабочего сектора» Институционно-революционной партии. Еще в апреле 1966 г. на IV ежегодной национальной конференции ИРП ее «рабочим сектором» была принята резолюция, в которой сообщалось о созыве этой ассамблеи пролетариата. В резолюции демагогически говорилось также о классовой борьбе в стране и ее социальных причинах: «несправедливом распределении богатств», «эксплуатации человека человеком», «нищете широких трудящихся масс». Предлагалось «пересмотреть и приблизить к новым требованиям борьбы рабочего класса» структуру и тактику профсоюзов, совершенствовать «практику профсоюзной демократии»⁹⁰. Это новые моменты в тактике ИРП в профсоюзном вопросе, хотя сущность ее остается прежней — сохранить профсоюзное движение под идеологическим, политическим и организационным контролем правящей партии несколько изменив его формы.

Прибегают к различным маневрам и проправительственные профсоюзные лидеры. Так, дискредитировавшая себя бюрократическая верхушка Конфедерации трудящихся Мексики (КТМ) с целью вернуть свой престиж провела в августе-сентябре

1965 г. заседание своего национального совета, на котором обсуждался вопрос о том, чтобы потребовать от правительства увеличения заработной платы для всех членов КТМ и, в случае необходимости, провести всеобщую национальную забастовку⁹¹.

С другой стороны, некоторые шаги, предпринимаемые с целью совершенствования структуры мексиканских профсоюзов, свидетельствуют о том, что в ряде основных профцентров и федераций страны появились лидеры, выступающие за определенные реформы в профсоюзах. Как указывается в документах VI пленума ЦК МКП, состоявшегося в марте 1966 г., именно эти профлидеры поставили на обсуждение Революционной национальной ассамблеи мексиканского пролетариата ряд важных для дальнейшего развития профсоюзного движения вопросов: о демократизации структуры профсоюзов, их независимости от правящих кругов, о борьбе за некоторые прогрессивные социально-экономические реформы⁹².

Левые силы мексиканского рабочего движения ищут пути завоевания подлинной независимости профсоюзов. В 1963—1964 гг. на страницах отдельных прогрессивных газет и журнала «Политика» получила освещение дискуссия о тактике этой борьбы. В частности, обсуждался вопрос, нужно ли идти по пути развития существующих в стране некоторых независимых профсоюзных движений или по пути создания новых независимых групп и объединений, а также об образовании единого независимого профсоюзного руководства⁹³.

Важную роль в кристаллизации этих взглядов сыграл XIV съезд МКП (декабрь 1964 г.)⁹⁴, который поставил задачу завоевать вновь влияние партии в профсоюзном движении. Указав, что большое значение в этом отношении должна иметь систематическая идеологическая работа в профсоюзах, съезд наметил и организационную линию на настоящем этапе борьбы.

Положения XIV съезда МКП об изменении тактики партии в профсоюзном движении были уточнены в решениях V пленума МКП (июнь 1965 г.). Пленум указал на необходимость устанавливать в процессе ежедневной борьбы рабочих за ближайшие экономические требования всякие возможные контакты с отдельными профлидерами, выступающими за определенные реформы в профсоюзах, за те или иные требования трудящихся. Использовать эти контакты для роста и укрепления независимых течений в проправительственных профсоюзах в целях их дальнейшей реорганизации⁹⁵.

Позднее, на VI пленуме МКП, была разработана более широкая программа, завоевания партией идеологической, политической и организационной независимости профсоюзного движения и его классового единства.

Пленум ориентировал МКП на повседневную работу во всех профсоюзных организациях, независимо от их политической

направленности, указав, что в настоящее время еще не созрели условия для образования новых профобъединений. Он указал на необходимость ведения систематической борьбы против реформистской идеологии в профсоюзах.

Пленум отметил, что важнейшими моментами тактики МКП в профсоюзах в настоящее время должно являться выдвижение и отстаивание ближайших, прежде всего экономических, требований рабочего класса, разработка программы-минимума требований, понятных всем трудящимся, и установление контактов с самыми широкими кругами профсоюзного движения на основе борьбы за эту программу. Пленум подчеркнул, что коммунисты должны добиваться контактов со всеми профсоюзными лидерами, готовыми поддержать программу-минимум, идти с ними на соглашение, невзирая на возможные разногласия по другим вопросам, не связанным с теми, которые обуславливают единство действий. Такая тактика, как говорится в документах пленума, позволит организовать на борьбу за профсоюзную демократию и единство большинство рабочего класса. Ориентируя партию на широкие контакты и союзы, пленум одновременно обращает ее внимание на то, чтобы не ослаблять своих революционных позиций, постоянно разъяснять рабочим, что борьба за частичные требования — это только часть борьбы за народно-демократическую и антиимпериалистическую революцию⁹⁶.

Новая тактика Мексиканской коммунистической партии в профсоюзах в условиях развития прогрессивных тенденций в профсоюзном движении и в обстановке общего подъема борьбы демократических сил открывает новые возможности для активизации и дальнейшего развертывания мексиканского рабочего движения.

¹ «PRI IV Asamblea nacional ordinaria (28, 29 y 30 de abril)». México, 1965, p. 3—4.

² «Primera Reunión Nacional de Programación (Memoria)». México, 1963, p. 198.

³ Ibidem.

⁴ К «новым силам» Эрлис относит буржуазию, рабочих, мелких собственников, а к «старым силам» — латифундистов и монополистов.

⁵ «Национально-освободительное и рабочее движение на современном этапе». М., 1963, стр. 116.

⁶ «Nueva época», 1962, № 3, p. 18.

⁷ «México. 50 años de Revolución», т. II. México, 1962, p. 272.

⁸ «Política», 1.I 1963; 1.V 1963; 1.I 1964; «Excelsior» 5.IV 1964; 30.VII 1964.

⁹ «Política», 15.IV 1965, p. 80.

¹⁰ «Nueva época», 1962, № 3, p. 18.

¹¹ Rivera Marin Guadalupe. El mercado de trabajo. México — Buenos Aires, 1955, p. 191; «Labor Law and Practice in Mexico», U. S. Department of Labor, Report № 20, November de 1960, p. 40; «Excelsior», 2.IX 1961.

¹² «VIII Censo General de población (8 de junio de 1960). Resumen general». México, p. 363, 367, 368.

¹³ «Primer Censo Industrial de 1930. Resúmenes generales». México, 1933, p. 93; «Séptimo Censo general de Población (6 de junio de 1950). Resumen general». México, 1953, p. 66.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Следует иметь в виду, однако, что переписи включают в это число и сельских полупролетариев — батраков, имеющих небольшие наделы земли. Как явствует из той же переписи, непосредственно аграрный пролетариат Мексики в 1960 г. составил 2 млн. человек.

¹⁷ Имеются в виду 1,2 млн. фабрично-заводских рабочих и служащих города, охваченные социальным обеспечением («Instituto Mexicano del Seguro Social. Subdirección General Técnica, Departamento de Estadística», 20.VIII 1962).

¹⁸ «Política», 1963, № 85, p. 48.

¹⁹ Gonzales C a s a n o v a. La democracia en México. México, 1965, p. 118.

²⁰ «Estadísticas sobre recursos humanos y remuneración a la mano de obra». México, 1965, cuadro № 59.

²¹ Ibidem.

²² «Excelsior», 5.IV 1964.

²³ Ibidem.

²⁴ «Política», 15.IV 1964, p. 16.

²⁵ «Comercio exterior», Noviembre de 1963, p. 840; «La Voz de México». 5.VIII 1963, p. 2; «Política», 1.I 1964, p. 61.

²⁶ «Situação social da América Latina». Rio de Janeiro, 1965.

²⁷ «América Latina». Rio de Janeiro, 1964, № 4, p. 78; «Panorama económico latinoamericano». Habana, 1962, № 58, p. 7.

²⁸ «France Observateur». Paris, 23.VII 1964.

²⁹ «Panorama económico latinoamericano». Habana, 1962, № 58, p. 7.

³⁰ «América Latina», 1964, № 4, p. 78.

³¹ «Excelsior», 30.VII 1964.

³² Gonzales C a s a n o v a. Op. cit., p. 93, 257.

³³ Gonzales C a s a n o v a. Op. cit., p. 118.

³⁴ «Estadísticas sobre recursos humanos y remuneración a la mano de obra». México, 1965, p. 95.

³⁵ «Cuadernos americanos». Mexico, 1962, № 6, p. 50.

³⁶ «Review of the Economic Situation of Mexico». México, 1962, № 436, p. 4; «Statistical Yearbook», 1961, p. 57; «Yearbook of Labour Statistics». Geneva, 1964, p. 241, 242, 260.

³⁷ «Investigación económica», 1962, № 88, p. 93.

³⁸ «Yearbook of Labour Statistics», 1964, p. 519, 520.

³⁹ «VIII Censo General de población de 1960, Resumen General». México, 1963, p. 274—280.

⁴⁰ Дефицит жилищ в городах Мексики в 1960 г. составил 1100 тыс. единиц. По подсчетам мексиканских экономистов, он постоянно увеличивается, несмотря на мероприятия правительства, направленные на его сокращение (UN «Economic Survey of Latin America». New York, 1965, p. 160—161).

⁴¹ «Excelsior», 11.X 1966.

⁴² «Tiempo», 1.V 1967.

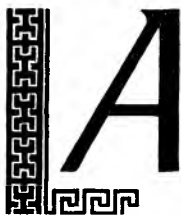
⁴³ «Anuario estadístico de los Estados Unidos Mexicanos 1962—1963». Dirección General de Estadística. México, 1965. Число забастовщиков за 1965 г. подсчитано нами на основании данных газет «La voz de México», «Эксельсьор» и журнала «Политика» за 1965 г.

⁴⁴ «Освободительное движение в Латинской Америке». М., 1964, стр. 313.

⁴⁵ «Política», 15.III 1962, p. 17.

- 46 «Excelsior», 15, 28.VI 1963; 6.VIII 1963.
- 47 «Excelsior», 17.II 1963.
- 48 «Excelsior», 23.IV 1965.
- 49 «Excelsior», 12.XII 1965.
- 50 «La Voz de México», 27.II 1966.
- 51 «Excelsior», 21.XIII 1966.
- 52 «Excelsior», 31.XII 1966.
- 53 «La Voz de México», 1965, № 1764, p. 1; № 1765, p. 8; № 1766, p. 8; «Excelsior», 6.II 1965.
- 54 «Excelsior», 9.XII 1965.
- 55 По словам министра труда Мексики, за пять лет было уволено 35% рабочих и служащих этой отрасли («Excelsior», 26.V 1963).
- 56 «Excelsior», 1, 4, 7.IV 1963.
- 57 «Política», 15.IX 1963, p. 17; «Excelsior», 1, 2, 15.IX 1963.
- 58 «Excelsior», 14.V 1963.
- 59 «Excelsior», 14.V 1963; «La Voz de México», 11, 18.VII 1965.
- 60 «Excelsior», 6.IX 1964; «La Voz de México», 1964, № 1759, p. 7.
- 61 «La Voz de México», 18.VII 1965, p. 1.
- 62 «Excelsior», 12, 16.I 1964.
- 63 «La Voz de México», 5.IX 1965, p. 2.
- 64 В. И. Ленин и. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 296.
- 65 «Excelsior», 19.III 1963.
- 66 «Excelsior», 26.VI 1964.
- 67 «Excelsior», 11.VII 1964; 11.IX 1964.
- 68 «Excelsior», 12.V 1964.
- 69 «Excelsior», 22, 23.V 1964.
- 70 «Excelsior», 12.VI 1964; «Política», 1.VIII 1964, p. 21—24.
- 71 «Excelsior», 27.VII 1964; 9.VIII 1964.
- 72 «Excelsior», 27.II, 27.III 1964.
- 73 «Estadísticas sobre recursos humanos y remuneración a la mano de obra». México, 1965, p. 66.
- 74 «Excelsior», 16.I 1964.
- 75 «Excelsior», 17.V 1964.
- 76 «La Voz de México», 1.VIII 1965, p. 6.
- 77 «Excelsior», 20.I, 25.II 1965; «La Voz de México», 6.VI, 1.VIII, 10.XI 1965.
- 78 «Excelsior», 16.II 1964.
- 79 «Правда», 3.XI 1964.
- 80 «Excelsior», 15.XI 1966.
- 81 «La Voz de México», 4.IV 1965.
- 82 «Excelsior», 15, 16.VIII 1965; «Política», 1.V 1966, p. 55.
- 83 «La Voz de México», 1964, № 1758, 1759, 1766; «Política», 1.XI 1964.
- 84 «La Voz de México», 12.IX 1965 p. 1.
- 85 «Política», 1.XI 1964, p. 44; «La Voz de México», 8.V 1966, p. 5.
- 86 «Nueva época», 1967, № 16, p. 24, 26, 27.
- 87 «La Voz de México» 18.XII 1963, p. 3.
- 88 «Excelsior», 11.VI 1964.
- 89 «Asamblea nacional revolucionaria del proletariado mexicano» (Diario de información). México, 20.II 1966.
- 90 «PRI IV Asamblea nacional ordinaria» (28, 29 y 30 de abril). México, 1965, p. 3, 4.
- 91 «La Voz de México», 11.IX 1965, p. 5.
- 92 «Nueva época», 1966, № 13.
- 93 «Política», 1.III 1964, p. 11.
- 94 «Nueva época», 1964, № 10, p. 52, 53.
- 95 «La Voz de México», 20.VII 1965.
- 96 «Nueva época», 1966, № 13; 1967, № 16.

МЕКСИКАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аграрный вопрос, которому принадлежало столь важное место в истории страны, является и в современной Мексике проблемой первостепенного значения. Хотя со времени второй мировой войны Мексика значительно продвинулась по пути индустриализации¹, роль сельского хозяйства в жизни страны по-прежнему велика. По данным переписи 1960 г., в деревне проживало 17,2 млн. человек — немного меньше половины населения страны. В сельском хозяйстве в 1960 г. было занято 54,1% самодеятельного населения².

В январе 1965 г. исполнилось 50 лет со дня провозглашения аграрной реформы в Мексике. В результате ее проведения социально-экономическая структура мексиканской деревни претерпела большие изменения. До революции 1910—1917 гг. господствующим типом хозяйства было полуфеодалное поместье — асьенда. Подавляющее большинство крестьян (до 90%) не имело земли³, в то время как помещикам принадлежали огромные земельные богатства. Примерно 835 крупных землевладельцев сосредоточили в своих руках 97% земель, пригодных для обработки⁴. Существовали колоссальные латифундии (так, губернатор штата Чиуауа Луис Террасас владел 7 млн. га). Огромные участки захватили капиталисты США. Газетному магнату Херсту принадлежало около миллиона гектаров⁵.

Полувековая история реформы имеет свои периоды подъема и упадка. На протяжении почти двух десятилетий темпы раздела земель были медленными. Крутой перелом произошел в середине 30-х годов, когда, опираясь на поддержку народных масс, правительство президента Л. Карденаса провело прогрес-

сивные реформы, в частности значительные преобразования в деревне. Если до Карденаса за 1916—1933 г. было распределено 7,7 млн. га земли, то во время его президентства в 1934—1940 гг. — около 18 млн. га ⁶. Последовавшее за этим периодом изменение политического курса вправо сопровождалось уступками крупным землевладельцам, резким замедлением раздачи земель. С конца 50-х годов темпы наделения земель крестьян вновь возросли, за 1958—1964 гг. было распределено 16 млн. га земли ⁷. Этому содействовал ряд факторов, прежде всего подъем крестьянского движения в Мексике. Всего за полстолетия крестьяне получили около 60 млн. га земли, т. е. более трети всех сельскохозяйственных угодий ⁸.

Аграрная реформа, нанеся удар по архаичной системе землевладения, имевшей своей основой полунатуральное, самодовлеющее хозяйство асьенды, содействовала росту производства сельскохозяйственных продуктов. Правда, ее позитивное воздействие в этом плане сказалось не сразу. Последовавшая за гражданской войной 1910—1917 гг. разруха, медленные темпы аграрной реформы в течение первых двух десятилетий после ее провозглашения, последствия мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. обусловили упадок, а затем застой сельскохозяйственного производства. Однако во время второй мировой войны сельскохозяйственное производство начало расти. Важной предпосылкой этого роста были прогрессивные аграрные преобразования второй половины 30-х годов, массовый раздел земель среди членов крестьянских общин — эхидос. Необходимо упомянуть и такие факторы, которые в значительной степени были результатом этих преобразований, — расширение посевных площадей, ирригация, применение более передовых методов обработки земли. Так, например, ирригационные сооружения, находящиеся под контролем федерального правительства, снабжали водой земли площадью в 20 тыс. га в 1930 г., 267 тыс. га в 1940 г., 1,2 млн. га в 1950 г., 2,4 млн. га в 1962 г. ⁹ За последние годы выросло применение искусственных удобрений: к 1963 г. в 2,2 раза по сравнению с уровнем 1957—1959 гг. ¹⁰

Указанные выше факторы, а также ряд других, среди которых важную роль играл рост промышленного производства, содействовали тому, что к настоящему времени производство продукции земледелия выросло по сравнению с довоенным уровнем более чем в 3,5 раза ¹¹. Производство кукурузы увеличилось с 3 млн. тонн в 1950 г. до 5,5 млн. тонн в 1961 г. и до 7 млн. тонн в 1964 г. ¹² Резкое повышение производства позволило Мексике начать экспортировать кукурузу, в то время как всего лишь несколько лет назад она вынуждена была ввозить ее. Эта перемена имеет огромное значение для Мексики, половина посевных площадей которой занята под данной культурой,

являющейся основным продуктом питания, в особенности для сельского населения.

Примечательны и достижения в производстве пшеницы. В недавнем прошлом Мексика импортировала ее в значительных количествах. За последнее время производство пшеницы резко возросло. Сборы ее выросли с 587 тыс. тонн в 1950 г. до 2 млн. тонн в 1964 г.¹³ Увеличилось производство фасоли, хлопка, табака, риса, сахарного тростника и других культур. Значительно выросло поголовье скота.

Увеличение сельскохозяйственной продукции имеет особенно важное значение, поскольку население страны со времени второй мировой войны росло исключительно быстро: с 1940 по 1964 г. оно удвоилось, достигнув 40 млн. человек¹⁴. Однако темпы прироста сельскохозяйственной продукции в послевоенный период, как правило, превышали темпы увеличения населения. С 1945—1947 по 1958—1960 г. они составляли соответственно 7,1 и 3%¹⁵.

Следует отметить, что техническая оснащенность сельского хозяйства страны все еще невысока. Тракторный парк хотя и вырос с 3,9 тыс. в 1930 г. до 60 тыс. в 1964 г.¹⁶, но является далеко не достаточным. По данным переписи 1950 г., почти половина из 2,6 млн. глугов были деревянные. Несмотря на рост применения искусственных удобрений, потребление их по-прежнему во много раз меньше, чем в странах с более развитой экономикой¹⁷. По данным ООН, потребление искусственных удобрений в Мексике в 1963 г. составляло лишь 18,3% необходимого количества для полного обеспечения почвы¹⁸. Техническая отсталость сельского хозяйства страны связана с причинами социально экономического порядка.

* * *

Аграрный строй в современной Мексике отличается немалым своеобразием. Наряду с частновладельческим сектором здесь существует эхидальный (общинный) сектор. На том, что он представляет собой в современных условиях, мы остановимся подробнее ниже. Здесь же необходимо отметить, что традиции общинного землевладения имеют в Мексике глубокие корни: общинное землепользование зародилось еще задолго до прихода испанцев; община существовала и в колониальный период¹⁹. К началу мексиканской революции 1910—1917 гг. огромное количество общинных земель было захвачено помещиками, земельными спекулянтами, чиновниками и т. п., а подавляющее большинство крестьян превращено в безземельных пеопов. Вопрос о возвращении крестьянам экспроприированных у них земель был одним из центральных в революции. В законе от 6 января

1915 г., положившем начало аграрной реформе, говорилось, что «очевидна необходимость вернуть деревням земли, которые у них были захвачены», и что это будет «актом элементарной справедливости и единственной эффективной формой восстановления мира и обеспечения благосостояния и улучшения положения наших бедных классов»²⁰. В то же время в законе подчеркивалось, что «речь не идет о возрождении древних общин или о создании новых, им подобных», поскольку «земля не должна находиться в общей собственности деревни, а должна остаться разделенной на правах полной собственности, хотя и с ограничениями, необходимыми, чтобы избежать концентрации ее в руках спекулянтов, особенно иностранных»²¹. Закон 1915 г., таким образом, предусматривал возвращение крестьянам захваченных у них земель, но на правах частной собственности, хотя и с некоторыми ограничениями.

В конституции 1917 г. наряду с поддержкой частной формы земельной собственности впервые было узаконено право крестьян создавать новые общины.

В статье 27 конституции 1917 г., определяющей правопорядок в отношении земельной собственности, провозглашаются следующие принципы «Первоначальная собственность на земли и воды в пределах государственной территории принадлежит государству, которое имело и имеет право передать их частным лицам, создавая тем самым частную собственность».

Экспроприация частной собственности может быть произведена лишь по соображениям общественной пользы и при условии уплаты возмещения.

Государство в любое время имеет право наложить на частную собственность ограничения, требуемые общественными интересами, а также регулировать использование природных богатств, которые могут быть объектом присвоения, для обеспечения их сохранности и более справедливого распределения государственного имущества. В этих целях должны приниматься необходимые меры для раздробления латифундий, развития мелкой земельной собственности, находящейся в эксплуатации, образования новых сельскохозяйственных общин с необходимыми земельными угодьями и водами, содействия сельскому хозяйству вообще и предотвращения уничтожения природных богатств, охраны имущества от вреда в ущерб общественным интересам. Населенные пункты, в настоящее время не располагающие землей и водами или имеющие их в недостаточном количестве, имеют право на их получение за счет прилежащих владений, причем всегда должна уважаться мелкая земельная собственность, находящаяся в эксплуатации»²².

В такой трактовке принципов земельной собственности обращает на себя внимание определенная двойственность. С одной стороны, подчеркивается первоначальная собственность

государства на землю, говорится о возможности ограничения частной собственности, о разделе латифундий, о создании новых общин и т. д. В то же время чувствуется стремление узаконить и оградить от посягательств частную собственность на землю в пределах, которые представляются законодателям допустимыми. В этом смысле особый интерес представляют положения о необходимости защиты мелкой земельной собственности, имевшие важное практическое значение при разделе земель и оказавшие серьезное воздействие на формирование современной социально-экономической структуры мексиканской деревни.

В 1916 г. Национальная аграрная комиссия, созданная в соответствии с законом о реформе, установила 40 га обрабатываемой площади в качестве максимального размера мелкого частного владения. Впоследствии этот размер, однако, неоднократно пересматривался в сторону увеличения. Согласно 27-й статье конституции в ее нынешней редакции, мелкой земельной собственностью считается владение, не превышающее 100 га искусственно орошаемой земли²³. При таком толковании под категорию так называемой мелкой земельной собственности, не подлежащей экспроприации при разделе земель, нередко попадают отнюдь не мелкие по объему производства и доходности владения. Это обстоятельство часто подчеркивается в работах мексиканских ученых. Указывая на крупные уступки, сделанные в этом отношении богатым скотоводам и другим крупным землевладельцам, известный мексиканский экономист М. Де Ла Пенья пишет в своей книге «Народ и его земля. Миф и реальность аграрной реформы в Мексике»: «Такие уступки в отношении системы землевладения, которую стремятся уничтожить, настолько велики, что неотчуждаемость плантаций в 300 га, например, предполагает наличие собственника-мультимиллионера и чистый ежегодный доход более миллиона песо»²⁴. Аналогичное мнение высказывает в опубликованной в 1963 г. работе мексиканский ученый Э. Ромеро Эспиноса²⁵.

Конституция, таким образом, провозглашает поддержку как общин, так и мелкой частной собственности. Причем последней дается такое широкое толкование, что под эту категорию попадают многие крупные хозяйства. Ниже мы еще остановимся на процессе дифференциации частного сектора. Но сначала нам кажется целесообразным обратиться к характеристике эхидального сектора, поскольку он представляет собой специфическую особенность мексиканской деревни. Земля по закону предостается только группам (*nucleo de población*), а не отдельным личностям. При этом в такой группе должно быть не менее 20 членов. Уже существующая деревня может получить землю лишь в том случае, если с момента ее основания до подачи прошения прошло не менее шести месяцев. 20 и более крестьян могут основать новое поселение и подать прошение о

наделении его земель. Условия, предъявляемые к отдельным членам группы, следующие: нужно быть мексиканцем по рождению и проживать в этой деревне не менее шести месяцев (если поселение не создается вновь), а также постоянно заниматься сельскохозяйственным трудом. Если у крестьянина уже есть земельный участок, он не должен превышать надела, предоставляемого членам эхидо. Не могут получить надел те, кто имеет капитал в промышленности или торговле свыше 2500 песо или капитал в сельском хозяйстве свыше 5 тыс. песо²⁶.

Прошения о наделении землей общин должны удовлетворяться в первую очередь за счет земель, принадлежащих государству, штатам, муниципалитетам, а в случае отсутствия таковых за счет частных владений, находящихся в радиусе 7 км от деревни, подающей такое прошение²⁷. О размерах неотчуждаемой земли частных владений говорилось выше.

Община, или, как говорится в кодексе, «núcleo de población», является собственником земель и водных источников²⁸. Пастбища находятся в коллективном пользовании, пахотная земля обычно делится на индивидуальные наделы, хотя существуют эхидо, в которых земля обрабатывается коллективно. Как индивидуальная парцелла, так и членство в коллективном эхидо передаются по наследству, но не могут быть переданы постороннему лицу. Отдавать эхидальные земли под залог или в аренду запрещено. Установленный минимальный размер индивидуального надела до 1943 г. был невелик: 4 га орошаемой и 8 га богарной земли, затем он был увеличен соответственно до 6 и 12 га, а с 1947 г.— до 10 и 20 га²⁹.

Распределение индивидуальных парцелл производится на общем собрании членов эхидо³⁰. Это собрание раз в три года избирает из числа своих членов эхидальный комиссариат и наблюдательный совет, каждый из которых состоит из трех членов: председателя, секретаря и казначея и соответственно трех заместителей. И те, и другие могут быть отстранены общим собранием, если они не выполняют его решений, уличены в злоупотреблениях и т. п. Комиссариат представляет свое эхидо перед соответствующими властями, распоряжается общественным имуществом эхидо, осуществляет наблюдательные функции в отношении индивидуальных парцелл, докладывает общему собранию о текущих делах, вносит на его рассмотрение предложения и т. п. Наблюдательный совет следит за тем, чтобы деятельность комиссариата соответствовала принципам Аграрного кодекса, ревизует его финансовые счета и т. п.

В эхидос предусматривается общий фонд, куда должны поступать доходы от общественных земель и предприятий эхидос, а также взносы от индивидуальных членов в размерах, установленных общим собранием. Средства из общего фонда должны использоваться на работы по улучшению почвы, ирригацию,

приобретение машин и скота, семян, на строительство школ и т. п.

Принципы организационной структуры эхидос, провозглашенные Аграрным кодексом, носят, таким образом, коллективистский демократический характер. Положения, запрещающие залог, аренду, передачу третьим лицам эхидальных земель, призваны содействовать ограждению общины от разрушительного воздействия частнособственнических, капиталистических отношений. Однако существует большой разрыв между формальным провозглашением этих принципов и их реальным осуществлением. Эхидальный сектор существует не изолированно, а в рамках капиталистического хозяйства, если взять экономику страны в целом. Кроме того, внутри самого эхидального сектора существуют серьезные противоречия.

Число эхидальных хозяйств в стране за последние 30—35 лет намного возросло.

Общее представление об эволюции эхидального сектора за последние 30 лет дают следующие данные³¹.

Развитие эхидального сектора в Мексике

	1930 г	1940 г	1950 г.
Число эхидос	41 89	14 680	17 579
Число членов эхидос .	535 192	1 601 479	1 552 926
Их % в общем числе землевладельцев . .	38,5	56,8	53,2
Площадь эхидальных земель (млн га) . .	8,33	29	39
Их доля в общей площади сельскохозяйственных земель (%) .	6,3	22,5	26,7
Площадь пахотных земель эхидос (млн га)	1,9	7	8,8
Их доля в общей площади пахотных земель (%)	13,3	47,4	44,1

Имеются некоторые географические особенности в распространении эхидальной формы землевладения. Как сообщает А. Гонсалес Сантос в своей книге, наибольший удельный вес в общей площади, по данным переписи 1950 г., приходится на эту форму землевладения в Центральном районе (45%), за ним следует побережье Мексиканского залива (30%), в остальных районах: Северном, Северо-Тихоокеанском, Южно-Тихоокеанском — немногим более 20%³².

Все приведенные показатели свидетельствуют о значительном росте общинного сектора после 1930 г. За 20 лет (благодаря в первую очередь реформам президента Л. Карденаса во второй половине 30-х годов) число общин и принадлежащих им

земельных угодий увеличились в 4 раза, число эхидатариес — в 3 раза. Ныне более половины земледельцев Мексики — общинники, которые обрабатывают около половины всех земель страны. Все это говорит о серьезном сдвиге в структуре аграрных отношений страны.

Однако в общей сумме основных фондов в сельском хозяйстве, составлявшей, например, в 1950 г. 29,2 млрд. песо, на долю эхидос приходилось 9,6 млрд. песо, т. е. немного меньше трети³³. Хотя в том же году доля эхидального сектора в общем количестве плугов (48,8%), сеялок (45,8%), борон (40,4%), культиваторов (52,1%) была сравнительно велика, этот сектор был слабо обеспечен более современной техникой на 17,6 тыс. эхидос с 1553 тыс. эхидатариес приходилось всего лишь 3618 тракторов (15,9% общего числа) и 3589 грузовиков (20% общего числа)³⁴.

В 1950 г. доля эхидального сектора в стоимости валовой продукции сельского хозяйства составляла несколько более трети (2,6 млрд. песо из 7,6 млрд. песо). Как изменилась эта доля по сравнению с предыдущими годами? К сожалению, в переписях имеются сопоставимые данные лишь по продукции земледелия: в 1930 г. стоимость продукции земледелия составила 452 млн. песо, и в эхидос — всего лишь 50 млн. песо, т. е. только одну девятую³⁵; в 1940 г. ее общая сумма составила 828 млн. песо, а в эхидальном секторе — 408 млн. песо, т. е. почти половину³⁶. В отличие от 30-х годов, особенно их второй половины, следующее десятилетие принесло уменьшение доли эхидального сектора в стоимости продукции земледелия с 49,2 до 37,2% в 1950 г.³⁷

Интересны также данные о товарной продукции в земледелии и животноводстве эхидального сектора: она выросла в стоимостном выражении с 48 млн. песо в 1935 г. до 247 млн. песо в 1940 г. и до 1,7 млрд. песо в 1950 г. По отношению к валовой продукции эхидос она составляла соответственно 47,8, 53,6, 69,4%³⁸. В 1950 г. товарность эхидос все еще оставалась примерно на одном уровне с минифундиями (хозяйства площадью менее 5 га) и была значительно ниже, чем в хозяйствах размером свыше 5 га, где она достигала 87%³⁹. Доля эхидального сектора в общей товарной продукции сельского хозяйства составляла в 1950 г. 29,5%⁴⁰. Таким образом, доля этого сектора в валовой и товарной продукции сельского хозяйства была намного ниже, чем его удельный вес в общей массе хозяйств.

Объясняется это тем, что многие эхидатариес имеют мало земли, техники, не располагают финансовыми возможностями для ведения эффективного хозяйства. О том, насколько остро является проблема малоземелья, свидетельствуют данные эхидальной переписи 1950 г. о распределении пахотной земли. Целесообразно напомнить при этом, что по существующему ныне

законодательству минимальный надел в эхидос должен быть не менее 10 га орошаемой или 20 га богарной земли. Лишь в 3874 эхидос с 216 тыс. эхидатариев (13,9% от общего числа эхидатариев) на каждого общинника приходилось в среднем более 10 га пашни.

В 7859 эхидос с 580 891 эхидатарием (37% от их общего числа) в среднем было от 4 до 10 га пашни. В 4860 общинах, число членов которых достигало 467 873 (30,1% всех эхидатариев), наделы пахотной земли составляли в среднем от 1 до 4 га. В 709 эхидос, где жило 192 тыс. общинников, участки пахотной земли были даже меньше 1 га. Вовсе не имели пахотной земли 11 тыс. общинников в 175 эхидос. Кроме того, как свидетельствует эхидальная перепись 1950 г., из 1553 тыс. эхидатариев 174,6 тыс. не имели вообще никакой земли, а не только пахотной⁴¹.

В некоторых районах малоземелье эхидальных хозяйств ощущается особенно остро. Если в Северо-Тихоокеанском районе среднее количество обрабатываемой земли на эхидатария составляло в 1950 г. 6 га, а в Северном — 5,1 га, то на Побережье — 3,6 га, в Центральном районе — 3,4 га, в Южно-Тихоокеанском — 3,1 га. А в ряде штатов оно было еще меньше: 2,7 га — в Идальго, 2,3 га — в Оахаке, 1,6 га — в Мехико, а в Федеральном округе — 0,6 га⁴².

Выше уже говорилось, что доля эхидального сектора в общей стоимости сельскохозяйственных машин и оборудования низка. О его слабой технической оснащенности особенно убедительно свидетельствуют данные переписи 1950 г. Более половины тракторов в эхидос приходилось на Северный район, около четверти — на Северо-Тихоокеанский и около одной пятой — на Центральный район. В последнем было 7,1 тыс. эхидос с 725 тыс. эхидатариев (почти половина общего числа членов эхидос), но на них приходилось лишь 725 тракторов, т. е. один трактор на тысячу эхидатариев. В этом же районе, в штате Керетаро, 21 тыс. эхидатариев не имели ни одного трактора; в штате Агуаскальентес (Центральный район) 9,5 тыс. эхидатариев имели всего четыре трактора; в Федеральном округе 18 тыс. эхидатариев — всего шесть тракторов; в Пуэбле 111 тыс. эхидатариев — десять тракторов. На все 2817 эхидос района побережья Мексиканского залива, где насчитывалось 223 тыс. эхидатариев, приходилось лишь 112 тракторов. В Кампече не было ни одного трактора (на 132 имевшихся здесь эхидос с 7,4 тыс. эхидатариев). Ни одного трактора не имело 78 тыс. членов 513 эхидос, расположенных в Юкатане⁴³.

Малоземельем и слабой технической оснащенностью далеко еще не исчерпываются те трудности, с которыми сталкивается эхидальный сектор. Весьма острой является, например, проблема нехватки кредитов. Главное государственное учреждение,

Крестьянин, работающий на плантации хенекена

на которое возложена функция кредитования эхидального сектора,— Национальный банк эхидального кредита — охватывает своими операциями всего лишь 13—15% общего числа эхидатариев⁴⁴.

Вопреки предписаниям Аграрного кодекса широкое распространение получили сдача в аренду и продажа своих парцелл эхидатариями, которые не располагают средствами для ведения хозяйства. В новой программе Мексиканской коммунистической партии отмечается: «Приобрело массовые масштабы явление, типичное для мексиканской деревни,— аренда эхидальных парцелл, которая является следствием того, что крестьяне не в состоянии обрабатывать свои парцеллы в тех условиях кредита и рынка, которые навязаны буржуазией»⁴⁵.

Мексиканские ученые нередко упоминают об этом явлении. Вот что говорит, например, М. Де Ла Пенья: «Поскольку нерентабельно покупать рабочий скот и орудия для обработки маленьких наделов, каких большинство, и нет средств для приобретения их, даже если бы это было рентабельно, повсеместно

существует следующая практика: землевладелец, располагающий машинами, скупает лучшие наделы или берет их в аренду, или в крайнем случае на условиях «апарсерии»⁴⁶. Он сообщает также, что в зонах производства кофе, хлопка, а также в других районах эхидатари, находящиеся в затруднительном положении, вынуждены прибегать к кредитам у частных лиц под залог своих парцелл. Землевладельцы-кредиторы используют эти парцеллы по своему усмотрению, эксплуатируя должников в качестве наемных рабочих. Если последним не удастся выплатить долг в положенный срок, заложенная земля переходит в собственность кредиторов или они перепродают ее тем, кто предлагает лучшую цену⁴⁷.

Многие эхидатари вынуждены работать по найму у землевладельцев, искать работу в городах или уходить на заработки в США в качестве брасерос. Даже по официальным данным переписи 1950 г., 263 тыс. эхидатариев работали в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих — хорналерос и еще 148 тыс. были заняты по найму на других работах⁴⁸. Таким образом, четверть общего числа эхидатариев вынуждена была искать заработка вне своих хозяйств. Но есть и другая, противоположная сторона процесса социальной дифференциации эхидального сектора — выделение богатой прослойки, эксплуатирующей эхидатариев-бедняков. Как отмечается в программе Мексиканской коммунистической партии, «крайне незначительная прослойка эхидатариев, состоящая преимущественно из продажных руководителей, обогатилась и эксплуатирует как крестьян, так и сельских рабочих»⁴⁹.

Наряду с эхидос существует и другой тип общин — традиционная индейская община. Членов таких общин насчитывается около 500 тыс.⁵⁰ На их долю в 1950 г. приходилось всего 4% сельскохозяйственных земель страны. Однако в Южно-Тихоокеанском районе на их долю приходилось более 20% сельскохозяйственных угодий, причем в Оахаке — 34%⁵¹. Как отмечают мексиканские авторы Р. Фернандес-и-Фернандес и Р. Акоста, традиционная община в настоящее время переживает эволюцию: в одних случаях — в направлении эхидальной формы, в других — частной собственности⁵².

Многие эти общины расположены в самых отдаленных и отсталых районах примитивного земледелия. Большинство индейских семей страдает от бедности, неграмотности, отсутствия медицинской помощи.

* * *

Частный сектор в мексиканском сельском хозяйстве являет собой картину резких контрастов. По переписи 1960 г., в стране насчитывалось 1005 тыс. мельчайших хозяйств площадью до

Сбор плодов агавы

5 га каждое (73,6% всех частных владений), но на них приходилось всего лишь 1,3% общей площади этого сектора (889 тыс. га)⁵³. На другом полюсе 10,5 тыс. владений площадью свыше 1000 га каждое (0,7% от общего числа частных владений) сконцентрировали 81 млн. га, или 76% всей площади частных земельных владений. При этом 1,7 тыс. хозяйств (0,1% общего числа) площадью свыше 10 тыс. га каждое владели почти 53 млн. га, или без малого половиной земельной площади частноговладельческого сектора.

Небезынтересно сравнение этих данных с переписью 1930 г. В то время насчитывалось 577 тыс. мельчайших хозяйств до 5 га (две трети от общего числа), они занимали 889 тыс. га, меньше 1% земель частного сектора. К 1950 г. число таких хозяйств значительно выросло (на 46%), увеличилась и занимаемая ими площадь (на 53%). Доля их в общей площади част-

ного сектора хотя и возросла по сравнению с 1930 г., но, как явствует из сказанного выше, все еще чрезвычайно мала. Значительное увеличение числа мельчайших частных хозяйств наряду с ростом эхидального сектора является одним из важнейших сдвигов в аграрной структуре Мексики за последние десятилетия. Бедность большинства таких мелких хозяев представляет собой серьезную проблему мексиканской деревни.

Что касается крупных владений свыше 1000 га, то их число к 1950 г. несколько уменьшилось по сравнению с 1930 г. — с 13,4 тыс. до 10,5 тыс. Занимаемая ими площадь сократилась со 103 млн. до 81 млн. га⁵⁴. Эти цифры в известной степени отражают происшедшие в стране аграрные преобразования, раздел крупнейших латифундий. Однако, как явствует из приведенных выше данных переписи 1950 г., степень концентрации земли в руках крупных землевладельцев чрезвычайно высока. По своему социальному составу этот слой претерпел известные изменения. Появилась крупная аграрная буржуазия. В рядах ее ныне важное место занимают трансформировавшиеся в капиталистических собственников помещики и новые владельцы земли, многие из которых связаны с правящими кругами⁵⁵. Наряду с владениями, принадлежащими представителям аграрной буржуазии, сохраняется и некоторое количество латифундий старого типа. Кроме того, многие прежние латифундисты, действуя окольными путями, при посредстве родственников, подставных лиц и т. д. сумели сохранить фактический контроль над огромными земельными владениями.

О глубоких социально-экономических контрастах, существующих в мексиканской деревне, говорят и данные переписи 1950 г. о стоимости товарной продукции, произведенной в различных группах частновладельческих хозяйств. Из 1365,6 тыс. таких хозяйств 383,2 тыс., или 28,1%, вообще не имели товарной продукции. 294,3 тыс. хозяйств (21,6%) произвели товарной продукции стоимостью до 100 песо каждое; в общей стоимости товарной продукции частновладельческих хозяйств их доля составила всего лишь 0,7%. Еще 304 тыс. хозяйств (22,2%) с годовой товарной продукцией от 100 до 500 песо произвели лишь 28% всей товарной продукции частновладельческих хозяйств. Вместе эти три группы насчитывали 981 тыс. хозяйств, или 71,9% от общего числа частновладельческих хозяйств, на их долю пришлось лишь 3,5% всей товарной продукции⁵⁶.

С другой стороны, на долю 8,4 тыс. крупных производителей (0,6% от общего числа частных хозяйств), стоимость товарной продукции у каждого из которых составила 50 тыс. песо и более, приходилось 43,3% товарной продукции частновладельческих хозяйств. Кроме того, имелось 14,4 тыс. хозяйств с товарной продукцией от 20 до 50 тыс. песо и 22,8 тыс. хозяйств — с товарной продукцией от 10 до 20 тыс. песо. Вместе на эти три

группы, составлявшие всего лишь 3,3% от общего числа частновладельческих хозяйств, приходилось 70,7% стоимости товарной продукции, произведенной во всех частновладельческих хозяйствах⁵⁷.

Выше речь шла о тех категориях сельского населения, которые имеют землю, хотя бы небольшие участки. Но важнейшей характерной чертой современной мексиканской деревни является то, что и в настоящее время, полвека спустя после начала аграрной реформы, существует большое количество безземельных крестьян. Их более 3 млн., и они составляют около половины сельского самостоятельного населения⁵⁸.

Для многих таких крестьян работа по найму в сельском хозяйстве является единственным источником дохода. Сельскохозяйственные рабочие, ряды которых продолжают пополняться разорившимися крестьянами, — весьма значительная часть сельского населения. В 1950 г. в Мексике насчитывалось около 1,5 млн. сельскохозяйственных рабочих (менее трети самостоятельного сельского населения)⁵⁹. В 1960 г. их было уже 3,3 млн. из 6,1 млн. сельского самостоятельного населения, т. е. более половины⁶⁰. Концентрация их наиболее значительна в районах более высокого развития капитализма в деревне: на севере, северо-западе и северо-востоке страны. Кроме безземельных крестьян, в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих вынуждены работать также нередко мелкие крестьяне и члены их семей.

Чрезвычайно острой является проблема занятости сельскохозяйственных рабочих: лишь небольшая часть их имеет постоянную работу, остальные заняты сезонно, главным образом в период уборки. В поисках работы многие вынуждены кочевать из одного района в другой по мере завершения уборочных работ. В сельских районах существует также скрытая безработица, масштабы которой очень велики. По подсчетам М. Де Ла Пенья, в сельском хозяйстве существует такое количество безработных, которое эквивалентно более 1,5 млн. постоянно безработных, или около 25% сельского самостоятельного населения⁶¹.

Муниципальные власти обязаны устанавливать минимум заработной платы сельскохозяйственным рабочим, но он, как правило, не соблюдается. Зарботки сельского пролетариата очень низки, что в значительной степени объясняется малочисленностью и слабостью сельских профсоюзов. По сообщению М. Де Ла Пенья, дневные ставки сельскохозяйственных рабочих колеблются от 3 до 15 песо, составляя в среднем по стране 8 песо, и 6 песо — в более населенных районах. Средний заработок городского жителя — 10—15 песо в день⁶².

Безработица и низкие ставки заставляют многих сельских рабочих искать заработка в США. Их называют брасерос (бук-

важно — люди, живущие трудом своих рук); по существу они являются поденщиками, подсобными рабочими. В конце 50-х — начале 60-х годов число лишь официально законтрактованных брасерос, пересекавших ежегодно северную границу, достигало 400—500 тыс.⁶³ Жестокая эксплуатация дешевого труда брасерос является выгодным источником прибылей для владельцев крупных капиталистических ферм в США. Проблема брасерос вызывает большую озабоченность у мексиканской общественности. Она стала серьезным вопросом и в отношениях Мексики с ее северным соседом⁶⁴.

С развитием капитализма в мексиканской деревне, с ростом товарности сельского хозяйства все большую остроту приобретает вопрос о посредниках, которые контролируют скупку, переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции и грабят как крестьян, так и городских потребителей. По утверждению Мексиканской федерации сельскохозяйственных организаций, посредники получают ежегодно около 5 млрд. песо. На рубеже 60-х годов это составляло треть стоимости валовой продукции сельского хозяйства.

Серьезной проблемой является проникновение иностранного капитала в сельское хозяйство Мексики. Иностранные монополии занимают доминирующие позиции в производстве, переработке и сбыте ряда важных сельскохозяйственных культур. Особенно это касается хлопка и кофе. Андерсон и Клейтон, Мак Фадден, Хоэнберг и другие концерны контролируют более 60% производства хлопка в стране⁶⁵. В программе МКП отмечается: «Империалистические монополии жестоко эксплуатируют все слои сельского населения, особенно в районах развития сельского хозяйственного производства»⁶⁶.

Жизненный уровень многих мексиканских сельских тружеников все еще чрезвычайно низок. Этот факт является в Мексике общепризнанным. О бедности в деревне не раз говорил нынешний президент Г. Диас Ордас, который заявлял, что «наши братья в сельских районах бедны и слабы», что сельский рабочий «все еще бедствует» и т. п.⁶⁷ О тяжелых условиях жизни многих сельских семей свидетельствуют, например, следующие данные переписи населения 1960 г.: из 17 млн. сельских жителей 6 млн., т. е. более трети, совершенно не потребляют таких продуктов, как мясо, рыба, молоко, яйца; 3,7 млн. сельских жителей не имеют обуви; в деревне 7 млн. неграмотных⁶⁸.

Итак, картина социально-экономического положения мексиканского крестьянства сложна и противоречива. Анализу положения в мексиканской деревне значительное внимание уделено в новой программе Мексиканской коммунистической партии, в которой к числу наиболее важных антагонизмов современно-го мексиканского общества отнесено «противоречие между крестьянами, с одной стороны, и полуфеодальными землевладель-

цами и крупной аграрной буржуазией, завладевшей лучшими землями, с другой. Это противоречие достигло критической точки, что находит свое выражение в огромном недовольстве среди бедных крестьян»⁶⁹.

В программе МКП сформулирован ряд требований в защиту насущных интересов трудящихся масс на современном этапе. Главное требование, которое компартия выдвигает для удовлетворения чаяний крестьянства,— это радикальная аграрная реформа. Содержание этого лозунга раскрывается в программе следующим образом. Ликвидация латифундий и всех видов крупной земельной собственности. Максимальный размер для частных наделов должен составлять не более 25 га орошаемой земли или эквивалентной площади земли другого качества. Отмена прав на неотчуждаемость владений в скотоводстве. Передача экспроприированной таким образом земли безземельным и малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Поощрение и развитие коллективных форм обработки земли. Уничтожение жестоких форм эксплуатации крестьянства со стороны аграрной буржуазии, ростовщического капитала, крупной буржуазии и монополистических групп, действующих при помощи своих коммерческих и кредитных инструментов, а также со стороны империалистических объединений, использующих демпинг, кредит, монопольно низкие закупочные цены, монопольно высокие цены на получаемые крестьянами товары и т. д. Национализация системы сельскохозяйственного кредита как часть национализации кредитной системы в целом, предоставление крестьянам выгодных и достаточных займов по низким процентам

В интересах трудящегося крестьянства формулируется также ряд требований, касающихся социального обеспечения, водоснабжения, квалифицированной технической помощи, сельскохозяйственного образования и т. д.

В программе выдвигается идея создания крестьянских комитетов, которые контролировали бы раздел земель и другие мероприятия, предусматриваемые радикальной аграрной реформой, и заменили бы существующие местные органы Аграрного департамента. Выдвигаются также требования отмены реакционных поправок к 27-й статье конституции и разработки нового Аграрного кодекса.

Программа МКП с особой силой подчеркивает значение союза рабочего класса и крестьянства как основной силы демократического широкого антиимпериалистического фронта, который должен будет объединить и организовать демократические и патриотические силы Мексики в борьбе против империалистического угнетения, за необходимые социально-экономические преобразования.

Глубокие социально-экономические противоречия в мексиканской деревне являются той почвой, на которой разворачивается борьба крестьянских масс за землю и другие насущные требования. Первая половина 60-х годов отмечена подъемом этой борьбы. В программе МКП отмечается: «Выступления рабочих в 1958—1959 гг. получили широкий отклик в деревне и содействовали возрождению революционных традиций мексиканских крестьян»⁷⁰. Победа революции на Кубе, кубинская аграрная реформа также оказали большое влияние на пробуждение крестьянских масс Мексики.

Формы борьбы крестьян различны. Широкое распространение получили, например, захваты помещичьих земель. В разных районах страны крестьяне, многие из которых десятилетиями тщетно ждали удовлетворения прошений о наделении их землей, захватывают земли латифундистов, начинают их обрабатывать. В 1961—1962 гг. тысячи крестьян принимали участие в захватах помещичьих земель в штате Морелос под руководством известного лидера крестьянских движений коммуниста Рубена Харамильо⁷¹. Широкий размах в последние годы получили захваты земель в штатах Чиуауа, Сонора, Дуранго и др.⁷²

Крестьяне устраивали также демонстрации, манифестации, походы в столицы штатов и в г. Мехико. Так, например, в г. Торреон (штат Коауила) 28 января 1963 г. состоялась демонстрация 3 тыс. крестьян. Демонстранты несли плакаты: «В деревне голод», «Требуем работы, своевременных и достаточных кредитов». Демонстрация была организована «Союзом обществ коллективного эхидального кредита района Ла Лагуна, 1940—1963 гг.», который возглавляет Артур Орона, один из лидеров демократического крестьянского движения⁷³.

Весной 1963 г. провели поход в столицу страны около 2 тыс. крестьян из отдаленных районов на севере страны, занимающиеся добычей воска и волокна из дикорастущих растений. Крестьяне настаивали на отставке администратора кооперативного объединения «Ла Форесталь», скупающего у них продукцию и безжалостно эксплуатирующего их. Они требовали также созыва уже созданной ранее «Комиссии пустыни» («Comisión del Desierto»), которая должна заниматься вопросами экономического развития района, где они живут⁷⁴.

В начале января 1964 г. провели манифестацию триста эхидатариев, занятых в производстве хенекена в штате Юкатан. Они протестовали против махинаций Аграрного банка и других банков с ценами на волокно хенекена. Крестьяне утверждали, что в результате этих махинаций они понесли ущерб в 18 млн. песо⁷⁵.

Выступления крестьян часто вызывают жестокие репрессии со стороны землевладельцев и тех, кто им покровительствует. Огромное возмущение вызвало в Мексике и за ее пределами убийство в мае 1962 г. в Тлакильтенанго (штат Морелос) Рубена Харамиллы и его семьи. Во время налета полиции и нанятых помещиками бандитов на деревню Эль Пасифико (штат Герреро) в июле 1963 г. несколько крестьян было убито и многие ранены. 96 крестьян было арестовано за участие в захватах земель в районе Пенхамо (штат Гуанахуато) в октябре 1963 г.⁷⁶

Наиболее важным моментом в крестьянском движении последних лет явилось образование Независимого крестьянского центра. До недавнего времени в Мексике крупнейшей общенациональной крестьянской организацией была Национальная крестьянская конфедерация (НКК), созданная в 1938 г. и являющаяся проводником политики правительства в деревне. Она представляет собой основу аграрного сектора правящей Институционно-революционной партии.

В начале 60-х годов прогрессивные силы в Мексике развернули деятельность, направленную на создание независимого крестьянского объединения. I съезд Независимого крестьянского центра (НКЦ) состоялся 6—8 января 1963 г. в г. Мехико. На нем присутствовало около 3 тыс. делегатов, представлявших до полумиллиона крестьян. С приветственной речью к участникам съезда обратился бывший президент генерал Л. Карденас. На съезде были приняты Декларация принципов, программа и ряд резолюций. Были избраны руководящие органы, в частности коллективный генеральный секретариат из трех человек со сроком полномочий в два года. Основной целью НКЦ была провозглашена борьба за радикальную аграрную реформу⁷⁷. Его программа требовала национализации всех латифундий, принадлежащих как иностранцам, так и мексиканцам, и распределения этих земель среди эхидатариев. Она предусматривала предоставление крестьянам достаточных долгосрочных кредитов по пониженным процентам. Большое внимание в программе было уделено защите крестьян от гнета иностранных монополий.

НКЦ выступал за союз рабочего класса и крестьянства, за солидарность трудящихся города и деревни. В программе НКЦ ставилась задача объединения в профсоюзы всех сельскохозяйственных рабочих, говорилось о необходимости демократизации системы просвещения, развития культуры индейцев в соответствии с их традициями и обычаями. Предусматривались также меры по улучшению здравоохранения в сельских районах. НКЦ требовал демократизации политического режима в стране, превращения в жизнь принципов конституции. Он настаивал на освобождении всех заключенных политических и профсоюзных

деятелей, прекращении преследования участников крестьянского движения.

НКЦ выступал против политики холодной войны, против агрессивной политики США в отношении Кубы, за всеобщее и полное разоружение, в поддержку политики мирного сосуществования, за развитие торговых и культурных связей с социалистическими странами.

Образование НКЦ вызвало широкие отклики в стране. Демократическая общественность Мексики встретила создание НКЦ с большим удовлетворением. Активную поддержку оказала НКЦ Мексиканская компартия.

* * *

Подъем крестьянского движения имел огромные последствия. Обострение положения в деревне, явственно обозначившееся в начале 60-х годов, тенденция к созданию независимой от правительства демократической крестьянской организации общенационального масштаба оказали большое воздействие на курс аграрной политики правящих кругов.

Как уже отмечалось выше, в 40—50-х годах темпы наделения крестьян земель резко сократились. Если в период широких аграрных преобразований при Карденасе было распределено около 18 млн. га земли, то при последующих трех президентах М. Авиле Камачо, М. Алемане и А. Руисе Кортинесе соответственно 5,9 млн., 5,3 млн. и 3,2 млн. га⁷⁸.

При правительстве А. Лопеса Матеоса (1958—1964 гг.) количество распределяемых земель вновь резко пошло вверх. За девять месяцев правления, прошедших ко времени первого президентского отчета А. Лопеса Матеоса, было распределено 1,2 млн. га земли. За второй год президентства (1959—1960 гг.) — 2 млн. га, за третий (1960—1961 гг.) — 3, 5 млн. га, за четвертый (1961—1962 гг.) — 3,4 млн. га, за пятый (1962—1963 гг.) — 2,1 млн. га, за шестой (1963—1964 гг.) — 3,9 млн. га⁷⁹. Общая сумма распределенных земель за шестилетие составила 16 млн. га. При этом обращает на себя внимание тот факт, что особенно резкий скачок произошел на рубеже 60-х годов, в период, когда активизировалась борьба крестьян и были сделаны первые серьезные шаги к организационному объединению независимого демократического крестьянского движения. Докладывая о деятельности администрации за прошедший год, президент А. Лопес Матеос сообщил в своем ежегодном отчете за 1961 г., что «был сделан особый упор на окончательную, радикальную ликвидацию латифундий»⁸⁰. Среди латифундий, разделенных в 1961 г. между эхидатарями, были крупнейшие владения, являвшиеся ранее собственностью иностранных ком-

паний: поместья площадью 108 тыс. га в штате Оахака, принадлежавшие до этого «Риел Истейт К^о», 82 тыс. га угодий в штатах Нуэво-Леон и Тамаулипас, бывшие ранее собственностью «Интернейшнл Лэнд Инвестмент К^о» и др. Еще в 1960 г. были лишены права на неотчуждаемость некоторые крупные скотоводы, их владения общей площадью 104 тыс. га были конфискованы⁸¹ и переданы крестьянам. Всего за шестилетие ликвидировали 46 таких скотоводческих имений⁸². Было положено начало организации нового типа эхидальных хозяйств — скотоводческих, число которых достигло 86. Их удельный вес в скотоводстве составил в 1963 г. 30%⁸³. Были восстановлены права индейских общин на земельные участки общей площадью 2,3 млн. га.

В конце 1962 г. был отменен закон о колонизации земель на том основании, что он тормозил осуществление аграрной реформы. Как отмечалось в президентском отчете за 1963 г., эта мера покончила с торговлей участками, являющимися собственностью государства, и должна была ликвидировать возможность нарушений Аграрного кодекса путем таких разделов, которые не приносят никакой пользы для крестьян, имеющих право на наделение землей⁸⁴.

Выступая в сентябре 1962 г., президент А. Лопес Матеос сообщил, что призвал губернаторов штатов ускорить решение дел, которые касаются наделения землей и находятся в их компетенции, «поскольку в значительной степени спокойствие и трудолюбие крестьян зависят от своевременных и справедливых решений»⁸⁵.

Демонстрируя заинтересованность в скорейшем разрешении земельного вопроса, президент А. Лопес Матеос в то же время неоднократно подчеркивал, что урегулирование этого вопроса должно быть достигнуто исключительно на почве законности, и не скрывал своего отрицательного отношения к таким формам борьбы крестьян, как захваты земель. «Захваты земель подавлялись,— говорил президент в своем отчете в 1960 г.,— ибо считаем необходимым повторить следующее: все в рамках закона, ничего вне его или посредством насилия, поскольку речь идет о крестьянстве — классе, которому правительство отдает предпочтение»⁸⁶. Аналогичные заявления делались А. Лопесом Матеосом и в последующие годы.

Наряду с наделением значительного числа крестьян землей были предприняты новые шаги и для решения такой важной проблемы мексиканской деревни, как водоснабжение. Была выдвинута задача оросить еще 500 тыс. га к концу срока президентства А. Лопеса Матеоса. Но эта задача не была выполнена полностью: за шестилетие было орошено 364 тыс. га.

С начала 60-х годов правительство Мексики стало выдвигать в качестве главного пункта своей аграрной программы по-

ложение о переходе ко второму этапу реформы — интегральной аграрной реформе⁸⁷. Была начата разработка нового аграрного кодекса. Как явствует из официальных заявлений, основные положения интегральной аграрной реформы состоят в следующем. Интегральная реформа означает «деведение до своего логического конца принципов социальной справедливости применительно к крестьянству, заложенных в конституции республики»⁸⁸. Аграрная реформа — социальная реформа, цель которой состоит не только в том, чтобы разделить землю среди крестьян, но и в том, чтобы добиться повышения их жизненного уровня, улучшения их питания, одежды, жилищных условий, медицинской помощи, образовательного уровня и техники производства⁸⁹. В качестве одной из важнейших задач интегральной реформы указывалось на необходимость повышения производительности труда мексиканских крестьян, уровень которой очень низок. Говорилось о необходимости удовлетворения требований крестьян в отношении наделения землей, водоснабжения, предоставления кредитов и т. п.

Лозунг интегральной аграрной реформы увязывался с перспективами развития экономики страны в целом. Как подчеркивал президент А. Лопес Матеос, «нельзя поддерживать необходимый уровень развития промышленности, сферы обслуживания, если не достигнуто более равномерное распределение дохода и более высокая покупательная способность в аграрном секторе»⁹⁰.

Как отразилось провозглашение нового этапа аграрной реформы на механизме государственного регулирования сельскохозяйственной экономики? Мы имеем в виду комплекс государственных мероприятий в области кредитования, страхования, регулирования сельскохозяйственных цен, ирригации и т. д., сложившийся в Мексике после революции, в особенности со времени реформ Карденаса.

Государственное регулирование сельского хозяйства в Мексике, имеющее ряд общих черт с подобными мероприятиями в промышленно развитых капиталистических странах, отличается и некоторыми особенностями⁹¹. Оно сочетается с широкой земельной реформой, сильно изменившей аграрную структуру страны и приведшей к образованию эхидального сектора. Существование последнего придает определенную специфичность государственному регулированию сельского хозяйства в Мексике.

Поддержка эхидального сектора постоянно провозглашается важнейшей целью аграрной политики мексиканского правительства и, если судить по официальным заявлениям, занимает важное место в государственных мероприятиях по регулированию сельскохозяйственной экономики. В то же время немалую реальную поддержку из государственной казны получает част-

нособственнический сектор в деревне, в особенности крупные производители сельскохозяйственной продукции.

Если с момента провозглашения интегральной реформы был сделан значительный шаг вперед в наделении крестьян землей, то в таких сферах экономической помощи сельскому хозяйству, как кредитование, регулирование цен, страхование посевов и скота, прогресс был, на наш взгляд, значительно более ограниченным. Еще прошлое десятилетие было отмечено быстрыми темпами увеличения частных и государственных кредитов сельскохозяйственным производителям. За последние годы правительство предприняло новые меры, которые должны были содействовать дальнейшему увеличению притока кредитов в сельское хозяйство. Государством были покрыты пассивы Национального банка эхидального кредита и предоставлены средства для проведения его операций, была оказана поддержка также Национальному банку сельскохозяйственного кредита, предоставляющему займы частным владельцам. В начале 60-х годов было положено начало новому типу кредитных учреждений — аграрным банкам. Особенностью их является прямой контакт с эхидатариями как в отношении контроля над расходованием предоставленных кредитов, так и в смысле личного участия эхидатариев в кредитных операциях, в прибылях и убытках, связанных с ними⁹².

В 1959 г. Банк эхидального кредита предоставил займов на 1176 млн. песо, Банк сельскохозяйственного кредита — на 480 млн. песо, т. е. общая сумма их кредитов составила 1656 млн. песо. В 1960 г. она равнялась примерно 2 млрд. песо, в 1964 г. составила около 2,25 млрд. песо⁹³. Увеличились также займы сельскому хозяйству по линии государственных учреждений — Банка внешней торговли, «Финансьера насиональ Асукарера» и др. Общая сумма их кредитов в 1964 г. превышала 1 млрд. песо⁹⁴.

Но все большую роль в финансировании сельского хозяйства играет частный капитал. Его роль в этой области резко возросла еще в 50-е годы. В 1955 г. частные банки предоставляли деревне кредитов на 1,5 млрд. долларов, а в 1964 г. — на 3,3 млрд. долларов, или в 2 с лишним раза больше. Правительство содействовало притоку частных капиталов в сельское хозяйство. Еще в первом ежегодном отчете в 1959 г. президент А. Лопес Матеос сообщил о новых правилах операций частных банков, согласно которым до 35% их ресурсов должно было направляться на финансирование сельскохозяйственной экономики⁹⁵. Правительство старается привлечь частные банки к кредитованию эхидального сектора. С 1959 по 1964 г. частные банки предоставили этому сектору кредитов на 5,1 млрд. песо⁹⁶.

Привлечению частных кредитов содействовала программа страхования посевов и скота. В 1959 г. она распространялась

на 1,8 млн. га посевных площадей, в ней участвовало полмиллиона крестьян. Только что начатое в это время страхование в скотоводстве охватывало 88 тыс. голов скота⁹⁷. В 1963 г. была создана специальная организация по страхованию «Асегурадора насиональ агрикола и ганадера». В 1964 г. ее операциями было охвачено уже 2,9 млн. га земли и 440 тыс. голов скота. Число крестьян, принимавших участие в программе страхования посевов и скота, достигло миллиона⁹⁸. Общая сумма кредитов государственных и частных банков, предоставленных сельскому хозяйству, составила в 1959 г. 5 млрд. песо, а в 1963 г. — более 8 млрд. песо.

Однако эти общие цифры, фигурирующие в официальных заявлениях, не дают ответа на весьма важный вопрос, имеющий первостепенное значение с точки зрения социальной, классовой структуры современной мексиканской деревни, — как распределялись эти кредиты внутри эхидального и частного секторов. Выше, например, приводились данные о резких контрастах в частном секторе в смысле обеспечения земель, доли в общем объеме сельскохозяйственной продукции. Какая часть кредитов пришлась на долю крупных производителей и какая — на долю мелких? В заявлениях прогрессивных, демократических организаций, а также и в некоторых недавно опубликованных работах мексиканских ученых по-прежнему подчеркивается острая нехватка кредитов в эхидальном секторе, указывается, что большинство эхидатариев не охвачено операциями государственных банков.

Как для массы мелких частных собственников, так и для большинства эхидатариев вопрос о получении кредитов на приемлемый срок и по умеренным процентам продолжает оставаться самым животрепещущим.

Некоторые мероприятия были предприняты в области организации сбыта сельскохозяйственных продуктов. Ранее закупкой и сбытом сельскохозяйственной продукции и регулированием цен на нее занималась государственная организация «Компания экспортера э импортера Мехикана» (СЕИМСА)⁹⁹, в 1961 г. она была преобразована в новую организацию — «Компания насиональ де субсистенсиас популарес» (КОНАСУПО)¹⁰⁰. Правительство предоставило новой государственной компании капитал на сумму в 1 млрд. песо. В отчете президента страны за 1961 г. цели КОНАСУПО были охарактеризованы следующим образом: «Увеличить доход от сельского хозяйства посредством гарантированных цен на важнейшие его продукты, поддерживать резервы товаров первой необходимости, которые обеспечивали бы снабжение страны, и регулировать цены, уплачиваемые населением за эти товары на рынках»¹⁰¹. Подчеркивалось, что создание КОНАСУПО будет содействовать осуществлению интегральной реформы; в част-

ности, справедливые цены должны помочь укреплению экономики эхидального сектора.

КОНАСУПО действует в контакте с государственной организацией «Альмасенес насьоналес де депозито», располагающей сетью складов и хранилищ. Эта сеть постоянно расширяется. Ее общая емкость возросла с 1123 тыс. тонн в 1959 г. до 2125 тыс. в 1964 г., т. е. почти вдвое, а капитал — с 85 млн. до 300 млн. песо за тот же период¹⁰². Закупка и сбыт КОНАСУПО сельскохозяйственной продукции по гарантированным ценам достигли значительных масштабов. Общая стоимость запасов этой компании в 1959 г. достигала 1,8 млрд. песо¹⁰³. В отчете президента за этот год сообщалось, что цены на кукурузу устанавливаются дифференцированно по районам и в зависимости от времени года, с целью регулирования создаются региональные хранилища, предоставляющие кредиты оптовым торговцам и продовольственной индустрии; были реализованы сделки по купле-продаже 670 тыс. тонн пшеницы с промышленниками-мукомолами. В 1961 г. в результате одной лишь сделки мукомольной промышленности было продано около 700 тыс. тонн зерна. Операции эти, таким образом, приносили выгоду не только крупным производителям сельскохозяйственной продукции, но и представителям торговой и промышленной буржуазии, связанным с закупкой, переработкой и сбытом этой продукции.

Яд мер, предпринятых в сфере распределения после создания КОНАСУПО, должен был, по-видимому, продемонстрировать внимание к интересам непосредственных производителей, в том числе и мелких. Сообщалось, например, что мелкие производители кукурузы получили новый стимул к увеличению производства. Им было разрешено сдавать на приемный пункт до 7 тонн зерна, за которые они немедленно получали плату. При продаже этого количества зерна не делалось вычетов за влажность, засоренность зерна и т. п.¹⁰⁴

Прямые закупки сельскохозяйственной продукции у крестьян по гарантированным ценам заняли важное место в деятельности КОНАСУПО, и масштаб их расширяется. За 12 месяцев с сентября 1960 г. путем таких прямых закупок было приобретено у эхидатариес и в частном секторе 1,5 млн. тонн зерна общей стоимостью приблизительно 1,1 млрд. песо¹⁰⁵. А за такой же период в 1962—1963 гг. прямые закупки составили почти 2,5 млн. тонн кукурузы, пшеницы, риса, фасоли на сумму более 2 млрд. песо¹⁰⁶. В общей сложности за шестилетие объем операций КОНАСУПО и ее предшественницы — СЕИМСА по купле-продаже зерна составил 19,6 млн. тонн на сумму 17 млрд. песо¹⁰⁷.

В ноябре 1963 г. гарантированная цена на кукурузу была поднята с 800 песо за тонну до 940 песо. Предполагалось, что

это приведет к увеличению доходов крестьян по данной статье на 980 млн. песо¹⁰⁸. Такая мера, разумеется, послужила новым стимулом к увеличению производства кукурузы.

В 1963 г. был собран самый высокий в истории Мексики урожай пшеницы — 1800 тыс. тонн. Сообщая об этом, президент А. Лопес Матеос указывал, что наряду с достижениями сельскохозяйственной науки, улучшением агротехнических методов этому способствовали такие стимулирующие факторы, как гарантированные цены и государственная система приема и хранения зерна¹⁰⁹.

Сравнение данных о запасах КОНАСУПО осенью 1964 г. с соответствующими данными 1959 г. говорит о прогрессе в производстве и заготовках по государственной линии ряда важнейших сельскохозяйственных культур. Запасы пшеницы в 1959 г. составляли 85 тыс. тонн, в 1964 г. — 1 млн. тонн, кукурузы — соответственно 1178 тыс. и 1200 тыс. тонн, фасоли — 45 тыс. и 170 тыс. тонн, риса — 3 тыс. и 11 тыс. тонн¹¹⁰.

Создание КОНАСУПО и другие меры в сфере государственного регулирования цен, закупок, сбыта сельскохозяйственных продуктов, предпринятые с начала 60-х годов, содействовали росту производства ряда важнейших культур. Из официальных отчетов следует, что такие шаги, как повышение закупочных цен на кукурузу, принесли, по-видимому, некоторую экономическую выгоду сельскохозяйственным производителям. В то же время необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. Хотя изредка в президентских отчетах упоминается об отдельных мероприятиях, которые должны были принести пользу мелким производителям, в целом эти официальные источники почти ничего не сообщают о социальных, классовых аспектах системы государственного регулирования цен, закупок, сбыта сельскохозяйственной продукции, а ведь удельный вес различных социальных слоев деревни в производстве сельскохозяйственной продукции совсем не одинаков. Для частного сектора характерна высокая степень концентрации сельскохозяйственного производства в руках крупных производителей. Известная дифференциация существует и в эхидальном секторе. В какой степени учитываются эти моменты в операциях КОНАСУПО и прочих мероприятиях в сфере распределения сельскохозяйственных продуктов? Ограждаются ли должным образом интересы мелких производителей или выгодами от государственных субсидий пользуются те, кто доминирует на рынке сельскохозяйственной продукции, т. е. крупные предприниматели? Эта серьезная проблема нуждается в специальном исследовании.

Выше говорилось о некоторых мерах правительства, направленных на поддержку эхидального сектора. Следует упомянуть и о других акциях в этой области. Это поможет создать более полное представление о методах, посредством которых

правлящие круги намеревались добиться улучшения положения в этом секторе и одновременно привлечь к себе симпатии эхидатариев, укрепить свое влияние в их среде. В 1959 г., например, был учрежден Национальный фонд содействия развитию эхидос¹¹¹, задачей которого является контроль за использованием общественных фондов эхидос, пресечение имеющихся здесь злоупотреблений¹¹².

В течение 1960—1963 гг. были проведены перевыборы руководящих органов в эхидос. Впервые за время осуществления реформы перевыборы были проведены во всех общинах. В президентском отчете за 1960 г. в связи с обновлением руководящих органов эхидос провозглашалось, что «свободное осуществление права голоса на эхидальных собраниях является самой плодотворной школой нашей демократии»¹¹³. Было создано 70 показательных эхидос, которые должны были служить образцом для соседних общин. В этих показательных эхидос особое внимание было уделено организации первичной промышленной переработки производимой в них сельскохозяйственной продукции.

В слабозаселенных местностях штатов Оахака, Веракрус, Кампече и некоторых других было построено около 150 новых деревень для переселенцев из центральных районов, страдающих от аграрного перенаселения. С целью стимулирования строительства современных жилищ, улучшения обслуживания населения была поставлена задача создать так называемую зону городского типа во всех эхидос. Всего за шестилетие «зоны городского типа» были созданы в 2258 эхидос.

* * *

В июле 1964 г. в Мексике состоялись президентские выборы. Вопросы, связанные с положением крестьянства и аграрной политикой, заняли важное место в предвыборной кампании. Правящая Институционно-революционная партия (ИРП) приложила значительные усилия к тому, чтобы получить поддержку крестьян-избирателей. Ознакомление с многочисленными предвыборными речами кандидата в президенты от ИРП Густаво Диаса Ордаса показывает, что в ходе предвыборной кампании он стремился использовать буквально каждое выступление для привлечения крестьян на свою сторону.

Будучи избран президентом, Г. Диас Ордаc уже в первом послании по поводу вступления в новую должность уделил большое внимание аграрным проблемам. Последние были упомянуты в послании с перспективами развития экономики страны в целом. В нем указывалось, что необходимой предпосылкой подъема экономики является расширение покупательной спо-

собности масс. В послании был провозглашен следующий тезис: «Укрепление экономического положения масс означает также образование капитала, ибо нет лучшего стимула экономического развития, чем постоянно растущий рынок. Без рынка нет производства, а без покупательной способности масс нет рынка. Мы вновь повторяем, что в окружении нищеты ни одно предприятие не может процветать»¹¹⁴. Деревня безоговорочно вносила свой вклад в развитие индустрии, говорил Г. Диас Ордас, ныне индустрия должна помочь разрешить проблемы деревни.

«Аграрная проблема, — заявил Г. Диас Ордас, — является самой серьезной и трудной в экономической, политической и социальной жизни Мексики»¹¹⁵. Подобно своему предшественнику, он провозгласил главной целью своей политики в деревне осуществление интегральной аграрной реформы. Он говорил о бедности в сельских районах, о «нехватке земли, кредита, низком уровне производства, нехватке средств для удовлетворения самых элементарных потребностей крестьянина»¹¹⁶.

Г. Диас Ордас неоднократно повторял традиционное утверждение официальных кругов о том, что соответствующие конституции формы землевладения — эхидо и мелкая частная собственность — должны сосуществовать и оказывать друг другу поддержку. Он утверждал, что ИРП стоит за «скрупулезное уважение» конституции, «отвергающей латифундию как антиэкономическую и антисоциальную», и обещал навсегда покончить с явными и скрытыми латифундиями¹¹⁷. В его выступлениях говорилось о необходимости ускорить рассмотрение крестьянских петиций о наделении землей, форсировать работы по размежеванию эхидальных участков, усилить кредитование эхидатариев и мелких собственников, расширить техническую помощь сельскому хозяйству, содействовать увеличению экспорта сельскохозяйственных продуктов (при условии удовлетворения внутренних потребностей) и «препятствовать всеми возможными законными средствами конкуренции аналогичных импортируемых продуктов»¹¹⁸.

Диас Ордас отмечал также, что необходимо максимально содействовать развитию таких кооперативных форм, как совместное использование машин, объединения по хранению, переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов, организации дополнительных работ в свободное от сельскохозяйственных работ время с целью повышения занятости сельской рабочей силы. В то же время президент постоянно подчеркивал необходимость защиты мелкой частной собственности, привлечения ресурсов частных банков и т. п.

О первых шагах деятельности Г. Диаса Ордаса в области аграрной политики можно судить по традиционному отчету

правительства перед конгрессом. Отчет охватывал период с 1 декабря 1964 г. по 1 сентября 1965 г. В его разделе, посвященном ходу осуществления аграрной реформы, новый президент опять вернулся к перспективам решения земельного вопроса. Оказалось, что за отчетный период было распределено 1,2 млн. га земли среди 28 тыс. крестьян¹¹⁹, т. е., вопреки обещаниям президента во вступительном послании, темпы раздела заметно замедлились в сравнении с последними годами президентства А. Лопеса Матеоса. Сообщение о количестве распределенной за девять месяцев земли Г. Диас Ордас сопровождал замечаниями об ограниченности резервов земель, пригодных для раздела. С момента начала реформы крестьянское население увеличивалось ежегодно в среднем на 50 тыс. При таких темпах, заявил президент, страна не будет располагать землей для всех. Чтобы изыскать резервы, каждый штат был разделен на зоны для проведения работ по землеустройству с целью точного выявления земель, которые могут быть отданы крестьянам.

Президент уделил немалое внимание проблеме технического перевооружения сельского хозяйства. Современная Мексика, по его словам, не может мириться с сохранением способов обработки земли, унаследованных от колониальных времен. Обновление этих методов особенно необходимо, поскольку более половины самодостаточного населения все еще занято в сельском хозяйстве.

По линии государственного кредитования и страхования и от частных банков сельское хозяйство получило за 12 месяцев кредитов на 10,5 млрд. песо, из них 3 млрд. — из частных источников. Была реорганизована и расширена система сельскохозяйственного страхования. Был создан новый Национальный сельскохозяйственный банк с капиталом в 1,5 млрд. песо. Его назначение заключалось в том, чтобы финансировать местные банки и тем самым содействовать притоку новых средств в сельское хозяйство.

В области государственного регулирования, связанной со сферой распределения сельскохозяйственной продукции, произошли изменения. Подверглась реорганизации КОНАСУПО. В отчете президента сообщалось, что «для придания ей большей гибкости» КОНАСУПО превращена в организацию, децентрализованную по службам, с функциями «консультирования, планирования и исполнения». Разумеется, возникает вопрос, означает эта реорганизация усиление или ослабление роли КОНАСУПО в контроле над ценами и т. п. К сожалению, на основании расплывчатой формулировки отчета получить на это ответ не представляется возможным.

Значительным был масштаб государственных закупок сельскохозяйственной продукции. За год, с 1 сентября 1964 г., бы-

ло приобретено 3,2 млн. тонн зерна стоимостью в 3 млрд. песо. В отчете сообщается, что «регулирующие продажи» за девять месяцев составили 1,8 млн. тонн зерна стоимостью 1,6 млрд. песо¹²⁰. Были значительно расширены емкости складов, находящихся под контролем «Альмасенес насьоналес де депозито».

Правительство продолжало осуществлять большие работы по ирригации, по строительству крупных плотин и каналов.

Официальные источники стремятся представить правительственную аграрную политику в наиболее благоприятном свете. Они умалчивают о ее теневых сторонах, о злоупотреблениях правительственных чиновников, о недовольстве крестьян действиями Аграрного департамента, КОНАСУПО и т. п. Между тем даже в буржуазной прессе появляются иногда материалы, показывающие, что положение дел в сфере правительственной аграрной политики обстоит далеко не так благополучно и бесконфликтно, как это пытается представить официальная пропаганда. Весьма примечательно в этом отношении сообщение о секретном заседании в Национальной крестьянской конфедерации весной 1965 г. В нем участвовало более ста представителей местных организаций НКК, присутствовавших в качестве делегатов от эхидатариев на IV Национальной ассамблее ИРП в апреле 1965 г. На заседании присутствовал председатель исполкома ИРП Карлос А. Мадрасо. Хотя встреча проходила за закрытыми дверями, информация о содержании выступлений проникла в прессу.

По сообщению газеты «Эксельсиор»¹²¹, делегаты в самых энергичных выражениях протестовали против злоупотреблений со стороны латифундистов и представителей властей. Жалобы касались прежде всего вопроса о земле. Сообщалось о многочисленных случаях незаконного присвоения земель латифундистами и так называемыми мелкими собственниками, об аренде эхидальных участков и т. п. Представитель Нижней Калифорнии говорил о 20 тыс. крестьян, не имеющих земли, и о 10 тыс. земледельцах, страдающих от отсутствия воды для орошения участков. Он указал, что Аграрный департамент не передает крестьянам земли, относительно раздела которых имеется решение президента. С другой стороны, большие участки захвачены местными и федеральными правительственными чиновниками и иностранцами. Делегат из штата Мичоакан сообщил, что не распределяются среди эхидатариев земли, принадлежащие им по закону. По словам делегата из Халиско, Аграрный департамент тормозит рассмотрение 800 дел о разделе земель и 1300 дел о расширении эхидальных участков¹²².

Все выступавшие настаивали, чтобы Аграрный департамент безотлагательно выполнил решение президента о разделе зе-

мель, реализация которого была отложена и не завершена. Было высказано предложение, чтобы НКК участвовала в распределении земель, на которых проведены работы по ирригации, дабы воспрепятствовать присвоению их чиновниками и латифундистами.

На заседании много говорилось о скандальных злоупотреблениях и аморальном поведении представителей местных судебных властей. Сообщалось, что эхидатарии, требующие в соответствии с законом признания своих прав, подвергаются преследованиям. Во многих частях страны эхидатариев, которые просят о наделении их землей, отправляют в тюрьму. В качестве примера приводился судебный процесс над большой группой эхидатариев в Сан-Бернардо (штат Идальго), которые 30 лет ждут выполнения президентского решения о наделении их землей. НКК просила президента об освобождении этих крестьян.

Многие нарекания участников заседания касались злоупотреблений, жертвами которых становятся крестьяне, когда пытаются реализовать свою продукцию. Отмечалось, что посредники скупают ее у крестьян в момент уборки по ценам, которые намного ниже официальных. В результате «нерадивости или молчаливого потворства эксплуататорам» со стороны служащих КОНАСУПО закупка сельскохозяйственной продукции у крестьян не производится в положенные сроки, в результате чего происходят потери урожая или он попадает на склады спекулянтов¹²³. Делегат из штата Синалоа настаивал, чтобы КОНАСУПО производила закупки непосредственно у крестьян и во время уборки. Это требование было единодушно поддержано другими делегатами, которые заявили также, чтобы представители КОНАСУПО рассчитывались с крестьянами наличными, а не при помощи чеков, как это делается сейчас: крестьянам приходится ездить за 100 км, чтобы получить по чеку деньги, или обращаться к местным спекулянтам и ростовщикам, присваивающим себе часть причитающейся крестьянам суммы.

На заседании было решено, что руководство НКК сделает энергичное представление Аграрному департаменту, чтобы он выполнял возложенные на него задачи. Для содействия работе Аграрного департамента было решено создать специальную комиссию в НКК. Таким образом, помимо весьма разоблачительного материала о деятельности важных органов государственного аппарата, на которые возложено проведение в жизнь аграрной политики правительства, сообщение о секретном заседании НКК дает еще и некоторое представление об усилиях этой организации, направленных на то, чтобы повысить свой престиж в глазах крестьян, укрепить свое влияние на них.

Подъем крестьянского движения, образование Независимого крестьянского центра вызвали большое беспокойство в правящих кругах. Используя различные методы (как репрессии, так и уступки и обещания), они пытались сбить волну независимого крестьянского движения. Однако это им не удалось. Уже в первые месяцы своего существования НКЦ создал целый ряд своих организаций на местах. Активную роль сыграл НКЦ в предвыборной кампании, войдя наряду с компартией и другими прогрессивными силами в Избирательный народный фронт. Руководитель НКЦ Рамон Дансос Паломино был выдвинут кандидатом в президенты от Избирательного народного фронта. Одним из главных лозунгов предвыборной платформы последнего было требование радикальной аграрной реформы. Несмотря на препятствия, чинимые властями, многие крестьяне приняли участие в предвыборной кампании фронта.

Участием в этой кампании, разумеется, не исчерпывалась деятельность НКЦ. В начале 1964 г. состоялось пленарное заседание, посвященное годовщине основания НКЦ. На нем присутствовали 500 делегатов из 25 штатов, а также приглашенные представители других прогрессивных организаций: компартии, Избирательного народного фронта, Движения за национальное освобождение, Национального совета железнодорожников, Независимого рабочего центра. На заседании были отмечены успехи НКЦ. Сообщалось, что численность его рядов составляет приблизительно 1 млн. человек¹²⁴. По всей стране им были созданы комитеты, руководившие выступлениями крестьянских масс. На пленарном заседании была поставлена задача привлечь к этой борьбе более широкие массы и поднять ее на более высокий уровень. Были сформулированы конкретные требования, вокруг которых НКЦ считал необходимым спланировать крестьян: о передаче земли тем, кто ее обрабатывает, об обеспечении их кредитами, об улучшении условий жизни в деревне, в частности введении социального страхования, повышении ставок заработной платы сельским рабочим, и т. д. Пленум решительно потребовал прекращения репрессий со стороны властей в отношении независимого крестьянского движения.

На основе принятых решений НКЦ развернул активную деятельность. Его члены были участниками многих крестьянских выступлений на местах, формулировали и защищали в печати, перед судами конкретные требования крестьян.

Видя, что ни репрессии, ни уступки не в состоянии остановить развитие независимого демократического крестьянского движения, враги НКЦ попытались взорвать его изнутри. В качестве своего орудия правящие круги использовали нескольких

членов исполкома НКЦ во главе с А. Гарсоном Сантибаньесом, который с Р. Дансосом Паломино и А. Ороной был избран в 1963 г. одним из трех генеральных секретарей НКЦ. 10 сентября 1964 г. Гарсон Сантибаньес и несколько его сторонников собрались на секретное заседание и заявили об исключении 11 членов исполкома — коммунистов, составлявших половину членов этого руководящего органа. Однако эта авантюристическая затея провалилась. Р. Дансос Паломино и другие члены исполкома опубликовали заявление с осуждением этой попытки и потребовали в соответствии с уставом созыва пленума Национального комитета НКЦ. Большинство местных организаций оказало им поддержку. На пленуме 4 октября 1964 г. присутствовали 35 из 47 членов Национального комитета, а также представители штатных и местных организаций. Пленум осудил раскольников и исключил их из Национального комитета. Было выражено доверие большинству Национального комитета и одобрена его линия борьбы за радикальную аграрную реформу¹²⁵. Решения пленума свидетельствовали, что тем, кто инспирировал и осуществлял раскол, не удалось разгромить революционное крыло независимого крестьянского движения.

Это подтвердили и события в штате Пуэбла осенью 1964 г. Здесь власти опубликовали проект закона, который был направлен на установление монополии в производстве молока и который ущемлял интересы мелких крестьян-производителей молока и городских потребителей. 13 октября крестьяне, рабочие и студенты провели массовые манифестации против этого мероприятия. Власти бросили против демонстрантов крупные силы полиции. Полицейские стреляли в них, несколько человек было тяжело ранено, были проведены массовые аресты. Многие руководители НКЦ сыграли активную роль в народных выступлениях в Пуэбле. Р. Дансос Паломино, прибывший сюда для участия в манифестациях, был арестован и заключен в тюрьму. Такая же участь постигла местных лидеров НКЦ Бруно Мартинеса и Рауля Маркеса. Расправа с участниками демонстраций в Пуэбле вызвала бурю протеста по всей стране. Губернатор штата А. Нава Кастильо был вынужден подать в отставку. В начале ноября Р. Дансос Паломино и другие заключенные в Пуэбле были освобождены¹²⁶.

В своем заявлении от 3 ноября 1964 г. Президиум ЦК МКП расценил исход событий в Пуэбле как крупную победу народных сил: рабочих, крестьян, студентов. В заявлении, в частности, говорилось: «Тот факт, что требование освобождения Рамона Дансоса, Бруно Мартинеса и Рауля Маркеса... стало знаменем всего народа, является ярким свидетельством роста авторитета и престижа независимой организации мексиканских крестьян и неопровержимым доказательством перед лицом

всей страны, что ни раскольническими методами, инспирированными властями, ни при помощи насилия нельзя подавить НКЦ, имеющий теперь уже глубокие корни в массах»¹²⁷.

Правильность этой оценки положения в НКЦ была подтверждена таким важным событием, как его первый очередной съезд, состоявшийся 6—8 января 1965 г. в г. Мехико. На нем присутствовало более тысячи делегатов из 26 штатов¹²⁸. Съезд единодушно осудил раскольнические действия антикоммунистической, оппортунистической группы Гарсона. В докладе генерального секретаря НКЦ Р. Дансоса Паломино были подведены итоги проделанной работы и сформулированы задачи, стоящие перед организацией¹²⁹. Несмотря на репрессии со стороны властей и действия раскольников, организация значительно выросла и насчитывает 15 штатных федераций и одну региональную.

В докладе, выступлениях делегатов, решениях съезда получила подтверждение и дальнейшее развитие линия борьбы НКЦ, намеченная на его учредительном съезде в 1963 г. Была дана следующая характеристика социального, классового лица этой организации. По своей программе НКЦ представляет интересы мелких и средних крестьян, эхидатариев, издольщиков, сельскохозяйственных рабочих, брасерос и т. д. Он представляет также интересы, совпадающие с интересами мелкой и средней аграрной буржуазии, поскольку она вступает в противоречие с крупным капиталом и империализмом. НКЦ является прежде всего организацией эксплуатируемых масс деревни, источником существования для которых служит их личный труд или продажа своей рабочей силы, тех, кто страдает от эксплуатации со стороны капиталистов и особенно крупного и иностранного капитала. Решающее место в НКЦ принадлежит крестьянам, добивающимся осуществления своих прав на наделение землей. НКЦ стоит за укрепление союза рабочего класса и крестьянства и является важным отрядом в общедемократической антиимпериалистической борьбе.

Главное требование НКЦ — осуществление радикальной аграрной реформы. Это предполагает полное уничтожение латифундий и распределение среди крестьян всей пригодной для обработки земли. Предел мелкой частной собственности не должен превышать 25 га орошаемой земли или эквивалентного количества другой земли. НКЦ будет защищать такую мелкую собственность от посягательств крупной аграрной буржуазии, спекулянтов и т. д. Он выступает за развитие кооперативных форм в деревне: от кредитных обществ до объединений по совместной обработке земли и сбыту продукции, за распространение коллективных эхидос. Радикальная реформа предполагает уничтожение всех форм эксплуатации, которым подвергается крестьянство, решение в интересах трудящихся масс дерев-

ни проблем кредита, водоснабжения, технической помощи, сельского образования и т. п. На этой основе должна быть пересмотрена 27-я статья конституции и разработан новый аграрный кодекс. То есть, как отмечалось на съезде, речь идет о глубокой, коренной перестройке в деревне, о подлинно крестьянской реформе. НКЦ подчеркивает, что радикальная аграрная реформа может быть осуществлена только при активном участии крестьян, широких народных масс. НКЦ настаивает на создании официального органа с решающим участием крестьян в осуществлении раздела земель и контроле над распределением кредитов, водных источников и т. п. Этот орган должен заменить Аграрный департамент, оказавшийся не способным решить проблемы деревни. НКЦ отмечает, что существует известная общность интересов между членами НКЦ и крестьянами, входящими в другие организации, что является базой для совместных действий. На съезде был сформулирован ряд конкретных требований относительно ликвидации латифундий, крупных земельных владений иностранцев в пограничных районах, прав на неотчуждаемость скотоводческих имений и т. п. Вокруг этих требований НКЦ считает необходимым спланировать на борьбу различные организации крестьян.

На съезде вновь были затронуты вопросы общеполитического и антиимпериалистического характера; съезд потребовал освобождения политических заключенных, подчеркнул необходимость усиления борьбы за мир и всеобщее полное разоружение, продемонстрировал солидарность с революционной Кубой и принял решение о вхождении НКЦ в состав Всемирной федерации профсоюзов. Было избрано руководство организации во главе с генеральным секретарем Р. Дансосом Паломино.

На основе решений I очередного съезда НКЦ развернул энергичную деятельность. Из разных районов страны поступали сообщения об активности местных организаций. В апреле 1965 г. в связи с годовщиной со дня убийства Эмилиано Сапаты в Мичоакане был проведен конгресс штатной организации НКЦ, в других местах организованы манифестации, митинги¹³⁰. В мае состоялся пленум ЦК НКЦ, обсудивший неотложные задачи деятельности организации. На пленуме сообщалось о планах проведения в 1965 г. съездов штатных организаций. Была создана представительная комиссия для проведения встреч с представителями правительства, парламента, политических партий, прессы с целью защиты требований трудящихся крестьян. Было решено активизировать работу среди сельской молодежи и женщин-крестьянок. Пленум заявил о солидарности НКЦ с народом Доминиканской Республики, выразил протест против американской интервенции в этой стране и агрессии США во Вьетнаме¹³¹. В соответствии с решением пленума НКЦ совместно с Национальным союзом мексиканских женщин принял уча-

ствие в подготовке национального конгресса крестьянок, намеченного на конец октября 1965 г.

* * *

Итак, спустя полвека после начала аграрной реформы, проблема деревни все еще является самой острой в стране. Это отнюдь не означает, что в мексиканской деревне ничего не изменилось. Аграрный строй претерпел существенные изменения, подорваны позиции старых латифундистов, распределены десятки миллионов гектаров земли, важное место занимает эхидальный сектор, со времени второй мировой войны резко возросло сельскохозяйственное производство. Достижения, таким образом, не малые, но имеется множество нерешенных проблем. Около половины самодеятельного сельского населения все еще не имеет земли, эхидатарины страдают от жестокого малоземелья и отсутствия других средств производства, среди них идет процесс классовой дифференциации; в частном секторе эта дифференциация чрезвычайно глубока; огромные массы земли сконцентрированы в руках крупной аграрной буржуазии, а иногда и в руках старых собственников-латифундистов; иностранные монополии захватили доминирующие позиции в производстве ряда культур; огромная масса крестьян страдает от жестокой эксплуатации со стороны крупного мексиканского и иностранного капитала; бедность в деревне является общепризнанной проблемой.

На этой социально-экономической основе в последние годы в Мексике происходит новый подъем крестьянского движения. Важнейшим моментом явилось возникновение в его рядах крыла, независимого от влияния правящих кругов, создание демократической организации — Независимого крестьянского центра. НКЦ поднял знамя радикальной аграрной реформы, предусматривающей окончательную ликвидацию латифундий и осуществление коренных требований трудящегося крестьянства.

Правящие круги прилагают усилия к тому, чтобы восстановить свое влияние в крестьянских массах, ослабить независимое крестьянское движение. С этим в значительной степени связаны новые моменты в правительственной аграрной политике последних лет: ускорение раздела земель, ряд мер в области кредита, регулирования цен и т. д. Подъем борьбы крестьян, образование Независимого крестьянского центра принесли уже известную пользу, заставили правительство пойти на ряд уступок крестьянству, обещать проведение интегральной аграрной реформы и т. д. В то же время существует большой разрыв между провозглашенными целями аграрной политики прави-

тельства и реальным положением дел. Решения о разделе земель зачастую не выполняются, эхидальные земли присваиваются аграрной буржуазией и чиновниками, представители КОНАСУПО потворствуют спекулянтам и т. д. В этих условиях только в результате борьбы масс, при обеспечении их контроля над осуществлением реформы и государственной помощи сельскому хозяйству, можно добиться радикальных преобразований в деревне в интересах трудящегося крестьянства.

¹ Продукция обрабатывающей промышленности выросла к настоящему времени в 2,5 раза по сравнению с уровнем 1945 г. и составляет более четверти валового национального продукта. Доля сельского хозяйства не превышает одной пятой (см. «México 1963. Facts, Figures, Trends». México, 1963, p. 149).

² «VIII Censo General de Población. 1960». México, 1962, p. 1, 367.

³ N. L. Whetten. Rural México. Chicago, 1948, p. 89.

⁴ «México. Cincuenta años de Revolución», vol. III. México, 1961, p. 231.

⁵ Ibid., p. 47.

⁶ «50 Años de Revolución Mexicana en Cifras». México, 1963, p. 46.

⁷ «El Nacional», 2.IX 1964.

⁸ Ibidem. Следует иметь в виду, что сюда входят и пахотные, и пастбищные, и лесные участки. В 1960 г. первые составляли лишь 20,4% эхидальных земель (см. E. Romero Espinosa. La Reforma Agraria en México. México, 1963, p. 41).

⁹ «50 Años de Revolución Mexicana en Cifras», p. 49.

¹⁰ U. N. CEPAL. «Estudio Económico de América Latina, 1964», vol. 1. Capítulo III. México, Mayo de 1965, p. 36.

¹¹ «50 Años de Revolución Mexicana en Cifras», p. 52; «Anuario Estadístico de los Estados Unidos Mexicanos 1958—1959». México, 1960, p. 475; «Estudio Económico de América Latina. 1964», vol. 1, Capítulo III, p. 6.

¹² «México 1963», p. 104; «Anuario Estadístico de los Estados Unidos Mexicanos. 1962—1963». México, 1965, p. 322.

¹³ «México 1963», p. 104; «El Nacional», 2.IX 1964.

¹⁴ «México 1963», p. 82; «El Nacional», 2.IX 1964.

¹⁵ «Problemas y Perspectivas de la Agricultura Latinoamericana. CEPAL». Mar del Plata. Argentina, 1963, p. 5.

¹⁶ «Сельское хозяйство капиталистических стран». Статистический справочник. М., 1959, стр. 286; «Темпро», 18.V 1964, p. 58.

¹⁷ В 1962/63 г. оно составляло в Мексике 14,5 кг на гектар, в то время как в США — 45 кг, в Италии — 57 кг, Франции — 122 кг, Англии — 193 кг, Японии — 270 кг, Голландии — 518,5 кг («Estudio Económico de América Latina, 1964», vol. 1, Capítulo III, p. 35).

¹⁸ Ibid., p. 36.

¹⁹ Название современной общины — ejido (от латинского ehere — выходить) происходит от наименования некоторых категорий общинных земель в средневековой Кастилии.

²⁰ См. приложение к кн.: E. Flores. Tratado de Economía Agrícola. México — Buenos Aires, 1961.

²¹ Ibidem.

²² «Конституции государств Американского континента», т. II. М., 1959, стр. 367.

²³ Установлены также следующие эквиваленты: 1 га искусственно орошаемой земли равен 2 га естественно увлажненной, 3 га плантаций

кофе, сахарного тростника и т. д., 4 га пастбищной земли хорошего качества, 8 га засушливых пастбищ. В скотоводстве к категории мелкой собственности относятся владения с площадью, необходимой для содержания до 500 голов крупного рогатого скота или соответствующего количества мелкого скота (там же, стр. 376).

²⁴ M. T. De La Peña. El Pueblo y su Tierra, Mito y Realidad de la Reforma Agraria en México. México, 1964, p. 355.

²⁵ E. Romero Espinosa. Op. cit., p. 67.

²⁶ «Código Agrario y Leyes Complementarias». México, 1961, p. 24—25.

²⁷ Ibid., p. 26.

²⁸ Ibid., p. 53.

²⁹ N. L. Whetten. Op. cit., p. 136; «Конституции государств Американского континента», т. II, стр. 374.

³⁰ «Código Agrario...», p. 58.

³¹ Таблица составлена на основании следующих материалов: «Primer Censo Agrícola Ganadero. 1930. Resumen General», vol. 1. México, 1936, p. 19; «Primer Censo Ejidal. 1935. Resumen General». México, 1937, p. 28; «Segundo Censo Ejidal de los Estados Unidos Mexicanos. 1940. Resumen General». México, 1949, p. 28; «Tercer Censo Ejidal. 1950. Resumen General». México, 1953, p. 5; «México en Cifras. 1959». México, 1959, L. 23, 25.

³² A. Gonzalez Santos. La Agricultura. Estructura y Utilización de los Recursos. México — Buenos Aires, 1957, p. 67.

³³ «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal. 1950. Resumen General», p. 53.

³⁴ «México en Cifras. 1959», L. 25; «Tercer Censo Ejidal. 1950. Resumen General», p. 13.

³⁵ «Primer Censo Agrícola Ganadero. 1930. Resumen General», p. 70.

³⁶ «Segundo Censo Agrícola Ganadero de los Estados Unidos Mexicanos, 1940. Resumen General», p. 12.

³⁷ «Segundo Censo Agrícola Ganadero...», p. 12; «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal», p. 208.

³⁸ «México en Cifras, 1959», L. 31.

³⁹ A. Gonzalez Santos. Op. cit., p. 67.

⁴⁰ «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal», p. 211.

⁴¹ «Tercer Censo Ejidal. 1950. Resumen General», p. 5, 68.

⁴² A. Gonzalez Santos. Op. cit., p. 84—86.

⁴³ «Tercer Censo Ejidal. 1950. Resumen General», p. 13.

⁴⁴ E. Romero Espinosa. Op. cit., p. 10, 110.

⁴⁵ «La Voz de México», 22.VIII 1965. Suplemento.

⁴⁶ «Comercio Exterior», Febrero de 1964, p. 94. Апарсерия — издольная аренда с выплатой в качестве ренты определенной части урожая.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ «Tercer Censo Ejidal. 1950. Resumen General», p. 16.

⁴⁹ «La Voz de México», 22.VIII 1965. Suplemento.

⁵⁰ А. Ф. Ш у л ь г о в с к и й. Общинное землевладение и аграрная реформа в Мексике. «Вопросы истории», 1965, № 9, стр. 74.

⁵¹ A. Gonzalez Santos. Op. cit., p. 68.

⁵² R. Fernandez y Fernandez, R. Acosta. Política Agrícola. México — Buenos Aires, 1961, p. 30.

⁵³ Эти и ниже следующие данные подсчитаны автором по переписи (см. «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal», p. 215—218).

⁵⁴ Подсчитано автором по данным «Primer Censo Agrícola Ganadero. 1930. Resumen General», vol. 1, p. 47; «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal», p. 215—218.

⁵⁵ А. Ф. Ш у л ь г о в с к и й. Аграрная реформа в Мексике. «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 81.

⁵⁶ Подсчитано по данным «Tercer Censo Agrícola Ganadero y Ejidal», p. 239—242.

- ⁵⁷ Ibidem.
- ⁵⁸ M. T. De La Peña. Op. cit., p. 24.
- ⁵⁹ A. Gonzalez Santos. Op. cit., p. 125.
- ⁶⁰ «VII Censo General de Población. 1960». México, 1962, p. 367.
- ⁶¹ «Comercio Exterior», Febrero de 1964, p. 92.
- ⁶² M. De La Peña. Op. cit., p. 211.
- ⁶³ Ibid., p. 145.
- ⁶⁴ E. Galarza. Merchants of Labor. The Mexican Bracero Story. San José (California), 1964.
- ⁶⁵ «La Voz de México», 4.II 1963.
- ⁶⁶ «La Voz de México», 22.VIII 1965. Suplemento.
- ⁶⁷ G. Diaz Ordaz. Political Handbook. México, 1964, p. 78.
- ⁶⁸ «VII, Censo General de Población 1960. Resumen General». México, 1962, p. 274, 290.
- ⁶⁹ «La Voz de México», 22.VIII 1965. Suplemento.
- ⁷⁰ Ibidem.
- ⁷¹ «Жизнь, отданная борьбе». М., 1964, стр. 466.
- ⁷² «Política», 1.II 1963; «Excelsior», 5.I 1963, 4.II 1964.
- ⁷³ «Excelsior», 29.I 1963.
- ⁷⁴ «Política», 15.III 1963; «Excelsior», 7—10.III 1963.
- ⁷⁵ «Excelsior», 7.I 1964.
- ⁷⁶ «Excelsior», 21.X 1963.
- ⁷⁷ «Nueva época», Enero — Marzo de 1963, p. 66—69.
- ⁷⁸ R. Ramirez Gomez. Tendencias de la Economía Mexicana. México, 1962, p. 26.
- ⁷⁹ Эти цифры и большинство нижеследующих данных об аграрной политике правительства почерпнуты из ежегодных отчетов президента А. Лопеса Матеоса, опубликованных в газете «El Nacional».
- ⁸⁰ «El Nacional», 2.IX 1961.
- ⁸¹ «El Nacional», 2.IX 1960.
- ⁸² «El Nacional», 2.IX 1964.
- ⁸³ Ibidem.; «El Nacional», 2.IX 1963.
- ⁸⁴ «El Nacional», 2.IX 1963.
- ⁸⁵ «El Nacional», 2.IX 1962.
- ⁸⁶ «El Nacional», 2.IX 1960.
- ⁸⁷ Лозунг интегральной аграрной реформы был сформулирован на состоявшихся одновременно в августе 1960 г. в г. Мехико V Межамериканской конференции по вопросам сельского хозяйства и VI Региональной конференции ФАО для Латинской Америки, в которых приняли участие министры сельского хозяйства латиноамериканских стран.
- ⁸⁸ «El Nacional», 2.IX 1964.
- ⁸⁹ «El Nacional», 2.IX 1963.
- ⁹⁰ Ibidem.
- ⁹¹ С точки зрения характеристики особенностей государственного регулирования в Мексике представляет значительный интерес книга советского исследователя И. К. Шереметьева «Государственный капитализм в Мексике» (М., 1963).
- ⁹² «El Nacional», 2.IX 1961.
- ⁹³ «El Nacional», 2.IX 1960.
- ⁹⁴ «El Nacional», 2.IX 1961; «Tiempo», 18.V 1964.
- ⁹⁵ «El Nacional», 2.IX 1959.
- ⁹⁶ «El Nacional», 2.IX 1964.
- ⁹⁷ «El Nacional», 2.IX 1959.
- ⁹⁸ «Tiempo», 18.V 1964.
- ⁹⁹ CEIMSA — Compañía Exportadora e Importadora Mexicana S. A.
- ¹⁰⁰ CONASUPO — Compañía Nacional de Subsistencias Populares.
- ¹⁰¹ «El Nacional», 2.IX 1961.
- ¹⁰² «El Nacional», 2.IX 1964.

- ¹⁰³ «El Nacional», 2.IX 1959.
¹⁰⁴ «El Nacional», 2.IX 1963.
¹⁰⁵ «El Nacional», 2.IX 1961.
¹⁰⁶ «El Nacional», 2.IX 1963.
¹⁰⁷ «El Nacional», 2.IX 1964.
¹⁰⁸ Ibidem.
¹⁰⁹ «El Nacional», 2.IX 1963.
¹¹⁰ «El Nacional», 2.IX 1959; 2.IX 1964.
¹¹¹ Fondo Nacional de Fomento Ejidal.
¹¹² «El Nacional», 2.IX 1959.
¹¹³ «El Nacional», 2.IX 1960.
¹¹⁴ «Excelsior», 2.XII 1964.
¹¹⁵ G. Díaz Ordaz. Political Handbook. México, 1964, p. 78.
¹¹⁶ «Política», 1.II 1964, p. XXV.
¹¹⁷ Ibid., p. XII—XIV.
¹¹⁸ Ibid., p. XII.
¹¹⁹ «El Nacional», 2.IX 1965.
¹²⁰ Ibidem.
¹²¹ Ibidem.
¹²² «Excelsior», 3.V 1965.
¹²³ Ibidem.
¹²⁴ «La Voz de México», 10.II 1964.
¹²⁵ «La Voz de México», 1964, № 1759.
¹²⁶ «La Voz de México», 1964, № 1758, 1759, 1760; «Política», 15 X 1964.
¹²⁷ «La Voz de México», 1964, № 1759.
¹²⁸ «La Voz de México», 1964, № 1763.
¹²⁹ Ibidem.
¹³⁰ «La Voz de México», 25.IV 1965.
¹³¹ «La Voz de México», 16. IV 1965.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ МЕКСИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

латиноамериканская буржуазия представляет собой весьма сложное и противоречивое явление; отдельные ее национальные группировки значительно отличаются друг от друга по социально-экономическим характеристикам. Наилучшим доказательством этому может служить мексиканская буржуазия. Она представляет собой сложное социально-историческое явление, особенности которого проявляются не только в ее экономических характеристиках, но и в классовых позициях, идеологии и политической деятельности. Об этом, например, пишет в своем весьма интересном труде «Демократия в Мексике» известный мексиканский социолог Гонсалес Казанова. Он, в частности, отмечает, что традиционное деление мексиканской буржуазии на национальную и компрадорскую недостаточно для понимания проблемы, «поскольку как та, так и другая все более тесно переплетаются между собой», а сама буржуазия имеет «широкую идеологическую гамму», из которой уже сейчас можно выделить особый, быстро растущий слой государственно-бюрократической буржуазии, тесно связанной с официальной партией и государством¹. Поэтому конкретность постановки вопроса является, на наш взгляд, непременным условием правильного рассмотрения всех вопросов, связанных с анализом особенностей мексиканской буржуазии. Конкретные социально-экономические и политические характеристики современной мексиканской буржуазии должны быть тесно связаны с рассмотрением и конкретных условий ее социально-исторического развития. Мексиканская буржуазия формировалась различными и сложными путями. Возникновение некоторых ее слоев уходит своими корнями в дореволюционное прошлое. Это часть оли-

гархии, накопившая свои капиталы при режиме Порфирио Диаса (1876—1911 гг.). Мексиканская революция 1910—1917 гг. не затронула основных экономических позиций этой олигархии. Но она оказала на нее, как и на другие группировки мексиканской буржуазии, самое решающее влияние, обусловив ряд существенно новых ее особенностей. Эта олигархия, сохранив свои экономические позиции, сумела быстро «понять» революцию, вступить в ряды «революционной семьи» и, обладая большой экономической силой, найти свое место среди других, более молодых группировок мексиканской буржуазии. К ее представителям можно отнести известных ныне магнатов Итурбиде, Легоррета, Байлереса, Педро Мауса, Армандо Эрнандеса, Антонио Бускета и других, составивших основное ядро финансовой элиты Мексики.

Другим важным источником формирования мексиканской буржуазии явились преобразования, связанные с аграрной реформой. Процесс трансформации бывших помещиков-латифундистов в капиталистов создал в Мексике ряд группировок мексиканской буржуазии, несколько различающихся по своим экономическим интересам. Часть помещиков, лишившись в ходе революции земли, но получив за нее хороший выкуп, переселилась в город и начала вкладывать свои капиталы в быстро развивающуюся промышленность. Другие, сохранив относительно крупные земельные наделы, начали вести на этой земле частнокапиталистическое хозяйство, тесно связанное с городом и внешним рынком.

Одним из важных источников формирования некоторых влиятельных слоев мексиканской буржуазии явились так называемые потомственные революционеры или их близкие родственники. К ним можно прежде всего отнести бывших президентов Мексики Кальеса, Обрегона, Абельардо Родригеса, часть генералитета, некоторых современных представителей финансово-промышленной элиты. Это была эпоха, «когда многие генералы и «революционные» функционеры превращались в частных предпринимателей»². Став предпринимателями, эти люди не оставили государственную службу, а, наоборот, заняли высокие посты в государственном аппарате, «сказочно богатея от тех льгот и преимуществ, которые им давали имя ветерана революции и высокое положение в государственном аппарате»³.

К этой группе по своему происхождению тесно примыкают те многочисленные буржуа, которые обогатились при мексиканских послереволюционных правительствах, будучи уже высокопоставленными чиновниками государственного аппарата, тесно связанными как с государственным сектором, так и с местным и иностранным капиталом.

Значительная группа мексиканской промышленной буржуазии возникла на базе развития мексиканской экономики в усло-

виях благоприятной военной и послевоенной конъюнктуры. Кроме того, некоторые группировки мексиканской буржуазии выросли на почве услуг, особенно в связи с развитием иностранного туризма в Мексику.

Дифференциация мексиканской буржуазии в процессе исторического развития привела не только к появлению многочисленных групп и прослоек, свойственных другим капиталистическим странам, но и к образованию некоторых слоев, которые можно рассматривать как явление чисто «мексиканское», так как в конкретных мексиканских условиях они играют несколько отличную от буржуазии других латиноамериканских стран роль.

Эта качественная сторона основывается на соответствующей социально-экономической структуре, имеющей свои характерные национальные черты. Одной из ее важных черт является наличие сильного государственного сектора, играющего важную роль в экономике страны. В настоящее время мексиканское государство, сосредоточив в своих руках управление государственным сектором, создало систему некоторого контроля над иностранными и национальными частными инвестициями через государственные финансовые институты, что позволило ему обеспечить определенные экономические выгоды от привлечения иностранных и частных национальных капиталовложений в экономику Мексики.

Государственный сектор охватывает различные сферы деятельности, через которые он оказывает влияние на процесс экономического развития. Государственный сектор господствует в стратегически важных отраслях экономики — нефтяной промышленности, электроэнергетике, железнодорожном транспорте, нефтехимии. Причем среди них имеются крупные хозяйственные объединения. Достаточно указать на государственную нефтяную компанию «Пемекс», где работает 45 тыс. рабочих⁴ и которую журнал США «Бизнес уик» включает в число десяти самых крупных компаний в Латинской Америке⁵. Доля государственных капиталовложений в 30 самых крупных предприятиях Мексики составляла в 1964 г. 82,2%⁶. В руках государства находятся крупнейшие металлургические комбинаты «Альтос орнос де Мехико», «Тубос де асеро де Мехико» и машиностроительные заводы «Дизель националь», «Конструктора националь де каррос де феррокариль» и многие другие. Всего, по мексиканским данным, в государственном секторе насчитывается свыше 400 предприятий, на которых работает свыше 165 тыс. рабочих и служащих⁷.

Особое внимание следует обратить на государственную банковскую систему. Мексиканские государственные банки, вместе с частными, играют важную роль в экономической жизни страны. Они являются мощным оружием укрепления экономи-

ческих позиций мексиканской буржуазии. Мексиканские государственные банки оказывают сильное влияние на политическую жизнь страны. Крупнейший государственный «Банко де Мехико» и кредитно-финансовая государственная корпорация «Националь финансьера» оказывают решающее влияние на получение и распределение иностранных кредитов и национальных капиталовложений. Они же дают рекомендации по вопросам экономической политики правительственным органам и выступают гарантами от имени правительства по иностранным займам.

Мексиканский государственный Банк внешней торговли, с образованием в 1959 г. Комитета по импорту государственного сектора, приобретает все большие функции контроля не только над государственным, но и над частным сектором.

Крупные частные банки объединяют вокруг себя мощные промышленно-финансовые монополистические группы, что ведет к возникновению финансовой олигархии. Об этом свидетельствуют, например, такие факты, как быстрый процесс концентрации капитала и централизации банковской системы. Из 107 коммерческих банков 20 действуют самостоятельно, а 87 объединены в восемь финансовых группировок⁸.

Эти восемь банковских объединений держат в своих руках 81,3% всей банковской сети страны. Только шесть крупнейших мексиканских банков контролируют 62,97% всех банковских депозитов, а один лишь «Банко националь де Мехико» — 25,57%⁹. Одновременно идет процесс концентрации вокруг этой большой шестерки самых различных промышленных предприятий. Так, группа «Банко де комерсио» контролирует 20 промышленных, 2 торговых и 3 коммунальных предприятия и оказывает влияние еще на 85 других предприятий¹⁰. Финансовые рычаги контроля являются мощным средством влияния на промышленные компании страны. Это и понятно, если учесть, что только три крупнейших мексиканских банка — «Банко де комерсио», «Банко националь де Мехико» и «Банко интернациональ» — контролируют две трети банковского оборота вкладов и сбережений в Мексике.

Мощные финансово-промышленные объединения ведут постоянную борьбу за рынки, за то, чтобы завоевать прочные позиции во влиятельных правительственных кругах и государственных учреждениях. Частные банки, составляющие ядро финансовой олигархии, тесно сотрудничают с государственными банками и имеют связи с иностранными банками, главным образом группы Моргана. Пресса Мексики и США не без оснований пишет о 500 семействах мексиканских миллионеров, о финансовой элите Мексики, насчитывающей несколько десятков семей. Уже сейчас в стране имеется до десятка промышленно-финансовых объединений. Одним из них является,

например, монтерреевская группа Гарса Сада. Она действует очень активно, создает инвестиционные компании и скупает акции промышленных компаний. По свидетельству журнала «Бизнес уик», эта группа, а также группа Карлоса Тройета («Банко комерсиаль мехикано»), группа Легоррета («Банко националь де Мехико») и группа банкиров, входящих в Мексиканскую ассоциацию эхидального кредита, являются самыми могущественными в Мексике и контролируют свыше 300 крупнейших национальных компаний¹¹. Основываясь на анализе уровня и тенденций социально-экономического развития современной Мексики, XV съезд МКП обратил особое внимание на то, что крупная монополистическая буржуазия, и прежде всего финансовая олигархия, завоевывает решающие экономические и политические позиции в стране. Она проводит политику сотрудничества с американским империализмом в деле эксплуатации трудящихся. «Произошло принципиальное изменение, — отметил в отчетном докладе ЦК МКП XV съезду партии товарищ Арнольдо Мартинес Вердуго, — от споров с иностранным капиталом и попыток ограничить его деятельность мексиканская буржуазия перешла к сотрудничеству с ним»¹².

По мере укрепления своих экономических позиций, мексиканские монополии начинают выходить на внешние рынки, стремясь найти прибыльные сферы приложения капитала за национальными границами. Пока их взоры обращены на экономически наиболее слаборазвитые центральноамериканские страны, а также и на некоторые другие южноамериканские республики. По данным журнала «Висион», химические компании Монтеррея имеют долю капитала в предприятиях по производству синтетических материалов в Чили, Аргентине, Венесуэле и Колумбии. Крупнейшая мексиканская компания «Видриера де Монтеррей» имеет 40% капитала в ряде смешанных мексикано-гватемальских компаний, а «Сербесерия Куаутемок» владеет 50% капитала пивных предприятий Гондураса¹³.

Что же касается позиций иностранного капитала в Мексике, оказывающего определенное влияние на политику мексиканской буржуазии, то этот вопрос должен являться предметом специального исследования. Мы лишь отметим, что, по официальным данным и исследованиям ведущих мексиканских экономистов, иностранный капитал занимает в Мексике сильные позиции. Но они отнюдь не являются доминирующими¹⁴.

Под влиянием общих тенденций капиталистического развития в обстановке зависимости от империализма и остатков докапиталистических отношений капитализм в Мексике достиг высокой степени развития. Доказательством этому служит большая степень концентрации и централизации производства и капитала. Например, промышленные районы Монтеррея или Моикловы — центры высокой концентрации и централиза-

ции производства. «Тяжелая индустрия Монтеррея. — писал посетивший Мексику социолог США Гундер Франк, — похожа на Питтсбург»¹⁵.

Оценивая уровень экономического развития современной Мексики, особенности ее социально-экономической структуры, нельзя не согласиться со словами автора одного интересного исследования современной мексиканской действительности профессора Гарвардского университета Раймонда Вернона о том, что «современная Мексика — это не коллекция разрозненных районов или придаток иностранной экономики. Это страна хорошо развитого государственного сектора, состоящего из государственных или находящихся под контролем государства предприятий, которые постоянно и эффективно действуют. Это страна сильного частного сектора, производящего не только традиционную сельскохозяйственную продукцию, но и действующего в современных отраслях промышленности, банках, торговле»¹⁶.

Под влиянием этих тенденций, усиленных своеобразной политической системой, характерной чертой которой является политическая монополия официальной Институционно-революционной партии, в Мексике сформировались специфические национальные группировки буржуазии, имеющие определенные, присущие только мексиканской действительности, связи и взаимоотношения.

Этой буржуазии, естественно, свойственны общие, характерные и для буржуазии других стран черты, по которым принято группировать буржуазию на мелкую, среднюю и крупную, или, скажем, подразделять буржуазию по сферам приложения капитала на банковскую, торговую либо промышленную или сельскую. Однако эти определения недостаточны для всесторонней характеристики сложных и многообразных процессов, происходящих в среде современной мексиканской буржуазии. Наилучшим подходом к рассмотрению местной мексиканской буржуазии является конкретное изучение ее современных группировок. А так как мексиканская буржуазия — прежде всего буржуазия зависимой от империализма страны, то отношение различных ее слоев к иностранному, главным образом американскому, империализму является одним из главных критериев анализа ее различных группировок.

Конкретный анализ структуры современной мексиканской буржуазии позволяет говорить о наличии в ее среде следующих основных группировок.

Прежде всего это новые, складывающиеся в последние годы группировки местной буржуазии с монополистическими тенденциями, которые, хотя и связаны с иностранным капиталом, имеют свои отличные экономические и политические интересы. Эти группировки все теснее объединяются с государственно-

бюрократической буржуазией и оказывают через нее все возрастающее влияние на политику мексиканского государства. К ним относятся финансово-промышленные объединения, включающие 26 из 400 самых крупных мексиканских компаний, с общим годовым доходом свыше 4 млрд. песо¹⁷. Эти группы монополистической буржуазии объединены главным образом вокруг большой шестерки мексиканских банков. Здесь мы находим и группу Анибала Итурбиде, занимающего 29 постов в советах различных банков и промышленных компаний, и группу Еспиносы Иглесиаса, заседающего в 39 директорских советах.

С большой шестеркой банков связаны и могущественные монтерреевские финансово-промышленные группировки Гарса Сада и Маседо, объединенные вокруг «Банко де Лондрес и Мехико». Эти группировки являются могущественной силой не только в экономике, но и в политике. Они занимают командные позиции в крупнейших предпринимательских организациях — Ассоциации банкиров, Конфедерации патрональных союзов, Конфедерациях торговых и промышленных палат. Однако их позиции противоречивы и изменчивы. Это объясняется прежде всего теми сложными социально-экономическими процессами, которые происходят внутри этой группы мексиканской буржуазии. Одновременный процесс дифференциации мексиканской буржуазии и ее консолидации на основе совпадающих экономических интересов, ведущий к образованию монополистических группировок, затрагивает все более широкие слои крупной мексиканской буржуазии. Логикой развития капитализма самые противоположные группировки мексиканских банкиров и промышленников зачастую оказываются связанными тесными узами общих экономических интересов. Устанавливается тесное сотрудничество между отдельными группами мексиканских финансистов и промышленников, ибо монополистические тенденции концентрируют в одной финансово-промышленной группировке финансы, торговлю и промышленность «Такие люди, как Карлос Тройет, семья Легоррета, Антонио Сакристан и другие основные фигуры, уже с трудом могут сказать, где лежат их основные интересы — в производстве, распределении или финансах»¹⁸.

Другим характерным результатом подобных процессов, протекающих в среде мексиканской буржуазии, явилось и то, что крупнейшие мексиканские банкиры, выступающие за «свободу предпринимательства», против участия государства в экономической жизни, против его конкуренции частному сектору, сами оказались на положении своих людей в государстве. Они все теснее связываются с представителями государственной бюрократии на основе общности экономических и политических интересов. Так, например, банкир Аарон Саенс вместе с пред-

ставителем государственной бюрократии Эдуардо Бустаманте, бывшим в правительстве Лопеса Матеоса министром национальных богатств, владеет акциями «Банко де индустрия и коммерсио». Одновременно Аарон Саенс является совладельцем ряда промышленных предприятий с бывшим президентом Мексики Мигелем Алеманом¹⁹. Подобные же связи существуют между представителями мексиканской финансовой олигархии Гарса Сада и Маседо и представителями государственной бюрократии Мигелем Алеманом, бывшим президентом Мексики Абеярдо Родригесом и бывшим директором государственной нефтяной компании «Пемекс»²⁰ Гутьерресом Ролданом.

Особенно быстро стала расти эта группировка мексиканской буржуазии за последние 10—15 лет. Журнал «Бизнес уик» писал в июне 1964 г. об этой нарождающейся мексиканской монополистической буржуазии как о новой, хотя и связанной с иностранным капиталом, но все же ярко выраженной национальной силе²¹.

Своеобразие этой группировки местной мексиканской буржуазии состоит прежде всего в том, что многие монополисты тесно связаны с государственным аппаратом и одновременно продолжают получать выгоды от иностранных капиталов, идущих через государственные финансовые институты. Но, сохраняя свою связь с иностранным капиталом, все больше национальных монополистических группировок заинтересовано в национальном рынке, в ограждении его от конкуренции иностранных монополий. Обладая внушительной экономической силой, пользуясь поддержкой государственного аппарата, они вступают во все большие противоречия с иностранными монополиями.

Это, конечно, не мешает указанной группировке мексиканской буржуазии оставаться главной реакционной силой в стране, всегда выступающей в союзе со своими иностранными партнерами против освободительного движения. Это «антиимпериализм» более слабого партнера, заинтересованного в получении больших прибылей от эксплуатации природных и людских ресурсов собственной страны за счет вытеснения и ограничения сферы деятельности иностранных конкурентов на внутрикапиталистическом рынке.

Усиление экономических и политических позиций монополистических группировок позволяет им, правда осторожно, ставить вопрос о некотором ограничении хозяйничанья иностранного капитала. Выступая в общем за «свободный обмен капиталов без контроля правительства», Конфедерация торговых палат еще в 1958 г. высказалась за непредоставление привилегий иностранному капиталу на внутреннем мексиканском рынке и подчеркнула, что деятельность иностранного капитала должна проводиться «не в ущерб национальной экономике,

а иметь дополняющий характер»²². В 1964 г. Карлос Тройет выступил с призывом «развивать мексиканскую экономику на национальной основе, ибо иностранные инвесторы заинтересованы главным образом в извлечении прибылей, а не в реинвестициях, чтобы развивать национальную экономику»²³. Подобную же позицию заняли и мексиканские сахаропроизводители, являющиеся самой сильной группировкой в Конфедерации торговых палат, в связи с сокращением американских импортных квот на мексиканский сахар. Глава этой группировки банкир Аарон Сасенс, отметив, что эта мера нанесет ущерб мексиканским промышленникам, прямо предложил принять меры к расширению рынков, чтобы «выйти из этого положения свободными»²⁴. Представители крупной мексиканской буржуазии отвергли, например, предложение Международного банка реконструкции и развития создать при банке арбитраж по рассмотрению споров между иностранными вкладчиками и национальным правительством. Небезынтересно, что резче всех против этого выступил мексиканский финансист Анибал Итурбиде, заявивший, что «Мексика не может допустить повторения 1938 г., когда было засилие иностранных монополий в стране»²⁵.

Другой влиятельной группировкой крупной мексиканской буржуазии является та, которая принимает участие в смешанных компаниях, пользуется иностранными кредитами, связана с иностранным капиталом, являясь в смешанных компаниях младшим партнером иностранных монополий. Это весьма влиятельная группировка, участвующая примерно в 73 из 400 крупнейших компаний Мексики²⁶. К ней принадлежат, например, бывший министр финансов Мексики Эдуардо Суарес, владелец предприятий по производству серы, где преобладает иностранный капитал, видный деятель партии Национального действия Гомес Морин — один из директоров известной компании покрывал «Гудридж эузкади». В этой группировке преобладают тенденции к отрыву от национальной почвы и укреплению связей с иностранным капиталом. Эта группа занимает достаточно сильные позиции в предпринимательских организациях. Ее представители на политической арене — главным образом партия Национального действия и алеманистский так называемый Мексиканский гражданский фронт укрепления революции. Несмотря на известные выгоды от сотрудничества с государственным сектором, эта группировка, связанная с иностранным капиталом, по вполне понятным причинам выступает против чрезмерного влияния государства на экономическую жизнь страны, видя в этом нарушение «священного» принципа частной собственности, ущерб своим экономическим интересам. Ее представители в Конфедерации патрональных союзов прямо заявили правительству, что «государство не создает национальных богатств», оно лишь управляет деньгами, «поэтому их

функции должны быть строго разграничены — частному сектору производить богатства, а государству эффективно управлять частью этих богатств, предназначенной для общественных работ»²⁷. Выступая на XIV сессии Конфедерации торговых палат в сентябре 1962 г., ее тогдашний председатель Санчес Наварро заявил, что в Мексике «нельзя устанавливать режим управляемой экономики, которая все равно, рано или поздно, подавит свободную экономику или свободу предпринимательства»²⁸.

К этой группировке буржуазии примыкает немногочисленная и экономически более слабая прослойка буржуазии, являющаяся клиентурой иностранного капитала и специализирующаяся главным образом на различных услугах иностранным монополиям.

Большим своеобразием отличается 20-тысячная группировка мелкой и средней, в основном промышленной, буржуазии. Ей принадлежит 102 из 400 самых крупных предприятий с годовым доходом каждое в 47 млн. песо²⁹. Данная группировка объединена в Палату обрабатывающей промышленности и придерживается в Конфедерации промышленных палат наиболее ярко выраженных националистических позиций. Это несудивительно, ибо занимая вторые после крупного мексиканского капитала позиции в экономике и политике, находясь, так сказать, на вторых ролях, но будучи теснее других связанными с внутренним рынком, национальные промышленники ищут поддержки государства против более сильных, главным образом иностранных конкурентов, выступают за его участие в экономической жизни. Но и их целью остается «вмешательство бизнеса в государственную политику больше, чем государства в дела бизнеса»³⁰. Верные своим классовым позициям, они выступают с националистических позиций, за развитие национального капитализма, который, по их мнению, должен быть свободен от язов капитализма. Поиски компромисса и создание условий для «честной» конкуренции лежат в основе политики этой группировки местной мексиканской буржуазии.

Но процесс дифференциации идет и в этой группировке. Многие ее экономически более сильные представители начали в последние годы быстро обогащаться, получая выгодные кредиты как от государственного сектора, так и от иностранного капитала. Результатом этого явился раскол некогда монолитной Палаты обрабатывающей промышленности и выход из нее богатых промышленников химии, которые претендуют на организационную самостоятельную палату.

Особое место среди группировок современной мексиканской буржуазии занимает растущая государственная бюрократия, осуществляющая непосредственную политическую власть в Мексике. Эта прослойка окрепла благодаря развитию государ-

ственного сектора и поддержке официальной Институционно-революционной партии. Ее представители, высокопоставленные государственные и партийные деятели, образующие «партийно-государственную элиту», тесно связаны с предпринимательской деятельностью. Эта государственная бюрократия, на все возрастающую роль которой в политической жизни страны указывают в своих работах многие мексиканские и зарубежные исследователи³¹, не только управляет предприятиями госсектора, но и добилась значительного контроля над частной инициативой, когда «частные инвестиции в большой степени зависят от государственной власти, а государственные инвестиции стали рычагом национального развития»³².

Но и мексиканская государственная бюрократия не однородна. Значительная ее часть тесно связана через государственный аппарат и государственный сектор экономики с крупным национальным и иностранным капиталом. К этой группировке тесно примыкает часть высших чиновников государственного аппарата, непосредственно не связанная с национальным крупным капиталом, но получающая значительные выгоды, связанные со своими высокими постами в государственном аппарате. К третьей группе можно отнести примерно треть чиновников, тесно связанных с национальным промышленным капиталом и государственным сектором.

Характеристика особенностей структуры мексиканской буржуазии была бы неполной, если бы мы не коснулись деятельности предпринимательских организаций, важной чертой которой является институализация, строгая регламентация законом организационных форм и методов деятельности, что значительно способствовало укреплению связей предпринимателей с государством.

По закону от 26 августа 1941 г. все фирмы, имеющие доход свыше 500 песо, должны объединиться в соответствующие палаты и официально зарегистрироваться. На всех заседаниях палат присутствие представителя правительства обязательно. Часть V ст. 4 Закона о торговых и промышленных палатах гласит, что их цель — «действовать в качестве консультативных органов государства для удовлетворения нужд национальной торговли и промышленности»³³. Однако на практике их функции значительно шире. Они являются хорошо организованными, пользующимися большим авторитетом независимыми объединениями определенных группировок мексиканской буржуазии. «Эта система палат,— пишет Гонсалес Казанова,— дает правительству возможность узнать мнение предпринимателей прежде, чем проводить какой-либо закон через конгресс»³⁴.

На практике эти палаты осуществляют контроль за экономической деятельностью правительства. Они представляют различные группировки буржуазии перед правительством и вы-

полняют функции урегулирования конфликтов между ними. Они служат органами постоянного контакта между предпринимателями и правительством не только посредством регулярных совещаний, но и через постоянные связи своих представителей с высшими чиновниками государственной бюрократии. Наконец, они служат органами давления различных буржуазных группировок на правительство в их интересах.

Одним из старейших объединений мексиканских предпринимателей является Конфедерация промышленных палат, которая объединяет 51 промышленную палату и 5 промышленных ассоциаций. В нее входит и Палата обрабатывающей промышленности.

Конфедерация торговых палат — объединение мексиканских предпринимателей, связанных с экспортно-импортными операциями. В нее входит 254 национальные палаты, объединяющие около 12 тыс. предпринимателей. Годовой бюджет этой палаты составляет свыше 100 тыс. долларов. Палата содержит большой штат ученых и специалистов различных областей знаний. Она постоянно консультирует правительственные органы по различным вопросам экономической политики.

Крупным объединением мексиканской буржуазии является так называемая Патрональная конфедерация, представляющая наиболее крупные финансово-промышленные группировки Монтеррея.

Растет влияние и другого важного объединения — Ассоциации экспортеров и импортеров Мексики. Располагая своими людьми в правительстве, ассоциация «осуществляет прямое давление на министров»³⁵.

Но самой влиятельной организацией мексиканской буржуазии является Национальная ассоциация банкиров — клуб финансовой элиты Мексики. В ней объединены хозяева мексиканского делового мира, крупнейшие мексиканские банкиры. Сюда входят 251 мексиканский и 13 иностранных банков. Национальная ассоциация банкиров связана с правительством не только через ежегодные отчеты, которые делает министр финансов на ее ежегодных конференциях, но и через Национальную банковскую комиссию, Национальную комиссию ценных бумаг и мексиканскую фондовую биржу, членами которой являются как ассоциация, так и государство. Представители этой ассоциации работают в тесном повседневном контакте с государственными «Национальной финансерой» и «Банко де Мехико».

Перечисленные мексиканские предпринимательские организации непосредственно или через лидеров различных политических партий и организаций оказывают все возрастающее влияние на мексиканскую общественно-политическую жизнь и мексиканское государство. Крупная мексиканская буржуазия уже не удовлетворяется имеющимися рычагами воздействия

на правительство. Она стремится к безраздельной политической власти. Многие ее представители пытаются влиять на политическую жизнь, поддерживая отдельные политические партии и лидеров финансовыми средствами. Это можно сказать, например, о главе «Сербесериа Монтеррей» Гарсе Саде, магнатах мексиканского капитала Эспиносе Иглесиасе, Карлосе Тройете, Легоррете, Мигеле Алемане, Эдуардо Суаресе и некоторых других³⁶.

Сложившаяся структура мексиканской буржуазии, разнообразие ее группировок, сложные социально-экономические процессы ее дифференциации и консолидации не могли не отразиться как на политике отдельных ее группировок, так и государства в целом. Эта сложность и многообразие политических оттенков различных группировок современной мексиканской буржуазии особенно четко проявляется в их отношении к иностранному капиталу и государственному сектору.

Стремление крупной мексиканской буржуазии к завоеванию прочных экономических позиций в стране встречает сопротивление иностранного капитала, в первую очередь капитала США. Но будучи зависимой от иностранного капитала и одновременно вступая с ним во все большие противоречия, мексиканская буржуазия, в том числе и государственно-бюрократическая, получает и значительные выгоды от сотрудничества со своим старшим партнером. Поэтому классовая логика заставляет ее окончательно не рвать отношений с иностранным капиталом, а искать урегулирования разногласий с ним «мирным» путем, на правах «равного» партнера, проводить по отношению к нему политику «возможно большего согласия»³⁷.

Недостаток финансовых средств, выгоды от иностранных кредитов, которыми пользуется не только частный сектор, но и контролирующая их распределение через госаппарат государственно-бюрократическая буржуазия, заставляют мексиканское государство проводить политику привлечения иностранного капитала в мексиканскую экономику. С другой стороны, давление демократических сил и некоторых влиятельных кругов промышленной буржуазии, а также очевидный грабительский характер иностранных капиталовложений заставляют мексиканское государство идти на определенное ограничение и возможно более выгодное для мексиканской экономики размещение иностранных капиталовложений. Результатом этих сложных противоречивых тенденций является непоследовательная политика мексиканского государства, то широко открывающая двери иностранному капиталу, то проводящего некоторые мероприятия, ограничивающие его деятельность в Мексике.

Отражая мнение большинства мексиканской буржуазии, мексиканское государство выступает за допуск иностранного капитала в мексиканскую экономику под его контролем, глав-

ным образом через законодательное ограничение сферы его деятельности, размещение иностранных кредитов с помощью государственных финансовых институтов. Оно отдает предпочтение косвенным капиталовложениям перед прямыми, старается увеличить долю национального капитала в смешанных компаниях и т. д. «Мексика придерживается тезиса, — читаем мы в официозном труде, — что финансирование экономического развития должно вестись за счет национальных ресурсов, а прямые иностранные инвестиции и кредиты должны играть лишь вспомогательную роль»³⁸. Эту мысль подтвердил в интервью журналу «Юнайтед стейтс ньюз энд Уорлд рипорт» в 1962 г. бывший тогда президентом Мексики Адольфо Лопес Матеос, который заявил, что иностранный капитал и впредь будет «хорошо встречаться в тех отраслях, которые определены мексиканским законодательством», и что в Мексике «нет никакой дискриминации по отношению к иностранным инвеститорам», но и никаких привилегий перед национальным капиталом³⁹.

Однако мексиканская буржуазия отдает себе отчет в том, что некоторые виды иностранных капиталовложений оказывают весьма вредное влияние на важные отрасли мексиканской экономики. Поэтому представители наиболее влиятельных ее кругов предлагают проводить политику опоры на национальные капиталы окрепшей местной буржуазии. Один из видных представителей мексиканской крупной буржуазии недавно умерший Рамон Бетета, отмечая успехи экономики Мексики, прямо заявлял, что в Мексике «есть некоторые национальные группы с собственными крупными капиталами, с опытом и знаниями боевого предпринимательства, что дало возможность в значительной мере сократить зависимость нашего экономического развития от иностранных инвестиций». «Эти обстоятельства, — продолжал Рамон Бетета, — позволяют Мексике занять независимую позицию по отношению к этим инвестициям и безбоязненно принимать их в определенных областях, которые страна найдет полезными, и твердо отвергать их там, где нужно вложить национальный капитал, будь то государственный или частный»⁴⁰.

Основываясь на этих принципах, мексиканское государство предпринимает некоторые шаги по ограничению деятельности в стране иностранного капитала, невзирая на то, что некоторые из подобных мер ложатся тяжелым бременем на плечи трудящихся⁴¹, а другие не дают достаточного эффекта, как, например, «мексиканизация» горной промышленности весной 1961 г.⁴² Все это происходит не только из-за несовершенства законодательства и половинчатости мер, но и из-за незаинтересованности некоторых связанных с иностранным капиталом весьма влиятельных кругов крупной буржуазии Мексики.

Но было бы неправильным оценивать эти мероприятия только с негативных позиций и не видеть здесь некоторых реальных шагов по ограничению хозяйничания иностранного капитала в мексиканской экономике. Достаточно привести положительный опыт «мексиканизации» таких иностранных компаний, как «Тойода», «Аеронавес де Мехико», «Консолидада» или «Альтос орнос де Мехико»⁴³, завершение к 1961 г. национализации кинопромышленности Мексики, декрет президента от 23 августа 1962 г.⁴⁴ о запрете ввоза в страну некоторых марок крупнолитражных автомобилей и двигателей в собранном виде и обязательном производстве 60% всех частей для автомобилей в Мексике. К подобным мероприятиям можно отнести и декрет президента от 5 января 1965 г.⁴⁵ о передаче государственной компании «Пемекс» предприятий нефтехимии и строительстве государственных нефтехимических предприятий. В стране проводится ряд финансово-экономических и административных мер, стимулирующих расширение внутреннего рынка и развитие национальной промышленности⁴⁶. Следует указать, например, на образование в 1959 г. Комитета по импорту продукции для государственного сектора, ряд законодательных мер по усилению финансового контроля со стороны государства над экспортно-импортными операциями, некоторые налоговые мероприятия правительства, предоставляющие определенные льготы национальным компаниям, оперирующим в новых важных отраслях промышленности. Наконец, заслуживает определенного внимания внесенный в декабре 1965 г. и затем утвержденный мексиканским конгрессом законопроект о запрещении участия иностранного капитала в банковском деле и некоторых видах кредитных операций.

Демократические силы страны, критикуя непоследовательность и половинчатость многих подобных мероприятий мексиканского правительства, подчеркивают их прогрессивную сторону как мероприятий, способствующих укреплению экономической независимости Мексики. Эти мероприятия находят поддержку значительных кругов мексиканской буржуазии, связанных с внутренним рынком. Отражая их мнение, член палаты депутатов мексиканского конгресса Перес Риос заявил, что национализация основных отраслей промышленности — «необходимый элемент современной самостоятельной политики государства»⁴⁷.

Подчеркивая положительную роль подобных актов ограничения деятельности иностранного капитала в Мексике и усиления участия государства в экономической жизни Мексики, известный прогрессивный экономист США Виктор Перло пишет: «Роль правительственных компаний в развитии Мексики выходит далеко за рамки их 25-процентной доли в промышленности: они вынудили иностранных инвесторов повысить уро-

вень индустриализации Мексики; они заставили иностранные компании снизить многие цены, повысив тем самым конкурентоспособность многих мексиканских товаров; они уменьшили техническую зависимость от США, установив многочисленные связи с Западной Европой; они много сделали в области образования, создав мексиканским инженерам, квалифицированным рабочим и техникам возможность пройти практическую подготовку и повысить свой профессиональный уровень»⁴⁸.

Эти результаты участия государства в экономической жизни Мексики в общем отвечают интересам широких слоев мексиканской буржуазии. Более того, считая усиление экономического развития Мексики, в первую очередь ее индустриализации, основой укрепления своих экономических позиций внутри страны и на международной арене, мексиканская буржуазия отводит большое место в решении этих задач государству. Государство будет «продолжать оставаться главным движущим фактором экономической жизни нации там, где свободное предпринимательство, остающееся необходимым для развития нации, не может применить свои возможности»⁴⁹, — читаем мы в Декларации принципов официальной Институционно-революционной партии. Эта идея «дирижизма» со стороны мексиканского государства в экономической жизни страны там, где возможности частного сектора недостаточны, встречает поддержку и сочувствие все большего числа представителей мексиканской буржуазии. И это отнюдь не случайно.

Участие государства в экономической жизни не только не препятствует деятельности частного сектора, но и помогает ему, облегчая получение высоких прибылей в наиболее рентабельных для него отраслях экономики. Эту идею взаимовыгодного сотрудничества государственного и частного секторов постоянно подчеркивают и представители мексиканской государственной бюрократии. В частности, министр финансов Мексики Ортис Мена признал, что «многие частные предприятия укрепились благодаря широкому и своевременному вмешательству государства»⁵⁰.

И действительно, государственные предприятия предоставляют представителям частного сектора выгодные кредиты, субсидии, выплачиваемые из государственных средств, выгодные подряды. Низкие транспортные тарифы и цены на государственное сырье, дешевая электроэнергия и государственные оросительные системы, которыми пользуются крупные помещики-капиталисты и сами государственные чиновники, — все это далеко не полный перечень выгод, предоставляемых государством частному сектору. В исследовании «Дилемма мексиканского развития» профессора Гарвардского университета Раймонда Вернона сказано по этому поводу: «Оперируя в экономике, мексиканские правительства последних двух де-

сятилетий не показали никакой особой идеологической ненависти к частному предпринимательству. Наоборот, частный инвеститор, производящий товары в стране, может быть вполне уверен, что конкуренция импортных товаров будет подавлена или ограничена, что он получит облегчение в импортных налогах и обязательствах в отношении приобретенных им материалов и машин и получит относительно дешевые государственные кредиты»⁵¹.

Политика участия государства в экономической жизни Мексики позволяет мексиканской буржуазии решать самые разнообразные отвечающие ее классовым интересам задачи, в том числе защиты от разоряющей конкуренции иностранных монополий. «Идея вмешательства государства в экономическую жизнь приобрела силу потому, — пишет мексиканский экономист, — что государство считается инструментом, позволяющим выжить в экономической борьбе»⁵².

Естественно, нельзя сбрасывать со счета наличие сильных центробежных тенденций в среде мексиканской буржуазии в результате постоянного процесса ее дифференциации, следствием чего является и различное отношение представителей крупной мексиканской буржуазии к государственному сектору. Так, например, Конфедерация торговых палат, тесно связанная с экспортно-импортными операциями, довольно резко выступает против «экономического тоталитаризма» государства и предлагает поддержку «любому заявлению, подчеркивающему превосходство свободного предпринимательства над государственным социализмом»⁵³. Но Конфедерация промышленных палат, наоборот, выступает за большее привлечение государства к участию в экономической жизни страны, отводя ему необходимую, но вспомогательную роль.

Однако надо признать, что усиливающееся сотрудничество крупной, и в первую очередь монополистической, буржуазии Мексики с государственной бюрократией, широкие возможности, которые предоставляет участие государства в экономической жизни мексиканской буржуазии, вызвали значительную эволюцию в отношении некоторых слоев крупной мексиканской буржуазии к государственному сектору. Эта эволюция заключается в том, что по мере усиления связей крупной мексиканской финансово-промышленной буржуазии с государственно-бюрократической буржуазией идеи «дирижизма», монополию на которые столько лет держала лишь небольшая группа промышленной буржуазии, начинают завоевывать все более широкие слои мексиканской буржуазии. Крупная буржуазия, не отказавшись целиком от принципа «свободы предпринимательства», все больше убеждается в том, что в современной обстановке ожесточенной капиталистической конкуренции, перед лицом разворачивающейся экспансии своего северного соседа государ-

ство может быть использовано и все больше используется как важный инструмент в борьбе за экономическую самостоятельность, против конкурентов, в целях укрепления экономических и политических позиций. Поэтому на заседаниях торговых палат и ассоциаций — этих форумах мексиканского большого бизнеса, где встречаются представители государства и предпринимателей, все чаще раздаются голоса в поддержку усиления государственного участия в экономической жизни. Выступая на заседании Конфедерации промышленных палат Мексики, ее президент Торрес Гайтан отмечал, что «правительство способствует развитию частной инициативы во всем, что касается индустриализации страны»⁵⁴. В сентябре 1964 г. на XVII ассамблее Конфедерации торговых палат такие известные мексиканские банкиры и промышленники, как президент КОНКАМИНА Антонио Луис Галиндо, Роберто Гуахардо Суарес, председатель Патрональной конфедерации, президент Ассоциации мексиканских банкиров Карлос Мендоса выражали удовлетворение тем климатом, который создало правительство для деятельности частной инициативы⁵⁵. В 1962 г. съезд мексиканских банкиров выразил «твердое намерение сотрудничать с государством в решении основных экономических вопросов»⁵⁶. На XXX Национальной ассамблее мексиканских банкиров в марте 1964 г. ее президент Карлос Мендоса вновь подтвердил, что для успешного роста экономики страны необходимо «абсолютное, реальное и эффективное сотрудничество между государством и частной инициативой»⁵⁷.

Отвечая интересам мексиканской буржуазии, мексиканское государство идет навстречу ее требованиям, стремится удовлетворить те или иные ее слои. Это ему не всегда удается, так как уступки со стороны государства одной группировке буржуазии в ущерб другой тотчас же вызывают «возмущение» последней. Однако существенно одно — мексиканское государство идет в этих вопросах навстречу влиятельным слоям мексиканской буржуазии, всячески стремясь «не обидеть» частный сектор чрезмерными мерами «регулирования» капиталистических производственных отношений. «Правительство, — заявлял по этому поводу бывший президент Мексики Лопес Матеос, — не намерено заменить или даже вытеснить экономическую деятельность частного сектора, ибо эта деятельность гарантирована государством и заслуживает всяческого уважения и поощрения»⁵⁸.

Попытка проанализировать некоторые вопросы формирования и структуры местной мексиканской буржуазии позволяет нам прийти к заключению, что протекающие в современной Мексике сложные социально-экономические процессы имеют некоторые характерные для Мексики особенности. К ним прежде всего относится наличие в рамках одного класса мексикан-

ской буржуазии определенного количества группировок с весьма различными экономическими и политическими интересами. Грани между этими группировками весьма относительно и подвижны, а их интересы зачастую тесно переплетаются. Несомненно характерными чертами структуры современной мексиканской буржуазии является появление мексиканских национальных монополий с весьма специфическими характеристиками и образование особого слоя мексиканской государственной бюрократии, испытывающей на себе влияние своеобразной политической системы, отличительной чертой которой является высокая степень участия государственно-партийного аппарата в экономической жизни страны в условиях политической монополии государственно-партийной бюрократии.

¹ P. Gonzalez Casanova. *Democracia en México*. México, 1965, p. 146.

² «Cuadernos americanos», 1958 año, vol. XVII, p. 62.

³ Jesus Silva Herzog. México. 50 años de revolución. «Cuadernos americanos», 1964, № 1, p. 7.

⁴ «Combate». 1.XI. 1960, p. 64v.

⁵ «Business Week», 22.IX 1962, p. 162.

⁶ «Progreso», 1964—1965, p. 85; «Overseas business report», october 1965.

⁷ «Política», 1.XI 1964, p. 48.

⁸ Ramon Ramirez. *Tendencias de la economía Mexicana*. México, 1962, p. 135.

⁹ «Siempre», 11.X 1964.

¹⁰ «Международная жизнь», 1964, № 12, стр. 53.

¹¹ «Business Week», 20.VI 1964, p. 29; см. также: «The Banker's Almanac and Yearbook», 1961—1962, p. 538, 542, 579.

¹² «La Voz de México», supl. al № 1888, 28.VI 1967.

¹³ «Visión», 1965, vol. 28, N 6, p. 44—45.

¹⁴ Jose Luis Ceseña. *El capital monopolista y la economía de México*. México, 1965.

¹⁵ «Monthly review», novembre 1962.

¹⁶ Raymond Vernon. *The dilemma of México's development*. Urbana, 1963, p. 5.

¹⁷ Jose Luis Ceseña. *Op. cit.*, p. 190.

¹⁸ Ramon Vernon. *Op. cit.*, p. 173.

¹⁹ «La Voz de México», 4.II 1963; «Política», 1.IV 1964, p. 26.

²⁰ «Política», 15.XI 1963, p. 22; см. также: «Business Week», 18.VI 1960, p. 84, 91, 93, 94; «La Voz de México», 4.II 1963; «Política», 1.IV 1964.

²¹ «Business Week», 20.VI 1964, p. 144.

²² «Tiempo», 3.III 1958, p. 56.

²³ «Hispanic american report», Stanford University USA, vol. XVII, № 9, 1964, p. 784.

²⁴ «Política», 15.X 1964, p. 58.

²⁵ «Política», 1.X 1964, p. 48.

²⁶ Jose Luis Ceseña. *Op. cit.*, p. 183.

²⁷ «Industria», 1962, № 156, p. 16.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Jose Luis Ceseña. *Op. cit.*, p. 191—192.

- ³⁰ W. S. Mosk. The Industrial revolution. New York, 1950, p. 29.
- ³¹ P. Gonzalez Casanova. La democracia en México. México, 1965; Jose Luis Ceceña. El capital monopolista y la economía de México. México, 1965; Raymond Vernon. The dilemma of Mexico's development. New York, 1963; W. P. Glade, Charles W. Anderson. The political economy of México. Madison, 1963.
- ³² «Cuadernos americanos», 1962, № 1, p. 20.
- ³³ «Cámara Nacional de comercio de la ciudad de México, Informe anual». México, 1963.
- ³⁴ P. Gonzalez Casanova. Op. cit., p. 43.
- ³⁵ «Inter-american economic affairs», 1959, vol. 12, № 13, p. 43.
- ³⁶ «Política», 1.VII 1964, p. 26; см. также: «Siempre», 1961, № 420, p. 7.
- ³⁷ «El Nacional», 1.IX 1962.
- ³⁸ «México. 50 Años de Revolución», t. I. Economía. México 1960, p. 398.
- ³⁹ «US. News and World report», 1962, June 26.
- ⁴⁰ Ramon Beteta. Tres aspectos de la Revolución mexicana. México, 1963, p. 140.
- ⁴¹ И. К. Шереметьев. Государственный капитализм в Мексике. М., 1963, стр. 78.
- ⁴² Там же, стр. 80.
- ⁴³ Adolfo Lopez Romero. Plan México. México, 1958, p. 66.
- ⁴⁴ «Diario oficial». México D. F., 23.VIII 1962.
- ⁴⁵ «Diario oficial». México D. F., 5.I 1965.
- ⁴⁶ W. P. Glade, Charles W. Anderson. Op. cit., p. 140.
- ⁴⁷ «El Día», 10.I 1965.
- ⁴⁸ «Minority of one», 1965, № 3, Paseik, p. 4.
- ⁴⁹ «Declaración de principios y programa de acción del PRI». México, 1960, p. 200.
- ⁵⁰ Adolfo Lopez Romero. Cual es el rumbo, Sr. Presidente? México, 1961, p. 65.
- ⁵¹ Raymond Vernon. Op. cit., p. 9.
- ⁵² Francisco Lopez Alvarez. La Administración pública y la vida económica de México. México, 1956, p. 140—141.
- ⁵³ Raymond Vernon. Op. cit., p. 265.
- ⁵⁴ «Tiempo», 31.III 1958, p. 64—65.
- ⁵⁵ «Tiempo», 28.IX 1964, p. 44.
- ⁵⁶ «Industria», 1962, № 152, p. 7.
- ⁵⁷ «Tiempo», 24.III 1964, p. 41.
- ⁵⁸ «Excelsior», 1.XI 1961.

ЖЕНСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МЕКСИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

История Мексики насчитывает многочисленные примеры мужества и самоотверженности национальных героинь. Невозможно говорить об основных этапах развития страны — о борьбе за независимость от испанского ига, о периоде иностранных интервенций, которым подвергалась Мексика со стороны Франции и Соединенных Штатов в XIX в., о революции 1910—1917 гг., не упоминая о выдающемся участии в них женщин. Имена Хосефы Ортис де Домингес, Леоны Викарио, Мануэлы Медины, Марианы Фермины Риверы, внесших значительный вклад в освобождение своей родины, широко известны за пределами Мексики¹.

Однако длительное время в мексиканской историографии, как отметила профессор Мексиканского университета Аделина Сендехас во вступительной части своей книги «Женщина в период французской интервенции», посвященной исследованию роли мексиканских женщин в историческом развитии своей страны за период с 1857 по 1867 г., наблюдалась известная недооценка роли женщин в борьбе за освобождение страны. На основании широкого круга источников А. Сендехас убедительно показала в своей работе, что создание Мексики явилось «в равной мере результатом деятельности как мужчин, так и женщин. Женщины приложили немало усилий во имя свободы и благосостояния своих детей, в борьбе против неравенства, рабства и всякого рода дискриминации, сознавая, что только таким путем можно добиться своего собственного освобождения»².

В последние годы этот пробел значительно восполнен. В Мексике появилось сравнительно много исследований, сви-

детельствующих о возрастающем внимании к этой тематике. К числу таких работ можно прежде всего отнести монографии, посвященные описанию жизни и деятельности отдельных выдающихся деятелей национально-освободительного движения Мексики³.

Работы известного американского социолога Уорда М. Мортон «Участие мексиканских женщин в выборах», прогрессивных деятелей Эстер Чапы «Конституция и законодательство по правам женщин», Франсиски Акосты «Социально-экономическое положение мексиканских женщин» и другие дают широкую картину длительной и упорной борьбы мексиканок в защиту своих прав, за социальный прогресс и демократию⁴.

Авторы этих работ указывают, что беспримесный патриотизм, бесстрашие в борьбе с врагами родины, верность идеалам — таковы характерные черты мексиканской женщины, образ которой воспевается в народном искусстве.

В кино и театре, в литературе и скульптуре нашел свое отражение образ «солдатки» — неизменной спутницы борцов за освобождение страны. На полотнах выдающихся мексиканских художников, экспонирующихся в залах исторического музея Чапультепек, запечатлевших основные моменты истории страны, наряду с выдающимися деятелями можно увидеть изображения национальных героинь, активных участниц освободительной борьбы и революции 1910—1917 гг., служащих примером для современных участниц демократического женского движения, развивающегося как неотъемлемая часть освободительного движения страны.

Роль мексиканских женщин в обществе неуклонно возрастает. Доктор Артуро Арнайс-и-Фрег, член Мексиканской академии исторических наук, указывает: «Женщины Мексики всегда принимали активное участие в решении судеб страны... Однако в прежние времена влияние женщин на ход истории было менее значительно. В наши дни оно все более возрастает. Женский труд с каждым днем приобретает все большее значение, особенно в тех отраслях производства, которые до сих пор считались мужскими. В Мексике процесс возрастающего экономического развития страны приводит ко все более интенсивному использованию труда женщин»⁵.

Массовое участие женщин в общественном производстве получило в Мексике особенно широкое распространение после второй мировой войны. За послевоенные годы очень заметным был рост занятости женщин в различных отраслях промышленности. В настоящее время женщины составляют значительный процент самостоятельного населения в ряде отраслей: 70% — в текстильной промышленности, 90% — в швейной, 60% — в пищевой, 40% — в торговле. Наблюдается тенденция к увеличению числа женщин в общественном производстве⁶.

Однако еще почти четвертая часть трудящихся женщин занята надомным трудом и не пользуется охраной своих прав⁷. По официальным данным, опубликованным в книге «Социальное положение в Латинской Америке», число женщин среди экономически активного населения составляло в Мексике в 1950 г. 8,7%, а в 1960 г. повысилось до 11,6%⁸. Всего, по данным последней переписи 1960 г., число экономически активных женщин составляет 960 тыс., т. е. 19,7% к общему числу женского населения страны старше 15 лет⁹.

Возрастание роли женщин в общественном производстве приобрело такой размах, что некоторые мексиканские исследователи склонны расценивать это явление как «еще одну революцию нашего века».

Особенно много женщин среди преподавателей и работников медицинских учреждений. Женщины составляют 75% преподавателей начальных школ в сельской местности и 62% в городах, а также 16% преподавателей средних школ. Только 4,6% приходится на долю женщин в преподавательском составе университетов¹⁰.

По данным, опубликованным в журнале «Маньяна», занятость женщин на производстве за последние 20 лет возросла в 3 раза¹¹.

Резко возросла также численность женщин, занятых в различных государственных, банковских, социальных и культурных учреждениях. Немалая часть женщин принадлежит к лицам свободных профессий.

Признание возрастающей роли женщин в обществе находит отражение в конституции, кодексе законов о труде и других законодательных актах, которые были приняты в Мексике после второй мировой войны. Декрет от 17 октября 1953 г. провозгласил полное равенство женщин с мужчинами в области политических прав.

Кодекс законов о труде предусматривает принцип равной оплаты за равный труд (ст. 86), а также запрещение вредных и ночных работ для женщин (ст. 77); предусматривается оплата отпуска по беременности и родам в соответствии с Законом о социальном обеспечении¹².

Участие женщин в общенациональных выборах неуклонно возрастает. Уже во время избирательной кампании в 1958 г. в списках избирателей было зарегистрировано 2,6 млн. женщин¹³. На выборах 1958 г. в Мексике было избрано семь женщин-депутатов. На последних выборах, состоявшихся в 1964 г., число женщин-депутатов возросло до 12; впервые были избраны две женщины в сенат¹⁴.

В настоящее время в Мексике много женщин, занимающих ответственные должности в различных органах исполнительной и государственной власти. В Мексике и за ее пределами широко

известны имена выдающихся общественных деятельниц — Амалии Кастильо де Ледон, занимавшей пост заместителя министра по вопросам культуры, одной из инициаторов создания комиссии по правам женщин при экономическом и социальном совете ООН, а сейчас являющейся чрезвычайным и полномочным послом Мексики в Австрии; Паулы Гильен де Николау — постоянного консула Мексики в Италии; Эулалии Гусман — выдающейся мексиканской ученой — антрополога. Все они внесли большой вклад в движение за повышение роли женщин в политической, экономической, социальной жизни не только своей родины, но и других латиноамериканских стран.

Несмотря на определенные достижения в области социального обеспечения и формального признания прав трудящихся женщин, условия их жизни и работы продолжают оставаться тяжелыми.

Мексика, как и другие латиноамериканские страны, переживает острый жилищный кризис со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями для жизни семьи. Недостаток жилищ испытывает более трети всего населения. Тысячи семей живут в невообразимой скученности, антисанитарных условиях. Тяжелые жилищные условия, как и дороговизна, способствуют распространению различных заболеваний. Продолжительность жизни составляла в 1950 г. 37 лет для мужчин и немногим более 39 лет для женщин. Из каждой 1000 новорожденных 73,7 умирают на первом году жизни¹⁵.

По данным на 1960 г., неграмотных женщин в Мексике было 37%¹⁶. Всего в стране в настоящее время насчитывается 5 млн. неграмотных женщин. Поэтому единственными широко доступными для них видами работ являются низкооплачиваемые профессии и службы. Делегатка этой страны, выступая на Конгрессе женщин Америки, состоявшемся в январе 1963 г. в Гаване, заявила в своем докладе: «Число женщин, имеющих профессиональное образование, крайне мало. Предвзятости относительно умственных способностей женщины приводят к тому, что женщина считается непригодной к техническим профессиям. Мексиканцы, как правило, считают, что женщина рождается для того, чтобы выйти замуж; для нее нет необходимости приобретать культуру, а достаточно только уметь готовить пищу»¹⁷.

Женщины продолжают оставаться наиболее угнетенной и эксплуатируемой частью населения. Существующие законы по охране женского труда нередко нарушаются. Особенно часты случаи нарушения законов предпринимателями в области широко используемой в Мексике системы надомного труда женщин.

Многие женщины не могут работать на производстве, так как в стране не хватает детских садов и яслей. По данным

1953 г., в г. Мехико насчитывалось всего 49 детских учреждений, в которых находилось 8 350 детей¹⁸.

Известная писательница Росарио Кастельянос говорит: «Демократия останется фикцией до тех пор, пока для женщин не будут созданы условия для практического осуществления их прав»¹⁹.

В этих условиях прогрессивные круги Мексики все более энергично выступают за осуществление существующего законодательства и за более эффективное включение женщин в политическую и экономическую жизнь страны. Особое внимание при этом уделяется улучшению общеобразовательной и профессиональной подготовки женщин. Как отмечала в своей работе «Кризис образования в Мексике» известная общественная деятельница Мексики Аделина Сендехас, «Мексике нужны техники, квалифицированные рабочие, научные исследователи, различные специалисты. Существенный вклад могли бы внести женщины, все еще недостаточно используемые в растущем промышленном производстве страны»²⁰.

Борьба за вовлечение женщин в общественное производство и политическую жизнь страны ведется в чрезвычайно трудных условиях обострения внутривнутриполитической борьбы.

Мексиканские женщины, объединенные в рядах демократических организаций, все теснее сплачивают свои ряды, все решительнее выступают с требованиями разрешения жилищного кризиса, снижения цен, повышения жизненного уровня, улучшения положения детей, в защиту мира и демократии.

Особое место в этом движении занимают трудящиеся женщины, имеющие славные боевые традиции. С каждым годом они все яснее осознают, что их требования тесно связаны с требованиями всего рабочего класса. Известная прогрессивная профсоюзная деятельница Мексики Анна Мария Эрнандес в книге «Женщина в борьбе рабочих текстильной промышленности Мексики» писала: «Решительно и смело участвуют текстильщицы в борьбе; мужественно, не страшась полиции, организуют пикеты вместе со своими товарищами-мужчинами, проводят на улицах сбор средств в фонд помощи бастующим»²¹.

Борьба мексиканских работниц за защиту своих прав имеет свою историю. Еще в мае 1865 г., когда на текстильных фабриках «Сан Ильдефонсо» и «Ла Колмена» вспыхнули первые организованные забастовки, рабочие выдвинули в числе других неотложных задач требование «ограничения продолжительности рабочего дня для женщин двенадцатью часами в связи с выполнением домашних обязанностей»²². Требования охраны женского и детского труда были включены в программы первых прогрессивных рабочих объединений, в частности «Кружка рабочих Мексики», созданного в сентябре 1876 г.²³

Женщины вписали немало героических страниц в летопись борьбы рабочего класса Мексики. Особенно усилилась эта борьба в послевоенный период. Мексиканки приняли активное участие в забастовках железнодорожников и учителей, в забастовках служащих телефонных компаний, большинство рабочих которых составляли женщины.

Но, несмотря на активное участие женщин в различных мероприятиях, многие работницы до сих пор не объединены в профсоюзы и не участвуют в деятельности профсоюзных организаций.

За последние годы значительно активизировали свою работу реформистские профсоюзы. Они организуют женские съезды, конференции, клубы, благотворительные учреждения и пр. По инициативе Межамериканской региональной организации трудящихся (ОРИТ) в Мексике был проведен ряд женских семинаров, на которых обсуждались вопросы вовлечения женщин в деятельность профсоюзных организаций и особенно их руководящих органов²⁴.

В этих условиях привлечение работниц к общей борьбе прогрессивных профсоюзов тем более необходимо, что профсоюзная бюрократия всячески пытается возглавить движение работниц и подчинить его своему влиянию.

Буржуазия, в частности клерикалы, развертывает интенсивную идеологическую работу среди женщин с целью привлечения их на свою сторону. Она всячески пытается изолировать женщин от участия в общедемократической борьбе, стремясь ограничить работу среди женщин благотворительной деятельностью. Надо признать, что клерикалы все еще располагают значительным влиянием среди отсталых слоев женского населения страны.

Довольно сильное влияние, как об этом пишет известный социолог А. Бремаунтс в своей работе «Идеологическая борьба в Мексике», имеет Христианское семейное движение — недавно созданная организация, которая «интенсивно распространяет контрреволюционные идеи, проникает в каждый очаг, в каждую семью, в кооперативные организации, проводит конференции, собрания и беседы, организует частные дискуссии и споры в городских кварталах, в деревнях и поселках, пробуждая таким образом интерес к своей деятельности среди ранее индифферентных масс и втягивая в сферу своего влияния всех членов семьи»²⁵.

Вся эта работа проводится при активном содействии Ассоциации католических женщин, Союза отцов семейств и других многочисленных религиозных организаций, которые всячески стремятся подчинить женщин своему влиянию.

За последнее время значительно активизировала свою деятельность также женская комиссия правящей Институционно-

революционной партии. В программе деятельности этой комиссии зафиксировано следующее: «Положение, в котором до сих пор находятся женщины, в соответствии с действующим законодательством, вызывает необходимость принятия дополнительных эффективных мер для осуществления их равенства»²⁶.

Журнал «Тьемпо» отмечал еще в 1958 г.: «Как только становится известным, что предстоят выборы или следует решить важные политические проблемы, ИРП усиливает свою социальную работу, главным образом среди женщин и молодежи»²⁷. О большом внимании, которое уделяет работе среди женщин ИРП, свидетельствует интенсивная работа, проводимая женской комиссией, созданной при руководстве партии.

Идеологические и программные установки партии по проблемам женского движения отражены в «Декларации принципов и программе действий», принятой III Национальной ассамблеей в марте 1960 г. В § XIV указывается: «Партия достигла одной из своих наиболее желаемых целей, добившись того, что революция уравнила в политическом отношении женщин с мужчинами. Поэтому необходимо направить усилия на то, чтобы женщина выполняла свой гражданский долг во имя своего собственного блага, блага революции и Мексики. Необходимо уделить особое внимание культурному и социальному развитию женщин, требуя от революционных правительств проведения политики, ведущей к полному освобождению женщин от различных юридических ограничений или трудностей, продиктованных социальными условностями, которые унижают ее достоинство»²⁸.

В Программе действий провозглашается в качестве важных задач партии принятие мер по улучшению условий труда женщин, подростков и надомных работниц и обеспечению женщины доступа к общему и профессиональному образованию и охране ее труда.

На IV Национальной ассамблее ИРП, состоявшейся в апреле 1965 г., рассматривался вопрос о необходимости дальнейшей активизации женщин в политической жизни страны и работе правящей партии²⁹.

Депутат парламента от Институционно-революционной партии Хильда Андерсон, выступая в мае 1966 г. на специальном совещании, посвященном работе партии среди женщин, подчеркнула значение для партии работы среди женщин и указала: «Институционно-революционная партия доводит до сведения, что в каждом местном муниципалитете будет представлена хотя бы одна женщина. Наша партия будет содействовать тому, чтобы народный сектор выдвигал лучшие женские кадры. При проявлении женщинами достаточных способностей их будут выдвигать на руководящие посты в муниципалитетах»³⁰.

Мексиканская коммунистическая партия, прогрессивные профсоюзы и другие демократические объединения придают большое значение проблеме организации и развития широкого женского движения и борьбе в защиту интересов и прав мексиканской женщины, особенно трудящейся. Мексиканские коммунисты сознают, что женщины не только составляют более половины населения страны, но и играют все более выдающуюся роль в производстве и в общественной жизни, поэтому развитие революционной борьбы рабочего класса требует активного участия мексиканской женщины. «А втянуть в политику массы, — как указывал В. И. Ленин, — нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи завалены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего-семейного хозяйства»³¹.

Работа Мексиканской коммунистической партии среди женщин развивается в двух главных направлениях: вовлечение широких слоев женщин, в частности работниц, в ряды партии и организация широкого массового демократического женского движения, борющегося за права и специфические требования женщин.

Рассматривая женское демократическое движение как неотъемлемую, составную часть общедемократической борьбы трудящихся, Мексиканская коммунистическая партия всегда придавала большое значение привлечению широких масс трудящихся женщин к классовой борьбе пролетариата.

На первом этапе своей деятельности Мексиканская коммунистическая партия создала специальную организацию женщин-коммунисток. Однако, как об этом свидетельствует выступление на I Международной конференции женщин-коммунисток (в Москве в июле-августе 1920 г.) мексиканской делегатки Аллан, «эта организация была малочисленна и узка по своему составу»³² и ее деятельность не получила большого развития. Тем не менее эта организация сыграла положительную роль в создании более широких массовых женских объединений.

Известный прогресс в женском движении Мексики наблюдался в середине 30-х годов, когда в стране был создан ряд крупных женских объединений, таких, как Лига женщин-демократок, Альянс мексиканских женщин, Национальный блок революционных женщин³³, в работе которых принимали участие женщины различных политических убеждений. Однако все

эти организации были разобщены, их деятельность ограничивалась в основном проведением благотворительных мероприятий.

В годы второй мировой войны в Мексике возникли демократические женские объединения, которые оказывали активную поддержку антигитлеровской коалиции. Они выступали в поддержку Советского Союза, требовали открытия второго фронта в Европе, разрыва отношений со странами «оси», эффективного участия мексиканских вооруженных сил в борьбе против фашизма.

В этот период были созданы условия для сплочения и объединения действий женщин в национальном масштабе. В обстановке общедемократического подъема и нового соотношения сил в 1945 г. был создан Демократический союз мексиканских женщин (ДСМЖ). С первых дней своего существования союз зарекомендовал себя как боевая политическая организация, идущая в авангарде борьбы мексиканских женщин, в защиту демократии и социального прогресса.

Программа деятельности Демократического союза мексиканских женщин предусматривала своими основными целями борьбу за достижение подлинного равноправия, в защиту детства, за национальный суверенитет и упрочение мира во всем мире. Большой вклад внес союз в создание и укрепление международного демократического женского движения. Женщины Мексики явились одними из инициаторов создания в декабре 1945 г. Международной демократической федерации женщин (МДФЖ). На первой же сессии исполкома МДФЖ (июнь 1946 г.) Демократический союз мексиканских женщин был принят в ее ряды³⁴.

Мексиканские женщины являются неизменными участниками конгрессов, конференций и других мероприятий, проводимых по инициативе МДФЖ и Всемирного Совета Мира. Они неустанно борются за консолидацию демократического женского движения на всем латиноамериканском континенте.

На I конференции женщин стран Латинской Америки, состоявшейся в августе 1954 г. в Рио-де-Жанейро, и на Конгрессе латиноамериканских женщин, проходившем в ноябре 1959 г. в Сантьяго, Мексика была представлена многочисленными делегациями, в состав которых входили муниципальные советники, представительницы профсоюзных и других общественных организаций³⁵. В их работе приняли участие представительницы женских организаций различных политических направлений и религиозных верований. Выступления мексиканских делегатов, их плодотворная деятельность в комиссиях и вносимые ими предложения свидетельствуют о больших идеологических достижениях в работе среди женщин.

В апреле 1961 г. в г. Мехико состоялась встреча женщин Мексики и стран Карибского бассейна, явившаяся важным эта-

пом в достижении единства женских организаций. Она послужила также большим стимулом для дальнейшего развертывания женского движения в стране.

Придавая огромное значение активному вовлечению женских масс в борьбу рабочего класса, демократические организации включают в свои программы требования уничтожения дискриминации женщин во всех областях экономической, политической и социальной жизни.

Укрепление сотрудничества демократических организаций, борющихся за национальное освобождение, является в настоящее время одним из важнейших задач всех прогрессивных сил Мексики.

XIII съезд Мексиканской коммунистической партии, состоявшийся в мае 1960 г., выработал новую политическую платформу в соответствии с новой международной обстановкой и с внутривнутриполитическим положением в стране. Съезд указал, что достижение целей национально-освободительной демократической революции возможно лишь при условии объединения всех патриотических сил Мексики в рядах Демократического фронта национального освобождения³⁶. Программа национального и социального обновления, выдвинутая Мексиканской коммунистической партией, включает, наряду с другими пунктами, требование соблюдения политических и гражданских прав женщин.

Ввиду большой раздробленности женского движения (по официальным данным, в стране насчитывалось более десяти крупных женских организаций) XIII съезд Мексиканской коммунистической партии выдвинул задачу: создать единый женский фронт, объединить демократические женские организации в единую организацию, а также призвал партийные организации улучшить руководство женским движением.

В соответствии с генеральной линией, намеченной на съезде, в г. Мехико была проведена в июне 1962 г. Национальная конференция Мексиканской коммунистической партии о работе среди женщин. На конференции были разработаны ближайшие задачи, встающие перед партией в связи с необходимостью кардинального улучшения работы среди широких народных масс, в том числе и среди женщин³⁷. Совместно с прогрессивными организациями страны, в частности с профсоюзами, была разработана Хартия прав женщин, которая явилась платформой борьбы за удовлетворение ближайших требований женщин: равная оплата за равный труд, доступ к профессиональному образованию, установление законов, обеспечивающих женщинам равенство с мужчинами в семье и в обществе, и т. д. Конференция еще раз подчеркнула, что нельзя добиться удовлетворения этих требований женщин вне общедемократической борьбы трудящихся за проведение важнейших социально-экономических

преобразований, за практическое осуществление прав, записанных в конституции, и за мир.

Важнейшей задачей Мексиканской коммунистической партии в области женского движения провозглашалось создание широкой демократической женской организации на базе боевой антиимпериалистической и демократической программы.

Усилия Мексиканской компартии увенчались успехом и привели к созданию в октябре 1964 г. Национального союза мексиканских женщин (НСМЖ), впервые в истории страны объединившего в своих рядах широкие круги женщин.

Своей основной задачей союз провозгласил защиту прав женщины как матери, трудящейся и гражданки.

На сессии Совета МДФЖ в Софии Национальный союз мексиканских женщин был принят в ряды МДФЖ³⁸. Союз мексиканских женщин с первых дней своего существования зарекомендовал себя как широкая боевая организация, живо откликающаяся на важнейшие международные и внутриполитические события. Большое внимание союз уделяет дальнейшему расширению своих рядов и укреплению связи с массами. Клара Цеткин в своей работе «Воспоминания о Ленине» приводит слова В. И. Ленина, сказанные им в одной из бесед: «Женское коммунистическое движение само должно быть массовым, должно быть частью общего массового движения и не только пролетариев, а всех эксплуатируемых и угнетенных, всех жертв капитализма... Мы должны привлечь миллионы трудящихся женщин в городе и деревне к участию в нашей борьбе и особенно к делу коммунистического переустройства общества. Без женщин не может быть настоящего массового движения»³⁹.

Состоявшийся в декабре 1963 г. XIV съезд Мексиканской коммунистической партии, определивший нынешний период революционного движения в Мексике как период накопления сил, с особой силой подчеркнул задачу расширения влияния коммунистов в массах, в том числе среди женщин.

Важную роль в сплочении трудящихся женщин и их мобилизации на борьбу играет коммунистическая печать. На страницах газеты «Ла вос де Мехико» и журнала «Нуэва эпока» регулярно помещаются материалы о работе среди женщин, о деятельности союза.

Для широкого вовлечения женщин в демократическое движение Мексиканская коммунистическая партия стремится все эффективнее использовать такие массовые организации, как профсоюзы, объединения в защиту мира, молодежные организации и т. д.

В своем докладе на XIV съезде МКП первый секретарь ЦК МКП тов. А. Мартинес Вердуго отметил: «Женское движение, как об этом свидетельствует опыт других стран, может превратиться в одну из опор демократического антиимпериалисти-

ческого движения при условии, если оно объединено, проводит правильную политику и поддерживает тесную связь с рабоче-крестьянским движением... Кроме работы по созданию единой массовой женской организации,— отметил он далее,— мы, коммунисты, должны уделить большое внимание вовлечению женщин в ряды партии и их политическому образованию. В этом плане мы должны активизировать нашу работу среди работниц, число которых неуклонно увеличивается, и среди крестьянок»⁴⁰.

По мнению тов. Мартинес Вердуго, женщины в соответствии с ленинскими принципами организации должны быть объединены в первичных организациях по месту работы, либо по месту жительства. На каждом предприятии, в каждом эхидо или учреждении, где есть мужчины и женщины, они должны быть объединены в одну ячейку. Однако в целях приобщения женщин к политической работе в МКП в отдельных случаях временно могут быть созданы партийные ячейки, состоящие исключительно из женщин, которые затем должны влиться в соответствующие организации по месту работы или жительства⁴¹.

Мексиканская коммунистическая партия считает, что центр тяжести работы коммунистов среди женских масс в промышленных центрах должен быть перенесен на работу по охвату партией работниц на предприятиях. Путем этой работы надлежит искоренить в массе работниц последний след иллюзии, будто выход из их бедственного положения можно найти в рамках буржуазного строя. МКП считает, что наряду с политическим воспитанием и развитием классового самосознания должна идти практическая подготовка работниц и организация их для активного участия во всей экономической и политической борьбе пролетариата. При этом необходимо втягивать в эту борьбу и массу надомниц.

Работа по поднятию политического уровня ведется как среди работниц промышленных предприятий, так и сельских работниц. За истекшие три года были созданы местные женские организации, являющиеся филиалом НСМЖ в 22 штатах страны. Особенно значительных успехов удалось добиться в работе среди крестьянок.

Широкий резонанс в стране получила деятельность Эпифании Харамильо, на протяжении многих лет возглавлявшей борьбу женщин провинции, где она проживала, в защиту своих прав.

Вместе с мужем она возглавила в 50-х годах вооруженные выступления крестьян против помещиков. Во время одного из сражений против правительственных войск отряд понес большие потери и вынужден был отступить. Эпифания и несколько бойцов из отряда заняли боевую позицию на холме и в течение долгого времени с оружием в руках прикрывали отступление

товарищей. Во время боя все соратники ее мужа были убиты, а сам он тяжело ранен. Эпифания меткими выстрелами убила всех преследователей и переправила своего мужа в надежное место. Подвиг Эпифании поднял на борьбу новые слои мексиканских патриотов.

Выступления крестьянок все чаще принимают организованный характер. Так, например, во второй половине мая 1964 г. состоялся голодный поход крестьянок из Сан-Педро де лас Колонисес (штат Коауила) в столицу республики с петицией президенту. Они требовали развития промышленности в Сан-Педро, предоставления работы сельским безработным на строительстве автострaadы, смены чиновников сельскохозяйственных ведомств, выплаты крестьянам-батракам зарabотков наличными деньгами, а не векселями. По пути население оказывало им помощь продовольствием и медикаментами.

Большим успехом всего демократического движения явилось создание Независимого крестьянского центра, неустанно выступающего в защиту интересов широких крестьянских масс. Автору статьи довелось познакомиться с одной из руководителей Независимого крестьянского центра, Эстелой Муньос, которая в своей провинции Баха Калифорния проводит большую работу среди крестьянок. Эстела Муньос отметила, что за последние годы значительно возросло боевое содружество женщин города и деревни.

Это особенно наглядно проявилось в работе I Национального женского конгресса единства, состоявшегося в г. Мехико в октябре 1963 г., а также в успешном проведении в апреле 1965 г. I национальной конференции мексиканских крестьянок. «Мексиканские женщины, — писала газета «Ла вос де Мехико», сделали важный шаг на пути сплочения женщин деревни, поняли необходимость борьбы единым фронтом за улучшение условий жизни и труда, за ликвидацию социальной и политической дискриминации, жертвами которой они еще являются»⁴².

В подготовительных материалах к XV съезду Мексиканской коммунистической партии (июнь 1967 г.) указывалось: «Важные шаги предприняты также в развитии демократической организации мексиканских женщин. Этот сектор населения, который господствующий класс пытается не допускать к политической деятельности и держать в невежестве, призван сыграть важную роль в революционной борьбе мексиканского народа. Следовательно, он заслуживает полной поддержки со стороны коммунистов»⁴³.

Наряду с известными достижениями в работе среди женщин было указано на съезде и на ряд существенных недостатков: «Одним из важных секторов, в котором наиболее ярко проявляются недостатки нашей работы, является женское движение. Деятельность среди женщин задерживается в силу ошибочного

представления о роли женщины в революционной борьбе и явной ее недооценке. Несмотря на усилия, направленные на устранение этих отрицательных факторов, и некоторые достижения в этой области, эти препятствия сохраняются.

Группа людей, занимающихся в партии работой среди женщин, все еще невелика, в то же время велики трудности в руководстве этой работой. С точки зрения внутренних проблем неотложная задача состоит в создании более сильных женских комиссий в партии... Существуют ближайшие задачи, разрешение которых вполне возможно и при нынешних условиях. Первая из них — серьезный вклад в укрепление Национального союза женщин, помощь ему в работе и поднятие его авторитета в стране, вовлечение в него женских групп, находящихся под нашим влиянием. Вторая задача — вовлечение женщин в партию. Многие женщины увидят, что наша партия — лучший защитник их интересов. Нужно вовлечь в ряды партии многих женщин, подготовить женские кадры, воспитывать ответственность у коммунисток-работниц, крестьянок, представительниц средних слоев, студенток, способствуя изучению ими нашей линии»⁴⁴.

С 13 по 15 сентября 1967 г. в столице Мексики состоялся I конгресс Национального союза мексиканских женщин, проходивший под лозунгом «За утверждение и осуществление прав женщин». Основное внимание на конгрессе было уделено изучению «путей воплощения в жизнь прав женщин и борьбе за демократию в Мексике». Участницы конгресса рассмотрели также вопросы, связанные с ведением борьбы против роста дороговизны и осуществления контроля над ценами, а также обсудили положение женщин в сельскохозяйственных районах и индейских племенах. Делегатки из 22 штатов страны приняли решение создать в каждом населенном пункте комитеты борьбы для решения наиболее острых проблем⁴⁵.

Союз стремится стать широкой организацией, в которой могли бы принять участие женщины всех социальных кругов общества, различных религиозных верований и политических взглядов. Платформой для совместных действий является защита прав женщин, детей, демократии и мира.

Особенно усилились за последние годы выступления мексиканских женщин в защиту мира, за самоопределение и независимость народов, за превращение Латинской Америки в безъядерную зону. В этой борьбе женщин Мексики вдохновляют успехи освободительного движения народов, огромные достижения социалистических стран, победа Кубинской революции.

Мексиканские женщины вместе со своим народом выступают в защиту национального суверенитета Кубы, за мирное урегулирование международных разногласий. В июле 1966 г. на митинге, посвященном XIII годовщине штурма казармы

Монкада, представительница НСМЖ Маргарита Ноласко сказала: «Мы поддерживаем борьбу мужественных кубинских женщин, так как их борьба — это наша борьба»⁴⁶.

Женские организации Мексики энергично протестуют против действий американской военщины во Вьетнаме, Доминиканской Республике и других районах земного шара, активно участвуют в движении солидарности в защиту демократических свобод в братских латиноамериканских странах. Представительницы самых различных слоев мексиканского народа выступают за эффективное сотрудничество со всеми организациями, которые борются за полный экономический и политический суверенитет своей страны, вносят значительный вклад в борьбу за демократию, прогресс и мир.

Мексиканские женщины стоят за укрепление уз дружбы со своими зарубежными подругами, борющимися за свободу, против империализма и колониализма, с женщинами всех стран. Национальный союз мексиканских женщин поддерживает постоянный контакт с Комитетом советских женщин, обменивается с ним информацией о работе и печатными изданиями.

Почетный председатель Национального союза мексиканских женщин Клементина Б. Бассольс, выступая перед делегатками первого конгресса союза, заявила: «Долг мексиканской женщины — продолжать борьбу за мир, за прекращение варварской агрессии США против Вьетнама, за утверждение и отстаивание своих прав... Мы особо поздравляем советских женщин с 50-летием Октябрьской революции, которая принесла им полную свободу».

Под руководством Национального союза мексиканских женщин представительницы самых различных слоев с каждым днем все эффективнее борются за полный экономический и политический суверенитет своей страны, за демократию, прогресс и мир.

¹ Victoria Caturla Bru. La mujer en la Independencia de América. Habana, 1945, p. 16.

² Adelina Zendejas. La mujer en la intervención francesa. México, 1962, p. 7.

³ Carlos Echanove Trujillo. Leona Vicario, la mujer fuerte de la independencia. México, 1945; Patricia Cox. Leona Vicario, antorcha de la insurgencia. México, 1958; Genaro García. Leona Vicario, heroína insurgente. México, 1910.

⁴ Ward W. Morton. Woman suffrage in Mexico, University of Florida Press. Gainesville, 1962; Esther Chapa. La constitución y las leyes que amparan a la mujer mexicana. México, 1960; Francisca Acosta. Condiciones socio-económicas de la mujer mexicana. México, 1954; María Lavalle Urbina. Situación jurídica de la mujer mexicana. México, 1953.

- ⁵ «Siempre», 4.III 1964, p. 40—41.
- ⁶ Ibid., p. 70.
- ⁷ «Mujeres mexicanas», 1960, № 3, p. 18.
- ⁸ «Situação social de América Latina». Rio de Janeiro, 1965, p. 353.
- ⁹ «Demographic Yearbook», 1964, p. 10.
- ¹⁰ «Obra revolucionaria», 1963, № 2, p. 113.
- ¹¹ «Mañana», 1964, № 10, p. 28.
- ¹² E. Chapa. La constitución y las leyes que amparan a la mujer mexicana. México, 1964.
- ¹³ «Political Rights of Women in Member Nations of the United Nations». Washington, 1963.
- ¹⁴ «Women in high — level elective and appointive positions in National governments». Washington, 1963, p. 6—10.
- ¹⁵ «Child Care Facilities for Women Workers». Geneva, ILO, 1964, p. 36.
- ¹⁶ «Mujeres del mundo entero», 1966, № 2, p. 46.
- ¹⁷ «Obra revolucionaria», 1963, № 2.
- ¹⁸ M. Johnston. Education in Mexico. Washington, 1956, p. 8.
- ¹⁹ «Siempre», 4.III 1964, p. 70.
- ²⁰ A. Zendejas. Crisis de la enseñanza en México. México, 1956, p. 11.
- ²¹ A. M. Hernandez. La mujer en las luchas textiles in México. México, 1962, p. 2.
- ²² «Apuntes históricos del movimiento obrero y campesino de México (1844—1880)». México, 1938, p. 31.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ «Mundo del trabajo libre», 1964, № 137—138; «Quince años del sindicalismo libre interamericano». México, 1963, p. 69; «El Nacional», 18.I 1965, p. 1, 7.
- ²⁵ A. Bremauntz. La batalla ideológica en México. México, 1962, p. 244, 281.
- ²⁶ «El Nacional», 11.I 1965, p. 1; 4.V 1965, p. 1.
- ²⁷ «Tiempo», 15.II 1964, p. 11.
- ²⁸ «PRI. Declaración de principios y programa de acción adoptados por la III Asamblea Nacional del PRI». México, 1960, p. 28—29.
- ²⁹ «El Nacional», 4.IV 1965.
- ³⁰ «Tiempo», 30.V 1966, p. 15.
- ³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 368—369.
- ³² «Первая Международная конференция женщин-коммунисток». М., 1921, стр. 14.
- ³³ «Datos históricos del movimiento femenino en México», México, 1962, p. 2.
- ³⁴ Л. И. Петрова. За мир, равноправие женщин и счастье детей. М., 1956, стр. 227.
- ³⁵ «Mujeres del mundo entero», 1954, № 11, p. 16; «Primer Congreso Latinoamericano de la Mujer». Habana, 1959; «Obra Revolucionaria», 1963, № 2.
- ³⁶ «XIII национальный съезд Мексиканской коммунистической партии». М., 1961, стр. 30.
- ³⁷ «Tesis sobre el trabajo femenino del Partido Comunista». México, 1962.
- ³⁸ «Женщины мира», 1965, № 2.
- ³⁹ К. Петкин. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 80.
- ⁴⁰ «Nueva época», 1964, № 10, p. 57.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² «La Voz de México», 30.V 1965, p. 6.
- ⁴³ «Materiales preparatorios del XV Congreso Nacional Ordinario del Partido Comunista Mexicano». México, 1967, p. 37.
- ⁴⁴ «La Voz de México», 2.VII 1967.
- ⁴⁵ «La Voz de México», 24.IX 1967.
- ⁴⁶ «La Voz de México», 7.VIII 1966.

МЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

специалисты в области международных отношений уже безвозвратно потеряли монопольное право исследования внешней политики современного мексиканского государства. Эта политика стала предметом внимания самых широких общественно-политических кругов многих стран и отнюдь не случайно: никто не может уже оспаривать тот факт, что в современных международных отношениях произошли важные события — вышло на широкую мировую арену с независимой внешней политикой одно из крупнейших государств к югу от Рио-Гранде — Мексиканские Соединенные Штаты. Растущий международный авторитет «республики ацтеков», активная деятельность мексиканской дипломатии последних лет, направленная на защиту национальных интересов Мексики, оцениваются в широких кругах мировой общественности как немаловажный фактор, оказывающий заметное влияние на развитие международных отношений на современном этапе. Даже представители империалистических кругов, которых не может привести в восторг внешнеполитическая деятельность мексиканского государства, все чаще вынуждены признавать, что Мексика играет все более значительную роль не только в делах Западного полушария, но и на широкой мировой арене и «ищет возможности к большей независимости своей внешней политики от США»¹.

Не оспаривая сам факт появления на мировой арене полноправного и авторитетного субъекта международного права, многие буржуазные исследователи, главным образом в США, в попытках объяснить это явление сводят подчас дело лишь к очередной вспышке какого-то особого «мексиканского» нацио-

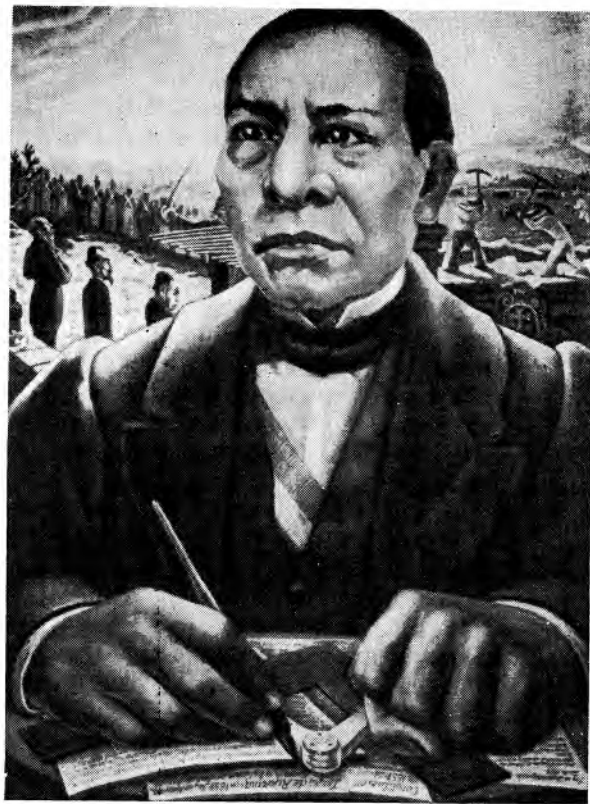
нализма, который-де и толкает Мексику на проведение активной, но чисто мексиканской националистической внешней политики². Однако сам национализм, влияние которого на внешнюю политику Мексики было бы неправильно отрицать, не является здесь ни единственной, ни определяющей силой, воздействующей на формирование внешней политики мексиканского государства.

Не претендуя в рамках данной статьи на всестороннее исследование всех процессов, определяющих мексиканскую внешнюю политику, все же попытаемся указать на некоторые из них.

Анализ внешней политики современной Мексики приводит нас к выводу, что она является отражением сложных и весьма противоречивых социально-экономических и политических процессов. Прежде всего она является отражением соотношения классовых сил и политической обстановки внутри страны и на международной арене и логическим продолжением внутренней классовой политики мексиканского государства. Она тесно связана с общими экономическими и политическими задачами, стоящими перед Мексикой.

Эта политика отвечает в настоящее время национальным интересам страны как развивающегося капиталистического государства и в некоторой степени совпадает с желаниями народных масс. «Наша внешняя политика,— заявил Лопес Матеос при вступлении на пост президента 1 декабря 1958 г.,— соответствует нашей внутренней эволюции. Мы утверждаем, что она превратится во вспомогательный инструмент нашего общего развития. И сознавая, что мы живем не изолированно и не можем жить изолированно, мы объявляем, что существуют принципы цивилизации, которых мы должны придерживаться»³.

Изучение деятельности мексиканской дипломатии в период президентства Лопеса Матеоса (1958—1964 гг.) и нынешнего президента Диаса Ордаса показывает, что этот период характеризуется наибольшей за всю историю Мексики дипломатической активностью, что объясняется как внутренними факторами, так и коренным изменением международной обстановки. Однако было бы неправильным рассматривать этот период как некий взрыв дипломатической активности, а предыдущие годы характеризовать как своего рода внешнеполитическую пассивность. Дело в том, что современная Мексика выступает на международной арене со своими внешнеполитическими принципами, а они-то как раз и явились следствием богатого внешнеполитического опыта и возникших на его основе исторических традиций. Эти традиции оказывают определенное положительное влияние на формирование внешней политики Мексики. «Принципы нашей внешней политики,— заявил Лопес Матеос в своем послании конгрессу 1 сентября 1964 г.,— вытекают из

Бенито Хуарес. Портрет работы
худ. Диего Риверы

нашего исторического опыта. Некоторые из них были сформулированы как оборонительные, ибо мы вынуждены были защищать нашу территорию, наш суверенитет, нашу целостность»⁴.

Основные принципы внешней политики Мексики, нашедшие определенную преемственность в ее нынешних внешнеполитических доктринах, начали формироваться еще со времен борьбы за независимость от испанского ига, причем большую роль в этом сыграли национальные герои Мексики, известные государственные и политические деятели. Так, например, Идальго впервые закрепил принцип самоопределения мексиканской нации в одном из документов, подписанных им 14 апреля 1915 г. в Пуруаране⁵. Другой герой борьбы за независимость Мексики, Морелос, заявил в одном из своих воззваний, что «носителем суверенитета является лишь нация»⁶. Эти принципы продолжали развиваться во время борьбы против Соединенных Штатов Америки в 40-х годах прошлого столетия, во время англо-франко-испанской интервенции в 60-х годах

я во время интервенции США в 1914—1916 гг. Большой вклад в разработку ряда внешнеполитических принципов мексиканского государства внес президент Мексики, ее национальный герой Бенито Хуарес. Его известное высказывание о том, что «мир есть уважение к праву других народов»⁷, считается в Мексике основополагающим для разработки таких принципов внешней политики, как самоопределение, уважение суверенитета, независимость. Бенито Хуарес неоднократно подчеркивал, что борьба за независимость своей родины — есть священный долг каждого мексиканского патриота. В письме к одному из своих соратников 28 сентября 1862 г. он писал: «Мексика полна решимости защищать свою национальную независимость, шаг за шагом отстаивая свою землю от вероломных врагов»⁸.

Один из основных внешнеполитических принципов — невмешательство — утвердился в Мексике после оккупации США Веракруса. Президент Карранса, выдвинувший этот принцип, отверг доктрину Монро как «инструмент империалистического вмешательства»⁹. Это отношение к доктрине Монро стало основополагающим и для последующих мексиканских правительств. О непризнании доктрины Монро было заявлено правительством Карденаса, отмечавшим, что она является «выражением односторонней политики США»¹⁰. Об этом заявил 3 октября 1962 г. на пресс-конференции в Лос-Анжелосе президент Мексики Лопес Матеос, отметивший, что «доктрина Монро является односторонней доктриной США, которую Мексика никогда на протяжении всей своей истории не признавала официально как международное соглашение...»¹¹. Эта доктрина, по мнению одного из видных мексиканских дипломатов и специалистов в области международного права, Луиса Кинтанильи, была лишь «призвана оправдать более чем 60 интервенций в течение 50 лет в полдюжине латиноамериканских государств»¹².

Мексиканская революция 1910—1917 гг., имевшая антиимпериалистическую направленность и оставившая большие революционные традиции в мексиканском народе, положила начало борьбе за экономическую независимость Мексики от иностранного капитала, укрепила ее экономические позиции, еще больше подняла ее международный авторитет. Мексиканской дипломатии времен революции и после нее не раз приходилось сталкиваться с попытками посягнуть на суверенитет страны. Достаточно вспомнить о вмешательстве посла США Вильсона во внутренние дела Мексики и помощь реакционному мятежу генерала Уэрты. Вильсон писал в секретной записке госдепартаменту от 22 января 1912 г. о том, что Мадеро не контролирует положения в стране и, самое опасное, что его правительство «намерено выполнить обещания революции... самое ужасное из

которых — это помощь крестьянам», а поэтому его надо сменить¹³. Захватническая политика империалистических держав заставила Мексику провозгласить в 1930 г. доктрину Эстрада¹⁴, которая и по сей день является немаловажным инструментом мексиканской дипломатии.

Стремясь к экономической независимости, Мексика неоднократно проводила мероприятия по ограничению проникновения иностранного капитала в экономику страны, что, естественно, вызывало отрицательную реакцию империалистических держав. Наглядным примером в этом отношении могут служить известные прогрессивные преобразования правительства президента Карденаса в 30-х годах и особенно национализация мексиканской нефти в 1938 г. Национализация мексиканской нефти, находившейся в руках 17 крупнейших компаний Англии и США, явилась сильным ударом по экономическим позициям империалистических держав в Мексике. Вместе с тем национализация значительно продвинула вперед дело укрепления экономической независимости страны, оказала революционизирующее влияние на многие страны Латинской Америки. Говоря о значении национализации нефти, мексиканский журнал «Ревиста интернасьональ и дипломатика» справедливо отмечал: «Если бы мы не национализировали нефть в 1938 г., то мы бы поставили под сомнение наш национальный суверенитет перед лицом восстания иностранных монополий... И наше экономическое развитие было бы невозможно...»¹⁵. Мексиканской дипломатии в эти годы пришлось выдержать сильнейший натиск империалистических держав. Экономический бойкот, угрозы и шантаж, диверсии и дипломатический нажим — все было пущено в ход против Мексиканской республики, осмелившейся открыто поднять руку на иностранную собственность. Англия и США грозили Мексике прямой интервенцией, а государственный секретарь США Хэлл в беседе с мексиканским послом однажды многозначительно заявил, что в Мексике «может произойти революция или что-нибудь подобное»¹⁶. Мексиканская дипломатия проявила большое искусство и выдержку, не поддавшись на угрозы и с честью защитила национальный суверенитет Мексики.

Традиционные принципы мексиканской внешней политики нашли свое выражение и в защите других стран от империалистической агрессии. Мексика подняла голос протеста против итальянской агрессии в Эфиопии, вторжения германского фашизма в Австрию, поддержала Испанскую республику, выступила против позорного мюнхенскогоговора и развязанной германским фашизмом второй мировой войны.

В одном из своих выступлений бывший в то время президентом Мексики Ласаро Карденас призвал «осудить войну как нелепое средство для решения спорных вопросов между наро-

Ласаро Карденас

дами»¹⁷. Мексика выступила и против вмешательства США во внутренние дела Гватемалы в 1954 г. Мексиканский представитель на Каракасской конференции отказался голосовать за предложенную Даллесом антикоммунистическую резолюцию, призванную прикрыть флагом ОАГ интервенцию в Гватемале. Выступая по мотивам голосования, он, в частности, заявил: «Мы знаем, что это значит. Мы знаем, что невозможно, если мы хотим единства Америки, оставить дверь открытой тому, чтобы в любой момент было бы возможно вновь прибегнуть к интервенции»¹⁸. По инициативе Мексики в Устав ОАГ были включены статьи «об осуждении агрессивных войн»¹⁹, о необходимости «мирного решения споров»²⁰ между государствами.

Таким образом, экскурс в историю мексиканской дипломатии наглядно показывает, что внешнеполитический опыт и традиции явились немаловажным фактором, оказывающим влияние на формирование внешней политики современной Мексики.

Однако внешнеполитические традиции хотя и важный, но далеко не первостепенный фактор, формирующий внешнюю политику Мексики. Приоритет здесь несомненно принадлежит факту общего укрепления экономических и политических позиций мексиканского государства после революции 1910—1917 гг., что позволило ему обеспечить известную базу для проведения независимого внешнеполитического курса.

Современная Мексика добилась явных успехов в экономическом развитии. По уровню и темпам экономического развития ее можно охарактеризовать как развивающееся аграрно-индустриальное капиталистическое государство, занявшее по основным экономическим показателям заметное место среди развивающихся стран капиталистического мира.

Уровень промышленного развития позволил Мексике занять второе место среди латиноамериканских стран, значительно обогнать азиатские (кроме Японии) и африканские (кроме ЮАР) страны и приблизиться к некоторым государствам Юго-Западной Европы.

Относительно высокий уровень развития капитализма в стране привел к росту монополистических тенденций в экономике. В Мексике возникли десятки финансово-промышленных монополистических групп, объединяющихся вокруг большой шестерки ведущих мексиканских банков²¹. Многие из мощных финансово-промышленных объединений имеют свои специфические интересы с ориентацией больше на внутренний рынок, чем на иностранный капитал. Эти группировки хотят быть хозяевами в своем собственном доме, а посему нередко вступают в противоречия с иностранным капиталом. Эти круги мексиканской буржуазии оказывают влияние на внешнюю политику правительства, требуя от него внешнеполитической независимости и активности в деле обеспечения их классовых интересов на мировой арене.

В последние годы значительно возросло влияние на внешнюю политику Мексики широких трудящихся масс, представителей слоев прогрессивной интеллигенции, средних слоев. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления мексиканской общественности в защиту Кубы в апреле 1961 г., что во многом определило позицию мексиканского правительства в кубинском вопросе. На это указывает и поддержка самыми широкими кругами страны внешнеполитической линии правительства на совещаниях ОАГ и по другим вопросам. Народное движение за прекращение агрессии США во Вьетнаме в значительной мере определяет позицию невмешательства и урегулирования вьетнамской проблемы мирным путем, которой придерживается мексиканское государство.

Естественно, что в проведении своего внешнеполитического курса правительство не может не считаться как с давлением

прогрессивных сил, так и различных буржуазных группировок. Такие политические организации реакционных кругов мексиканской буржуазии, как партия Национального действия, Мексиканский гражданский фронт укрепления революции и некоторые другие, требуют более жесткого курса во внешней политике, особенно в кубинском вопросе, настаивают на тесном сотрудничестве с США в проведении последними агрессивного внешнеполитического курса. Все это несомненно является источником определенных колебаний и непоследовательности в некоторых шагах мексиканской дипломатии на международной арене.

Однако новая расстановка сил на мировой арене, успехи лагеря социализма и национально-освободительного движения, общее ослабление позиций империализма, как и стремление Мексики к окончательному экономическому освобождению и к независимости во внешней политике, объективно толкают Мексику к проведению самостоятельного позитивного внешнеполитического курса.

Современная международная обстановка поставила перед Мексикой, как и перед другими странами Латинской Америки, ряд важных вопросов современности, решение которых и выпало на долю мексиканской внешней политики.

Как же решает мексиканская дипломатия эти задачи?

Мексика считает внешнюю политику важным инструментом решения задач экономического развития страны и достижения полной экономической независимости. Поэтому одной из целей мексиканской внешней политики в настоящее время является «ускорение экономического развития страны через использование широкой международной помощи»²², диверсификация внешней торговли, поиски новых рынков и установление широких экономических и политических связей со всеми странами мира.

Этой задаче были посвящены поездки президента Мексики Лопеса Матеоса в 1960—1964 гг. в различные страны, посылка представительных экономических и парламентских делегаций в страны Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Наибольшее значение мексиканская дипломатия придает расширению и укреплению экономических и политических связей со странами Латинской Америки. Мексика выступает за создание здесь сильной экономической группировки, способной не только решать задачи общего экономического развития стран континента, но и защищать их экономику от разоряющей конкуренции монополий США и стран Общего европейского рынка. Кроме того, мексиканская дипломатия предпринимает соответствующие усилия для политического объединения латиноамериканских стран в тех же целях. В апреле 1965 г. министр иностранных дел Мексики Каррильо Флорес прямо заявил, что экономическая интеграция стран континента должна быть ис-

ключительно латиноамериканской²³. Укреплению политических уз между Мексикой и другими латиноамериканскими странами способствует и пропаганда ею своих внешнеполитических принципов, которые импонируют большинству латиноамериканских стран, тем самым поднимая ее международный авторитет.

Этим целям были посвящены как визит мексиканской экономической делегации во главе с генеральным директором Банка внешней торговли Мексики Рикардо Севадой в мае-июне 1958 г. в пять стран Южной Америки, так и посещение в январе 1960 г. президентом Мексики Лопесом Матеосом Венесуэлы, Бразилии, Чили, Аргентины и Перу. Посещение в августе 1964 г. некоторых латиноамериканских стран мексиканской торговой миссией явилось продолжением усилий мексиканской дипломатии по расширению экономических связей с латиноамериканскими странами. Результаты этих усилий не замедлили сказаться. Они повлияли на создание Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛААСТ). В январе 1963 г. между государственными нефтяными компаниями Мексики (Пемекс) и Бразилии (Петробраз) было заключено соглашение о научно-техническом сотрудничестве, к которому затем присоединились Боливия, Чили и Перу. Экономическое интегрирование благотворно сказывается на мексиканской экономике. Только за два года, с 1961 по 1963 г., объем мексиканской торговли со странами ЛААСТ увеличился более чем в 2 раза, а их доля в мексиканской внешней торговле превысила 5%²⁴.

Важным шагом на пути достижения вышеуказанных целей явилась и двухнедельная поездка президента Мексики Густаво Диаса Ордаса в январе 1966 г. по шести центральноамериканским республикам. Здесь решались не только задачи расширения экономических связей, но и ряд внешнеполитических вопросов. Мексиканский президент призвал центральноамериканские страны к независимому внешнеполитическому курсу на основе тех принципов, которых придерживается мексиканская внешняя политика. Подчеркнув, что экономическая независимость гарантирует независимость политическую, Диас Орда призвал эти страны к индустриализации главным образом за счет собственных ресурсов. Мексиканский президент подтвердил мнение Мексики о том, что только Панама принадлежит суверенное право на владение каналом²⁵. Он еще раз напомнил, что Мексика продолжает выступать против как «политического давления в экономических целях, так и против экономического давления в политических целях»²⁶, подтвердил неизменность позиции в кубинском и доминиканском вопросах, а также выразил отрицательное отношение к идее создания так называемых межамериканских сил мира.

Результатом поездки Лопеса Матеоса в октябре 1962 г. по странам Азии явилось заключение ряда выгодных для Мексики

торговых соглашений с Индонезией и Японией. Индонезия, например, превратилась в крупного торгового партнера Мексики. Она покупает мексиканский текстиль на сумму в 225 млн. песо в год, обеспечивая тем самым полную загрузку 22 мексиканских фабрик²⁷. Япония же стала вторым после США торговым партнером Мексики.

Крушение колониализма и образование молодых африканских государств побудило мексиканскую дипломатию предпринять ряд мер для установления соответствующих контактов с этими государствами. В 1961 г. в 15 странах Африки побывала мексиканская миссия доброй воли во главе с послом Мексики в Каире Алехандро Каррильо. Результатом этих визитов было установление дипломатических отношений с Сенегалом (1962 г.), Алжиром (1963 г.), Нигерией (1964 г.). В 1963 г. 11 африканских стран посетила новая, на этот раз парламентская, делегация Мексики. В этом же году Мексика принимала у себя представителей Ганы, Нигерии, Сенегала. В июне 1966 г. между Мексикой и Объединенной Арабской Республикой было заключено торговое соглашение о продаже Мексикой ОАР пшеницы и кукурузы на сумму в 360 млн. песо²⁸.

Не меньшую активность проявляет мексиканская дипломатия и в расширении экономических и политических связей со странами Европы. Президент Мексики заявил перед поездкой в Европу весной 1963 г., что одной из целей его визита будет развитие торговых отношений и демонстрация принципов мексиканской внешней политики. Однако значение этого визита, как и других визитов мексиканских государственных деятелей в Европу (мексиканской торгово-промышленной делегации в Англию в 1961 г. и министра иностранных дел Мануэля Тельо летом 1963 г. в Скандинавию), вышло за чисто экономические рамки: преследовалась также цель подтвердить независимость внешней политики Мексики и укрепить ее международный авторитет, примером чему может служить расширение всесторонних контактов между Мексикой и Францией. Сближению этих стран значительно способствовали визиты Лопеса Матеоса во Францию в марте 1963 г. и де Голля в Мексику в марте 1964 г. Результатом были не только французские кредиты в 150 млн. долларов на развитие мексиканской нефтехимии, но и демонстрация перед Вашингтоном мексиканской внешнеполитической самостоятельности.

Стремясь к расширению экономических связей, поискам новых рынков, к освобождению торговли от ряда дискриминационных мер империалистических держав, мексиканская дипломатия проводит активную деятельность в международных организациях и на конференциях. Свидетельством этого может служить позиция мексиканской делегации на Международной конференции ООН по торговле и развитию весной 1964 г., добывая-

пейся равных возможностей и справедливых, без дискриминации, торговых отношений между всеми державами.

Президент Мексики Диас Ордас в своих программных заявлениях неоднократно подчеркивал, что расширение связей за океаном по-прежнему будет оставаться одной из основных целей мексиканской внешней политики, что Мексика «продолжит усилия» по установлению широких международных связей вообще, «по расширению внешней торговли» в частности²⁹.

Яркой демонстрацией независимости внешней политики Мексики является ее отношение к основным международным проблемам. В решении этих вопросов Мексика опирается на свои традиционные внешнеполитические принципы, по поводу которых президент Мексики заявил: «Внешняя политика Мексики ясна — это невмешательство и право на самоопределение»³⁰.

Развивая эти принципы, Мексика считает мирное сосуществование основой отношений между государствами. При этом мирное сосуществование рассматривается Мексикой как форма широкого и всестороннего сотрудничества между всеми странами мира. По мнению Мексики, политика мирного сосуществования может проводиться лишь на базе соблюдения основных принципов мексиканской внешней политики — независимости, невмешательства и самоопределения, которые являются гарантией мирного сосуществования. «Если мы независимая страна и проводим независимую внешнюю политику, — заявил в одном из своих выступлений Лопес Матеос, — то логическим выводом из этого следует установление дипломатических и торговых отношений со всеми странами мира, без какой бы то ни было дискриминации»³¹.

Политика мирного сосуществования проводится прежде всего в отношениях Мексики со странами социалистического лагеря. Посещение Лопесом Матеосом весной 1963 г. Польши и Югославии рассматривается Мексикой как демонстрация политики мирного сосуществования, покоящейся на ее основных внешнеполитических принципах.

Примером успешного проведения в жизнь политики мирного сосуществования являются дружественные советско-мексиканские отношения. Руководствуясь этой политикой, Мексика, будучи первой латиноамериканской страной, установившей в августе 1924 г. дипломатические отношения с СССР, доказывает жизнеспособность и необходимость политики мирного сосуществования как основы отношений между странами с различным общественным строем.

Практическим выражением этой политики являются не только дружественные дипломатические отношения между двумя странами, основанные на уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела друг друга, но и расширяющиеся всесторонние контакты между ними.

Советский Союз, руководствуясь ленинской политикой мирного сосуществования и дружбы со всеми народами, с первых же дней установления дипломатических отношений с Мексикой прилагает большие усилия для укрепления и развития дружественных советско-мексиканских отношений.

Первый советский посол в Мексике С. С. Пестковский, вручая свои верительные грамоты президенту Ольвару Обрегону, отметил, что «народы СССР с живейшим сочувствием следят за борьбой мексиканского народа за независимость и против иностранного империализма»³².

В годы второй мировой войны оба государства боролись в рядах антигитлеровской коалиции. 24 июня 1941 г. мексиканское правительство в специальном заявлении осудило агрессию германского фашизма против СССР, а официальная Институционно-революционная партия (ИРП) направила 7 ноября 1941 г., в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, приветственную телеграмму на имя Советского правительства, в которой говорилось, что мексиканский народ восхищен героической борьбой народов России против вероломного нападения фашистской Германии.

Важной вехой на пути крепнущих советско-мексиканских отношений стала промышленная выставка в Мексике.

Некоторые другие формы контактов между двумя странами, как, например, обмен посланиями глав правительств по важным международным проблемам, обмен парламентскими и культурными делегациями, прочно вошли в практику взаимоотношений между двумя государствами. Достаточно указать на обмен посланиями глав правительств СССР и Мексики по таким важным международным проблемам, как разоружение, заключение Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, защита мира, урегулирование территориальных споров мирным путем и т. д.

Мексиканское правительство положительно отнеслось к инициативе СССР о развитии межпарламентских контактов между двумя странами. В апреле-мае 1960 г. председатель постоянной комиссии мексиканского конгресса Мануэль Морено Санчес посетил Советский Союз, а в сентябре 1960 г. на празднование 50-летия Мексиканской революции прибыла советская парламентская делегация во главе с Н. Н. Органовым. С 29 апреля по 14 мая 1963 г. в Советском Союзе находилась мексиканская парламентская делегация. В совместном коммюнике о пребывании делегации в СССР подчеркивалась общность взглядов парламентариев обеих стран по волнующим проблемам современности, взаимное стремление к укреплению мира и дружественных отношений между двумя странами³³.

В январе-феврале и ноябре 1964 г. Мексику по приглашению мексиканских парламентариев посетили две парламентские де-

легации СССР во главе с заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищем Юстасом Палецким и председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР товарищем Яном Вальдемаровичем Пейве. Приезд в СССР министра иностранных дел Мексики Каррильо Флореса в мае 1968 г. — новое отражение того, что советско-мексиканские отношения, как отмечалось в совместном коммюнике, «продолжают развиваться в духе традиционной дружбы и взаимного сотрудничества».

В новых планах расширения экономических связей со всеми странами мира, разрабатываемых мексиканским правительством³⁴, учитывается возможность и необходимость расширения торговых отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Об этом свидетельствует, например, посещение в мае-июне 1963 г. Советского Союза, Польши, Югославии и Чехословакии представительной мексиканской экономической миссией во главе с генеральным директором Банка внешней торговли Мексики Рикардо Севадой, который отметил хорошие перспективы развития торговли между Мексикой и социалистическими странами и, в частности, возможность закупок в Советском Союзе машин и оборудования для осуществления планов индустриализации страны. В официальном отчете этой миссии мексиканскому правительству говорилось, что целью посещения социалистических стран Европы было «изучить возможности увеличения торговли и экономического сотрудничества с этими странами, основываясь на одном из принципов экономической политики Мексики — поддерживать ко взаимной выгоде отношения со всеми странами, которые предлагают нам реальные возможности к диверсификации нашей внешней торговли». Миссия «рекомендует заключение торгового соглашения с Советским Союзом, которое заложило бы основу ко все увеличивающемуся и взаимовыгодному товарообмену»³⁵.

Успешно развиваются и советско-мексиканские культурные связи. В 1925 г. Мексику посетил советский поэт В. В. Маяковский. В 30-х годах советский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн создал о Мексике замечательный фильм. Большой известностью в Советском Союзе пользуются выдающиеся мексиканские художники Ороско, Диего Ривера, Сикейрос и писатели Асуэла, Хосе Мансисидор, Луис Гусман, Лисарди. Значительным культурным событием явилась организованная в Москве осенью 1960 г. выставка «Искусство Мексики от древнейших времен до наших дней». Советская столица неизменно тепло приветствовала талантливые мексиканские музыкальные коллективы и отдельных деятелей культуры и искусства Мексики, посетивших Советский Союз.

Велик и в Мексике интерес к советской культуре. Неизменный успех выпадал на долю посетивших Мексику таких прославленных советских коллективов, как хор имени Пятницкого,

ансамбль Игоря Моисеева, Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. Мексиканские деятели культуры тепло принимали у себя композиторов Шостаковича, Кобалевского, исполнителей Давида Ойстраха, Ростроповича, дирижера Гаука, кинорежиссера Бондарчука, писателя Константина Симонова и др.

Большую работу по укреплению советско-мексиканских культурных связей ведет Мексикано-русский институт культурных связей, первым президентом которого был выдающийся художник современности Диего Ривера.

Новым важным этапом на пути укрепления дружественных советско-мексиканских отношений явилось создание в Советском Союзе общества «Мексика — СССР» во главе с известным советским кинорежиссером Кулиджановым.

Рассматривая политику мирного сосуществования как единственно правильную основу взаимоотношений между всеми государствами мира в современной международной обстановке, Мексика стремится закрепить этот принцип в международном масштабе. Достаточно указать на предложение Лопеса Матеоса во время визита президента Югославии Тито в Мексику подписать в рамках ООН пакт о соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела других государств. Можно напомнить и о предложенном мексиканским представителем в ООН в декабре 1963 г. проекте резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о юридическом определении принципа невмешательства³⁶.

Могучая волна освободительного движения докатилась и до берегов Американского континента. Победа Кубинской революции наложила глубокий отпечаток на весь ход международных отношений в Западном полушарии, заставив страны межамериканской системы высказать свое отношение к первой среди латиноамериканских стран социалистической республике. Отношение к Кубе стало для латиноамериканских стран своеобразным индикатором по проверке жизненности их внешнеполитических принципов. Мексика, как одна из ведущих стран Американского континента, естественно, не могла остаться в стороне от новых изменений в международных отношениях. Верная своим внешнеполитическим доктринам, она и в кубинском вопросе демонстрирует традиционные принципы невмешательства и самоопределения.

Несмотря на то, что Мексика является членом ОАГ и несет ряд обязательств со всеми вытекающими отсюда последствиями, она, опираясь на свои внешнеполитические принципы, не пошла за США по пути антикубинских авантур и вмешательства во внутренние дела Кубинской Республики. Она выступает за уважение суверенитета Кубы, невмешательство во внутренние дела кубинского народа и, требуя для Кубы юридического равенства со всеми другими государствами, выступает против каких-либо

Академик Д. И. Щербаков — вице-президент Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки во время приема в Доме дружбы в Москве в 1964 г.

санкций ОАГ по отношению к Кубе. Определяя политику Мексики в кубинском вопросе, президент Мексики Адольфо Лопес Матеос заявил в 1964 г. в интервью французскому журналу «Пари-матч», что «Мексика поддерживает с Кубой абсолютно нормальные отношения». «Мы считаем,— подчеркнул Лопес Матеос,— основными принципами нашей внешней политики невмешательство в дела других государств и уважение суверенитета всех стран. Мы полагаем, что каждый народ должен и может иметь то правительство, которое ему нравится... Мы не видим причин, по которым какая-либо страна должна вмешиваться в дела другой страны и высказывать свое мнение о формах организации, существующей в других странах... правительство Мексики тщательно воздерживается даже от словесного вмешательства во внутренние дела Кубы»³⁷.

Обосновывая политику Мексики в кубинском вопросе, видные мексиканские дипломаты и теоретики международного права довольно резко выступают против попыток США прикрыть антикубинские акции флагом ОАГ, разглагольствованиями о верности панамериканизму и ссылками на коллективную ответственность перед лицом «коммунистической угрозы».

Доказывая право Кубы, как и каждой страны, на суверенитет и независимость, мексиканский дипломат Луис Кинтанилья пишет, например, что никогда не надо забывать, что «если страна имеет собственную территорию, гражданское правительство и самостоятельную экономику и не является также хозяйкой своей внешней политики, эта страна не сможет действовать как полностью свободное, суверенное государство»³⁸.

Выступая против попыток вмешательства США во внутренние дела Кубы под флагом ОАГ, Кинтанилья отмечает, что «политика Мексики, несмотря на положения о коллективных действиях, состоит в избегании того, чтобы какие-либо международные организации фактически нарушали суверенитет и политическую независимость какого-либо из государств—членов ОАГ»³⁹. «Современная форма интервенции,— по мнению другого известного мексиканского дипломата Хорхе Кастаньеды,— заключается в коллективных действиях, освещенных определенным количеством голосов в международных организациях»⁴⁰.

Крупнейший теоретик международного права и видный мексиканский дипломат Исидро Фабела, указывая на то, что «все американские государства обязаны уважать права других государств в соответствии с нормами международного права»⁴¹, считает право на устройство внутренней жизни кубинского народа и, в частности, право на национализацию, признаком суверенности государства⁴². «Суверенитет государств должен быть неприкосновенен,— пишет в своем известном труде «Интервенция» Исидро Фабела,— ибо этого требует национальное самосознание народов»⁴³.

Что же касается «коммунистической угрозы» с Кубы, то Исидро Фабела, разоблачая подоплеку этих измышлений, писал: «...Вчера коммунистической была Гватемала, потому что она задела интересы «Юнайтед фрут», сегодня — Куба, а завтра будет еще какая-нибудь латиноамериканская страна...»⁴⁴.

В ответ на стремление американской дипломатии «освятить» свою политику в Латинской Америке идеями панамериканизма Хорхе Кастаньеда отмечает, что панамериканизм вообще «превратился в один из элементов мировой политики США, в инструмент, который привязал бы Латинскую Америку к американской колеснице в выполнении их внеконтинентальных политических целей»⁴⁵.

Придерживаясь своей позиции в кубинском вопросе, Мексика на ряде совещаний ОАГ выступает против попыток США

изолировать, а затем и задушить Кубинскую Республику. На VII консультативном совещании в Сан-Хосе в августе 1960 г. бывший тогда министром иностранных дел Мексики М. Тельо, отказавшись голосовать за коллективные санкции против Кубы, заявил, что революция не оправдывают вмешательства, а межамериканская система не может допустить покушения на суверенитет и независимость любого народа⁴⁶. Сенатская комиссия мексиканского конгресса одобрила деятельность мексиканской делегации на этом совещании, подтвердила «мексикано-кубинскую дружбу и тот факт, что Кубинская революция является выражением воли народа Кубы»⁴⁷.

Агрессия США на Кубе в апреле 1961 г. вызвала возмущение мексиканской общественности, что во многом определило позицию мексиканского правительства, официально заявившего о своем невмешательстве. Ряд мексиканских деятелей, в том числе и председатель палаты депутатов Санчес Пьедрас, заявили о поддержке Кубы в ее конфликте с США. В стране состоялись мощные демонстрации в поддержку Кубы, в которых приняло участие около миллиона человек.

Позиция Мексики осталась неизменной и на VIII консультативном совещании МИД ОАГ в январе 1962 г. в Пунта-дель-Эсте, где она в числе шести крупнейших латиноамериканских стран воздержалась при голосовании антикубинской резолюции. Однако Мексика проголосовала за резолюцию «о несовместимости марксистско-ленинского режима на Кубе с межамериканской системой», а ее государственные деятели неоднократно подчеркивали, что Мексика голосует против санкций в отношении Кубы лишь по юридическим мотивам, а не в защиту политического строя, установленного на Кубе⁴⁸.

На IX консультативном совещании МИД ОАГ состоявшемся 21 июля 1964 г. в Вашингтоне, Мексика голосовала против резолюции «о применении мер к нынешнему правительству Кубы» и отказалась разорвать дипломатические отношения с Кубой. Эту позицию Мексика определила еще до совещания в Вашингтоне в официальном заявлении министерства иностранных дел 15 июля 1964 г., где, в частности, подчеркивалось, что «на предстоящем совещании Мексика, разумеется, выступит против каких-либо санкций в отношении Кубы»⁴⁹. В заявлении указывалось, что совещание фактически призвано служить средством давления на некоторые латиноамериканские государства с тем, чтобы вынудить их порвать отношения с Кубой.

Такая позиция Мексики в кубинском вопросе находит широкую поддержку во всех слоях мексиканского народа. Крупнейшие мексиканские профсоюзы и крестьянские объединения — Конфедерация трудящихся Мексики, Профсоюз электриков, Национальная крестьянская конфедерация, демократическая организация Движение за национальное освобождение, ряд

политических партий, в том числе Институционально-революционная, Социалистическая народная и Коммунистическая выступали с неоднократными заявлениями в поддержку позиции Мексики. 1 сентября 1964 г. Лопес Матеос заявил, что Мексика будет продолжать поддерживать отношения с Кубой.

Использование ОАГ в интересах США, а не в качестве инструмента решения социально-экономических проблем, стоящих перед латиноамериканскими странами, побудили Мексику, как и ряд других крупных латиноамериканских государств, ставить вопрос о путях перестройки этой организации в интересах стран Латинской Америки. Нынешний министр иностранных дел Мексики Каррильо Флорес неоднократно заявлял, что в ОАГ Мексика будет выступать за создание эффективной системы урегулирования разногласий между странами Западного полушария, которая способствовала бы укреплению дружественных отношений между всеми странами континента.

Эта позиция Мексики, основанная на ее традиционных принципах невмешательства и самоопределения, вновь была продемонстрирована ею во время агрессии США в 1965 г. в Доминиканской Республике и попыток сколотить под флагом ОАГ так называемые межамериканские вооруженные силы. Касаясь событий в Доминиканской Республике, президент Мексики Диас Ордаз в выступлении на открытии XI сессии Экономической и социальной комиссии ООН для Латинской Америки в мае 1965 г. заявил: «Народ и правительство Мексики убеждены, что только народ Доминиканской Республики и только он один может принять решение о форме своего правления и вообще о своем будущем без какого-либо вмешательства другой страны, прямого или косвенного, открытого или замаскированного»⁵⁰. Следуя этой линии, Мексика заняла позицию осуждения американской агрессии в Доминиканской Республике, потребовала вывода американских войск из этой страны и выступила против создания «межамериканских вооруженных сил». Мексиканское правительство заявило США, что они своими действиями вызвали глубокое разочарование мексиканцев. 29 апреля 1965 г. МИД Мексики опубликовал специальное заявление, осуждающее агрессию США в Доминиканской Республике. Политика мексиканского правительства была поддержана самыми широкими слоями мексиканской общественности. Ассоциация мексиканских журналистов поздравила президента республики с достойной позицией, занятой его правительством в доминиканском вопросе. Бывший президент Мексики Лопес Матеос заявил, что американская интервенция представляет собой вопиющее нарушение принципов невмешательства и самоопределения. Многие лидеры ИРП в своих выступлениях резко осудили американскую агрессию в Доминиканской Республике. Сенатор Мануэль Тельо заявил: «Высадка войск морской пехоты США

в Доминиканской Республике является актом агрессии. Ничто не может оправдать эту высадку»⁵¹.

В обмене посланиями между Центральным комитетом Мексиканской коммунистической партии и президентом Мексики было выражено осуждение американской агрессии в Доминиканской Республике и отрицательное отношение к идее создания «межамериканских вооруженных сил» как противоречащих основным внешнеполитическим принципам Мексики. В послании ЦК МКП, в частности, выражалась поддержка позиции мексиканского правительства по этим вопросам и говорилось, что «эта позиция соответствует лучшим традициям нашего народа, выражает волю большинства мексиканцев и является новым подтверждением верности принципам невмешательства, самоопределения и защиты национального суверенитета»⁵². В специальном заявлении по поводу американской агрессии в Доминиканской Республике Революционная федерация рабочих Мексики выразила «самый энергичный протест по поводу высадки американской морской пехоты в Доминиканской Республике, которая имеет действительной целью воспрепятствовать доминиканскому народу не допустить восстановления диктатуры, которая разгромила ранее правительство конституционного президента Боша»⁵³.

Мексика выразила свое отрицательное отношение и к такому шагу на пути дальнейшего осуществления «жесткого курса» США в Латинской Америке, выраженного в доктрине «Манна — Джонсона», как принятие 20 сентября 1965 г. американским конгрессом резолюции, санкционирующей интервенцию США в любую латиноамериканскую страну под прикрытием борьбы с «коммунистической угрозой». Мексиканский сенат и Институционно-революционная партия выступили с заявлениями, осуждающими эту резолюцию как акт вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Мануэль Тельо, в частности, заявил: «Позиция Мексики относительно невмешательства неизменна. Мы не признаем индивидуальной интервенции»⁵⁴.

Позиция Мексики на состоявшейся в ноябре 1965 г. II чрезвычайной межамериканской конференции ОАГ и на последующих совещаниях специальной комиссии ОАГ в Панаме и на сессии Экономического и социального совета ОАГ в Буэнос-Айресе весной 1966 г. свидетельствует о том, что она, вместе с некоторыми другими ведущими государствами Латинской Америки, продолжает выступать против американской агрессии в Доминиканской Республике, против идеи создания «межамериканских вооруженных сил» и пересмотра устава ОАГ с целью расширения военно-политических прав таких органов, как Межамериканский совет обороны и Совет ОАГ, предлагаемого США.

Еще накануне II чрезвычайной межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в беседе с государственным секретарем США Дином Раском министр иностранных дел Мексики Каррильо Флорес подчеркнул, что мексиканское правительство считает ОАГ неправомерной создавать постоянные «межамериканские вооруженные силы»⁵⁵. Прибыв в Рио, Каррильо Флорес накануне конференции заявил журналистам, что Мексика выступил на ней против создания «межамериканских вооруженных сил». «ОАГ была создана не для того,— подчеркнул он,— чтобы превратиться в военную организацию. Мексика не поддержит никаких изменений устава ОАГ, которые затронули бы основные принципы невмешательства и самоопределения»⁵⁶. Настойчиво подчеркнув верность Мексики вышеуказанным принципам, мексиканский министр иностранных дел прямо заявил с трибуны конференции, что «Мексика не может пойти на то, чтобы при ее поддержке в результате настоящей конференции были ослаблены или ограничены такие принципы, как принцип невмешательства, запрещения использования силы и юридическое равноправие государств»⁵⁷. Мексиканский министр добавил, что ОАГ переживает серьезный кризис, «признаком которого служит то обстоятельство, что здесь находятся не все те, кому надлежало бы быть»⁵⁸.

На совещаниях в Панаме и Буэнос-Айресе мексиканские делегации продолжали проводить линию, занятую на конференции в Рио. Еще до совещания в Панаме президент Мексики Диас Ордас во время пребывания в Гондурасе и Панаме в январе 1966 г. подтвердил отрицательное отношение Мексики к идее создания «межамериканских вооруженных сил». Отвечая на вопросы журналистов в Панаме и Гондурасе, он заявил, что Мексика не может отойти от тех принципов независимости, невмешательства и самоопределения, за которые боролись Куаутемок и Хуарес. «И вы хотите,— заявил Диас Ордас,— чтобы мы пошли на то, чтобы наши внутренние вопросы решались политиками или солдатами другой или других стран»⁵⁹.

В соответствии с этой позицией Мексика на совещании в Панаме отвергла предложения США, направленные на расширение военных прав ОАГ, и выдвинула предложения по расширению ее социально-экономических функций. Ее представитель Рафаэль де ла Колина заявил на совещании: «Мексика выступает против предоставления больших полномочий Межамериканскому совету обороны. Если это случится, то он подчинит себе как Всеобщую ассамблею, так и Совет министров иностранных дел ОАГ»⁶⁰.

Таким образом, анализ позиции Мексики по таким важным и острым вопросам современных международных отношений, как кубинский и доминиканский, и связанная с ними позиция в ОАГ позволяют говорить о стремлении мексиканской дипло-

матии найти свой, самостоятельный, независимый от давления извне подход к ряду важнейших проблем мировой политики. Эта позиция значительно усиливается поддержкой самых широких слоев мексиканской нации, за исключением крайне правых, экстремистских групп, тесно связавших свою судьбу с иностранным капиталом.

Выход Мексики на мировую арену с независимой внешней политикой совпал с эпохой борьбы миролюбивых государств за мир, разоружение, запрещение ядерных испытаний, против агрессивного курса империалистических держав на развязывание мировой термоядерной войны. Отношение Мексики к этим важным вопросам современности свидетельствует о желании внести свой конструктивный вклад в дело укрепления мира и ослабления международной напряженности. Мексиканские коммунисты неоднократно указывали на поддержку внешнеполитических шагов правительства, направленных на укрепление независимости Мексики. Так, в сообщении ЦК МКП о встрече руководящих деятелей Мексиканской коммунистической партии с президентом Диасом Ордасом в мае 1968 г. отмечалось, что МКП поддержит все действия правительства, отвечающие общим интересам страны в борьбе за ее развитие и сохранение национального суверенитета. Мексика стремится внести свой вклад в дело предотвращения термоядерной войны. «Любой шаг, направленный к сохранению мира, является очень важным, — заявлял Лопес Матеос, — ибо, начиная с сегодняшнего дня и в будущем, мировая война будет термоядерной войной и может быть последней войной не потому, что какая-либо держава добьется победы, а потому, что она уничтожит жизнь на земле, социальную организацию, культуру, цивилизацию»⁶¹.

Как развивающаяся страна, Мексика связывает борьбу за мир с борьбой за свое полное освобождение, за решение стоящих перед ней экономических задач. «Только мир гарантирует нам завоевание будущего, к которому мы так стремимся»⁶², — заявил Лопес Матеос, выступая 7 июня 1963 г. по случаю Дня печати Мексики. Намечая внешнеполитическую программу своего правительства, нынешний президент Мексики Диас Ордас, в частности, отметил, что «любить мир — это значит бороться против условий, которые делают возможным возникновение войны. Мы сторонники разоружения, которое должно быть начато с деатомизации»⁶³.

На XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Мексики поддержал выдвинутые Советским Союзом предложения о всеобщем и полном разоружении, а на XVIII сессии Мексика предложила заключить пакт о ненападении между всеми странами — членами ООН. Мексиканская делегация в Комитете 18-ти ООН по разоружению в Женеве заявила, что Мексика поддержит «любое почетное решение проблемы разоружения»⁶⁴.

В ходе работы комитета Мексика поддержала инициативу СССР о скорейшем устранении причин опасности ракетно-ядерной войны, о сокращении военных бюджетов, об уничтожении бомбардировочной авиации и др. Мексика выступила также против создания многосторонних ядерных сил. В октябре 1962 г. мексиканский представитель в комитете внес предложение о прекращении с 1 января 1963 г. всех ядерных испытаний, а 16 августа Мексика высказалась за заключение пакта о ненападении между странами — участницами НАТО и Варшавского договора.

Мексика придает важное значение Московскому договору о запрещении ядерных испытаний в трех сферах; она была одной из первых стран, подписавших его. «Единственной альтернативой договору о запрещении ядерных испытаний,— заявил в Комитете 18-ти по разоружению в Женеве бывший министр иностранных дел Мексики Падилья Нерво,— является преступление против человечества»⁶⁵. Позднее эту позицию мексиканского правительства подтвердил министр иностранных дел Мексики Каррильо Флорес, заявивший, что «нет более важной и срочной проблемы для человечества, чем проблема нераспространения ядерного оружия»⁶⁶. Важным конструктивным шагом в решении проблемы ограничения распространения ядерных вооружений явилась инициатива Мексики в вопросе объявления Латинской Америки безъядерной зоной.

Положительным шагом, встретившим одобрение широкой общественности миролюбивых стран, было обращение в ноябре 1962 г. мексиканского конгресса ко всем парламентам мира с призывом усилить борьбу за мир, разоружение и запрещении ядерных испытаний в военных целях.

Практическая деятельность мексиканской дипломатии на международной арене свидетельствует о совпадении точек зрения Мексики, молодых развивающихся стран Азии и Африки и социалистических стран по таким международным вопросам, как ликвидация колониализма, борьба против апартеида в Южно-Африканской Республике, осуждение империалистической агрессии в Конго, нормализация положения в Европе и др.

Стремление Мексики к независимости наталкивается на сопротивление ее северного соседа — Соединенных Штатов. Мексикано-американские отношения всегда были «самой трудной и деликатной проблемой»⁶⁷ для мексиканской дипломатии. Сейчас, в сложной международной обстановке, когда США стремятся не допустить развивающиеся страны к проведению независимой внешней политики, отношения между Мексикой и США продолжают быть предметом особой заботы обоих государств и источником серьезных, иногда на первый взгляд незаметных противоречий.

Причиной этих противоречий является не столько географическая близость империалистической державы и ее экономиче-

ски более слабого южного соседа, сколько ряд глубоких экономических и политических проблем, основа которых заключается в стремлении Мексики к окончательному освобождению от иностранной зависимости во всех областях экономики и политики. Двигательной силой этих стремлений являются как общенациональные интересы, так и противоречия между иностранным капиталом и влиятельными слоями мексиканской буржуазии. США, все еще занимающие сильные позиции в мексиканской экономике, стремятся сохранить свои позиции. Кроме того, независимая политика Мексики в ряде международных вопросов зачастую идет вразрез с империалистическими планами США в Западном полушарии, которые без поддержки со стороны такого крупнейшего государства Латинской Америки, как Мексика, менее эффективны.

Мексика в свою очередь выступает против того, что американские монополии получают здесь огромные прибыли, спекулируют мексиканскими товарами на международных рынках, препятствуют расширению связей Мексики с другими странами. Отвечая на вопросы корреспондента Интернэйшл Ньюз Сервис, Лопес Матеос так охарактеризовал экономическую политику США по отношению к латиноамериканским странам: «Политика США по отношению к странам Латинской Америки — это покупать дешево, а продавать дорого»⁶⁸. Мексика уже давно убедилась, что капитал США стал не только «смирительной рубашкой» для развития производительных сил страны, но и представляет серьезную угрозу ее суверенитету, ее экономической независимости. 15% мексиканских экспортных товаров идет через иностранных посредников, подавляющая часть которых — фирмы США⁶⁹. Вложение новых капиталов, например в торговлю, дает капиталу Соединенных Штатов Америки огромные прибыли. Одна только компания «Вульворт» имеет в Мексике 22 магазина с оборотом во многие миллионы долларов. Две компании США по добыче серы «Асуфрера пан-американа» и «Асуфрера Веракрус» до недавнего времени вывозили 90% добываемой в стране серы и перепродавали ее на международных рынках по более высоким ценам.

Противоречия между Мексикой и США проявляются на многих участках дипломатического фронта, как в международных организациях, так и при двусторонних внешнеполитических контактах.

Так, например, встречи президентов США и Мексики превратились в наглядную демонстрацию серьезных противоречий между двумя странами по самым различным международным вопросам. Характерной чертой этих встреч является то, что США стремятся расширить возможности проникновения своего капитала в экономику Мексики, добиться изменения позиции Мексики по ряду международных проблем. Мексика в свою

очередь требует от Соединенных Штатов справедливой внешне-торговой политики, стремится не допустить ущемления своих интересов со стороны монополий США и, следуя независимому внешнеполитическому курсу, не желает изменять свою точку зрения на некоторые международные проблемы.

Встречи Лопеса Матеоса с Эйзенхауэром в феврале 1959 г., с Кеннеди в июне 1962 г., с Линдоном Джонсоном в феврале 1964 г. и, наконец, нынешнего президента Диаса Ордаса в ноябре 1964 г. и в апреле 1966 г. с Линдоном Джонсоном не внесли существенных изменений в позицию Мексики по важным вопросам международных отношений. Во время встречи Лопеса Матеоса с Линдоном Джонсоном в Палм-Спрингсе 21—22 февраля 1964 г. Мексика, несмотря на все усилия США, подтвердила неизменность своей позиции в кубинском вопросе. Лопес Матеос внес предложение решить кубинский вопрос в рамках ООН, что является, по выражению «Нью-Йорк таймс», «анафемой для Вашингтона»⁷⁰. Подобную позицию занял на встрече с Джонсоном и Диас Ордас, заявивший, что он «уважает решение мексиканского правительства и как любой мексиканец подчиняется ему»⁷¹.

Межпарламентские совещания между Мексикой и США, которые начиная с 1961 г. проводятся поочередно в США и Мексике, превратились в подлинную арену битвы дипломатии. На этих встречах мексиканцы требуют от своих американских коллег установления более справедливых цен на традиционные товары мексиканского экспорта, прекращения некоторых вредных для мексиканской экономики капиталовложений США. На первом совещании 1961 г. в Гвадалахаре мексиканский сенатор Брена Торрес заявил, что «Мексика осуждает капиталовложения, которые приводят к обнищанию среднего мексиканца»⁷².

Примером серьезных разногласий между Мексикой и Соединенными Штатами Америки по некоторым международным вопросам может служить четвертая встреча парламентариев США и Мексики, происходившая в марте 1964 г. в Вашингтоне. На этой встрече, вопреки нажиму США, Мексика не изменила своей позиции в кубинском вопросе, заявила, что будет поддерживать торговые отношения со всеми странами, независимо от их общественного строя, потребовала справедливого решения ряда пограничных конфликтов, объявила о неизменности своей позиции по вопросам разоружения и подтвердила верность принципам невмешательства и самоопределения. Встреча вызвала такие серьезные разногласия между сторонами, что даже не было подписано совместного коммюнике.

Пятая встреча 11—17 февраля 1965 г. в г. Ла-Пас (Нижняя Калифорния) также показала решимость Мексики придерживаться ранее объявленной позиции по многим международным вопросам.

Шестая встреча парламентариев Мексики и США, состоявшаяся с 9 по 16 февраля 1966 г. в Вашингтоне, свидетельствует о том, что к старым разногласиям прибавились новые, вызванные последними агрессивными шагами США по отношению к странам — членам ОАГ. Хотя на повестке дня встречи стояли такие важные вопросы, как пересмотр устава ОАГ, усиление деятельности в рамках «Союза ради прогресса», экономическая интеграция, торговые отношения, социальные и культурные вопросы, встреча вылилась в острые споры по ряду конкретных вопросов. Среди них фигурировали: отношение к Кубе, агрессия янки в Доминиканской Республике, «межамериканские вооруженные силы», отношение к принципам невмешательства и самоопределения, торговая дискриминация со стороны США. Все выступавшие мексиканские парламентарии подтвердили основные внешнеполитические принципы Мексики и потребовали от США справедливой экономической политики в отношении Мексики. Глава мексиканской делегации Мануэль М. Морено заявил американским парламентариям: «Мы прибыли на эту встречу отстаивать систему взаимовыгодной торговли, чтобы уравнивать то, что мы продаем, с тем, что мы покупаем. Мы за то, чтобы осуществлялись такие капиталовложения, которые не искали бы исключительно привилегий, а способствовали развитию нашей экономики. Мы за установление интенсивных связей, которые способствовали бы лучшему взаимопониманию. Мы за концепцию мира, основанную не на силе, а на изобилии жизненных благ для всех и на взаимовыгодном обмене благами культуры и науки»⁷³.

Член делегации сенатор Мануэль Тельо вновь подтвердил верность Мексики ее основным внешнеполитическим принципам и заявил, что «принцип невмешательства — лучшая гарантия мира»⁷⁴. Во время переговоров мексиканская сторона особо подчеркнула, что она в своих требованиях руководствуется не «надменным национализмом», а жизненными интересами Мексики. Мексиканская делегация устами депутата Де ла Вега Домингеса заявила, что она выступает за «право народов свободно выбирать для себя образ жизни и правительство»⁷⁵.

Американская сторона продолжала защищать свою агрессивную политику в Западном полушарии и, в частности, оправдывала агрессию в Доминиканской Республике. Член американской делегации Томас Кучел заявил, что «доктрина Монро должна жить на Американском континенте, — вот почему США послали свои войска в Доминиканскую Республику»⁷⁶.

Таким образом, шестая встреча парламентариев Мексики и США, как и предыдущие, выявила различный подход сторон к важным международным проблемам.

Географическое соседство обеих стран не раз являлось источником серьезных конфликтов между ними, причем предметы

конфликта, не имеющие порой важного экономического значения для сторон, нередко превращались в серьезную внешнеполитическую проблему принципиального характера, примером чего может служить проблема Чамисаля.

В 1864 г. пограничная река Рио-Браво-дель-Норте изменила свое течение и небольшая территория под названием Чамисаль была аннексирована Соединенными Штатами. Несмотря на решение Международного арбитража, США не желали возвращать эту территорию ее законному владельцу. И лишь в сентябре 1964 г., после настойчивых усилий мексиканской дипломатии, США вернули Мексике Чамисаль. Мексика справедливо расценила этот акт как крупную победу мексиканской внешней политики, как новое проявление твердости и независимости перед лицом своего северного соседа.

Подобное же значение, усиленное экономическими мотивами, имеют и другие спорные пограничные вопросы, такие, как засолонение американской стороной вод р. Колорадо, что принесло мексиканской стороне серьезный экономический ущерб, и проблема мексиканских сельскохозяйственных рабочих (брасерос), каждый год направляющихся на работу в США.

Анализ отношений Мексики и Соединенных Штатов Америки показывает, что Мексика стойко защищает свою независимость от посягательств империализма США и требует от своего северного соседа практического подтверждения заверений о стремлении к «бескорыстной дружбе» с Мексикой. По словам сенатора Антонио Мена Брито, «дружба между США и латиноамериканскими странами вместе с Мексикой должна демонстрироваться делами, а не словами»⁷⁷.

Рассмотрение в рамках данной статьи некоторых аспектов мексиканской внешней политики на современном этапе, естественно, не может дать всеобъемлющей картины деятельности Мексики на международной арене. Да этой задачи и не ставилось.

Однако из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что настоящий внешнеполитический курс Мексики отражает выход этой страны на широкую мировую арену с самостоятельной и независимой внешней политикой, не только отвечающей ее национальным интересам, но и вносящей конструктивный вклад в дело укрепления мира.

¹ «Current history». Philadelphia, 1963, february, p. 73.

² Именно так стараются представить дело видные американские специалисты по Латинской Америке Г. Ф. Клайн (México. Revolution to evolution, 1940—1960. London, 1962; México and the United States. London, 1963) или, например, Даниэль Джеймс (México and the americanes. New

York, 1963), где автор пытается объяснить многие моменты мексиканской истории «вспышками национализма» (см. стр. 53—180), и авторы других исследований.

³ Adolfo Lopez Mateos. Pensamiento en acción, t. 1. México, 1963, p. 1.

⁴ México, 50 Años de la Revolución, t. III. Política. México, 1961, p. 578.

⁵ «Tiempo», 14.II 1966, p. 21.

⁶ Luis Chavez Orozco. Historia de México (1808—1836). México, 1947, p. 88.

⁷ «Mañana», 1.X 1960, p. 137.

⁸ «Tiempo», 16 IX 1963, p. 13.

⁹ «Foro internacional» (México), 1964, vol. V, № 17.

¹⁰ Vicente Lombardo Tolezano. Moscú o Pekín? La vía mexicana hacia el socialismo. México, 1962, p. 96.

¹¹ Ibidem.

¹² «Foro internacional», p. 11.

¹³ A. Taracena. Madero, víctima del imperialismo yankee. México, 1960, p. 202.

¹⁴ См. «Дипломатический словарь», т. III. М., 1964, стр. 495.

¹⁵ «Revista internacional y diplomática», 7.IV 1964, p. 48.

¹⁶ «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers», vol. V, 1938, Washington, p. 742.

¹⁷ Ramos Pedrueza. La lucha de clases através de la historia de México. México, 1941, p. 556.

¹⁸ Isidro Fabela. Buena y mala vecindad. México, 1958, p. 226.

¹⁹ «Foro internacional», p. 18.

²⁰ Ibidem.

²¹ «Siempre», 11.XI 1964, p. II—VI.

²² «Political science quarterly», 1963, № 3, p. 391.

²³ «El Día», 13.IV 1965.

²⁴ «Comercio exterior», Jilio de 1964, p. 516.

²⁵ «Tiempo», 31.I 1966, p. 16.

²⁶ «Política», 15.I 1966, p. 8.

²⁷ «Excelsior», 30.IX 1964.

²⁸ «Excelsior», 30.VI 1966.

²⁹ «Revista internacional y diplomática», 10.I 1965, p. 54.

³⁰ Gustavo Díaz Ordaz. A Political Handbook. México, 1964, p. 67.

³¹ «Siempre», 23.I 1963, p. 21.

³² «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960, стр. 350.

³³ См. «Международная жизнь», 1964, № 9, стр. 66.

³⁴ Речь идет о разработанном в конце 1963 г. мексиканским правительством совместном плане внешней торговли, направленном на интенсификацию внешнеторговой деятельности в тесном сотрудничестве государственного сектора с частным. На пресс-конференции, посвященной опубликованию этого плана, Рикардо Севада, в частности, заявил, что он не видит никаких препятствий к направлению экономических миссий в европейские социалистические страны («Comercio mundial», 1963, № 56-57, p. 270).

³⁵ «Misión a Europa. Comercio de México con Europa central», México, 1964, p. 15, 45.

³⁶ «Tiempo», 15.III 1965, p. 4.

³⁷ «Tiempo», 23.III 1964, p. 28.

³⁸ «Foro internacional», p. 25.

³⁹ Ibid., p. 7.

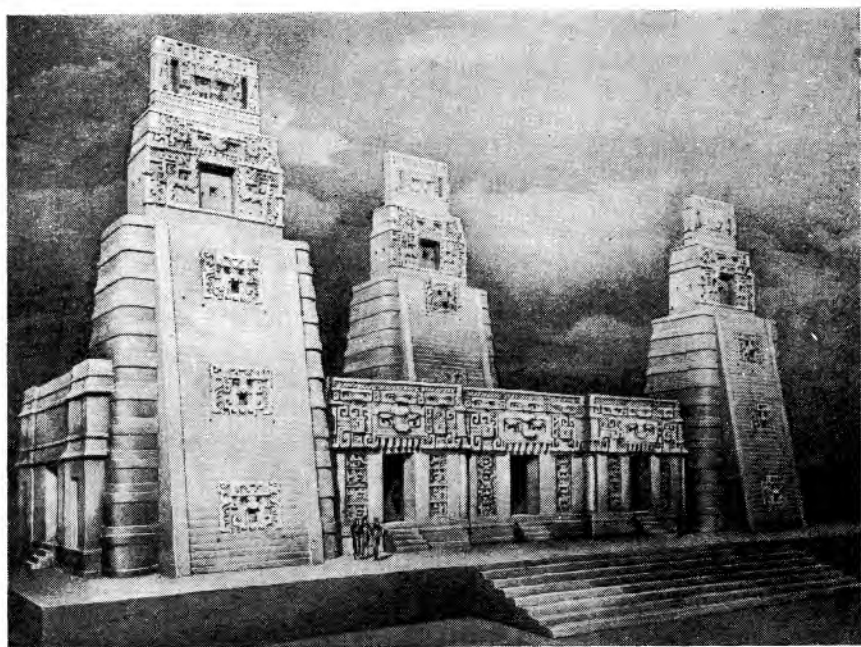
⁴⁰ Jorge Castañeda. México y el orden internacional. México, 1956, p. 193.

⁴¹ Isidro Fabela. El caso de Cuba. México, 1960, p. 22.

⁴² Ibid., p. 18.

- ⁴³ Isidro Fabela. Intervencion. México, 1959, p. 77.
- ⁴⁴ Isidro Fabela. El Caso de Cuba, p. 17.
- ⁴⁵ Jorge Castañeda. Op. cit., p. 201.
- ⁴⁶ H. F. Cline. Op. cit., p. 325.
- ⁴⁷ «Tiempo», 12.IX 1950, p. 10—11.
- ⁴⁸ «VIII Reunion de Consulta de Ministros de RREE, Punta del Este, 22—31 de enero de 1962, Pactos y documentos». Washington, 1963, p. 88, 302, 308.
- ⁴⁹ «Excelsior», 15.VII 1964.
- ⁵⁰ «Excelsior», 7.V 1965.
- ⁵¹ «Política», 1.V 1965, p. 5.
- ⁵² «La Voz de México», 13.VII 1965.
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 11, стр. 6.
- ⁵⁵ «Excelsior», 1.IX 1965.
- ⁵⁶ «Excelsior», 15.XI 1965.
- ⁵⁷ «Правда», 23.XI 1965.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ «Tiempo», 23.I 1966, p. 29; см. также: «Tiempo», 31.I 1966.
- ⁶⁰ «Granma», 2.III 1956.
- ⁶¹ «Política», 1.XII 1962, p. 4.
- ⁶² «Tiempo», 17.VI 1963, p. 8.
- ⁶³ «Revista internacional y diplomática», 10.I 1965, p. 53.
- ⁶⁴ «Tiempo», 1.IV 1963, p. 36—37.
- ⁶⁵ «Cuadernos americanos», 1963, vol. XXVII, № 3, p. 49.
- ⁶⁶ «El Día», 9.II 1966.
- ⁶⁷ A. Carrillo. La política internacional de México. México, 1941, p. 14.
- ⁶⁸ «Tiempo», 20.I 1958, p. 39.
- ⁶⁹ Fernando Carmona. Drama de América Latina. Caso de México. México, 1964, p. 156.
- ⁷⁰ «The New York Times», 24.XI 1964.
- ⁷¹ «Política», 15.XI 1964, p. 6.
- ⁷² «Ultimas Noticias», 8.XI 1961.
- ⁷³ «Política», 15.II 1966, p. 10—11.
- ⁷⁴ «Tiempo», 21.II 1966, p. 6.
- ⁷⁵ Ibid., p. 8.
- ⁷⁶ Ibid., p. 7.
- ⁷⁷ Alberto Bremauntz. La batalla ideológica en México. México, 1962, p. 273.

КУЛЬТУРА

ИНДЕЙЦЫ МЕКСИКИ

(ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Индейцы Мексики уже давно привлекают внимание исследователей. Это объясняется и своеобразием той цивилизации, которую создали мексиканские индейцы до появления на их земле европейцев, и той ролью, которую играли индейцы в важнейших социальных движениях Мексики, и тем огромным вкладом, который они сделали в сокровищницу культуры мексиканского народа, и остротой индейского вопроса в наши дни. Мы, отнюдь не собираясь рассматривать весь комплекс вопросов, связанных с индейской проблемой, лишь коротко остановимся на некоторых аспектах этнографии и истории индейцев Мексики, на положении современного индейского населения Мексики и проблемах индеанизма и индеанистики.

Древнейшие индейские цивилизации на территории Мексики

На территории современной Мексики человек появился, очевидно, очень давно. Однако заселение различных районов древней Мексики шло неравномерно; неравномерно происходило и историческое развитие отдельных групп древнейшего мексиканского населения. В то время как одни племена продолжали в течение многих тысячелетий стоять на уровне первобытнообщинных отношений, население определенных ареалов заметно продвинулось вперед на пути создания классового общества и государства. Если на юге страны к моменту появления испанцев процветало земледелие, ремесло, развивалась торговля, то большинство северных районов было заселено бродячими племенами собирателей-охотников.

Древнейшими и наиболее значительными индейскими цивилизациями на территории современных Соединенных Штатов Мексики были тотонакская, майя, ольмекская, сапотекская, тольтекская.

Тотонаки. Одной из наименее исследованных из них является культура тотонаков, находившаяся на побережье Мексиканского залива. Сейчас уже можно с большей или меньшей достоверностью утверждать, что вначале тотонаки занимали весьма значительную территорию от р. Тушпан на севере до р. Папалоан на юге. К моменту появления в стране испанцев этническая территория тотонаков сократилась почти вдвое. Главной причиной этого было давление других древнейших племен и народностей и прежде всего тольтеков. Не исключена возможность, что некоторые из археологических памятников, которые рассматриваются как тольтекские, на самом деле являются тотонакскими. В начале XVI в. тотонаки зависели от ацтеков и платили им дань. Проникновение тольтеков на территорию тотонаков, видимо, встречало сильное сопротивление последних, о чем свидетельствует ряд укреплений, построенных тольтеками¹.

Ольмеки. Столь же малоисследованной и сравнительно недавно открытой является ольмекская культура, самая древняя на территории Мексики. Название «ольмекская» носит чисто условный характер и происходит от наименования полумифического народа ольмеков, который, согласно преданию, зафиксированному некоторыми хронистами, в глубокой древности населял по соседству с тотонаками часть территории, примыкающей к Мексиканскому заливу. Действительно ли создателями культуры, называемой ольмекской, были олмеки или какой-либо другой народ, в настоящее время определить трудно. Незвестна и этно-лингвистическая принадлежность ольмеков. Не исключено, что они говорили на наречии, близком к тотонакскому или к отоми, а может быть, были одними из первых представителей группы науатль на территории Мексики. В области архитектурных сооружений обнаруживается большое сходство между ольмекской и некоторыми другими древнейшими культурами Мексики, а иероглифическое письмо ольмеков несомненно сходно с письмом майя. Скульптура ольмеков привлекает к себе внимание не только чисто художественными достоинствами, но и теми антропологическими чертами, которыми древние скульпторы наделяли свои персонажи. Это относится прежде всего к гигантским каменным головам, обнаруженным в различных местностях. Самая большая из них весит более 30 тонн. Эти скульптурные изображения далеки от стилизации, вполне реалистичны, а может быть, даже запечатлели портретное сходство. Тем более удивительно видеть эти каменные головы с

чертами, присущими отнюдь не индейскому антропологическому типу: широкий плоский нос, толстые губы, прямой разрез слегка удлинённых миндалевидных глаз. Скорее в этих скульптурах можно было бы найти негроидные черты.

Ольмекская цивилизация, очевидно, пала под ударами иных этнических групп. На это указывают следы искусственных разрушений ольмекских памятников. Племена, в чьи руки попало культурное наследие ольмеков, похоже, срывали на предметах искусства свой гнев, свои антиольмекские настроения. Эти настроения становятся вполне понятными, если считать достоверными предания о необычайной жестокости ольмеков к врагам.

Сапотекки. На территории современного штата Оахака, неподалеку от Теуантепекского перешейка, отделяющего полуостров Юкатан от остальной Мексики, находился центр еще одной древней высокоразвитой индейской культуры — сапотекской, ведущей свое начало примерно со II в. до н. э. Есть основания предполагать, что сапотекская культура возникла в результате переселения в Оахаку части ольмеков либо других племен, уже стоявших на довольно высоком уровне развития. Расцвет сапотекской культуры падает на V—X вв. н. э., после чего начинается ее угасание. В XIII в., очевидно также в результате нашествия иных племен (миштеков), традиции сапотекской культуры обрываются полностью.

Тольтеки. Несомненно, что среди древнейших развитых мексиканских культур особое место занимает тольтекская культура. В ее истории много еще неясного. Не уточнено окончательно, какие этно-лингвистические группы следует понимать под термином тольтеки. Сейчас уже ясно, что тольтеками назывались различные племена, иногда весьма далекие друг от друга по языку и происхождению. Но также очевидно, что в массе своей тольтеки принадлежали к лингвистической группе науатль. История тольтекской цивилизации распадается на два периода, притом окончательно не доказано, что одним и тем же народом являются тольтеки первого периода, или так называемые классические тольтеки, создатели высокой культуры Теотиуакана, и так называемые династические тольтеки, жители г. Толлана (ныне г. Тула).

«Классические» тольтеки оставили такие замечательные памятники, как комплекс пирамид и прилегающих сооружений в Теотиуакане (долина Мексико) и гигантскую пирамиду (самую большую в мире) в Чолуле. Назначение этих пирамид культовое. Они предназначались для богослужения и жертвоприношений. Главной хозяйственной деятельностью классических тольтеков было земледелие, возможно с использованием искусственного орошения. Высокого уровня достигли некоторые отрасли ремесла, в частности ткачество. Жилые комплексы

тольтеков (50 соединенных между собой комнат) указывают на то, что основной ячейкой тольтекского общества оставалась община. С другой стороны, имеется археологический материал, с достаточной убедительностью подтверждающий мысль о наличии у тольтеков классов и государства.

В X в. значительные отряды тольтеков появляются на юге, в стране майя, и покоряют эту страну. Были ли эти тольтеки каким-либо регулярным или полурегулярным войском, посланным на юг правителями Теотуакана, сказать трудно. Пожалуй, нет. Скорее всего, это были группы мигрирующего тольтекского населения. Причины этой миграции окончательно не выяснены, но несомненно, что одной из них было давление с севера новых волн науатльских племен. Другая миграционная волна тольтеков была направлена на юго-восток Мексики.

Вслед за этим, в XI в., культура «классических» тольтеков приходит в упадок. С «династическими» же тольтеками нам придется встретиться несколько позже.

Перечисленные выше четыре цивилизации оставались долгое время неизвестными или малоизвестными для современного мира. Это объясняется тем, что своеобразное великое переселение народов, происходившее в IX—X вв. по всей Мексике и Центральной Америке, привело к падению всех вышеупомянутых цивилизаций. В дальнейшем можно говорить лишь весьма условно о возрождении некоторых из них (тольтеков, тотонаков). Во-первых, они возрождались далеко не полностью, во-вторых — в иных границах, в-третьих, они попали под гегемонию другого сильного государственного и этнического образования — ацтекского.

Майя. Несколько иными были судьбы пятой цивилизации — майя. Уже в первые века нашей эры появились первые города майя: Тикаль, Ватактун, Волатун и др. Примерно к V в. н. э. относится возникновение городов Пьедрас-Неграс, Паленке, Копан, Йашчилан. Они являлись, по-видимому, политическими и религиозными центрами, объединяющими вокруг себя значительное количество земледельческих общин. Основной хозяйственной деятельностью населения было подсечно-огневое земледелие. Майякские земледельцы выращивали маис, фасоль, хлопчатник, томаты, некоторые бахчевые культуры. Из домашних животных древние майя знали индюшек и особую породу собак, мясо которых употреблялось в пищу. Побочными занятиями являлись собирательство, охота, рыболовство и пчеловодство. В упомянутых выше городах было много прекрасных архитектурных сооружений, скульптур, настенной живописи и иероглифических надписей на стенах. Нередко эта древнейшая цивилизация майя обозначается термином «древнее царство», хотя вопрос о том, входили ли древнейшие города майя в какое-то

единое государство или каждый из них представлял собой независимую политическую единицу, остается открытым. Древнейшие города майя прекратили существование в IX—X вв. н. э. Население полностью или почти полностью покинуло их. Причины упадка древнейших городов майя объясняются различными учеными по-разному. Некоторые, как Сильванус Морли, склонны сводить их к экономическим причинам, связанным с истощением почвы. Другие, как Эрик Томпсон и Джордж Брейнерд, объясняют падение древнего царства майя социальными потрясениями, например восстанием низов против господства жречества. Третьи, подобно советскому ученому Юрию Кнорозу, сводят сущность вопроса к вторжению иноземцев-тольтеков. Следует отметить, что авторы различных концепций обычно выделяют одну-единственную причину, а подчас и противопоставляют ее другим. По мнению автора данных заметок, нет никаких оснований для подобного несколько одностороннего подхода к выяснению причин упадка целой цивилизации. На наш взгляд, перечисленные выше соображения не исключают, а скорее дополняют друг друга.

В самом деле, подсечно-огневое земледелие майя не могло обеспечить постоянно увеличивающееся население майяских городов, среди которых к тому же стали расти общественные группы, не связанные непосредственно с земледельческим трудом: жречество, военачальники, административный аппарат, ремесленники. В условиях относительного уменьшения производства важнейших продуктов на душу населения господствующие группы майя присваивали все большую и большую часть прибавочного продукта. Можно предположить, что при этом эксплуатация земледельческих общин достигала таких размеров, что непосредственный производитель и члены его семьи не получали даже необходимого продукта. Такая рабовладельческая по своей сути эксплуатация неизбежно должна была вызывать растущее недовольство низов, вылившееся в широкое народное движение. Своеобразной формой социального протеста мог быть исход производительного населения из древнейших городов, после того как была сокрушена мощь государственного аппарата. Археологические исследования последних лет подкрепляют предположение о возможности социальных движений в древнем царстве. В одном из городов (Пьедрас-Неграс) среди многочисленных скульптурных и архитектурных памятников обнаружена платформа, предназначенная для восседания высших жрецов. Характер разрушений этой платформы свидетельствует о том, что они были произведены умышленно. В том же городе было найдено настенное изображение жреческого собрания во главе с верховным жрецом. Все 15 фигур жрецов оказались обезглавлены, что вряд ли можно объяснить естественными

причинами. Такой же характер носят и разрушения некоторых скульптурных памятников и в другом древнейшем городе — Тикале². Факт вторжения с севера тольтеков отнюдь не противоречит изложенной выше концепции, а скорее дополняет ее. Не исключено, что именно дополнительные лишения, связанные с попыткой отражения тольтеков, или само приближение тольтеков, а может быть, и их призывы служили непосредственным толчком, поднявшим массы на восстание. Возможно, что тольтеки стремились перетянуть на свою сторону определенную часть местного населения. Так, на одном из дисков, найденных в так называемом колодце жертв в г. Чичен-Ица, изображено жертвоприношение, организованное тольтеками, в котором участвуют майя.

Пришельцы тольтеки, видимо, представляли собой разнородную в этническом отношении массу, а часть из них, несомненно, относилась к языковой группе майя — киче. Это обстоятельство способствовало довольно быстрому слиянию пришельцев с местным населением и образованию Нового царства майя на Юкатане. Первоначально гегемония в Новом царстве в течение двух веков принадлежала г. Чичен-Ица. В конце XII в. Чичен-Ица подвергся разгрому. Однако победитель, правитель г. Майяпана, не сумел объединить под своей властью другие города. Вплоть до конца XIII в. Юкатан был объят раздорами и междоусобными войнами, пока пришедшая к власти в Майяпане династия Кокомов не сумела установить свою гегемонию на большей части территории Нового царства. Однако в 1441 г. в результате восстания и гражданской войны Майяпан был разрушен, и Новое царство распалось на несколько отдельных городов-государств, между которыми продолжались раздоры и войны, сильно облегчившие завоевание страны майя испанцами.

Если об общественном строе тотонаков, ольмеков, тольтеков и сапотеков можно лишь строить более или менее правдоподобные догадки, то социально-экономическое устройство майя известно довольно хорошо. Иногда майя образно называют греками Америки за относительно высокое развитие у них искусства и науки, а также потому, что существование на Юкатане нескольких городов-государств наводило на мысль о древнегреческих полисах. Однако это сходство чисто внешнее. Общественное устройство майя скорее заставляет нас вспомнить древнейшие государства Африки и Азии: ранний Шумер, Египет, Ассирию и т. д.

Как и во времена древнего царства, в период, предшествующий испанскому завоеванию, в хозяйственной деятельности майя продолжало доминировать подсечно-огневое земледелие, причем определенное значение сохраняли охота, рыболовство и пчеловодство.

Основной социальной ячейкой общества оставалась территориальная община. Обрабатываемая земля распределялась на участки семейного пользования, однако при обработке этих участков сохранялся принцип общинной взаимопомощи, весьма сходный с широко известной кечуанской «минкой»³. Однако наряду с землей общего пользования некоторые участки (прежде всего занятые под культуры, не связанные с подсечно-огневым земледелием) стали превращаться в частную собственность.

Несомненно, что община майя сильно отличалась от общины доклассового общества. Во-первых, в ней к приходу испанцев уже далеко зашел процесс имущественной и социальной дифференциации (выделение жрецов, наследственных военных командиров и т. д.), во-вторых, в целом община была предметом эксплуатации со стороны рабовладельческого государства.

Помимо обычных поборов, совершаемых в форме выплаты регулярных налогов правителям, на содержание войска, «даров» жрецам и т. п., широко практиковался неоплаченный труд общинников на строительстве и ремонте храмов, дорог, дворцов, а также на полях, принадлежащих знатым лицам. Того, кто уклонялся от подобного рода повинностей, ожидало жестокое наказание. Так, за неуплату налогов общинников часто приносили в жертву⁴. Рабство достигло значительных размеров. Его источниками были войны, торговля, долговая кабала и осуждения за провинности. Кража трех початков кукурузы считалась достаточным основанием для превращения похитителя в раба. Неудивительно, что количество рабов резко возрастало в голодные годы. Что касается военнопленных, то в рабство превращали лишь людей незнатного происхождения; знатных обычно приносили в жертву. Дети рабов были рабами. Более того, свободный человек, от связи с которым рабыня беременела или который женился на рабыне, становился рабом ее владельца. Правда, это правило распространялось лишь на простолюдинов; представители господствующего класса часто имели по несколько рабынь-наложниц. Цены на рабов были довольно низкими: средняя стоимость раба определялась в 100 бобов какао. Рабов использовали в самых различных областях хозяйственной деятельности и для личных услуг, но особенно широко — в торговле, в качестве носильщиков, гробцов и своего рода «бурлаков».

Каждый город-государство майя представлял собой маленькую рабовладельческую деспотию. Во главе его стоял правитель, носивший титул Халач Виник, что означает «Великий Человек». Эта должность была наследственной и, согласно традиции, переходила от отца к старшему сыну. Халач Виник сосредоточивал в своих руках неограниченную власть: зако-

подательную, исполнительную (включая военную), судебную, религиозную. Халач Виник опирался на сложный и довольно многочисленный чиновничий аппарат. Непосредственными представителями Халач Виника в селениях были наместники, именовавшиеся батабами. Батабам подчинялись ах-кулель, исполнители их указаний. Наконец, низшими должностными лицами, исполнявшими полицейские функции, были тупиль. При дворе же непосредственными помощниками Халач Виника являлся верховный жрец государства, а также калвак, ведавший вопросами поступления в казну дани.

Длительные периоды политической раздробленности страны майя не позволяли четко проявиться тенденции к единобожию, монотеизму. Тем не менее бог неба Ицамна рассматривался жителями всех городов-государств как верховное божество. Наряду с этим в каждом городе-государстве из сложного пантеона многочисленных богов выделялся какой-либо в качестве главного.

Важнейшим достижением майя в области духовной культуры было иероглифическое письмо. Майя выделяли особый вид бумаги из растения магей, складывали полосы такой бумаги в виде гармошки, сжимая ее затем деревянными или кожаными накладками. Такие книги содержали в себе астрологические и астрономические записи, разного рода пророчества, а также, возможно, произведения художественной литературы. К сожалению, большинство книг майя сгорело в огне аутодафе, организованном францисканцем Диего де Ланда 12 июля 1562 г. Уцелевшие три манускрипта майя, хранящиеся в Европе, в настоящее время в основном расшифрованы советскими учеными⁵. Однако наибольший интерес представляют не тексты трех вышеупомянутых рукописей, а надписи на стенах храмов и других зданий, особенно на стелах, которые, по-видимому, выполняли роль летописей народа майя. К сожалению, ученые сделали лишь первые шаги в направлении расшифровки надписей на камне.

Одной из самых развитых областей духовной культуры майя была несомненно астрономия. Солнечный календарь майя был более точным, чем календарь, которым люди пользуются сейчас (григорианский). Для астрономических наблюдений майя строили специальные обсерватории. Астрономы-жрецы могли заранее предсказывать солнечные и лунные затмения, а также вычислить период обращения ряда планет.

Развитие производительных сил и связанное с этим накопление положительных знаний несомненно создавали возможность появления некоторых материалистических концепций. Однако, судя по всему, эта возможность не была еще реализована в обществе майя и религиозные воззрения продолжали оставаться господствующей и всеобъемлющей формой идео-

логии. И тем не менее сквозь плотную завесу религиозно-идеалистических концепций уже пробивалось рационалистическое и стихийно-материалистическое объяснение многих явлений.

Цивилизация майя оказала большое влияние на культуру всех других древних народов Месоамерики, но и сама испытала немалое влияние со стороны культуры ольмеков, сапотеков, тольтеков. Правильнее было бы сказать, что все древнейшие цивилизации Мексики, входя в одну большую культурно-историческую область, развивались во взаимном контакте, при взаимном влиянии друг на друга.

Ацтеки

Ацтекская цивилизация выделяется нами не только потому, что она возникла позже других индейских культур на мексиканской территории, но и потому, что ацтекское общество представляло собой качественно новый этап в истории доколумбовой Мексики.

Общественный строй ацтеков. Об обществах ряда древнейших народов Мексики (ольмеков, тотонаков, сапотеков) мы даже не можем точно сказать, достигли ли они государственности. У тольтеков мы только в самых общих чертах можем предполагать наличие государства, как и у майя Древнего царства; мы знаем, что у майя периода, предшествующего испанскому завоеванию, рабовладельческая деспотия не выходила за рамки городов-государств (если не считать периодов неустойчивой «гегемонии» отдельных династий). Ацтекское же общество олицетворяло собой широкий процесс, направленный к созданию на территории Мексики сильной, обширной и централизованной рабовладельческой деспотии.

Ацтеки сравнительно поздно появились в долине Мехико, придя из далекой мифической страны Астлан. Их переселение представляло собой одну из позднейших миграционных волн племен науатль. После долгих лет скитаний, голода, военных поражений, унижений, длившихся, по некоторым данным, с 1168 г.⁶, ацтеки наконец закрепились на островах озера Тескоко и основали здесь в 1325 г. г. Теночтитлан. К этому времени в этническом облике Мексики по сравнению с рассмотренной выше эпохой произошли существенные изменения. Держава «классических» тольтеков, имевших столицей Теотиуакан, исчезла. Правда, после падения Теотиуакана возник новый тольтекский центр — Тула (Толлан), однако, несмотря на большое сходство между культурой Теотиуакана и Тулы, пока что, на наш взгляд, нет основания для этнического отождествления «классических» и более поздних «династических» тольтеков. К тому же примерно к XII в. напор бродячих племен науа заставил и «династических» тольтеков оставить Толлан и спус-

тяться к Великой мексиканской долине, где они вскоре основали цветущие города Ацкапотцалко, Кулуакан, Чалко, Шочимилко и др.⁷ Некоторые группы тольтеков продвинулись еще южнее. Позже пришельцы с севера смешались с населением этих городов, и они потеряли тольтекский характер. Однако высокая культура тольтеков, их морально-этические нормы, эстетические взгляды, традиции стали как бы своеобразным эталоном для более поздних жителей Мексиканской долины и прилегающих районов. Родилось своеобразное понятие, выражаемое термином «тольтекайотль», олицетворяющее собой то богатейшее культурное наследие, тот комплекс главнейших норм жизни тольтеков, которые были получены более поздними пришельцами и которым они всячески стремились следовать.

Серьезные изменения произошли в исторических судьбах тотонаков. Пришел в упадок центр их древнейшей культуры Тахин. До сих пор невозможно точно определить, являлись ли тотонаки нового центра (г. Семпоала) прямыми потомками древнейших тотонаков. Пал древний центр сапотекской культуры — Монте-Альбан. Новый центр (г. Митла) олицетворял собой появление новой, смешанной культуры в этом районе Месоамерики — культуры сапотеко-миштекской. От ольмеков и их цивилизации остались лишь воспоминания.

Непосредственно же в долине Мехико к приходу ацтеков гегемония прочно принадлежала другим науатльским племенам, появившимся здесь ранее ацтеков. Наиболее могущественными из них были тепанеки, облагавшие данью многие соседние племена, в том числе и ацтеков. Притеснения, чинимые тепанеками, привели к объединению против них других племен науа. Во главе объединения стояли ацтеки. Война носила крайне жестокий характер и длилась с 1427 по 1433 г.⁸ Она закончилась сокрушительным поражением тепанеков и разрушением их столицы — г. Ацкапоцалько. Война как бы завершала эпоху первобытнообщинного строя у ацтеков и знаменовала переход от последнего этапа этого строя — военной демократии — к классовому рабовладельческому обществу. Этот переход происходил довольно быстрыми темпами. Однако он, естественно, не мог полностью завершиться в рамках одного столетия. Поэтому ацтекское общество, которое застали испанцы, также носило переходный характер, а не представляло собой окончательно сложившуюся рабовладельческую деспотию. Незавершенность процесса классовобразования и создания государства сказывалась буквально во всем. Формально ацтекское общество представляло собой племенной союз в форме союза трех городов (Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана), который сложился во время войны против тепанеков. На деле руководящая роль Теночтитлана перерастала в гегемонию, а гегемония — в диктатуру. Это особенно ярко проявилось в 1516 г. незадолго до появления

испанцев; в этом году правитель ацтеков Монтесума игнорировал результаты выборов правителя г. Тескоко и назначил на эту должность своего ставленника⁹.

Формально правитель ацтеков был всего лишь выборным верховным племенным вождем. На деле же он концентрировал в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть, подчиняя себе органы местного управления, опираясь на разветвленный чиновнический аппарат. Все более сужался круг лиц, принимающих участие в выборе верховного вождя. Даже древнейшие ацтекские хроники не зафиксировали того момента, когда бы он выбирался воинами племени. Он избирался членами «Совета ораторов» (т. е. вождями родовых объединений — калпулли), состоящим всего из 20 человек. Впоследствии же в «избрании» верховного вождя участвовало лишь четыре человека. Постепенно «Совет ораторов» утрачивает свою власть, он уже не принимает самостоятельных решений, а с другой стороны, решения верховного вождя не утверждаются, как это было раньше, в совете. Власть верховного вождя становится наследственной, верховный вождь превращается постепенно в неограниченного монарха типа восточного деспота. К его обычному наименованию «Тлакатекутли» прибавляется возвеличивающий титул «Уэйтлатоани», который условно может быть передан словами «Великий Господин»¹⁰. Переходный характер ацтекского общества проявлялся также в формах и степени развития рабовладения. Несмотря на значительное количество рабов, институт рабства не выкристаллизовался окончательно. Дети рабов считались свободными, убийство раба было наказуемо. Источниками рабства были работорговля, преступления и долговая кабала (включая самопродажу в рабство). Военнопленные формально не могли становиться рабами; их должны были приносить в жертву богам. Однако к моменту появления в Мексике испанцев участились случаи покупки пленных, проявивших определенные способности, для использования в хозяйстве или для личных услуг¹¹.

Калпулли («Большой дом») — родовая организация ацтеков — также претерпевает изменения, указывающие на то, что общество находится в переходном состоянии. Это уже не просто родовая община, это скорее территориально-административная единица, наличие которой свидетельствует о близком завершении процесса перехода от родового строя к государству. Среди членов калпулли появились благородные и простолюдины, причем с наследственными правами и обязанностями. Наряду с общинной собственностью на землю развивается довольно быстрыми темпами и частное землевладение.

Несмотря на то что ацтеки вступили на путь классовообразования, они были далеки от завершения этого процесса, далеки от четкого разделения общества на два основных класса: рабов

и рабовладельцев. И хотя эти классы уже существовали, более четко, пожалуй, проявлялось разделение людей на своеобразные касты, которых насчитывалось более десяти. Принадлежность к той или иной касте определялась как происхождением, так и занимаемой должностью.

Даже письменность Теночтитлана — сочетание пиктографии с иероглификой — свидетельствует о переходном характере ацтекского общества.

Культура ацтеков. Культура ацтеков впитала в себя многое из того, что создали другие народы Мексики, достигшие высокого уровня развития задолго до ацтеков. В свою очередь ацтеки внесли много нового в культурный комплекс Месоамерики. Интересно отметить, что если предшествующие ацтекам переселившиеся в Мексиканскую долину племена (чичимеки) были собирателями-охотниками, то ацтеки уже в «эпоху странствования» (1168—1325 гг.) были земледельческим народом. Они оседали временно в каком-либо месте сроком от одного года до 28 лет, сеяли кукурузу и, лишь имея определенный запас продуктов, двигались дальше¹². Неудивительно, что окончательно обосновавшись на островах озера Текскоко ацтеки довольно быстро добились значительных успехов в земледелии. Будучи ограничены территориально, они прибегли к весьма оригинальному способу расширения земельной площади — к строительству чинамп. Чинампы представляли собой искусственные острова — иногда плавучие, но большей частью насыпные. Строя чинампы в болотистой местности, ацтеки тем самым одновременно проводили своего рода дренажные работы. Заболоченные районы превращались в многочисленные острова с каналами между ними. Земледелие на чинампах до сих пор процветает в некоторых зонах Мексиканской долины. Основными сельскохозяйственными культурами у ацтеков были кукуруза, кабачки, тыква, помидоры, зеленый и красный перец, масличные растения, хлопок и т. д. Скотоводство практически отсутствовало, если не считать разведения собак (на пищу), а также гусей, уток, индюков, перепелов.

Наряду с развитием земледелия определенное хозяйственное значение сохранялось за охотой и рыболовством.

Несмотря на то, что в целом хозяйство ацтеков носило натуральный характер, процесс отделения ремесла от земледелия и торговли от ремесла зашел довольно далеко, хотя и не стал свершившимся фактом. Даже самые искусные ремесленники-ацтеки были обязаны обрабатывать закрепленный за ними участок земли. Если такой ремесленник не мог обработать землю силами своей семьи, он часто нанимал для этой цели кого-либо из членов своей же общины. К приходу испанцев у ацтеков имелись уже ремесленники многих специальностей: гончары, ткачи, оружейники, каменщики, металлурги, ювелиры, масте-

ра изготовления одежды и украшений из птичьих перьев, плотники и т. д.

Ремесленные изделия ацтеков изготавливались с большим мастерством и отличались своеобразием. Целый ряд отраслей ремесла можно с полным основанием отнести к искусству — архитектуру, скульптуру, ювелирное дело. Недаром величественные храмы и дворцы Теночтитлана и других городов вызвали изумление испанских конкистадоров. Однако это изумление не помешало пришельцам разрушить храмы, дворцы и скульптуры ацтеков, а тончайшие ювелирные изделия из золота переплавить в слитки.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекает духовная культура ацтеков. Несмотря на то, что у них, как и у других древнейших народов, преобладали религиозно-идеалистические воззрения, тем не менее довольно сильны были тенденции стихийного материализма и рационалистического подхода ко многим явлениям. Так, некоторые мифы (миф о борьбе Кецалькоатля и Тецкатлипоки; миф о Солнце) олицетворяют собой в аллегорической форме борьбу четырех стихий, хорошо известных на древнем Востоке и оказавших значительное влияние на выработку материалистических течений у древних греков. Эти стихии — вода, земля, воздух и огонь¹³.

Высокого уровня достигла ацтекская поэзия. Если судить по данным хроник и дошедшим до нас поэтическим произведениям, крупнейшим ацтекским поэтом был Несауалкойотл — правитель г. Тескоко, умерший в 1472 г.¹⁴ Стихотворения ацтекских поэтов, как правило, заключали в себе значительное философское содержание. Если их произведения и не поднимались до критики религиозно-мистических представлений, то во всяком случае порой эти представления подвергались в них явному сомнению. Так, в одном из стихотворений подвергается сомнению вера в загробную жизнь:

Уходят ли цветы в царство смерти?
Правда, что мы идем, правда, что мы идем!
Куда мы идем, ай, куда мы идем?
Там мы мертвы или еще живем?
Придет ли там еще раз существование?¹⁵

Привлекает внимание и то обстоятельство, что наряду с воспеванием жречества и знати в ацтекской поэзии встречаются теплые строки о людях труда. Так, в одном стихотворении, посвященном труду портнихи, говорится:

Хорошая портниха — это художник,
У нее тольтекская рука,
Она управляет своими руками,

Она ведет беседу с собственным сердцем,
Отмеряя, чертя и сшивая¹⁶.

Значительный интерес представляют ацтекские хроники. Правда, древнейшие хроники собственно Теночтитлана были уничтожены по распоряжению правителя Ицкоатля, победителя в войне против тепанеков. Видимо, Ицкоатл преследовал цель вычеркнуть из памяти все то, что свидетельствовало о слабости и об унижениях ацтеков в прошлом.

Ацтекские завоевания. Начиная с войны против тепанеков, ацтекские правители ведут активную завоевательную политику. За сравнительно короткий срок они создали обширное государство, простиравшееся от Мексиканского залива до Тихого океана. На побережье Мексиканского залива под властью ацтеков оказались тотонаки и их северные соседи — уастеки. На западе ацтеки покорили миштеков, территория которых простиралась до тихоокеанского побережья. Целый ряд племен и народностей был покорен ацтеками на юге (чапанеки, михе, чельталь, цоцил и др.).

Покоренные племена регулярно выплачивали ацтекам дань продуктами, а иногда и людьми для жертвоприношений. Некоторые племена, жившие в непосредственной близости от ацтекского государства, сумели сохранить свою независимость. К ним относятся тараски (пурепеч), отоми, тласкаланцы и др.

Мексиканские индейцы в колониальный период

Конкиста. Испанское завоевание, конкиста, принесло с собой колоссальное разрушение производительных сил страны и прежде всего главной производительной силы — человека. Это, а также ряд других обстоятельств существенно ограничивали прогрессивность нового для Америки общественного строя. Испанское завоевание сопровождалось, часто бессмысленным уничтожением культурных ценностей, созданных индейскими народами, что сильно уменьшило возможность культурного общения между Старым и Новым Светом. Конкиста положила конец самостоятельному политическому и культурному развитию индейцев.

Многочисленные свидетельства очевидцев и дошедшие до нас литературные памятники говорят о том, что конкиста была воспринята индейцами как величайшее бедствие и зло. В известном литературном памятнике майя «Книге Чилам-Балам» дается весьма недвусмысленная оценка конкисты:

Едва ступив на эту землю,
Они уже владеют ею.

Это белые люди!..
Белые,
Они вырубают леса,
Они забирают себе каждый камень,
Из их пальцев брызжет огонь.
Они прячут свой яд,
Они прячут веревки,
Чтобы повесить ваших отцов..
Горе в нашем краю!
Рабство, согнувшее нас,
Вышло из чрева христианства!
Станут рабами слова,
Станут рабами деревья,
Камни станут рабами,
Станет рабом человек..
Будет разрушено сердце народа...¹⁷

Со стихами майя перекликаются ацтекские плачи, сложенные в связи с падением Теночтитлана:

Плач слышится повсюду,
Слезы падают в Тлателолко.
По воде уходят войны-мексиканцы,
За ними женщины. Начался всеобщий исход!
Куда мы идем?..
Плачьте, друзья мои!
Поймите,
Что погиб мексиканский народ..
Назначают цены на нас,
Цены на юношу, на жреца,
На ребенка и на девушку,
А цена за бедняка —
Всего две горсти маиса ¹⁸.

История завоевания испанцами Мексики хорошо известна по многим источникам, монографиям и литературным работам, причем значительная часть их переведена на русский язык. В данном случае мы ограничимся лишь попыткой выяснить основную причину падения сильной ацтекской державы, а также государства майя в результате вторжения сравнительно немногочисленных отрядов конкистадоров. Превосходство испанцев в вооружении, наличие у них лошадей, социальные противоречия в ацтекском обществе, эпидемия оспы, занесенная испанцами, социальная отсталость индейского общества по сравнению с европейским — все это несомненно имело место, играло значительную роль, но не являлось главным. Основной причиной было отсутствие единства среди индейцев. Прежде всего следует

отметить склонность к соглашательству с пришельцами индейской знати, начиная с самого правителя Монтесумы. Эта склонность продолжала проявляться и в то время, когда между испанцами и ацтеками вспыхнула самая настоящая война. «Когда испанец осадил Тескоко,— повествует один из индейских источников,— тогда начались раздоры, вплоть до убийства, между людьми Теночтитлана... Вот за что убили этих знатных людей: они пытались убедить народ собрать белый маис, кур, яйца и уплатить дань испанцам»¹⁹.

Главная же сила испанцев заключалась в том, что они сумели натравить одни индейские народы на другие. Не под ударами испанцев, а под ударами их индейских союзников пал Теночтитлан. Ведь испанское войско, когда началась осада ацтекской столицы, едва насчитывало тысячу человек. Зато испанцев поддерживала огромная индейская армия, состоящая в основном из тласкаланцев и тотонаков, в рядах которых насчитывалось более 100 тыс. воинов. Индейская столица была взята руками индейцев. Точно так же и города-государства майя оказались под пятой пришельцев прежде всего из-за отсутствия единства: правители одних городов становились верными союзниками испанцев, чтобы свести счеты с представителями других династий, с правителями других городов. Г. Паркс пишет по этому поводу: «Племена майя, несмотря на упадок их культуры, оказались достойными потомками людей, построивших Паленке и Чичен-Ицу. По всей Америке испанское завоевание не встречало более упорного сопротивления. Если бы майя способны были забыть свои внутренние раздоры, они могли бы сохранить независимость»²⁰.

Интересно отметить, что из 190 гербов, пожалованных испанской короной за завоевание Америки, не менее 20 получили представители индейской аристократии.

Даже в наших кратких заметках мы не можем пройти мимо еще одного вопроса, связанного с конкистой. Мы имеем в виду тот миф, который довольно широко бытует в зарубежной историографической литературе, миф о «моментальности» конкисты, о легкости ее свершения, о том, что индейские цивилизации рассыпались подобно карточному домику при первом же соприкосновении с посланцами «европейской цивилизации». Этот расистский в своей основе миф весьма далек от истины. Между днем прибытия армии испанского конкистадора Кортеса в Теночтитлан и окончательным захватом города прошло без малого два года. Последнее сражение за него длилось без перерыва 225 дней!

Еще более упорным было сопротивление майя. Последнее государство майя Тах-Ица (Тайясаль) было покорено испанцами лишь в 1697 г., т. е. 173 года спустя после первых экспедиций конкистадоров против страны майя.

Социально-экономическое и политическое положение мексиканских индейцев в колониальный период. В течение всего колониального периода индейское население Мексики являлось объектом жесточайшей эксплуатации и угнетения. Нужно сказать, что феодализм, принесенный испанцами в Америку, никогда не существовал в чистом виде. Феодальным формам эксплуатации местного населения неизменно сопутствовали формы рабовладельческой эксплуатации. Территория современной Мексики не составляла в этом смысле какого-то исключения. Более того, на первых порах рабство здесь даже преобладало. Вначале в рабов превращали индейцев, захваченных в плен во время завоевания. Труд рабов-индейцев использовали главным образом в рудниках, на сахарных плантациях и в домашнем хозяйстве. С завершением конкисты предлогом для нового обращения индейцев в рабов служили индейские восстания. Неуплата каким-либо касиком (вождем) подати (трибута) также использовалась испанцами для получения новых рабов в счет недоимки.

Ужасы конкисты, эпидемии, занесенные испанцами, непосильный рабский труд привели к быстрому сокращению численности индейского населения Мексики. Если к моменту открытия Америки Колумбом на территории, занимаемой современной Мексикой, проживало около 4,5 млн. индейцев, то к 1570 г. их численность уменьшилась примерно на 1 млн.²¹

Быстрое сокращение числа индейцев, платящих подать, заставило испанских королей прислушаться к тем деятелям, которые подобно Бартоломе де Лас Касасу боролись за смягчение участи индейцев и за признание их полноправными подданными короны. В 1530 г. был опубликован королевский указ, запрещающий обращать индейцев в рабство, даже захваченных в плен во время так называемых справедливых войн. Однако этот и последующие подобные указы и законы оставались долгое время лишь на бумаге. Так, в 1541 г. после подавления индейского восстания в провинции Халиско многие захваченные в плен индейцы были превращены в рабов²². В 1680 г. последовал закон, категорически запрещающий рабство в испанских колониях Америки. Однако он делал исключения для карибов, арауканов и минданао. И хотя указанных этнических групп не было в Мексике, исключение, оговоренное законом, широко использовалось для превращения в рабов тех индейцев, которые продолжали борьбу против испанских колонизаторов, в особенности в северных районах страны.

Своеобразной формой временного рабовладения в Новой Испании²³ был так называемый куатекил. Куатекил несколько напоминает известную перуанско-боливийскую миту. Это форма принудительного труда индейцев на рудниках. Индейцы, проживавшие неподалеку от рудников, должны были бесплатно рабо-

тать в них три-четыре недели в году. На деле же очень часто администрация рудников заставляла их работать значительно дольше. Число индейцев, идущих на куатекил, по закону не должно было превышать 4% от общего числа жителей близлежащих индейских селений. Подкупая местные власти, администрация рудников часто превышала установленные законом 4%. От светских колонизаторов не отставала церковь. В миссиях и редукциях, созданных ею в разных районах страны, многие тысячи индейцев гнули спины на святых отцов. Порой именно церковь являлась той силой, которая захватывала новые районы, подчиняя себе целые племена²⁴. Принудительный труд индейцев использовался в различных отраслях хозяйства. Однако, как уже говорилось выше, рабовладельческие формы эксплуатации местного населения доминировали лишь на первом этапе испанского господства. Невыгодность рабского труда, массовое вымирание местного населения, с одной стороны, ведет к заводу негров-рабов, а с другой — ко все расширяющимся формам феодальной эксплуатации. Все индейцы считались вассалами испанского короля и были обязаны выплачивать короне феодальную ренту. Однако корона далеко не всегда использовала непосредственно свое право сеньора-феодала. Она передавала его испанским конкистадорам, представителям испанской (реже индейской) аристократии. Король как бы «поручал» индейцев «заботам» испанского господина, а индейцы должны были в «благодарность за заботу» отдавать испанцу часть своего урожая, обрабатывать его поля, прислуживать по дому и т. д. Поручение ю-испански — энкомьенда, и энкомьендой стала называться наиболее типичная для Испанской Америки в целом и для Новой Испании в частности форма феодального поместья. Поскольку держатели энкомьенд (энкомендеро) одновременно выполняли некоторые административные функции и имели право юрисдикции в отношении индейцев, это позволяло им в широких масштабах применять внеэкономическое принуждение и нещадно эксплуатировать тех, кто был поручен их «заботам».

Другая форма феодального поместья в Новой Испании носила название «сеньорио». Принципиальной разницы между сеньорио и энкомьендой не было. Различия между ними скорее сводились к форме. Сеньорио могло быть весьма значительных размеров и на его территории могли в свою очередь размещаться энкомьенды. Энкомьенда существовала до начала XVIII в., когда она была ликвидирована указами 1718 и 1720 гг. Сеньорио формально существовало до конца колониального режима, на деле же оно почти исчезло вместе с энкомьендой. Исчезновение энкомьенды и сеньорио не означало освобождение коренного населения от феодального гнета, так как очень многие индейцы потеряли к этому времени свои земли и вынуждены были наниматься в качестве батраков в поместья, принадлежа-

щие местным, в основном креольским, землевладельцам. Батраки-индейцы оказались опутаны сложной и непонятной для них системой расчетов и быстро превратились в пеонов — долговых крепостных.

Помимо указанных форм эксплуатации, индейское население подвергалось прямой эксплуатации со стороны испанского королевского двора, которому оно было обязано выплачивать трибuto. Формально размеры трибuto были невелики, и выплачивало его лишь взрослое и дееспособное население. На деле же злоупотребления местных властей, стремление чиновников колониального аппарата к наживе, невежество и угнетенное состояние индейцев приводили к тому, что размеры трибuto возрастали в несколько раз и уплаты его зачастую требовали со всех индейцев поголовно. В свою очередь и корона изыскивала средства для увеличения размеров трибuto. Показательно, что с конца XVII до конца XVIII в. сумма, получаемая испанским королем от уплаты трибuto, возросла в 4,5 раза, хотя население Латинской Америки, выплачивавшее трибuto, увеличилось менее чем в 2 раза²⁵. Трибuto платили все группы индейцев, за исключением касиков и членов индейских муниципалитетов.

Помимо трибuto в колониальный период существовало много других официальных и неофициальных поборов.

Кроме тяжелой экономической эксплуатации, индейцы испытывали жестокий национальный гнет. Испанское завоевание означало разрушение государственности ацтеков, тарасков, майя, тласкаланцев. Не только независимость, но и автономия индейских народов в рамках испанской колониальной империи считалась с точки зрения испанских колонизаторов явлением недопустимым. Поэтому если вначале касики пользовались значительной самостоятельностью в решении внутренних вопросов жизни индейских общин, племен и народностей, то со временем их роль сильно падает, в их ведении остается только распределение трибuto и других повинностей среди подчиненного им населения. В целом же деятельность касиков находилась под неослабным и все более усиливающимся контролем испанских колониальных властей. Точно так же всякой самостоятельности были лишены муниципалитеты индейских городов.

Национальное угнетение проявлялось и в языковой политике испанского правительства. При дворе Филиппа II серьезно обсуждался проект закона, согласно которому все индейцы были обязаны изучить испанский язык, а на коренных жителей, продолжавших пользоваться родным языком, должно было налагаться наказание. Если этот законопроект не стал законом, то отнюдь не из-за недостатка ассимиляторского рвения у испанского двора, а из-за нереальности проекта. Испанское правительство решило придерживаться принципа добровольности

в изучении испанского языка местными жителями, однако на практике этот принцип сплошь и рядом нарушался. Так, для занятия должности руководителя органа местного индейского самоуправления, а позже — и должности члена такого органа требовалось знание испанского языка. В конце концов 16 апреля 1770 г. было принято распоряжение, запрещающее употребление индейских языков, распоряжение, которое, естественно, не могло быть выполнено.

Под предлогом христианизации индейцев и обучения их добрым обычаям по всей Мексике в течение всего колониального периода велась активная деятельность по разрушению туземных традиций и национальной культуры, имевшая конечной целью культурно-языковую ассимиляцию индейского населения. Нельзя сказать, чтобы ассимиляторская политика не дала результатов. Многие индейские общины и селения перешли на испанский язык, потеряли ряд черт национального характера и национальной культуры и лишь в силу своего юридического и социально-экономического положения продолжали именоваться индейскими.

Формирование новых этнических групп на территории Мексики в колониальный период. Между тем годы колониального господства Испании на территории нынешней Мексики (как и во всей Латинской Америке) были временем существенных изменений в этническом облике страны. Наряду с индейцами появляются иные этнические образования. Потомки испанских конкистадоров и первых переселенцев составили группу креолов — высший эксплуататорский слой колониального общества, концентрировавший в своих руках огромные земельные богатства, занимавший средние, редко высшие, должности в системе колониального аппарата. Креолы считались белыми и потомками белых, на деле же среди них было много лиц смешанного происхождения, а иногда — и прямых потомков индейских аристократов и правителей. Браки, официальные и фактические, между белыми мужчинами и индейскими женщинами (редко наоборот) дали начало быстро растущей группе метисов. Наконец, в Новой Испании появились негры-рабы, а вслед за этим мулаты (от смешанных браков между белыми и неграми) и самбо (от негритянского-индейских браков). Правда, количество негров в Мексике было невелико, и роль негритянского компонента в этнических судьбах страны незначительна. Смешение, метисация были в Новой Испании широко распространенным явлением, несмотря на политику расовой сегрегации, проводимой испанским правительством и колониальными властями.

Таблица 1, составленная по данным уже цитированной нами книги А. Розенблата, дает некоторое представление о процессе изменения этнического населения страны в колониальный период.

Т а б л и ц а 1

Год	Индейцы		Белые		Негры		Смешанное население	
	в тыс	в % ко всему населению	в тыс	в % ко всему населению	в тыс	в % ко всему населению	в тыс.	в % ко всему населению
1492	4500	100	—	—	—	—	—	—
1570	3500	98,4	30	0,84	—	—	25	0,76
1650	3400	89,5	200	5,3	30	0,8	170	4,4
1825	3700	54,5	1230	18,1	—	—	1860	27,4

Данные таблицы указывают на непрерывное и весьма ощутимое уменьшение доли индейского населения в населении страны. К моменту провозглашения независимости Мексики оно было чуть больше его половины. С другой стороны, быстрыми темпами росло смешанное население.

Современное положение мексиканских индейцев

Борьба индейцев за землю и свои права. Провозглашение независимости Мексики не улучшило положения индейских народов и племен. По-прежнему продолжался процесс обезземеливания индейского крестьянства. Огромные земельные площади были сконцентрированы в руках церквей и крупных помещиков. Особенно катастрофических размеров обезземеливание мексиканского крестьянства, и прежде всего индейского, достигло во времена диктатуры Порфирио Диаса.

На притеснения и гнет индейцы отвечали борьбой. Еще во времена конкисты они оказали героическое сопротивление захватчикам, ведя борьбу за сохранение независимости. Много раз конкистадорам приходилось завоевывать один и тот же район, так как покоренные индейцы поднимали восстания и наносили тяжелые поражения испанским гарнизонам²⁶. Восстания индейцев продолжались в течение всего колониального периода. Значительный интерес представляет восстание индейцев майя на Юкатане в 1761 г. под руководством образованного индейца Хасинто Канек. Восстание было потоплено в крови, а его вождь, принявший титул и имя короля Хасинто Ук Лусеро (Маленький Монтесума I), был подвергнут страшной мучительной казни²⁷.

Индейцы-крестьяне были главной движущей силой антииспанского освободительного движения, которым руководили Идальго и Морелос. Именно их решительные выступления осла-

били колониальный режим в Мексике и подготовили независимость страны.

Движение индейцев, часто выливавшееся в вооруженные выступления, продолжалось и после провозглашения независимости Мексики. Оно проходило под различными лозунгами, но главное, что подразумевали индейцы под этими лозунгами, было возвращение общинных земель, захваченных церковью и помещиками. По мнению мексиканского исследователя Мойсеса Гонсалеса Наварро, с момента провозглашения независимости и в течение последующих 89 лет по существу не было ни одного года, когда бы тот или иной район Мексики не был охвачен индейскими волнениями или восстаниями²⁸. Крупное восстание индейцев, длившееся с января 1848 г. до конца 1849 г., вспыхнуло в районе Сьерра Горда, охватив значительную территорию штатов Гуанахуато, Сан-Луис-Потоси и Керетаро. Индейцы боролись за свои земли, и это позволило их почти безоружным отрядам держаться почти два года против превосходящих по численности и вооружению правительственных войск.

Особенно больших масштабов достигло восстание индейцев майя на Юкатане — так называемая война рас, начавшаяся под руководством индейских вождей Сесилио Чи и Хасинто Паг в 1847 г. Во время войны с восставшими майя, боровшимися под лозунгами национальной независимости, юкатанские власти прибегли к постыдной практике продажи пленных индейцев за границу по цене 25 песо за человека. Восстание длилось более полувека. За это время майя возродили по существу независимое индейское государство, центром которого стал Чан Санта-Крус. Лишь в 1901 г. майя были побеждены.

Необычайно упорной была борьба яков и майо. Уже в 1825 г. началось движение этих индейцев за землю и национальное освобождение. Оно приняло особенно широкий размах в 1875—1901 гг., т. е. в основном во времена диктатуры Порфирио Диаса. Во главе индейцев стояли отважные, опытные и довольно образованные вожди Кахеме и Татабиате. Реакционная диктатура Порфирио Диаса жестоко подавила это движение. Яки потеряли большую часть земель, причем многие яки были проданы в рабство в местности с губительным для них климатом. Долгое время, вплоть до 1898 г., шла борьба против команчей и апашей на севере Мексики.

Вооруженная борьба яков и других индейских племен и народностей в годы правления Порфирио Диаса ослабляла реакционную помещичье-клерикальную проимпериалистическую диктатуру и несомненно способствовала подготовке великого социального движения мексиканского народа — революции 1910—1917 гг. В этой революции движение индейцев слилось с борьбой народных масс сложившейся к тому времени мексиканской нации. Одним из самых боевых соединений вождя

крестьян, Сапаты, был многочисленный отряд индейцев майя. В сапатистской армии, а также в армии другого крестьянского вождя — Панчо Вильи было немало индейцев, принадлежащих к другим племенам и народностям. Храбро сражались против правительственных войск отряды яков.

Мексиканская буржуазно-демократическая революция поставила в повестку дня ряд насущных вопросов. Индейская проблема была решена ею в той степени, в какой был решен аграрный вопрос, вопрос о равенстве всех граждан, вопрос о демократических правах и свободах.

Современное население Мексики. Чтобы полнее уяснить роль и место индейцев и индейского вопроса в мексиканском обществе, необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с современным населением страны. Мексика — одна из самых населенных стран Латинской Америки, причем ее население растет чрезвычайно быстро. Если в 1947 г. оно равнялось 23 425 тыс. человек, то в настоящее время возросло примерно до 40 млн. человек.

Быстрый рост мексиканского населения, несомненно, теснейшим образом связан с относительно быстрым экономическим развитием страны и теми социальными завоеваниями, которых мексиканские трудящиеся достигли в результате упорной борьбы.

Территория страны заселена весьма неравномерно. Наименее заселены север, некоторые покрытые тропическими лесами районы юга и отдельные территории, примыкающие к тихоокеанскому побережью. В центральной, юго-восточной и большей части Южной Мексики — высокая плотность населения. Разница в плотности населения по различным штатам огромна. Так, в 1960 г. при средней плотности населения по стране в 17,78 человека на 1 кв. км средняя плотность населения в Федеральном округе равнялась 3284,47, в штате Мехико — 88,66, в штате Морелос — 77,84, на таких же территориях страны, как Нижняя Калифорния и Кинтана Роо, едва превышала 1 человека на 1 кв. км (1,12 и 1,18 соответственно)²⁹. Несмотря на определенные успехи Мексики в области индустриального развития, большая часть ее населения проживает в сельской местности либо в небольших населенных пунктах, которые хотя и названы городами, но на деле представляют собой лишь большие селения.

Самодеятельное население Мексики (по данным на 1950 г.) составляет 8341 тыс. человек или примерно третью часть всего населения страны. Официальная мексиканская статистика следующим образом распределяет самодеятельное (или «экономически активное») население: в обрабатывающей промышленности 972 тыс. человек, в торговле — 683 тыс., в сфере обслуживания — 877 тыс., в строительстве — 244 тыс., на тран-

Индийские дети

спорте — 210 тыс., в добывающей промышленности — 97 тыс., в электропромышленности — 25 тыс. и т. д.

17438 тыс. человек, т. е. примерно две трети населения страны, мексиканская статистика относит к «экономически неактивному населению», куда входят люди, занятые домашним хозяйством, студенты и школьники, дети младше двенадцати лет и др. Смертность в Мексике выше, чем во многих развитых капиталистических странах. Однако она ниже, нежели в некоторых других латиноамериканских странах.

Лингвистическая классификация и численность индейцев современной Мексики. Одной из характерных особенностей Мексики является ее этно-лингвистическая пестрота. Недаром существует мнение, что в Мексике употребляется 33 основных индейских языка, столь же далеких друг от друга, как финский, китайский и древнееврейский языки. А крупные мексиканские ученые Гонсало Агирре Белтран и Рикардо Посас доводят количество индейских языков в современной Мексике до 46³⁰. По вопросу лингвистической классификации мексиканских индейцев существует много различных точек зрения. Нап-

более обоснованная из них изложена в работах видного ученого Маурисио Свадеша (Морис Сводеш)³¹.

По мнению М. Свадеша, количество индейских языков современной Мексики уменьшилось почти вдвое по сравнению с доколумбовыми временами, хотя общая численность индейского населения в доиспанской Мексике была лишь примерно на 50% выше сегодняшней. Как явствует из работ Свадеша и других мексиканских ученых, ряд индейских языков Мексики в настоящее время находится на пути к полному исчезновению, так как на них говорят лишь люди старшего поколения; молодежь употребляет испанский. С другой стороны, есть много языков, которыми пользуются и старики, и молодежь, и дети. Такие языки сохраняют перспективу существования и развития. Свадеш разбивает индейские языки Мексики на несколько групп. К первой группе относятся языки тараско, представленные лишь одним языком, пурепеч или тараско. Много языков включает в себя вторая группа — макро-миштекская. К ней относятся следующие языки: чичимекский, хонас, паме, матлацинка, масауа, отоми, пополока (штат Пуэбла), чочо, ишка-

текский, масатекский, миштекский, куикатекский, амузго, трике, чатико, сапотекский, уаве, чинантекский. Многочисленная группа макро-мая, включающая в себя тотонакский язык, тепеуа, пополока (штат Веракрус), михесоге, уастекский, мая, чонталь (штат Табаско), чоль, целталь, цоциль, тохолобаль, маме, тлапанекский, кайта (закрывающий в себе два близких диалекта — яки и мая). К группе макро-науа (или макро-ацтекской) относятся науа (другие названия — ацтекский, мекхикано), кора, уичоль, тараумара, варохьос, пима, тепеуано. Пятая группа — макро-юман — охватывает языки чонталь (штат Оахака), сери, кукапас, кочимиес. И, наконец, к шестой группе относятся некоторые языки, мало исследованные, которые пока что еще трудно отнести к той или иной группе.

Точных данных о количестве индейцев в современной Мексике нет. Официальная мексиканская статистика явно пытается преуменьшить их число. Так, индеец, который наряду со своим родным языком овладел также испанским, употребляет одежду фабричного производства, как правило, уже не фигурирует в мексиканских статистических документах как индеец. Он будет отнесен либо к графе «мексиканцы», либо «метисы». Но дело не только в тенденциозности, проявляющейся при проведении переписей или выработке оценочных данных. Очень часто трудно определить, к какой этнической группе принадлежит данный индивидуум. Так, в Мексике существует довольно значительная прослойка населения, представители которой называют себя индейцами, хотя говорят на испанском языке и в значительной степени утратили характерные черты своей самобытной культуры. Кто они? Статистика включает их в мексиканскую нацию. Многие исследователи полагают, что они должны быть отнесены к индейцам. Имеются и такие группы населения, которые по быту и культуре почти ничем не отличаются от индейцев, но их родным языком является испанский; сами себя они индейцами не считают. Известный мексиканский ученый Альфонсо Касо полагает, что индейцем можно считать лишь того, кто живет в общине, является ее членом³². Это утверждение автоматически исключает мысль о возможности формирования индейского пролетариата, индейской буржуазии и индейской интеллигенции.

Вышеупомянутые факторы приводят к большому разнобою при определении численности индейского населения Мексики. Так, перепись от 6 марта 1940 г. из общей численности населения 19 653 552 человека выделяла 1 237 018 индейцев старше пяти лет, говоривших только на своих языках, и 1 253 918 человек, которые наряду с родным языком употребляли также испанский. Таким образом, общее число индейцев с лингвистической точки зрения (с прибавлением 454 176 детей младше пяти лет) равнялось 2 945 085. Несколько меньшее число

индейцев, говорящих на своих языках, дает ценз 1950 г. — 2 893 752 человека (11,22% населения страны). В то же время Департамент индейских дел определял численность говорящих на индейских языках в 1941—1942 гг. в 4 980 036 человек (т. е. 25% населения страны). Альфонсо Касо высказывал в 1950 г. мнение, что примерно шестая часть населения Мексики знает индейские языки, однако если учитывать характерные черты культуры и психологии, то, по его мнению, численность индейского населения в стране можно довести до 20—25%³³.

Нужно сказать, что последние переписи (1940, 1950 и 1960 гг.) пытаются обойти трудности отнесения того или иного гражданина к индейцам (или белым), введя дополнительные этно-лингвистические понятия: индометисы и бело-метисы. На наш взгляд, нет оснований для введения новых категорий, так как индометисы — это несомненно двуязычные

Т а б л и ц а 2

Год	Индейцы		Метисы		Белые	
	в абсолютных цифрах	в % ко всему населению	в абсолютных цифрах	в % ко всему населению	в абсолютных цифрах	в % ко всему населению
1940	2 945 085	15	16 532 092	84,1	176 375	0,9
1950	2 447 609	9,5	23 160 631	89,8	182 707	0,7
1960	3 004 955	8,6	31 694 706	90,8	223 468	0,6

индейцы, а бело-метисы несомненно могут быть отнесены к метисам. Базируясь на официальных данных и на нашем убеждении о существовании в Мексике лишь трех основных этно-лингвистических категорий (белые, метисы, индейцы), мы можем представить динамику индейского и всего населения Мексики в виде табл. 2.

Если в целом эти данные отражают объективно существующую тенденцию, выражающуюся в постепенном росте абсолют-

Т а б л и ц а 3

	Число говорящих только на одном языке		
	1940 г.	1950 г.	1960 г.
Амузго	7 540	5 839	11 066
Кора	1 724	228	3 761
Яки	307	199	545
Сапотекский	104 661	60 680	78 763

ной численности мексиканских индейцев при понижении их процентного отношения ко всему населению страны, то довольно значительное падение численности коренного населения в 1950 г. объясняется, очевидно, чисто субъективными причинами. Эта субъективность особенно очевидна при изучении данных по некоторым отдельным языкам (табл. 3).

На сегодняшний день наиболее значительными индейскими языками Мексики являются следующие ³⁴.

	Число говорящих		Число говорящих
Науатль (аптекский)	700 000	Яки-майо . . .	34 000
Майя	300 000	Михе	32 000
Отоми	300 000	Тараумара . .	26 000
Сапотекский	250 000	Чонталь . . .	25 000
Миштекский	200 000	Пополока	
Целтал-доцил	125 000	(штат Веракрус)	25 000
Тотонакский	100 000	Чоль	22 000
Масауа	80 000	Маме	22 000
Уастекский	50 000	Пополока	
Масатекский	45 000	(штат Пуэбла) .	17 000
Тараско (пурепеч) .	44 000	Чатино	15 000

На каждом из других языков (тохолобаль, тепеуано, уичоль, уаве, тепеуа и т. д.) говорит менее 10 тыс. человек. Расселены индейцы крайне неравномерно. Некоторые из них живут на более или менее компактной территории, другие — отдельными островками среди испаноязычного метисного населения. Представление о расселении мексиканских индейцев дает карта, составленная советским этнографом И. Ф. Хорошаевой и опубликованная впервые в 1959 г. ³⁵ В настоящее время образ жизни многих индейских племен и народов не отличается или мало отличается от образа жизни основной массы испаноязычного населения страны. Это относится прежде всего к самой крупной индейской народности Мексики, к ацтекам. Другие индейцы сохранили многие свои этнические черты. В данной статье мы не будем пытаться охарактеризовать каждую индейскую этническую группу, для чего потребовалась бы не краткая статья, а многотомная монография. Остановимся лишь на двух народностях, что позволит в какой-то степени понять существо индейской проблемы в современной Мексике.

Уичоль. Весьма близкие по языку к ацтекам, уичоль в отличие от них сохранили многие своеобразные черты и этническим обликом резко выделяются из среды окружающего мексиканского испаноязычного населения. Численность уичоль невелика — около 7 тыс. человек. Этническая территория уичоль входит в муниципии Мескитик и Болањос штата Халиско. Уичоль

занимают в настоящее время горные лесистые земли, мало пригодные для земледелия. Когда-то они занимали плодородные земли на тихоокеанском побережье, однако ужасы испанского завоевания заставили их бежать из родных мест и искать убежища в труднодоступной местности. Для поднятия плодородия своих полей уичоль сжигают сухую траву, кусты, деревья, используя золу в качестве удобрения. Эта практика встречает сопротивление со стороны мексиканских властей и вызывает порой конфликты между индейцами и представителями официальных органов³⁶. Земля считается общинной собственностью, однако обрабатываемые поля находятся в индивидуальном пользовании. В случае запашки какого-либо участка земли одним индейцем другие теряют на него право вплоть до того момента, когда земля по каким-либо причинам перестанет обрабатываться. Нехватка плодородной земли приводит к тому, что уичоль не могут жить деревнями. Обычно они живут отдельными патриархальными семьями, включающими в себя деда, бабушку, супругов, сыновей (в том числе женатых), внуков и иногда некоторых других родственников. Техника, используемая уичоль в сельскохозяйственных районах, крайне примитивная. Как показал известный мексиканский этнограф Альфонсо Фабила, уичоль прекрасно понимают выгоды от применения современной сельскохозяйственной техники, однако не имеют средств для ее приобретения.

Уичоль пришлось вести длительную борьбу за свои земли. Уже в 50-х годах нашего столетия землевладельцы с помощью местных властей захватили более 240 тыс. га уичольской земли. Уичоль энергично встали на защиту своих прав во главе с вождем Педро Аро. Однако местные власти обвинили уичольского вождя в «подрыве общественного порядка» и под этим предлогом заключили его в тюрьму. Лишь вмешательство Мексиканского национального индеанистского института, губернатора штата Халиско и лично президента страны помогло уичоль отстоять права на землю. Президентом страны 19 сентября 1953 г. был подписан специальный указ о возвращении индейцам отнятых у них земель. Однако посягательства на эти земли продолжают до сих пор.

На своих участках уичоль выращивают главным образом кукурузу, фасоль, сахарный тростник. Довольно широко у уичоль развито скотоводство. Разводят крупный и мелкий рогатый скот, а также домашнюю птицу. Особое место занимает коневодство. Лошадей используют как вьючных животных и для верховой езды, очень популярной среди уичоль. Следует отметить, что мексиканские скотоводы зарятся на пастбищные земли индейцев и уже прибрали к рукам некоторые из них. Многие уичоль не в силах обеспечить себе и своей семье хоть сколько-нибудь безбедное существование и вынуждены батрачить в хозяйстве

метисов, белых и на американских табачных плантациях на побережье.

Хозяйство уичоль носит в основном натуральный характер. Торговля внутри этнической территории уичоль почти отсутствует. Для покупки мыла, соли, спичек, сигарет и т. д. индейцы отправляются в соседние города, обычно в воскресный день, где заодно могут заняться продажей кукурузы, фасоли, яиц, кур, скота. Однако такая торговля носит нерегулярный характер.

Со времен конкисты уичоль всячески стремились сохранить независимость. До сих пор они поддерживают определенную автономию, хотя она не признается мексиканским правительством. Живя разбросанно на сравнительно большой территории, уичоль строят специальные политико-церемониальные пункты, которые выполняют роль национальных центров. В этих пунктах имеется подобие правительственных зданий («Большой Дом»), где заседает правитель (татуан, или ицкокаме), наделенный исполнительной и судебной властью. Под его руководством находится целый штат должностных лиц. Разумеется, эта автономия носит призрачный характер. Распоряжения правителя обязательны лишь для самих уичоль, для неиндейцев они не имеют никакой силы. В судебном разбирательстве, которое ведет правитель, рассматриваются лишь незначительные преступления и маловажные тяжбы между самими уичоль. Сколько-нибудь важные дела переходят на рассмотрение официальных государственных судебных инстанций. Вся деятельность правителей и других индейских должностных лиц протекает под строгим контролем властей.

Крайне неудовлетворительно поставлено школьное образование и медицинское обслуживание среди уичоль. Подавляющая масса уичоль неграмотна. Врачебной помощи они, как правило, не знают, пользуясь в случае заболевания услугами знахарей. Несмотря на тяжелые условия существования, уичоль сохранили и поддерживают много ярких черт своей самобытной культуры. Женщины показывают поистине чудеса искусства при изготовлении мужской одежды. Рубахи, плащи, пояса покрываются высокохудожественной вышивкой, иногда многоцветной. Мужчина в таком костюме выглядит весьма живописно.

Уичоль многое сохранили из своего древнего фольклора, одновременно продолжая творить новые песни, сказания и легенды. Правда, следует отметить, что на древние уичольские мифы наложен сильный отпечаток христианства. Любопытен в этом отношении миф о сотворении мира, который излагается примерно так: Мир при своем рождении не был похож на сегодняшний. Он был полон темноты. Но люди в то время уже жили на земле. Сначала появился Юрамака-Науру-Татей, или Адам, затем Татуци Имуана, т. е. Ева. Их никто не создавал, они появились сами по себе. От них родился Ной, или Томоасауй-Томаррауй.

Индийский танец с перьями

В годы жизни Адама и Евы появилась Луна — Мецерн. Когда это произошло, то первые люди разожгли костер и бросили в него одного юношу. Этот юноша загорелся и превратился в Солнце — Тау.

Дальше в мифе рассказывается, как от брака Томоасауй-Томаррауй и женщины-собаки появились уичоль, которые стали жить на берегу моря, в Наярит. Но вот в Мексике появились испанцы, а с ними вместе новые боги: Святой Иосиф — Татата и Святая дева Гвадалупе — Танана. От них родились разные дети, в том числе Татата Абарроки, или Иисус Христос.

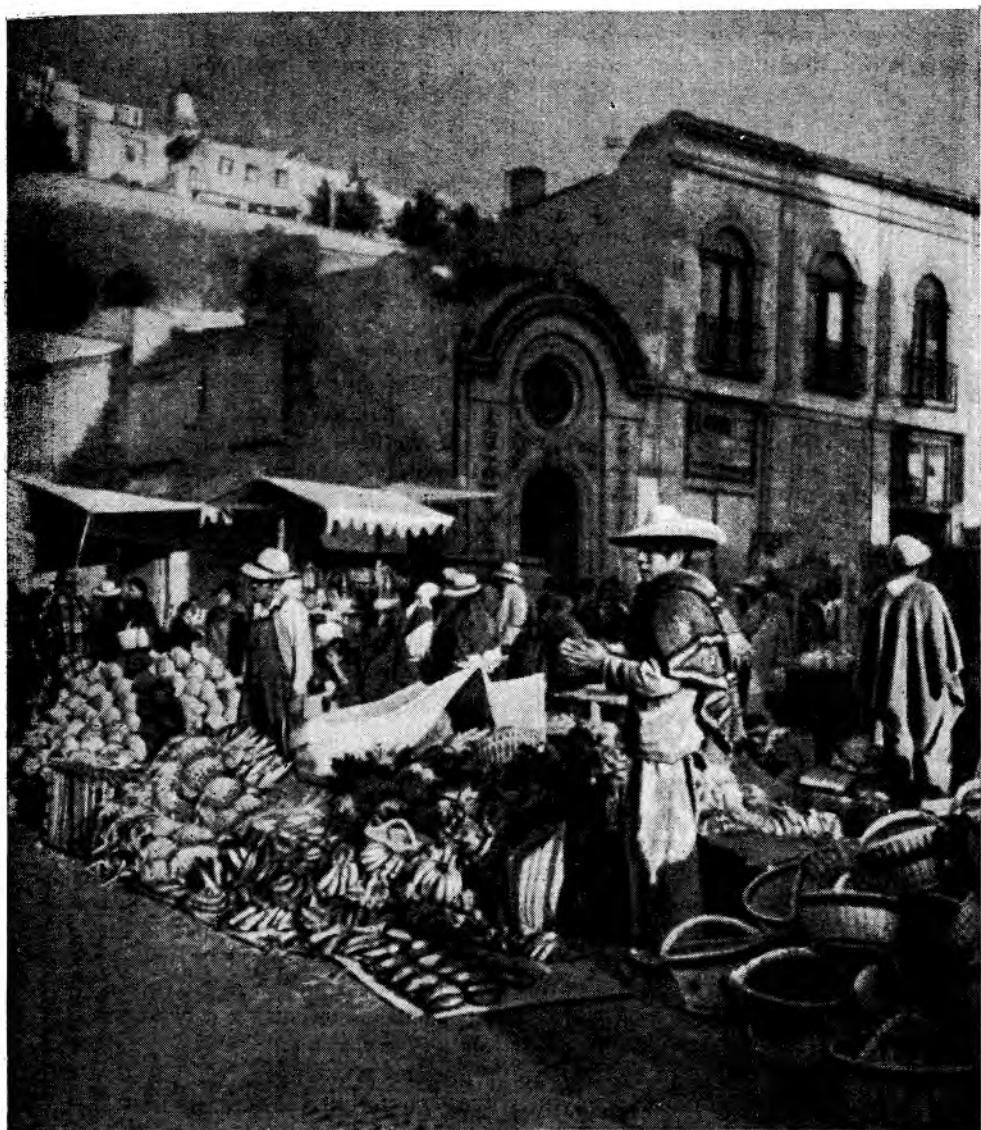
Как видно из этого мифа, религия уичоль крайне синкретична. Они по-прежнему пантеисты, сохраняют веру во множество богов, некоторые из которых ныне идентифицируются с христианскими богами и святыми, а некоторые существуют, так сказать, в их первоизданном виде. К числу последних относятся

Тау (Бог-Солнце), Таи (Бог света), Хаа (Богиня воды), Арамара (Бог-море), Тате (Богиня-змея), Отуанака (Богиня майса), Нокауэ (Богиня плодородия) и т. д.

Тараумара. Значительный интерес вызывает сравнительно небольшая этническая группа, живущая на севере Мексики, в юго-западной части штата Чиуауа. Судьбы тараумара, их проблемы весьма похожи на те, которые мы уже видели при знакомстве с индейцами уичоль. Примерно 15 лет назад, когда крупный мексиканский этнограф и общественный деятель Франсиско Планкарте начинал писать свой труд об индейцах этой группы, он так определил сущность тараумарского вопроса: «Неразвитая экономика едва позволяет поддерживать голодное существование... Многие умирают от голода, другие уходят в города... Ограниченные возможности их земледелия объясняются прежде всего недостатком пригодной для обработки земли, низким плодородием почвы и незнанием современных методов земледелия... Сгоняемые постепенно со своих земель, причем этот процесс с каждым днем усиливается, они занимают сейчас местность, менее всего подходящую для сельского хозяйства»³⁷. Планкарте включал также в понятие тараумарского вопроса недостаток школ, отсутствие средств сообщения, невозможность воспользоваться природными богатствами и т. д. За прошедшие годы мало что изменилось в судьбе индейцев тараумара. Только к тому, что говорил Планкарте, мы бы добавили еще одно: отсутствие каких-либо условий для развития языка и культуры тараумара. А между тем проявления этой культуры весьма ярки и своеобразны. Мы упомянем лишь об одном проявлении народной культуры Тараумара: об их традиционной склонности и любви к беговым состязаниям. Их порой называют сегодня «народ марафонцев». Мексиканский журналист и писатель Ф. Бенитес подробно и красочно описывает эти состязания в своей книге, переведенной на русский язык³⁸.

Социально-экономическое положение индейцев современной Мексики

Мы бегло коснулись в наших заметках положения лишь двух групп индейского населения: уичоль и тараумара. Мы взяли две малочисленные группы, но в их судьбе отразились исторические судьбы всего населения Мексики. Кратко проблему современных мексиканских индейцев можно свести к немногим положениям. Это угнетенные народы и племена. Главная экономическая проблема, стоящая перед ними, проблема земли. Несмотря на закон об аграрной реформе, далеко не все индейцы получили обратно землю, отобранную у них. В тех случаях, когда индейцы получили пастбища и поля, они не могут добиться эффективного использования их из-за недостатка сель-

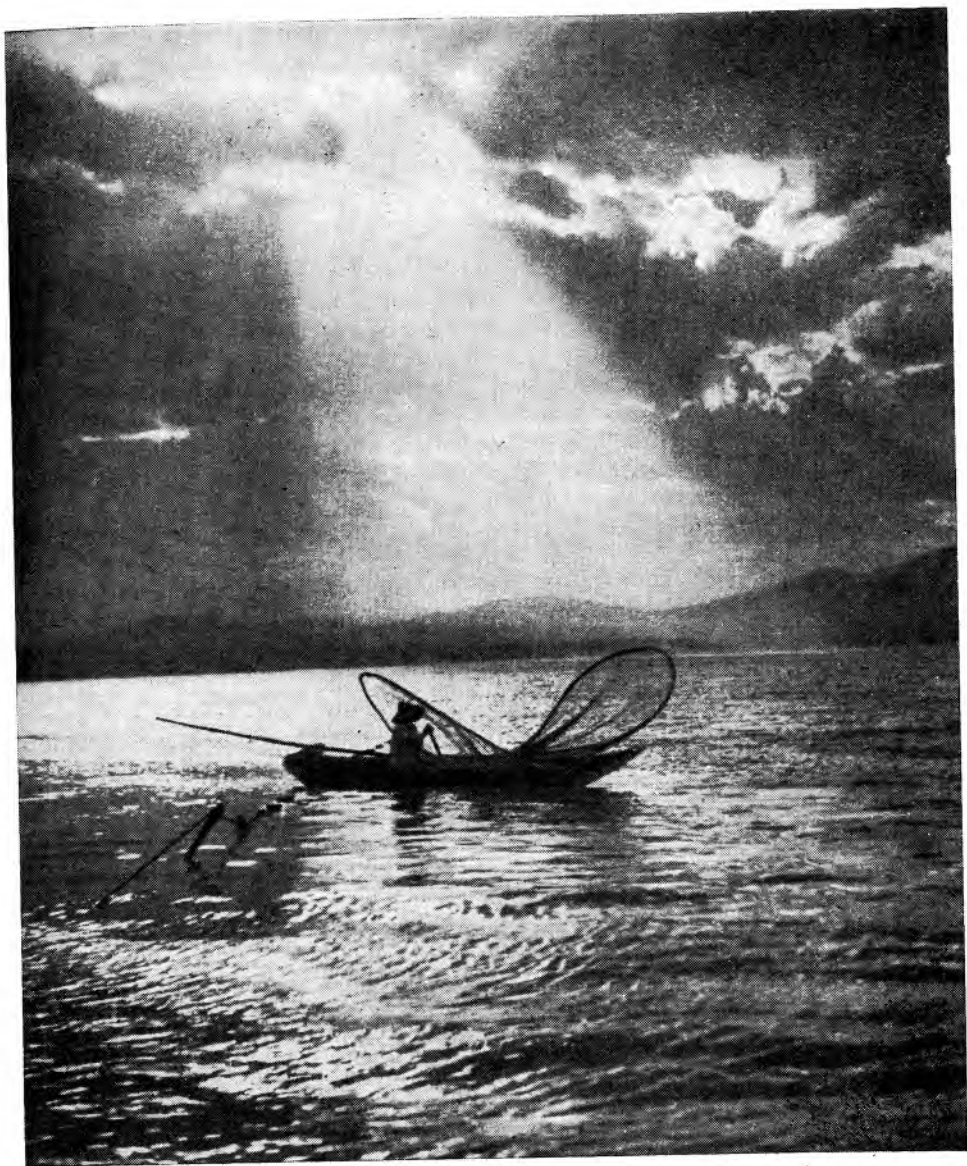
Современный мексиканский базар

скохозяйственных машин, удобрений, племенного скота, агрономических знаний, кредитов и т. п. Являясь наиболее бедной, обездоленной и бесправной частью мексиканского населения, индейцы не могут наладить эксплуатацию природных богатств. Выгоды от эксплуатации полезных ископаемых, лесов, гидроэнергии присваивает себе мексиканская буржуазия либо иностранные, прежде всего американские, компании.

Крайне недостаточная сеть медицинских учреждений ведет к высокой смертности (особенно детской) среди индейского населения, намного превышающей средние показатели смертности в стране. Несмотря на то, что даже самые малочисленные индейские народы Мексики сохранили многие черты своего национального бытия: язык, фольклор, изобразительное искусство и т. д., индейцам отказывают в праве на национальное развитие и в праве на национальное самоопределение, хотя многие индейские народы, такие, как миштеки, сапотеки, несомненно в условиях, скажем, автономии смогли бы добиться значительных успехов в развитии своей национальной культуры, внося тем самым существенный вклад в сокровищницу культуры Мексики.

Короче говоря, положение индейцев Мексики — это положение национальных меньшинств, подвергающихся экономической эксплуатации и национальному угнетению. Поскольку эти национальные меньшинства в совокупности составляют более 3 млн. человек, то национальный вопрос в Мексике стоит довольно остро и находит свое отражение в политике правительства, программах политических партий и общественных организаций, в научных исследованиях и т. п.

Индийский вопрос и индеанизм. Бедственное положение мексиканских индейцев, а также возросший интерес к национальной культуре и истории породили после революции 1910—1917 гг. широкое движение среди либеральной интеллигенции, которое ставило вопрос об изучении древней и современной культуры индейцев, об их правах и требованиях, о путях их развития. Движение охватило самые различные сферы общественной деятельности: политическую, научную, религиозную, здравоохранение, образование и т. д. Это движение, получившее название идеанизма³⁹, существует до наших дней и пользуется в Мексике поддержкой правительства. Среди индеанистов имеются люди различных убеждений, различного политического толка, различных национальностей, подходящих иногда с диаметрально противоположных позиций к индейскому вопросу. Индеанизм — это не движение самих индейцев, а движение белых и метисов, выступающих в поддержку индейцев. В этом главная слабость латиноамериканского индеанизма вообще, мексиканского в частности, хотя сразу оговоримся: в Мексике индеанистам все же удалось наладить определенный контакт с

Рыбная ловля на озере Патскуаро

индейскими массами. Мексику с полным основанием можно назвать центром индеанистского движения Латинской Америки; здесь (в г. Пацкуаро) функционирует Межамериканский индеанистский институт, а также (в г. Мехико) Государственный индеанистский институт Мексики, обладающий определенными средствами и располагающий возможностью оказывать влияние на деятельность различных государственных учреждений страны. Мексиканский индеанистский институт провел большую и полезную работу. Им издано много монографий по индейскому вопросу, он издает свой ежемесячный журнал. Институт и его представители не раз выступали в защиту прав индейцев различных районов страны в наиболее тяжелые, поистине драматические моменты их жизни. Деятельность и жизнь многих индеанистов Мексики близка к подвижничеству. В различных районах страны институтом создано шесть «координационных центров» для практической работы среди индейцев тараумара, кора-уичоль, тлапанеков, индейцев папалопан, миштеков и челталь-поциль. Основная задача этих центров сводится к тому, чтобы «повысить уровень аккультурации той индейской группы, в которой он создан, чтобы ускорить процесс включения индейцев в экономическую и общественную жизнь мексиканской нации»⁴⁰.

Включение индейцев «в жизнь мексиканской нации» — это основная задача не только координационных центров, не только Государственного института, но и всей официальной индеанистской политики мексиканского государства. К сожалению, официальные мексиканские власти и само руководство института полагают, что решение этой задачи возможно лишь путем ассимиляции индейского населения с мексиканской нацией, а не путем развития национального языка и культуры индейских народов как необходимого условия для сближения всех народов Мексики. Индейские языки воспринимаются чуть ли не как главная помеха на пути развития индейских народов⁴¹. Неудивительно, что политика ассимиляции встречает определенную оппозицию среди коренного населения Мексики.

Протест индейцев против этой политики в Мексике растет, его отражением является, в частности, заявление исполнительного комитета Всеомексиканской индейской конфедерации, опубликованное в марте 1965 г. «Неоколониалисты под маской сельских учителей, — говорится в этом документе, — ведут подрывную работу против всего индейского, следуя принципу, что «хорош тот индеец, который перестает быть индейцем». В Соединенных Штатах принцип, выдвинутый теми, кто обладает «цивилизованными чертами», гласит: хороший индеец — мертвый индеец...

Некоторые из индеанистов и многие им подобные, являющие собой продолжателей энкомендарной системы или ее пережит-

ки, под предлогом помощи индейцам эксплуатируют и порабащают их (в Новой Испании это называлось «обращать в христианство»). Некоторые деятели под фальшивой личиной интеллигентов-индеанистов являются вдохновителями ложной политики, проводимой в жизнь под предлогом того, что три миллиона индейцев оторваны от остальной части населения страны и изолированы от людей с «цивилизованными чертами» якобы из-за языкового барьера. Под этим предлогом некоторые лица настаивают на необходимости испанизации индейцев для включения их в цивилизацию. Для этих лиц ничто культура майя, культура Анауака ⁴², миштеков и многие другие культуры. Эти элементы забывают, что народ, сохраняющий свои традиции, не перестает быть народом. То, чего не добились конкистадоры, пытаются добиться неокOLONIALИСТЫ...

Индийская проблема должна быть в конце концов решена на основе принципа самоопределения. Это означает прямое и эффективное участие индейцев в федеральном правительстве, в правительствах штатов, а также в муниципальных органах власти; эксплуатация естественных ресурсов индейских групп на благо этих групп... уважение культурных прав индейских групп, включая традиции, родной язык, обычаи и все, что касается культурного облика индейца; издание публикаций на родном языке; среднее образование на индейских языках, что не исключает преподавание испанского или иных языков. Одним словом, под самоопределением мы подразумеваем свободу индейских групп самим определить путь своего развития посредством федерального индейского учреждения, которое возглавлялось бы советом, состоящим из представителей всех индейских групп. Это учреждение должно входить в состав федерального правительства Мексики...» ⁴³

Мы не во всем согласны с цитированным выше заявлением. Нам, в частности, представляется необоснованным квалификация сельских учителей как «неокOLONIALИСТОВ». Мы полагаем, что и большинство индеанистов не может быть зачислено в ряды продолжателей энкомендарной системы, да еще к тому же ставящих цель эксплуатировать и поработать индейцев. Однако сам факт появления подобного заявления вызывает тревогу. Оно показывает, что ассимиляторская политика находится в противоречии с интересами индейского населения. Эта политика на протяжении почти четверти века ее активного проведения не дала сколько-нибудь ощутимых результатов ни в области улучшения положения индейских племен и народностей, ни в вопросе об их «включении» в мексиканскую нацию.

Индийский вопрос в программах политических партий Мексики. Индийский вопрос, и по сей день стоящий остро, естественно, находит отражение в программных документах различных политических партий Мексики. Если правящая Институ-

ционно-революционная партия стоит на позиции «включения индейцев в жизнь мексиканской нации», беря за основу политику ассимиляции, то другие политические партии далеко не разделяют точку зрения правящей партии. Даже близкая к правящей партии Подлинная партия мексиканской революции ставит вопрос уже не о включении индейцев в мексиканскую нацию, а о включении их в «общий поток прогресса»⁴⁴.

Социалистическая народная партия выдвигает не только требование улучшения экономического положения индейских групп, но и требование права избрания своих собственных властей и образования на индейских языках⁴⁵. Широкую программу по индейскому вопросу, включающую в себя требования обеспечения всестороннего развития индейских племен и народностей, программу, полностью отвечающую интересам индейских масс, выдвигает Мексиканская коммунистическая партия.

Дальнейшее развитие индейских племен и народностей Мексики может сложиться по-разному, и конкретные формы этого развития сейчас предугадать трудно. Но ясно одно: индейский вопрос в Мексике — вопрос национальный и может быть решен лишь при решении общего комплекса насущных социально-экономических задач, стоящих перед страной.

¹ J. García Payón. «Evolución histórica del Totonacapan» Miscellanea. Paul Rivet. Octogenario dicata, t. I. México, 1958, p. 443—453.

² Ч. Галленкамп. Майя, загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966, стр. 133—134.

³ Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатаве. М.—Л., 1955, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963.

⁶ Дж. Вайян. История ацтеков. М., 1949, стр. 75.

⁷ A. M. Chapman. La guerra de los aztecas contra los tepanecas México, 1959, p. 11.

⁸ M. Leon-Portilla. Siete ensayos sobre cultura nahuatl México, 1958, p. 37—41.

⁹ Дж. Вайян. Указ. соч., стр. 84.

¹⁰ A. Miranda Basurto. La evolución de México. México. [S. a.], p. 138.

¹¹ Дж. Вайян. Указ. соч., стр. 93.

¹² Alfonso Caso. Instituciones indígenas precortesianas. «Memorias del Instituto Nacional Indigenista», vol. VI. México, 1954, p. 17.

¹³ Мигель Леон-Портилья. Философия нагуа М., 1961, стр. 130—131.

¹⁴ H. J. Spinden. Ancient civilizations of México and Central America. New York, 1928, p. 239

¹⁵ Мигель Леон-Портилья. Указ. соч., стр. 69.

¹⁶ M. Leon-Portilla. Op. cit., p. 114 (перевод автора статьи).

¹⁷ «В защиту мира», июнь 1955 г., стр. 47—48.

¹⁸ «Visión de los vencidos». México, 1959, p. 193—194 (перевод автора статьи).

¹⁹ A. Lipschutz. El problema racial en la conquista de América y el meztizaje. Santiago de Chile, 1963, p. 162.

²⁰ Г. Паркс. История Мексики. М., 1949, стр. 81.

²¹ A. Rosenblatt. La Población indígena y el mestizaje en América, t. I. Buenos Aires, 1954, p. 89, 102.

²² Silvio Zavala y José Miranda. Instituciones indígenas en la Colonia. «Memorias del Instituto Nacional Indigenista», vol. VI. México, 1954, p. 50.

²³ «Новая Испания» — название Мексики в колониальную эпоху.

²⁴ Paul Kirchhoff. Las tribus de la Baja California y el Libro del P. Baegert. México, 1942, p. XX.

²⁵ Данные составлены на основании материалов, публикуемых в кн.: Silvio Zavala y José Miranda. Op. cit.; A. Rosenblatt. Op. cit.

²⁶ A. Miranda Basurto. Op. cit., p. 199—202.

²⁷ B. Lewin. La rebelión de Tupac Amaru y las orígenes de la emancipación americana. Buenos Aires, 1957, p. 130—131.

²⁸ M. Gonzalez Navarro. Instituciones Indígenas en México independiente. «Memorias del Instituto Nacional Indigenista», vol. VI. México, 1954, p. 148.

²⁹ Jorge L. Tamayo. Geografía general de México, t. III, p. 394.

³⁰ G. Aguirre Beltrán y R. Pozas. Instituciones Indígenas en el México actual. «Memorias del Instituto Nacional Indigenista», vol. VI, p. 177.

³¹ M. Swadesh. Mapas de clasificación lingüística de México y las Américas. México, 1959; M. Swadesh. Indian linguistic groups of Mexico. México, 1959; M. Swadesh. Estudios sobre lengua y cultura. México, 1960

³² A. Caso. Indigenismo. México, 1958, p. 16.

³³ Ibid., p. 21.

³⁴ В данные не включены дети младше 6 лет. Цифры даны по кн.: G. Aguirre Beltrán y R. Rozas. Op. cit., p. 177.

³⁵ «Народы Америки», т. 2. М., 1959.

³⁶ A. Fabila. Los huicholes. México, 1959, p. 25.

³⁷ F. M. Plancarte. El problema indígena Tarahumara. México, 1954, p. 11.

³⁸ Ф. Бенитес. Путешествие к индейцам Тараумара. М., 1965.

³⁹ По мнению автора данной статьи правильнее было бы говорить об индеанизме как общественном движении и об индеанистике как о научном направлении, изучающем ту или иную сторону индейского вопроса.

⁴⁰ «Que es el I. N. I.». México, 1955, p. 40.

⁴¹ Ibid., p. 15.

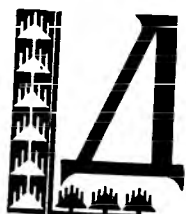
⁴² Анауак — название государства ацтеков.

⁴³ «Siempre», 3.III 1965, p. 4.

⁴⁴ «Problemas de México», 1958, № 4, p. 200.

⁴⁵ Ibid., p. 65.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ МЕКСИКИ

Древнее искусство индейских народов Мексики составляет одну из значительнейших страниц во всемирной истории искусства. Памятники его сохраняют до сих пор непреходящее художественное значение, несмотря на большой промежуток, отделяющий нас от времени их создания. Монументальные здания, скульптура и настенные росписи, замечательные изделия художественного ремесла (резьба по дереву, перламутру, кости), различные виды обработки драгоценных и полудрагоценных камней, мозаичные изделия из перьев, ювелирные изделия древних индейских мастеров неизменно привлекают всеобщее внимание. Об этом красноречиво свидетельствуют и нескончаемые потоки посетителей в музеи Мексики и других стран, где выставлены эти памятники, и живой интерес к многочисленным репродукциям и публикациям в этой области искусства. Кроме того, изучение искусства древней Мексики помогает лучше понять и оценить произведения современных художников, архитекторов и скульпторов этой страны. Известно, например, то влияние, которое оказали традиции древнего искусства на творчество Диего Риверы, Давида Альфаро Сикейроса, участников «Мастерской народной графики». та неразрывная связь, которая существует между доиспанскими памятниками и современным мексиканским народным искусством.

Историю возникновения и развития древнемексиканского искусства исследователь может проследить на огромном протяжении времени — свыше 3 тыс. лет, начиная от периода развитого неолита (XV в. до н. э.) и до момента испанского завоевания в 1519—1521 гг. Уже благодаря одному этому обстоятельству изучение его представляет большой интерес, так как мы

можем определить пути развития искусства в одном из первых классовых обществ на территории Американского континента, отражение в нем тех изменений, которые происходили в жизни древнемексиканского общества. При этом, однако, следует иметь в виду, что в древности территория Мексики была лишь частью большей культурной общности, чем та, которую исследователи теперь называют Срединной Америкой, или Месоамерикой, и границы древних расселений ее народов не совпадают с границами современных центральноамериканских государств. Поэтому многие древние культуры, как, например, культура майя, охватывали не только некоторые районы Мексики, но и часть Гватемалы, Гондураса и Британского Гондураса.

Первые следы пребывания человека на территории Мексики относятся к X—VII тысячелетиям до н. э. Они остались от немногочисленных бродячих орд, которые охотились на крупных животных: слона, лошадь, ламу, еще водившихся тогда в этих областях. Единственным памятником искусства этого периода является небольшая скульптура из кости — вырезанная из позвонка ламы голова койота. Она живо и непосредственно передает облик небольшого степного хищника. Будут ли в Мексике со временем обнаружены другие произведения палеолитического искусства, в частности росписи, блестящие образцы которого известны нам по материалам Европы, сказать пока трудно. Археологическое изучение этого периода только лишь начинается.

В связи с сильным изменением климатических условий, повлекшим за собой изменение в фауне (вымирание крупных зверей) и флоре, в VII тысячелетии до н. э. древнейшие обитатели Мексики перешли к сбору диких растений. В V тысячелетии до н. э. намечаются первые попытки земледелия, а в III тысячелетии уже культивируются кукуруза, тыква и бобовые. К XV в. до н. э. на территории Мексики создается ряд земледельческих неолитических культур; появляются постоянные поселения; уже достигнут сравнительно высокий уровень в различных производствах.

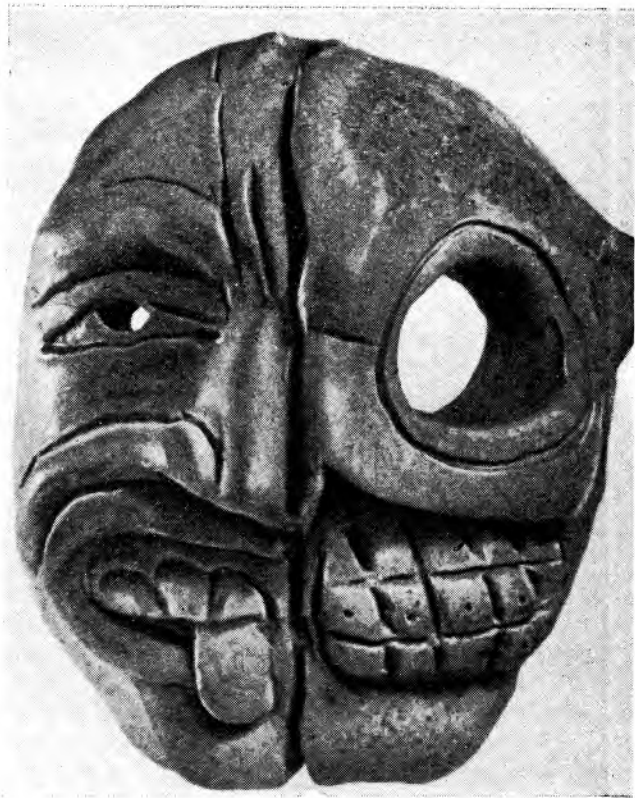
Художественное творчество в этот период проявляется преимущественно в изготовлении более или менее массовых ремесленных изделий. До нашего времени дошли главным образом различные виды керамических сосудов и небольшие терракотовые статуэтки. Рисунки, украшающие поверхность сосудов, характеризуются острым чувством ритма, выражающимся прежде всего в геометризацией узора и его ритмических повторях, хотя иногда в них встречаются и изображения птиц, собак, ягуаров, кроликов и обезьян. Большинство статуэток изображают обнаженных женщин и, по-видимому, связаны с представлениями о плодородии. Многие из них, несмотря на техническую примитивность, обладают несомненными художествен-

ными достоинствами. Наиболее интересными в этом отношении являются фигурки и сосуды из недавно обнаруженного некрополя Тлатилько близ г. Мехико¹. Среди них особо выделяются статуэтки молодых девушек с удлиненными глазами, тонкими талиями и стройной фигурой; волосы, разделенные на несколько кос, ниспадают на плечи. Археологи назвали этот тип статуэток «красивая женщина». Не меньше, однако, привлекало скульпторов Тлатилько и изображение людей с физическими недостатками: горбунов, хромых, страдающих водянкой и другими болезнями. Вероятно, таким людям приписывались какие-то сверхъестественные свойства. Довольно часто встречаются статуэтки причудливо одетых персонажей с масками на лицах и молитвенно поднятыми руками — изображения колдунов или шаманов, свидетельствующие о зарождении в это время начальных форм жречества. Очевидно, к этой же группе следует отнести и многочисленные изображения «акробатов» — в действительности тех же колдунов при исполнении каких-то магических обрядов.

С течением времени в памятниках искусства этого периода наблюдаются все большие стилевые различия, позволяющие говорить о постепенном формировании различных племенных объединений и о дальнейшем развитии искусства. Естественно, что эти различия прежде всего выявляются в керамике как бытовой, так и художественной, служившей, вероятно, культовым целям.

Западная часть Мексики (штаты Колима, Найярит, Халиско, Мичоакан и частично Гуанахуато) в археологическом отношении до сих пор еще очень мало исследована. Довольно долго считалось, что все памятники искусства, находящиеся на этой территории, относятся к культуре тарасков, живших здесь к моменту испанского завоевания. Недавние археологические разведки показали ошибочность этого предположения и выявили не менее 15 отдельных археологических культур.

Отличительной и общей чертой для всех памятников искусства Западной Мексики (а это главным образом небольшие керамические статуэтки) является почти полное отсутствие религиозного символизма, столь характерного для древнемексиканского искусства в целом. Несмотря на некоторую наивность и (может быть, несколько нарочитый) примитивизм, эти статуэтки подкупают своей жизненностью и правдивостью. Чаще всего изображаются люди в самых различных позах, занятые разнообразными делами: женщины, несущие сосуды с водой, готовящие пищу, нянчащие ребенка; мужчины, играющие в мячики, держащие в руках чаши; охотники, возвращающиеся с добычей, воины в боевой позе, собиратели сока агавы, акробаты, танцоры, музыканты и др. Привлекают внимание жизненные сценки, передаваемые мастером с мягким юмором:

Маска. Керамика Тлатилько

жена, моющая голову мужу; ползущий на четвереньках ребенок; иссохший от курения мужчина, усердно сосущий огромную сигару; две сплетничающие женщины. Иногда перед зрителем предстают целые жанровые сцены: двухэтажный дом с его обитателями, погребальное шествие, жители селения, сосредоточенно смотрящие на игру в мяч. Многие из этих статуэток имеют яркую раскраску. Нередки и фигурки животных, главным образом собак.

Следующий большой период истории древней Мексики, VII в. до н. э. — рубеж нашей эры, характеризуется прежде всего очень быстрым техническим и социальным прогрессом.

К характерным чертам древнемексиканского искусства этого времени относится прежде всего появление культовых памятников архитектуры (начало воздвижения храмовых пирамид), монументальная скульптура и появление культа стел, а также выработка устойчивого комплекса изобразительных культовых и символических образов, ставших в последующие периоды обязательным арсеналом искусства. Вероятнее всего, процесс

образования классового общества на территории Мексики начался раньше всего в районе побережья Мексиканского залива (современные штаты Веракрус и Табаско). Здесь были обнаружены наиболее древние памятники монументального искусства, условно называемого археологами «ольмекским», по имени жившего позднее на этой территории небольшого народа². Кто был в действительности народом-творцом этих замечательных памятников, к какой языковой группе он принадлежал и куда исчез — еще неизвестно; между учеными по этим вопросам до сих пор идут дискуссии³.

Архитектурные памятники ольмеков явственно демонстрируют начальный этап развития культовых сооружений. Недавние раскопки главного религиозного центра ольмеков в Ла-Венте показывают это достаточно ясно. Размеры и прочность сооружений, их планировка значительно более примитивны, чем памятники архитектуры последующего периода. Пирамиды, платформы и монументальные лестницы воздвигались из земли и щебня и покрывались затем толстым слоем ступа. Самых зданий не сохранилось, так как в этой местности, почти совершенно лишенной камня, для построек употреблялись исключительно глина, дерево и тростник. Из своеобразных черт ольмекской архитектуры следует отметить применение монолитных базальтовых столбов, использовавшихся при сооружении погребальных склепов, а также мозаичные покрытия культовых площадок из полудрагоценных пород камня.

Совершенно иными чертами может быть охарактеризована скульптура ольмеков как монументальная, так и произведения мелкой пластики. Их памятники поражают своими реалистическими чертами, широтой замыслов, величием пропорций и совершенством выполнения. Увеличившиеся в этот период возможности проявления в общественной деятельности отдельной человеческой личности являются, очевидно, причиной повышенного интереса к изображению человека, к отображению его деятельности. Не случайно поэтому, что именно в этот период мы встречаемся в ольмекском искусстве с такими прекрасными образцами монументальной скульптуры, как колоссальные изображения человеческих голов, которые были обнаружены недавними раскопками в Трес-Сапотес, Ла-Венте и Сан-Лоренсо. Наиболее грандиозная из этих скульптур имеет высоту свыше 2,5 м и весит более 30 тонн. Она изображает голову юноши с широким и плоским, как бы сплюснутым посредине, носом, большими толстыми губами и миндалевидными глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками. На голове надет плотно прилегающий к ней шлем с наушниками, украшенными рельефным узором. Следует отметить, что около этих изваяний не было обнаружено никаких скульптурных фрагментов, которые относились бы к изображению тела. Очевидно,

Плачущий «ребенок-ягуар». Нефрит
Серро де лас Месас

при изготовлении этих гигантских голов не предполагалось мастерить туловища. Эти изваяния несомненно имели какое-то культовое назначение, но полностью раскрыть загадку исследователям так и не удалось.

Другой интересной разновидностью памятников ольмекской скульптуры являются алтари — украшенные рельефами монолиты, вероятно служившие местом для жертвоприношений. Среди них особо выделяется монументальный алтарь № 5 в Ла-Венте, высеченный из серо-зеленого базальта. На его стороне в низком рельефе изображены четыре жреца, держащие на руках детей, а на передней стороне высечено горельефное изображение мужской фигуры (около 1 м в высоту), появляющейся из глубокой ниши, оформленной в виде раскрытой пасти ягуара. Этот мужчина в высоком головном уборе и с крупными дисковидными серьгами в ушах, жрец или правитель, держит на руках тело мертвого ребенка. Перед нами — изображение

какой-то торжественной религиозной церемонии, вероятнее всего связанной с культом подземных божеств, во время которой приносились в жертву дети.

Из многочисленных stel, найденных в ольмекских поселениях, особое внимание привлекает базальтовая стела «Д» из Трес-Сапотес — по всей видимости, одно из самых первых на территории Месоамерики изображений какого-то исторического события. Лицевая сторона ее оформлена в виде раскрытой пасти ягуара. В центре сцены женщина в своеобразной одежде и высоком головном уборе, перед которой стоит на коленях юноша; левой рукой он почтительно прикасается к правой руке женщины. За ней стоит высокий пожилой бородатый мужчина с копьем в одной руке и каким-то предметом в виде небольшой корзины в другой. Очевидно, перед нами сцена присяги на верность правительнице.

Среди памятников мелкой ольмекской пластики выделяется группа небольших по размеру статуэток, обычно из нефрита, серпентина, жадеита и других пород камня, изображающих людей и божества. Наиболее характерной чертой у многих из них является непропорционально крупная голова, большой рот с опущенными уголками и толстой верхней губой, подобранной кверху, так что видны два больших клыка. Тело этих существ похоже на детское, припухлое, часто с перетяжками на руках и ногах. Эти фигурки, по-видимому, изображают какое-то ольмекское божество, связанное с культом ягуара; в иностранной литературе они известны под названием «ребенок-ягуар». Значение этого культового образа вскрылось только недавно после находки в Сан-Лоренсо монументальной скульптуры, изображающей ягуара, сочетающегося с женщиной. В позднейших религиозных представлениях народов древней Мексики культ ягуара был тесно связан с культом божеств влаги и растительного плодородия. Очевидно, ольмекский «ребенок-ягуар» и явился прообразом богов плодородия последующих периодов. Как эти, так и другие памятники показывают, что ольмекская скульптура не уступала по своему уровню скульптуре более поздних народов древней Мексики, а в некоторых случаях даже превосходила ее. Влияние ольмекской скульптуры заметно и на памятниках искусства других центральноамериканских народов, в частности на ранних произведениях сапотеков, майя, терракотовых статуэтках этого периода из долины Мехико, с побережья Мексиканского залива и др.

Последующий период, I—IX вв. н. э., характеризуется появлением и развитием на территории древней Мексики ранних рабовладельческих государств с уже сложившимися классовыми отношениями. Основным классом-производителем, однако, остаются еще общинники; роль рабского труда в производстве незначительна. Правители городов-государств и жрецы начина-

ют подчеркивать свою тесную связь с божествами и даже свое божественное происхождение, противопоставляя себя трудовому народу. Искусство в этот период становится орудием социальной борьбы и начинает играть необычайно активную роль. В еще большей степени возрастает идеологическая роль религиозных представлений, ставших орудием в руках той именно группы господствующего класса, которая правила государством,— жречества и знати. Поэтому все памятники монументального искусства древней Мексики, начиная с данного периода, отражают уже не идеологию всего общества в целом, а лишь идеологию господствующей верхушки. Они были призваны внушать представления о величии знати, жречества и правителя, подчеркивать тесную связь последнего с божеством, утверждать веру в мощь божеств того или иного города-государства. Так как между отдельными государствами нередко происходили войны, то в искусстве этого периода очень часты темы сражений, победных празднеств, пыток пленников, возвеличивания правителей, сцены награждения отличившихся воинов и т. д. Не меньшее место занимают и изображения ритуальных сцен, жреческих процессий, молитв перед божеством и др.

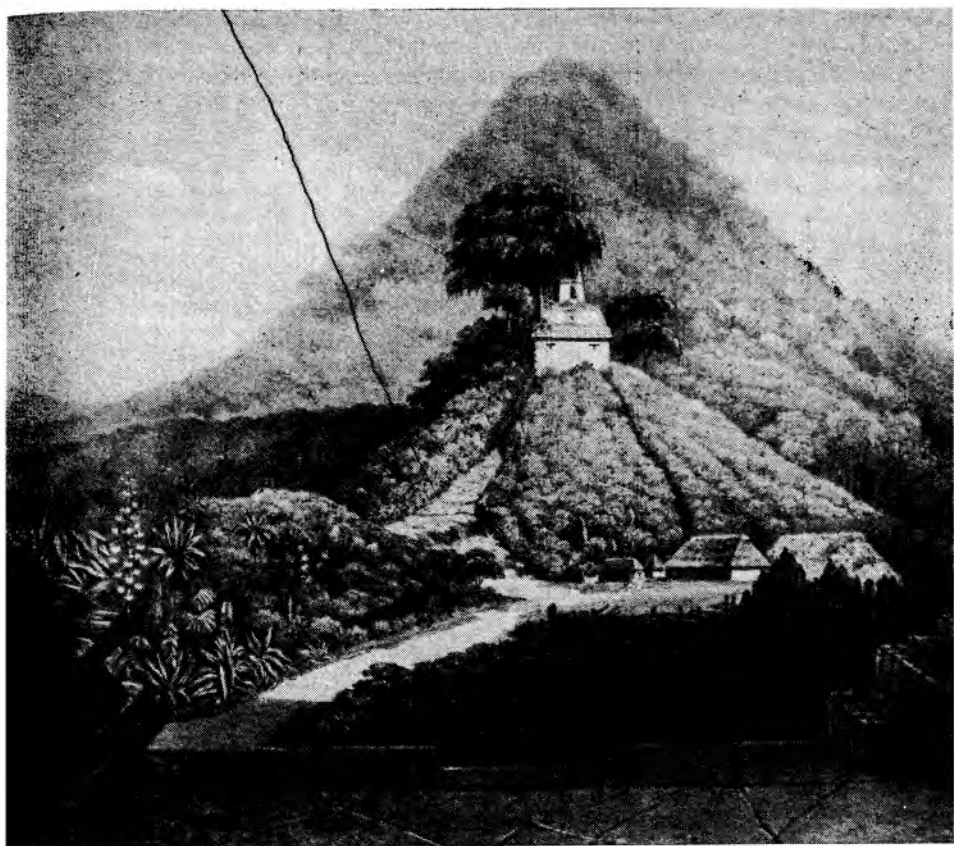
На территории Мексики к II в. до н. э. (дата эта, конечно, в значительной степени условна и основывается на тех данных, которые имеются в настоящее время в распоряжении исследователей) сложилось шесть больших стилевых групп или направлений в искусстве. Различия между этими группами определеннее всего видны в памятниках живописи, скульптуры и прикладного искусства, но они настолько ярки и характерны, что исследователь древнемексиканского искусства обычно с первого взгляда может распознать, к какой стилистической группе принадлежит тот или иной памятник. Какие индейские народности были создателями этих стилей, какие этнические и политические объединения скрываются за ними, мы не всегда знаем. В научной литературе принято называть эти памятники по имени тех племен и народов, которые жили на данной территории в период испанского завоевания или о прежнем пребывании которых в этих областях сообщают предания. В других случаях просто говорится об искусстве такого-то географического района, как было уже сделано выше, когда упоминалось искусство Западной Мексики. К числу других таких групп относится искусство так называемого классического периода на побережье Мексиканского залива, памятники искусства майя, хуастеков, сапотеков и, наконец, гигантского города в долине Мехико — Теотихуакана.

Архитектура древних народов Мексики обладала значительно меньшими локальными различиями, чем другие виды искусства. Такая близость архитектурных памятников у различных народностей обуславливалась прежде всего одинако-

выми строительными принципами. Строителям древней Мексики (как и вообще всей древней Америки) не было известно понятие истинной, или замковой, арки; они перекрывали здания или при помощи бревенчатого настила, или постепенно сближали верхние части кладки противоположных стен до тех пор, пока между ними не оставалось такое узкое пространство, что его можно было прикрыть одной каменной плитой. Этот последний способ, известный под названием ложного свода, появляется на территории древней Мексики во II в. н. э. Такой тип перекрытий обуславливал острый угол свода, большую его высоту, массивность стен, на которую свод опирался. Последнее приводило к тому, что внутренний, полезный объем зданий был очень мал по сравнению с внешним (приблизительно 1 : 40). Из-за ложного свода для древнемексиканской архитектуры характерна и небольшая ширина помещений по сравнению с их длиной. Иногда для увеличения внутренней площади помещение перегораживалось посредине продольной стеной, имевшей в центре дверь. В таком случае здание перекрывалось уже двумя ложными сводами, опиравшимися одним концом на срединную, а другим — на внешнюю стену.

Для древнемексиканской архитектуры характерно несколько основных типов сооружений. Все они воздвигались на стилобатах или базах, иногда значительно отличавшихся друг от друга по форме и высоте. Наиболее распространенной была форма усеченной пирамиды, имевшей прямоугольное, квадратное, круглое или овальное основание. Высота их обуславливалась назначением поддерживаемого ими здания. Первый из этих основных типов сооружений представляет собой четырехгранную ступенчатую пирамиду, на усеченной вершине которой находился небольшой, чаще всего двух- или трехкомнатный храм. Число уступов или членений, на которое делилось тело пирамиды, могло быть самым разнообразным. От подножья пирамиды к двери святилища обычно шла длинная крутая широкая лестница. Второй тип сооружений представлял собой узкое вытянутое в длину здание, иногда делившееся внутри на несколько помещений. Обычно эти здания группируются около какого-то свободного пространства таким образом, что внутри их комплекса оказывается большой замкнутый со всех сторон двор или площадь. Постройки этого рода также находились на искусственно созданных возвышениях — стилобатах, но высота их была по сравнению с высотой пирамид ничтожной. Назначение зданий этого типа могло быть самым разнообразным: жилища знати и правителей, места для религиозных или других общественных собраний и др.

Особняком от этих двух типов сооружений стояли так называемые стадионы, или здания для культовой игры в мяч, широко распространенной среди индейских народов древней

Общий вид Паленке до раскопок

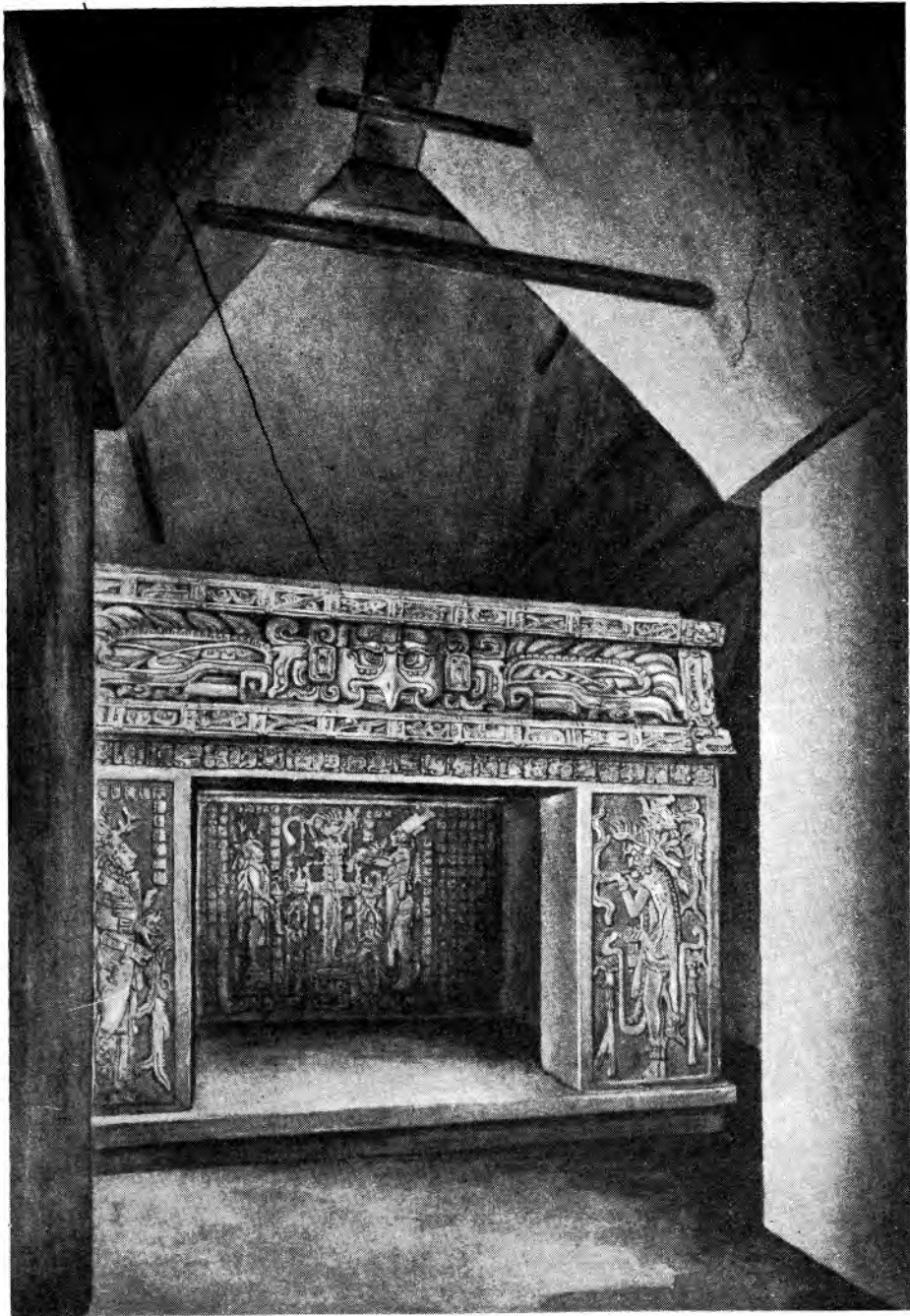
Америки. Сущность ее состояла в том, что представители соперничающих команд должны были прогнать массивный тяжелый мяч из сырого каучука через большое каменное кольцо, укрепленное вертикально в одной из стен стадиона (известны, впрочем, и другие условия победы). Игра усложнялась тем, что руками и ногами к мячу прикасаться было воспрещено; мяч мог быть послан только ударом локтя, колена или туловища. Стадионы эти представляли собой обычно две массивные идущие параллельно стены, между которыми помещалась площадка для игры. Часто в поле стадиона вмуровывались небольшие каменные плиты с рельефами, служившие какими-то отметками для положения команд во время игры. Зрители располагались на стенах (ширина которых предусматривала такую возможность), поднявшись туда по специальным лестницам.

На протяжении всей многовековой истории народов древней Мексики эти основные типы сооружений оставались ведущими; изменения в них сводились в сущности лишь к изменениям пропорций между отдельными частями построек или к различиям в декорировании фасадов.

Строители древней Мексики прекрасно использовали окружающий ландшафт и умело располагали здания на природных террасах, образуя, таким образом, свободно вписанные в горный рельеф архитектурные композиции. В планировке городов и поселений поражает продуманность расположения ансамбля в целом, уравновешенность его отдельных частей и их гармоничное сочетание. Немалую роль играл и цветовой контраст между постройками и окружающей природой. Покрытые белым и алым стуком стены зданий на фоне голубого неба, темных скал или яркой зеленой тропической растительности, окружавшей постройки, должны были производить на зрителя сильное впечатление.

Теперь после этих общих замечаний можно перейти к обзору конкретных памятников архитектуры рассматриваемого периода в указанных выше географических районах.

Древнейшие образцы архитектуры майя находятся не на территории Мексики. К рассматриваемому периоду принадлежат два крупных города майя в штате Чиапас — Паленке и Йашчилан, Комалькалько в Табаско и несколько других меньших по размеру. Характерным образцом майяской храмовой архитектуры в Паленке может считаться известный «Храм Солнца», построенный во второй половине VII в. н. э. Он воздвигнут на невысокой пирамиде, делящейся на пять этажей-ступеней. Сам храм, расположенный на усеченной вершине пирамиды, представляет собой продолговатое небольших размеров здание со средней продольной стеной. К торцовым стенам примыкают два узких отрезка фасадной стены, а между ними находятся еще два прямоугольных столба. Таким образом из первого

Паленке. Внутренний вид «Храма
лиственного креста»

помещения, выходящего на фасад, образовано нечто вроде портика. Продольная стена прорезана тремя дверьми, ведущими во второе помещение, в центре которого находилось маленькое святилище, перекрытое бревенчатым накатом. На задней стене сего помещен барельеф, изображающий фантастическую маску божества, подвешенную на двух скрещенных копьях, около которой в позе поклонения находятся две человеческие фигуры. Рельеф этот и дал повод некоторым исследователям называть данное здание «Храмом Солнца».

Уравновешенность частей, простота и благородство очертаний, сдержанное применение орнамента делают «Храм Солнца» одним из наиболее выразительных и впечатляющих памятников архитектуры майя.

Образцом сооружений второго типа может служить так называемый дворец Паленке. Он представляет собой целую группу зданий и крытых галерей, расположенных вокруг двух больших и малых дворов. Каждое здание — продолговатой формы, со средней сплошной продольной стеной, делящей помещение на две параллельно расположенные узкие комнаты, перекрытые ложными сводами. Весь дворцовый комплекс неоднократно (не менее пяти раз) подвергался различным изменениям и перестройкам: последняя из них относится к первой половине VII в. н. э.

В одном из малых дворов дворца, в северной его части, находилась четырехэтажная прямоугольная в плане башня — одно из малочисленных действительно многоэтажных зданий древней Мексики. Обычно впечатление многоэтажности достигалось путем постройки нескольких одно- или двухэтажных зданий, расположенных на склоне естественного или искусственного холма, одно над другим. Так, например, выстроен трехэтажный дворец в Санта-Роса Шлабнак и многоэтажный дворец в Чакмультуне.

Намеченные по памятникам Паленке основные черты архитектуры майя характерны и для всех других поселений майя этого периода (города Яшчилан, Бонампак и др.). Различия между ними только в деталях планов, размерах и украшениях фасадов.

Очень интересен особый локальный стиль архитектуры, распространившийся в конце рассматриваемого периода на территории полуострова Юкатан; происхождение и начальные этапы его развития пока еще неясны. Примечательной особенностью этого стиля являются длинные прямоугольные здания с богато украшенными мозаикой фасадами. Эти мозаики состоят из тысяч плотно пригнанных друг к другу тонких каменных пластин и изображают фантастические маски змей и ягуаров в очень стилизованных формах, небесных чудовищ, ступенчатые и другие геометрические орнаменты. Очень распространен-

ны маски бога дождя, часто образующие целые серии в виде больших орнаментальных панелей, комбинирующихся с пространствами, заполненными решеткой или другими геометрическими мотивами. Поверхность здания Кодц-Поп в Кабахе, например, покрыта десятками таких панелей, заполненных большими масками.

Обитатели долины Мехико в этот период — мы не знаем ни их имени, ни языковой принадлежности и поэтому условно называем теотихуаканцами — создали во II в. до н. э. — VII в. н. э. из своего центрального поселения Теотихуакана грандиозный архитектурный ансамбль, распадавшийся на ряд отдельных групп. В различные периоды существования города центр его переносился из одной группы в другую. Все основные здания Теотихуакана были расположены вдоль прямой магистрали (современное название «Улица мертвых»), тянувшейся с севера на юг более 4 км. У северной части этой магистрали было расположено величественное здание «Пирамида Луны», по обеим сторонам его находились уступы в виде террас. Размеры базы пирамиды равны 131×164 м; усеченная вершина, на которой некогда находился храм, отстоит от земли на 42 м. С южной стороны пирамиды был расположен просторный прямоугольный двор, с него широкая лестница поднималась на вершину.

От «Пирамиды Луны» на юг было расположено два ряда монументальных зданий. В некоторых из них обнаружены остатки росписей. Наиболее интересными являются «Храм Земледелия» и «Дворец бабочек-кецалей». За этими зданиями находился другой большой ансамбль, детально судить об архитектуре которого пока невозможно, потому что он не раскопан еще до конца.

Наиболее грандиозное здание Теотихуакана — «Пирамида Солнца» имеет в настоящее время высоту 64 м при длине стороны основания 229 м. Вес всего сооружения около 3 млн тонн. В древности оно было еще выше, так как храм, венчавший вершину пирамиды, не сохранился. В отличие от других пирамидальных сооружений Мексики, имевших ступенчатую форму, «Пирамида Солнца» представляет собой в сущности четыре большие постепенно уменьшающиеся по размеру усеченные пирамиды, поставленные одна на другую. По стороне пирамиды, обращенной к упомянутой выше магистрали, расположена система постепенно суживающихся лестничных маршей, ведущая к святилищу. Плоскости между террасами зданий были сооружены с таким расчетом, чтобы зритель, находившийся у подножья большой лестницы, не мог видеть того, что происходит на вершине пирамиды. Перед ним был лишь уходящий ввысь массивный подъем, исчезающий в пространстве. Поэтому когда по лестнице поднималась на вершину об-

рядовая процессия, то, по замыслу строителей, она должна была исчезать где-то в вышине на глазах у собравшихся внизу. Стены пирамиды были облицованы каменными плитами и оштукатурены, сама же она сложена из грандиозного количества сырцовых кирпичей. Вокруг пирамиды было строго симметрично расположено несколько мелких ступенчатых пирамид, лишний раз подчеркивавших массивность и монументальность главной постройки.

По ту сторону пересекающей «Улицу мертвых» небольшой реки расположены остатки еще одного величественного здания Теотихуакана. Они обычно именуются исследователями «Храмом Кецалькоатля». В действительности же от храма сохранилась лишь одна грандиозная платформа (240×200 м), стены которой облицованы тесаными каменными глыбами. По краям платформы было помещено множество небольших усеченных пирамидок, а в центре ее — большая пирамида из шести уступов. Стены этих уступов украшены выступающими изображениями голов пернатых змей. Змея, покрытая перьями, была символом одного из главных божеств древней Мексики, позднейшего Кецалькоатля, поэтому змеиный орнамент часто повторяется на других частях здания. На вершину пирамиды ведет монументальная лестница с балюстрадами, также украшенными головами змей. Вероятно, храм был из сырца или дерева, так же как и у «Пирамиды Солнца».

Жилые помещения Теотихуакана образовывали сложные, иногда гигантские комплексы. Так, один из них имел не менее 176 комнат, 21 дворик, пять площадей и др. Весь ансамбль этого гигантского города, не имевшего в древней Мексике равного себе по размеру, неоднократно подвергался перестройкам и переделкам. В середине VII в., очевидно в связи с происходившими в то время крупными передвижениями племен, Теотихуакан погиб и превратился постепенно в груды забытых всеми развалин.

Еще более грандиозным архитектурным памятником, чем «Пирамида Солнца», была пирамида, выстроенная в г. Чолула (штат Пуэбла). Она по праву может считаться самым большим строительным сооружением на всем Американском континенте. Площадь ее основания почти в четыре раза больше, чем у пирамиды Хеопса, а общий объем кирпичной массы, использованной строителями, достигает нескольких миллионов кубометров. Даже в настоящее время, после многовековых разрушений, чолулская пирамида поражает своими размерами: длина основания ее равна 440 м, а высота — около 70 м. На этой искусственной горе из миллионов кирпичей был некогда воздвигнут целый комплекс святилищ, посвященных Кецалькоатлю. После испанского завоевания они были разрушены, а на их месте выстроена большая католическая церковь.

Пластина с рельефным изображением
человеческого лица. Нефрит

Если древние обитатели Чолулы создали из пирамиды гору, то жители Оахаки (сапотеки) превратили естественную гору Монте Альбан в гигантскую пирамиду, на выровненной вершине которой и террасах-уступах были размещены различные здания, начиная с храмов и кончая стадионами для игры в мяч. Многие из них были украшены рельефами с изображениями правителей, жрецов и божеств, связанных пленников. Примечательной особенностью сапотекской архитектуры являются погребальные склепы, представляющие собой в сущности целые здания с богато украшенными фасадами, зарытые в землю.

В области скульптуры народы древней Мексики достигли еще более высокого уровня, чем в архитектуре. До нас дошел ряд замечательных образцов как монументальной скульптуры, так и мелкой пластики. В области ваения различия между памятниками разных этнических объединений настолько велики,

что мы имеем право говорить об отличительных особенностях ольмекской скульптуры по сравнению со скульптурой майя, тольтекской по сравнению с атекской и т. п. Более того, в ряде случаев можно проследить внутри этих групп даже следы влияния местных школ или направлений.

Основным материалом для монументальных изображений был известняк, базальт и песчаник. Первоначальным материалом для скульптуры были, однако, глина и дерево. До нас дошло сравнительно мало образцов деревянной скульптуры, но следы этого первоначального этапа явственно чувствуются в отдельных памятниках каменной скульптуры даже в зрелых период ее развития. Для памятников мелкой пластики широко использовалась глина, серпентин, различные виды полудрагоценных камней: нефрит, горный хрусталь, аметист, опал и др. Рельефы, украшение стен зданий, часто изготовлялись из стука. Орудия скульпторов были в древнейший период только диоритовыми и порфировыми. В позднейшее время, начиная с X в., эпизодически использовались резцы из меди.

В рассматриваемый нами период многие народы Мексики (майя, ольмеки, сапотекы) имели обычай воздвигать на территории своих поселений стелы, украшенные рельефами и иероглифическими надписями. Часть их сооружалась в память побед одного города-государства над другим; поэтому на них нередко изображения торжествующего победителя, попирающего ногами побежденного. Другие стелы связаны с культовыми задачами: по религиозным представлениям древних народов Центральной Америки каждое двадцатилетие имело своим покровителем специальное божество; оно и изображалось на стеле, воздвигавшейся в начале или в конце двадцатилетнего периода. Особенно многочисленны такие стелы в развалинах городов майя.

Лицевая сторона стелы, как правило, изображает фигуру правителя или божества; остальные три стороны (стела обычно имела вид четырехгранного столба) покрыты надписями. На древнейших памятниках майя, датируемых концом III и началом IV в. н. э., эта фигура изображается еще неумело: пропорции ее неверны, тело кажется безжизненным и деревянным. Голова изображенного повернута в профиль, налево, точно так же как ноги, одна сзади другой, но торс передается в фас. Подобную передачу фигуры мы встречаем и на ранних скульптурных памятниках древнего Египта. Технические особенности рельефа на древнейших памятниках майя также близки к египетским.

Около середины IV в. появляются рельефы с фигурами, изображенными в фас. С этого времени в скульптуре майя можно заметить две линии развития: рельефы с позицией тела, подобной древнейшим изображениям, совершенствуясь в propor-

циях и реалистичности передачи тела, остаются рельефами; рельефы же с передачей фигуры в фас обнаруживают тенденции постепенного перехода к почти круглой скульптуре. В последнем направлении решение поставленной задачи достигалось различными путями. До полного своего развития, т. е. до настоящей круглой скульптуры, эти виды горельефа, однако, не дошли.

В продолжение следующего периода (600—750 гг.) скульптура майя, оставаясь в намеченных выше рамках, проходит большой путь развития. Фигуры на рельефах первого вида становятся естественными, анатомические пропорции их — правильными, передача движения — более жизненной. Чаще всего голова у этих фигур повернута влево, реже — вправо; очень часто все тело изображено в профиль. Усложняется композиция изображения. Если на древнейших памятниках чаще всего мы видим одиночную, застывшую фигуру правителя или бога, то на рельефах этого периода появляются второстепенные персонажи, играющие немаловажную роль.

К концу этого второго периода, т. е. к середине VIII в., при изготовлении скульптуры майя окончательно преодолели технические трудности: ни материал, ни орудия не являлись для них препятствием при выполнении поставленных перед ними задач. К этому же времени относятся и появление стилистических различий в скульптурных памятниках разных городов, приведшее в следующем периоде к появлению отдельных местных течений или «школ».

Третий период (со второй половины VIII в. по первую четверть IX в.) является вершиной в развитии скульптуры майя. В это время окончательно формируются и развиваются различные художественные направления в скульптуре городов Пьедрас-Неграс, Йашчилана, Паленке, Копана и Киригуа. Появляются многофигурные композиции, на многих памятниках рельеф свободно комбинируется с горельефом.

Скульптура школы Паленке во многих отношениях была близка к скульптурам других городов майя, расположенных по р. Усумасинте. В произведениях этой школы мы встречаемся с той же мягкостью и благородством очертаний, безупречностью пропорций, уравновешенностью и гармоничностью композиций. Основным материалом скульпторов Паленке был стук, которым они владели в совершенстве. Но в их творчестве имеется ряд черт, отличающих паленкские памятники от всех остальных. Их рельефы не слишком выпуклы. Большое внимание уделяется деталям, в частности деталям костюмов: сандалии, пышные головные уборы из перьев, расшитые драгоценными камнями одежды, ручные и ножные браслеты изображаются скульптором с величайшей тщательностью, доходящей порой до педантизма. К сожалению, большинство стукowych рельефов Пален-

ке сильно пострадало от климатических условий и варварского обращения случайно забредавших в развалины искателей приключений и кладов.

Скульптурная школа Йашчилана была во многом противоположна паленкской школе, деталям здесь не уделялось особого внимания. Тематика йашчиланских рельефов очень разнообразна: сцены триумфа и инвеституры перемежаются с изображениями поединков, явлений божеств и др. В центре внимания скульпторов находились вопросы композиции; мастеров Йашчилана неизменно привлекала задача противопоставления друг другу центральных фигур, часто при сложном размещении их на плоскости. Так, например, на притолоке одного из зданий в правом нижнем углу рельефа изображена скорченная фигура жрицы. Всю остальную площадь рельефа заполняет мастерски расположенное извивающееся туловище гигантской змеи с человеческим лицом, склонившимся к ней. В некоторых случаях скульптор пытался уравновесить центральную фигуру надписью или надписями.

Очень интересен по содержанию рельеф на другой притолоке того же здания. На нем изображен молодой правитель с коротким дротиком в правой руке. Повернув голову влево, он говорит что-то женщине, стоящей перед ним в почтительной позе. На вытянутых руках она держит боевой шлем в виде головы ягуара, украшенный пышным плюмажем. Возможно, это та же самая женщина, которую мы видели перед змеиным божеством и в качестве жертвовальницы. Сердитое выражение лица у мужчины и внимательно-покорное у женщины передано скульптором так живо и естественно, что эта почти жанровая сценка, столь необычная для монументальной скульптуры майя, надолго запоминается.

Замечательна мелкая пластика майя. В маленьких терракотовых статуэтках, изображающих божества и людей, в резьбе по нефриту и другим полудрагоценным камням скульпторы майя достигли высокой степени совершенства. Эти изображения в большинстве случаев значительно более правдивы и жизненны, чем памятники крупной пластики. Запоминаются статуэтка матери со спящим на ее коленях ребенком, толстый правитель с надменно-брезгливым лицом, сидящий на носилках старик, ласкающий молодую девушку. Многие из этих глиняных фигурок имеют отверстия — они служили свистульками. Примечательно, что центры изготовления памятников мелкой пластики, по-видимому, не совпадают с отмеченными выше центрами крупной скульптуры. Так, например, лучшие образцы терракотовых статуэток происходят с острова Хайна (штат Кампече), местности совсем не выдающейся своими памятниками крупной скульптуры⁴.

До нашего времени дошли только две монументальные скульптуры из Теотихуакана. Первая — гигантская (свыше 3 м) статуя богини вод — позднейшая Чальчиуитликуэ ацтеков — находится ныне в Национальном музее г. Мехико. В древности она принадлежала к храмовому комплексу «Пирамиды Луны». Несмотря на свои колоссальные размеры, эта скульптура значительно ниже качеством, чем одновременные ей памятники майя. Перед нами в сущности даже не круглая скульптура, а четырехгранный каменный столб, украшенный со всех сторон объединенным по смыслу рельефом. Черты лица даны крайне схематично и лишены какой-либо индивидуальности; фигура чрезвычайно приземиста; тяжелый головной убор как бы придавливает ее к земле; ноги и руки божества схематизированы. Подробно воспроизведенные украшения и детали одежды не смягчают этого впечатления нарочитой упрощенности, а, наоборот, подчеркивают ее. Такая упрощенность и схематизация статуи являются, однако, отнюдь не результатом простой технической неопытности скульптора, не сумевшего справиться с имевшимся в его распоряжении материалом. Другие скульптурные памятники того же периода — каменные погребальные маски и небольшие терракотовые статуэтки — показывают, какой высокой степени художественного совершенства могли достигать мастера Теотихуакана. Наоборот, эти черты — результат определенного творческого замысла. В статуе богини вод, предназначенной для потребностей культа, они служат задачам идеологического воздействия на массы. Величие и всемогущество божества перед ее смертными почитателями воплощается в примитивно-монументальных формах. Монументальность и примитивизм основных форм при тщательной отделке деталей являются характерными основными признаками культовой скульптуры долины Мехико и в последующее время, вплоть до испанского завоевания.

Число памятников монументальной скульптуры, найденных на территории центральной части побережья Мексиканского залива и относящихся к рассматриваемому периоду, ничтожно. Это около десятка стел с изображениями стоящих человеческих фигур, многие из которых показывают продолжение традиций ольмекского искусства, и несколько рельефов. Из них наибольшими художественными достоинствами отличается рельеф со стены большого здания для игры в мяч в Тахине, на котором изображены жрецы, приносящие человеческую жертву перед статуями двух божеств. Однако и этот рельеф по композиции, пропорциям фигур и мастерству выполнения значительно ниже памятников скульптуры майя и ольмеков.

Такая бедность в крупных скульптурных произведениях вовсе не означает, однако, полное отсутствие интереса у древних обитателей этого района к искусству пластики. Именно

территория Веракрус была той областью Месоамерики, где сложились три типа своеобразных скульптурных памятников, известных под названием «пальмы» (от исп. palma — ладонь), «топоры» и «ярма». Эти абсолютно условные названия были даны из-за их чисто внешнего сходства с названными предметами. Подлинное назначение этих памятников, как и их древние названия, неизвестны, хотя по этому поводу велись горячие дискуссии и исследователи высказывали немало самых различных предположений. Наиболее вероятной является гипотеза американской исследовательницы Т. Проскуряковой, связывающей их с культовой игрой в мяч, столь распространенной среди древних народов Америки. Однако и эта гипотеза остается пока лишь гипотезой. Такая неопределенность объясняется тем, что подавляющее большинство этих скульптур было найдено не при научных раскопках, а случайно, и поэтому соотношение их с другими предметами, а следовательно, и функции остаются неизвестными. Решающее слово здесь, как и во многом другом, за будущими археологическими исследованиями.

Фигурные сосуды, широко распространенные в этот период на территории Мексики, представляют собой в сущности настоящие терракотовые статуэтки, внутри которых, однако, имеется вместилище для жидкости или зерна. Интересны среди этой группы сапотекские погребальные урны. Все они изображают сидящую или стоящую фигуру божества влаги и плодородия. Основным назначением этих сосудов было магически предохранять останки покойного от разрушительного действия враждебных покойному сил, поэтому они находятся почти в каждой могиле. Несмотря на чисто культовое их назначение и вызванное этим известное постоянство позы, одежды и украшений, погребальные урны сапотеков дают ряд скульптурных зарисовок человеческих лиц; некоторые из них производят впечатление почти портретных изображений.

Живопись у народов древней Мексики в рассматриваемый период достигла не меньших успехов, чем скульптура, хотя круг ее применения был значительно уже, нежели у народов Старого Света, только в настенных росписях, живописи на сосудах и рисунках в рукописях. Станковая живопись индейцам Мексики, как, впрочем, и большинству других древних народов, была совершенно неизвестна.

Наибольшего расцвета живопись достигла (судя по дошедшим образцам) у народов майя. Вполне допустимо, конечно, что новые раскопки могут существенно изменить эти представления. Напомним, что до 30-х годов этого века мы почти ничего не знали о настенной живописи и у майя. Памятники их фресковой живописи в рассматриваемый период, хотя и сохранившиеся в очень ограниченном количестве, представляют со-

бой зрелые и уверенные произведения подлинного искусства. Наиболее выдающимися являются фрески, открытые в 1946 г. в развалинах небольшого поселения Бонампак (северная часть штата Чиapas). Росписи, покрывающие стены трехкомнатного храма, расположенного на холме, относятся ко второй половине VIII в., основной сюжет их — какая-то крупная битва, в память которой, по-видимому, и был впоследствии выстроен храм. На стенах первого помещения (расположенного слева, если смотреть с фасада) изображена торжественная церемония, которой, очевидно, заканчивалась подготовка к сражению. В центральном помещении на стене против входа изображена сама битва, переданная очень динамично и живо. Главными фигурами в ней являются предводители враждебных сторон, неожиданно столкнувшиеся в пылу боя. На противоположной стене изображен наиболее важный момент в торжественном празднике, устроенном победителями: принесение в жертву военнопленных. На вершине ступенчатой пирамиды стоит победивший предводитель, а перед ним на коленях пленник, в котором можно узнать вождя враждебного войска, он униженно молит о пощаде, простирая к победителю руки. За побежденным стоят в торжественных позах командиры отдельных отрядов и знатные воины. Сбоку, на ступеньках пирамиды сидят обнаженные пленники: их лица искажены страданиями, с изуродованных рук каплет кровь. У ног главного военачальника лежит труп только что принесенного в жертву пленника — голова его запрокинута, левая рука беспомощно свисает с уступа. На стенах третьего помещения изображен победный танец, которым закончилось торжество: на ступеньках пирамиды в развевающихся от быстрого движения в богатых одеждах и головных уборах из разноцветных перьев танцуют наиболее отличившиеся в бою воины. На боковых стенах изображены музыканты и зрители, среди которых в особую группу выделены знатные женщины.

Художник, руководивший созданием бонампакских росписей, был несомненно большим мастером. Об этом свидетельствует прежде всего блестящее построение всей многофигурной композиции: величавая торжественность церемонии в первом помещении, напряженность и динамичность сцены битвы во втором и, наконец, жизнерадостность и веселье праздника победы в третьем. Мастер свободно и уверенно распоряжается богатой гаммой красок, не останавливаясь перед самыми своеобразными их сочетаниями, всегда направленными, однако, к достижению определенного, продуманного эффекта.

Рисунок фигур на бонампакских фресках частично сохраняет традицию условного изображения. Лица, например, всегда изображаются только в профиль. Также в профиль даются и ноги, хотя туловище изображено в фас. Но эти незначительные

Бонампарк. Деталь фрески: группа актеров, изображающих божества Чичен-Ицы. Общий вид

уступки старым традициям почти не производят впечатления. Анатомические пропорции тела, динамика движения переданы художником достаточно реалистично и выразительно.

Характеристика, данная фресковой живописи Бонампака, вполне подходит к памятникам живописи и в других городах майя, а также к росписям на сосудах и к рисункам в рукописях. Наиболее высоки по художественным достоинствам сосуда из Чама, Ратинлиншуля, Вашактуна, Хольмуля и Небаха. На них изображены большие многофигурные композиции на мифологические или исторические темы. Персонажи трактованы с большой реалистичностью, движения их живы и естественны. Росписям на этих сосудах не уступают по художественному уровню и рисунки в древнейшей из сохранившихся до нашего времени рукописей майя — Дрезденской.

Из памятников живописи других народов Мексики рассматриваемого периода следует несколько остановиться на фресковой живописи Теотихуакана. На стенах нескольких зданий его было обнаружено сравнительно много росписей. Содержание их

весьма разнообразно. Иногда темы чисто декоративны — меандр, цветочный или геометрический орнамент, извивающиеся тела змей и т. д., иногда — изображения ягуаров, жрецов, воинов. Наконец, имеются целые композиции мифологического или исторического содержания. К последним относится, например, большая фреска из «Храма земледелия», на которой изображено принесение жертвы богине вод, происходящее на площади около «Пирамиды Луны». По этой фреске (датирующей VI в.) видно, однако, что теотихуаканская живопись стояла несомненно ниже живописи майя (учитывая даже разницу во времени между этими и бонампакскими росписями). Фигуры жрецов, подносящих богине голубей, перья, курильницы с копалом и прочие вещи не имеют правильных пропорций: они слишком коротки, головы несоразмерно велики по отношению к телу. Персонажи изображены в неподвижных позах. Перспектива дается простым расположением одного плана над другим, как в древнейшей египетской или критской живописи. Композиция фрески в целом не отличается ни гармоничностью, ни уравновешенностью, хотя заметно, что художник пытался провести, правда довольно примитивную, симметричность построения. Сильно ограничена палитра: применены лишь светло-зеленая, желтоватая и бледно-розовая краски. Тем не менее роспись производит определенное декоративное впечатление и походит на большой, покрывающий всю стену ковер.

В недавнее время раскопками были открыты новые остатки фресковой живописи в Теотихуакане, в здании, расположенном в районе Тепантитла. По всей видимости, эта постройка в древности была храмом бога дождя и плодородия Тлалока, так как изображения этого божества и его жрецов являются главной темой росписей. Особенно интересна сцена, изображающая Тлалокан Тамоанчан — загробный мир, куда по религиозным представлениям обитателей Теотихуакана попадали души наиболее достойных. В центре фрески находится холм; около него, прихотливо извиваясь по возделанным полям, течет река, там и сям разбросаны небольшие кучи деревьев какао. Вдоль реки расположены группы людей, занятых самыми различными делами: одни из них танцуют, другие играют маленькими каучуковыми мячами или ловят больших летающих бабочек, третьи размахивают сорванными ветвями, поют (звуки показаны спиралевидными завитками, идущими изо рта) и т. д. Таким образом, эта фреска выгодно отличается большей жизненностью от застывших фигур в росписи «Храма земледелия». Пропорции фигур, однако, следуют тем же законам, что и в остальных фресках Теотихуакана. Из красок применены только розовая, желтая и голубая. В целом даже эта выдающаяся из других теотихуаканских росписей фреска, конечно, не может идти в сравнение с бонампакскими росписями майя. Однако культурное влияние

Теотихуакана простиралось значительно дальше, чем влияние культуры майя. Так, например, остатки фресок, сохранившиеся в могильных склепах сапотекского центра Монте Альбан, свидетельствуют о несомненном влиянии теотихуаканского искусства.

В IX—X вв. на территории Мексики происходят важные изменения. Большинство крупнейших городов-государств перестает существовать; возникают новые культурные центры. Значительные изменения наблюдаются и в изобразительном искусстве.

Из множества выдвинутых объяснений этого загадочного процесса, вероятно, соответствуют действительности только два: социальные потрясения и крупные передвижения племен. Второе обстоятельство уже засвидетельствовано историческими источниками, однако рисуемая ими картина слишком отрывочна и неясна. Очевидно, результаты таких перемещений были гораздо значительнее, чем мы это себе представляем, так как если постоянное давление варварской периферии заставляло хотя бы одно племя двинуться в небольшое странствие, тем самым давался ход своеобразной цепной реакции. Результаты передвижений племен в Северной Мексике могли сказаться (и сказывались, как мы знаем на примере появления нахуа в Никарагуа) далеко на юге. Так, пустившиеся в странствование после разрушения Толлана тольтеки проникли на полуостров Юкатан, где под их гегемонией был создан ряд новых государственных объединений майя с центрами в Чичен-Ице, Ушмале, Майяпане.

Не менее важное обстоятельство — крупные социальные бури, охватившие в IX в. большинство старых городов-государств. Причиной их, по-видимому, была борьба непосредственных производителей против все увеличивавшегося класса эксплуататоров и непосильных работ по строительству храмов-пирамид.

Археологическими исследованиями установлено, что к началу IX в. в обществе майя, например, заметно возросли темпы культового строительства и число воздвигнутых стел, что легло тяжким бременем на плечи рядовых общинников. Поэтому возможно, что в то время на территории Месоамерики шла такая же социальная борьба, как и в древнеегипетском обществе времен конца Древнего царства.

Социальная борьба в сочетании с передвижениями племен имела своим важнейшим результатом значительные изменения в расстановке классовых сил в древнеамериканском обществе. Можно предполагать, что старая знать потеряла свое значение, династии правителей в большинстве своем были уничтожены, объединения городов-государств распались на составные части, влияние крупного жречества и официальных религий резко

унало. Общинники благодаря этому получили большую свободу. Однако после краткого периода децентрализации снова начинается создание и рост городов-государств, но уже, как правило, на новых местах. Весь последующий период в Мексике проходит под знаком распространения тольтекской культуры. Объяснять этот процесс только завоеваниями нельзя. Немногочисленные пришельцы должны были довольно быстро раствориться в среде местного населения и не могли вызвать значительных изменений в культуре и искусстве. Причины таких изменений следует искать в ином. Несомненно, первоначально идеология тольтекского общества на территории Месоамерики находила сочувственный отклик среди широких масс трудящегося населения. Возможно, что определенную роль играла в этом и та большая демократичность первоначального этапа тольтекского общества, которую можно проследить в некоторых сказаниях о Кецалькоатле.

Итак, крупные передвижения племен, распад старых государственных образований под ударами восставших общинников и завоевателей, появление новых религий, связанных с пришельцами,— все эти факторы разрушили прежние идеологические устои. Происходит перегруппировка общественных сил; военные вожди и связанные с ними объединения прославленных воинов (причем в которые первоначально был связан не со знатностью происхождения, а лишь с личными заслугами) захватывают всю полноту власти. Образуется новая знать. Жречество, наоборот, теряет свое прежнее бесконтрольное могущество; в ряде случаев военачальники даже узурпируют должность верховного жреца. Расширяются несколько и права общинников. Но вновь созданные города-государства имели все тот же рабовладельческий характер, поэтому сравнительно скоро в них начали развиваться те же социальные противоречия, что и в прежних. Этот процесс был прерван испанским завоеванием.

В создавшихся в IX—X вв. исторических условиях новые художественные течения, находившиеся дотоле под спудом, получили возможность крепнуть и развиваться. Отдельные элементы тольтекской культуры сыграли в данном случае лишь роль некоего «проявителя», с помощью которого рождалось и оформлялось новое. Это новое характеризуется прежде всего борьбой против старых канонов или просто категорическим отказом от них. Но эта борьба привела в конце к установлению новых канонов, которые соблюдались не менее строго, чем прежние. В архитектуре почти совершенно пропадают грандиозные храмы-пирамиды, столь характерные для предшествующего периода. Исчезают также некоторые виды монументальной скульптуры, например прекращается (за редкими исключениями) воздвижение стел, по-видимому, в связи с прекраще-

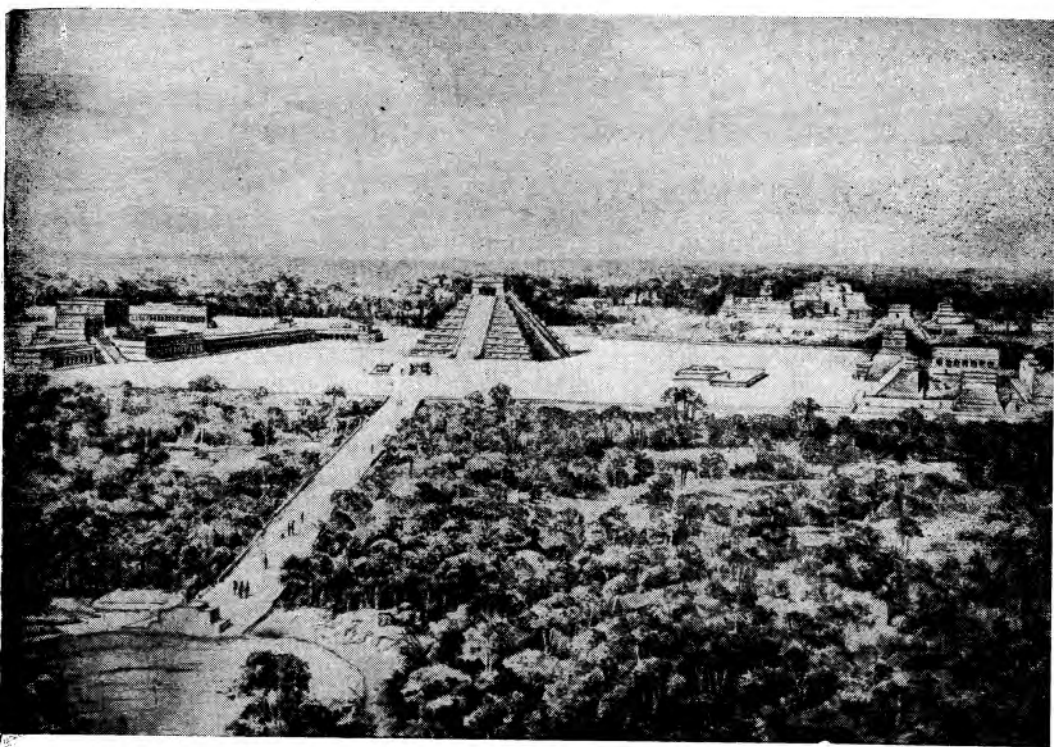
нием старых династий. Изощренность образа, тщательная проработка деталей в скульптуре уступают место лаконичности линий, тяжести и массивности, которыми скульптор старается передать идеи мощи, величия, суровости и силы. Резко увеличивается число изображенных на памятниках искусства Мексики военных сцен; все чаще вместо прежней религиозно-календарной символики или генеалогических прославлений появляется символика войны.

Эти изменения в области искусства удобнее всего проследить, начиная опять-таки, как и в предшествующий период, с памятников майя. Как уже говорилось, в рассматриваемый период основной территорией расселения майя стал полуостров Юкатан и прилегающие к нему области. В одних городах майя тольтекское влияние сказывалось сильнее, в других — слабее. Наиболее сильно влияние тольтекской культуры отразилось на памятниках Чичен-Ицы, поселения майя, захваченного тольтеками в конце X в.

В период своего расцвета (XI — первая половина XII в.) Чичен-Ица была одним из наиболее значительных городов Юкатана. Крупнейшими архитектурными памятниками Чичен-Ицы являются центральный храм «Кастильо», «Храм воинов», астрономическая обсерватория «Караколь», большой стадион для игры в мяч (всего таких стадионов в Чичен-Ице имелось семь) с относящимся к нему «храмом ягуаров».

Отличительной чертой архитектуры этого периода у майя является обширное применение колонн, часто оформленных в виде туловищ пернатых змей. Для древнейшего периода архитектуры майя наличие колонн, как мы знаем, не было характерным. Впервые в искусстве древней Мексики колонны появляются в Теотихуакане. В постройках тольтекского центра — Тулы, или Толлана, — применение колонн становится еще более частым; именно здесь и создается своеобразный вид колонны в виде туловища пернатой змеи, голова которой служит ее базой, а хвост — капителью. Пернатая змея была символом верховного тольтекского бога Кецалькоатля, и поэтому возникновение оформленных таким образом колонн в храмах, посвященных этому божеству, вполне естественно. С конструктивной точки зрения применение колонн позволило несколько расширить внутренний объем помещений — недостаток, как мы знаем, присущий древнейшим постройкам майя.

Характерным образцом позднейшей архитектуры майя, впитавшей в себя тольтекские элементы, является главный храм Чичен-Ицы, известный под названием «Кастильо». Он представляет собой массивную высокую пирамиду из девяти уступов; на каждой стороне ее расположена широкая лестница, окаймленная балюстрадами. На вершине пирамиды расположен храм; план его почти точно повторяет планы древнейших

Чичен-Ица. Общий вид

храмов майя, в частности, например, упомянутого выше «Храма Солнца» в Паленке. Но в отличие от последних у «Кастильо» в середине дверного проема находятся две массивные колонны, изображающие оперенных змей. Благодаря им дверной проем значительно расширяется и делится на три равные части. Внутри храма, в святилище «Кастильо», находится вторая пара таких же колонн. Сооружение в целом поражает зрителя своим монументальным величием и простотой форм. Оно является центром всего архитектурного ансамбля Чичен-Ицы, и в какой точке ни находился бы путешественник, взор его падает на вознесенное над всеми постройками здание храма.

Другое выдающееся здание Чичен-Ицы — «Храм воинов» (названное так потому, что на рельефах и росписях внутри него изображены воины) — также находится на пирамиде, но значительно менее высокой, чем у «Кастильо», и имеющей только одну лестницу. Само здание храма обширнее последнего и имеет внутри четыре ряда колонн, поддерживавших своды. Стены храма снаружи украшены геометрическим орнаментом и горельефными масками Кукулькана — божества майя, близкого по функциям тольтекскому Кецалькоатлю. Замечательной особенностью «Храма воинов» является обширная колоннада, расположенная у подножья пирамиды со стороны лестницы. Четырехгранные массивные столбы, образующие ее, покрыты рельефами.

С северо-востока и юго-запада к «Храму воинов» примыкают еще две колоннады, более 120 м каждая, расположенные под прямым углом. В древности имелись еще две такие колоннады, образовывавшие с упомянутыми гигантский прямоугольник, в середине которого находилась площадь размером около 2 га. Судя по наличию тронов и парадных сидений в торцовых частях этих колоннад, они, вероятно, являлись местом для совещаний знати во главе с правителем города. Каждая колоннада имеет по четыре-пять рядов колонн, и поэтому неудивительно, что археологи называли эту часть Чичен-Ицы «Группой тысячи колонн».

Здания Чичен-Ицы, как и все постройки других поселений майя этого периода, богато декорированы. В отличие от древнейших зданий декор (главным образом геометрический орнамент и заимствованные из тольтекского искусства фигуры змей) заполняет всю поверхность стены. Часто фасадные стены покрываются своеобразной каменной мозаикой, образованной из небольших тщательно обработанных каменных пластин, покрытых тончайшей резьбой. Этот вид архитектурного декора был заимствован строителями тольтекского периода из архитектуры цуук — позднего локального варианта юкатанской архитектуры майя.

Намеченные выше принципы характерны в равной степени и для архитектуры этого периода других мексиканских народов. Большой архитектурный комплекс сапотек в Митле, датирующийся XII—XIII вв., уже не имеет пирамид, а расположен на искусственно выравненном участке. Наиболее сильное впечатление производит «Дворец с колоннами». Бесконечные залы, портики, переходы, внутренние дворы, лестницы, подземные и полуподземные помещения создают впечатление лабиринта. Потолки (не сохранившиеся и, очевидно, состоявшие из бревенчатого настила) поддерживались массивными монолитными каменными столбами. Этот дворец являлся самым большим крытым строением в древней Центральной Америке.

В начале XV в. в долине Мехико создается ацтекское государство. Главный город ацтеков Теночтитлан был основан в 1370 г. на маленьком искусственно укрепленном островке посреди соленого озера Тескоко. Возможность всегда иметь убежище, где можно укрыться после грабительских налетов на поселения соседних племен, причем убежище трудно доступное для врагов, несомненно явилась немаловажным фактором в дальнейшей судьбе ацтекского племени. Не случайно даже впоследствии, когда ацтеки превратились уже в могущественных владык Мексиканского плоскогорья, все три массивные дамбы, соединявшие город с материком, были по-прежнему прорезаны в нескольких местах каналами (пресная вода доставлялась в город при помощи двух акведуков). В случае опасности подъемные мосты, перекинутые через эти каналы, поднимались, и Теночтитлан становился недоступным для вражеских войск.

Ацтекское рабовладельческое общество вело постоянные войны и грабило покоренные племена. Успешному выполнению военных задач в ацтекском обществе было подчинено все. Каждому мальчику с детства внушалось, что храбрый воин — образец мужчины, каждой девочке — что умершая при рождении воина женщина получает место в небесах, отведенных для воинов. Неудивительно поэтому, что официальное искусство Теночтитлана было призвано, наряду с религией, пропагандировать культ войны как естественное состояние человеческого общества. Оно должно было внушать ацтекским воинам жажду смерти в битве, вселять в них веру о предопределенности человеческой судьбы, о мощи Уицилопочтли и Теночтитлана, а покоренным народам внушать ужас и страх перед их владыками. Немалую роль в последнем играли массовые человеческие жертвоприношения, имевшие нарочито театрализованный характер.

Если мы обратимся к сохранившимся памятникам ацтекской поэзии того времени, то увидим, что они четко делятся на две

группы. К первой, наиболее многочисленной, относятся произведения, воспевающие подвиги павших в битвах героев и выражающие восхищение их судьбой. Во второй, которую традиция упорно связывает с именем знаменитого правителя Тескоко Несахуалькотля (1402—1472 гг.), господствует совершенно иная тематика. Жизнь коротка, а смерть неизбежна, говорится в этих произведениях. Поэтому надо ловить удовольствия жизни, не задумываясь о том, что несет будущее. Эти две различные линии мировоззрения можно обнаружить не только в ацтекской поэзии; мы столкнемся с отзвуками подобных же представлений и в памятниках изобразительного искусства.

Наши сведения об ацтекской архитектуре скудны. Все наиболее выдающиеся архитектурные памятники были при испанском завоевании или полностью уничтожены, или неузнаваемо перестроены. Такие крупные центры, как Теночтитлан и Тескоко, были вообще стерты с лица земли, а на их месте возникли испанские города. Поэтому представить уровень архитектуры племен нахуа в рассматриваемое время возможно лишь по описаниям испанских очевидцев — участников завоевания, по схематическим рисункам в ацтекских рукописях и по немногим случайно сохранившимся на периферии прежнего ацтекского государства постройкам.

Как и у других народов Мексики, основной архитектурной формой у ацтеков была четырехгранная пирамида, на усеченной вершине которой воздвигалось собственно здание (храм или дворец). По одной стороне пирамиды располагалась лестница, чаще всего широкая и украшенная скульптурой. Так как по религиозным представлениям ацтеков каждые 52 года происходил конец одного периода в развитии мира и наступал другой, то к этому моменту приурочивались обновление и перестройка храмов, обычно заключавшиеся в увеличении размеров пирамиды, причем прежнюю замуровывали в новую каменную оболочку. После нескольких таких перестроек получалась как бы гигантская каменная луковица, последовательно отражавшая в своих слоях изменения в ацтекской архитектуре. Одним из немногих сохранившихся образцов в этом отношении является пирамида в Тенайуке, отражающая шесть этапов своего развития.

Здания представляли собой комплекс узких, вытянутых помещений, причем планировка храмов была проще, чем жилых строений. В последних комнаты группировались вокруг внутреннего двора, в то время как храм представлял собой несколько параллельно расположенных помещений. Стены зданий украшались рельефами и росписями. Наиболее частыми мотивами в декорировке зданий были изображения змей, орлов, черепов, человеческих сердец, скрещенных костей.

Судя по сообщениям испанских очевидцев, Теночтитлан был регулярно распланирован и прорезан во многих местах каналами. Это и дало повод завоевателям называть его «озерной Венецией». Центром города являлась большая прямоугольная площадь (180×160 м), стороны которой образовывали три дворца ацтекских правителей и главный храм Уицилопочтли. Последнее здание имело форму ступенчатой пирамиды с основанием 100×100 м и высотой в 30 м. На вершине пирамиды стояли два небольших деревянных храма. Дворцы (также в основном деревянные) и храмы были сожжены испанцами во время решающего штурма Теночтитлана; каменная пирамида была впоследствии уничтожена, и на ее месте выстроен кафедральный собор современной мексиканской столицы.

Так как современный г. Мехико расположен на погребенных в земле остатках Теночтитлана, то, естественно, говорить о каких-либо серьезных археологических раскопках не приходится. Однако даже самые обычные земляные работы вроде прокладки водопроводных или канализационных труб выявляют остатки доиспанского прошлого. Так, в начале XX в. при подобных работах на одной из улиц столицы было вскрыто несколько каменных плит, образовывавших угол центрального храма, и большое количество скульптурных памятников (к некоторым из них мы возвратимся ниже).

Как из этих скудных археологических данных, так и из описаний, сохранившихся в испанских источниках, становится ясно, что ацтекская архитектура заимствовала свои основные приемы у тольтекской архитектуры и продолжала ее строительные традиции. Однако испанское завоевание, насильственно прервавшее естественный ход развития ацтекского общества, не дало ацтекам возможности не только превзойти архитектурные достижения тольтеков, но даже достигнуть их уровня.

По иному пути у народов Мексики шло развитие скульптуры в рассматриваемый период. У народов майя она почти полностью потеряла самостоятельное значение. В большой степени этому способствовало прекращение у них обычая воздвигать стелы. С X в. скульптура у майя становится почти исключительно вспомогательным искусством для декорировки зданий. Но и в этой области происходят значительные изменения. Барельефы, в таком количестве украшавшие некогда стены построек, теперь являются большой редкостью; качество их неизмеримо ниже древних. Несколько образцов круглой скульптуры, относящихся к этому периоду (статуи знаменосцев из Чичен-Ицы и изображения так называемого Чак-Моля), также связаны с архитектурой (первые просто украшали здания, а вторые стояли у входа в храм) и не выдерживают сравнения с памятниками Паленке или Яшчилана. Пропорции их тяже-

лы, фигуры приземисты и невыразительны. Несколько выделяются из скульптурных памятников этого периода лишь огромные (высотой 4,5 м) кариатиды Толлана, изображающие пышно одетых вооруженных копьеметалками воинов. Некогда они поддерживали деревянную крышу храма. Каждая из таких статуй состоит из четырех отдельных блоков, тщательно подогнанных друг к другу. Несмотря на неверные пропорции тела и застылость поз, они производят и теперь на зрителя сильное впечатление.

Богатое развитие в этот период скульптура получает в долине Мехико. Старые художественные традиции теотихуаканского прошлого не были забыты и, обогащенные новым содержанием, пришедшим с племенами нахуа, обусловили новый расцвет скульптуры, далеко превзошедший ее прежний уровень. То, что лишь намечалось в предшествующем периоде — различные линии развития культовой и светской скульптуры, — в ацтекское время также получило свое дальнейшее развитие.

Монументальные статуи божеств ацтекского периода еще более символичны и условны, чем упомянутая выше статуя тольтекской богини вод. Характерным образцом культовой ацтекской скульптуры может служить огромная (около 3 м высоты) базальтовая статуя богини земли и весеннего плодородия Коатликуэ («Одетая в одежду из змей»), матери Уицилопочтли. Эта статуя лишь очень отдаленно, по общим очертаниям, напоминает человеческую фигуру; у нее нет ни головы, ни рук, ни ног. Вся фигура как бы составлена из отдельных изобразительных элементов: кукурузных початков, когтей ягуаров, человеческих черепов и сердец, отрезанных кистей рук, плетенки самых различных видов, перьев, извивающихся змей, связки бобов какао, лап орлов. Все это нагромождение элементов, объединенных по принципу строгой симметричности, уравниженности и «фронтальности» в грубое подобие человеческой фигуры, не случайно и отнюдь не обозначает технической беспомощности скульптора. Перед нами — памятник изощренного символизма, выразителя в искусстве идеологии жреческой верхушки раннерабовладельческого общества. Не следует забывать, что Коатликуэ — богиня земли и плодородия, и каждый составной элемент композиции был призван подчеркивать в глазах ее почитателей те благодетельные или страшные для человечества силы, которыми повелевало данное божество.

Близким по стилю к статуе Коатликуэ является и другой памятник, находившийся на площади перед центральным храмом, — «Календарный камень», или «Камень Солнца», высеченный из серовато-черного базальта. Этот гигантский рельеф, созданный в 1479—1481 гг., изображает пять периодов мифической истории вселенной.

Статуя богини Чалчиуитликуэ.
Ацтеки. Андезит

В более поздних памятниках ацтекской культовой пластики явственно различаются две линии развития. В одних памятниках, наряду с совершенствованием в чисто техническом отношении, все еще наблюдается связанность и архаичность поз; развитие идет главным образом по линии усложнения символики. В других можно проследить более сложные процессы. Оставаясь формально в рамках культовой скульптуры, эти произведения постепенно приобретают все большую жизненность. Поза изображаемого становится непринужденнее, передача движения — увереннее и смелее, намечаются даже какие-то попытки передать его внутренний мир. Иными словами, изображения божеств в этой группе памятников приобретают все более человеческий характер. Символика в них сводится к нескольким малозначительным атрибутам, не мешающим восприятию произведения прежде всего как изображения человека, а уже потом как божества. Характерным примером последнего типа культовой скульптуры может служить отличающаяся мастерством композиции, красотой пропорций и своеобразным драматизмом выражения небольшая статуя Макуильпочитля — бога весны, цветов и поэзии.

Можно заметить, что второй вид памятников постепенно завоевывал в культовом искусстве все большее признание; ясно, однако, что решающая победа этого принципа в искусстве не могла бы произойти без ожесточенной схватки с официальной религией Теночтитлана. Религиозная условность и культовые задачи сковывали скульпторов, лишали их возможности развиваться и двигаться вперед. Столкновение двух течений было неминуемо. Но этим надвигающимся событиям помешало испанское вторжение.

Несколько иная картина наблюдается при рассмотрении памятников ацтекской скульптуры, не связанных непосредственно с культом. Ряд погребальных масок, продолжавших традицию масок Теотихуакана, живо и естественно передает черты лица захороненного, хотя, конечно, говорить о портретном сходстве в этих памятниках трудно. Замечательна базальтовая голова «воина-орла», найденная в Тескоко. Простыми, почти примитивными средствами скульптор изображает смелое волевое лицо молодого ацтекского воина, одного из тех, перед кем трепетало все население долины Мехико. Не уступает ему по выразительности и хранящаяся в Национальном археологическом музее Мехико «голова мертвого», откинута назад, с впалыми щеками и полуоткрытым ртом, из которого, кажется, только что вылетел последний вздох. Привлекают внимание памятники мелкой пластики: грациозная статуэтка испуганного кролика, свернувшаяся клубком змея, приготовившийся к прыжку кузнечик. Ацтекские мастера внимательно наблюдали окружающий их мир и стремились (там, где это было допустимо) как можно правдивее передать его в своих произведениях.

Рассматривая в хронологическом порядке памятники ацтекской скульптуры, нетрудно установить, что черты жизненности, реалистической правдивости постепенно завоевывали в ней все большее место. Создавался новый могучий стиль, характерными чертами которого были энергичность и драматизм при внешней скупости форм. Не следует забывать, что естественное развитие ацтекского общества и его культуры было насильственно прервано испанским завоеванием. Если бы это развитие продолжалось, нет сомнения, что ацтекские скульпторы в своих произведениях не только догнали бы пластику майя и ольмеков, но и превосшли бы ее.

Живопись рассматриваемого периода не может быть сравнена с живописью предшествующего — она значительно примитивнее древней. Фрески, найденные на стенах юкатанских зданий майя, обнаруживают сильное влияние тольтекского искусства. Наиболее значительной и интересной из них является фреска из «Храма воинов» в Чичен-Ице. На ней изображено нападение отряда каких-то чужих (вероятно, тольтекских) воинов на поселение майя, расположенное на берегу моря. Не-

смотря на живость изображения отдельных сцен (плывущие лодки, наполненные воинами; женщина, стирающая белье; воины, ведущие захваченных пленников; рыбы и крабы), вся фреска в целом стоит неизмеримо ниже боампакских росписей. Человеческие фигуры напоминают по пропорциям персонажей на фресках Теотихуакана; перспектива передается так наивно, как и на последних. Для многих других росписей характерна декоративность. Таким образом, в живописи распространение тольтекского влияния не привело к каким-либо положительным результатам: оно лишь уничтожило тот блестящий мастерской рисунок, которым отличалась древняя живопись майя. Бледнее становится и цветовая гамма росписей.

Стенные росписи племен нахуа и сапотеко-миштекской группы почти не сохранились, небольшие фрагменты, дошедшие до нас, позволяют предполагать, что они по художественному достоинству были еще более низки, чем тольтеко-маяские росписи Юкатана. Тематика их — исключительно изображение божеств или торжественных процессий воинов в парадных одеяниях. Красочная гамма фресок невелика: в основном это красные, коричневые, белые и черные тона.

Интересны иероглифические рукописи этого периода, в особенности миштекская группа; в них среди множества чисто условно трактованных, застывших фигур божеств и пиктографических знаков, передающих собственные имена и названия завоеванных местностей и городов, иногда вдруг проскальзывают полные жизни и движения изображения животных, как, например, олененок в Венском кодексе или сражающийся с орлом ягуар из кодекса Нэттолл.

Из произведений художественных ремесел этого периода особенно интересны изделия из перьев, фигурная керамика и ювелирные украшения. Мозаичные изделия из перьев в сущности тесно примыкают к живописи. Мастера, подбирая самые разнообразные по цветовым оттенкам перья, составляли из них рисунок и осторожно наклеивали затем на плотную ткань. В особенности изделиями из перьев славились мастера долины Мехико, в частности ацтекские, жившие в одном из кварталов Теночтитлана. Испанские завоеватели, видевшие эти своеобразные мозаики, единодушно выражали свое изумление и восхищение; к сожалению, беспощадное время и хищничество тех же конкистадоров уничтожили почти все образцы этого ремесла. Немногие сохранившиеся, однако, показывают, что это восхищение было не напрасным.

Из всех многочисленных памятников искусства и культуры народов Мексики произведения ювелирного мастерства являются наиболее редкими. Это обстоятельство может быть объяснено двумя существенными причинами. Во-первых, с употреблением драгоценных металлов народы Центральной

Америки ознакомились значительно позже, чем народы Перу, — известные ювелирные изделия Мексики не древнее VIII в. н. э. Во-вторых, украшения и предметы из драгоценных металлов были основной целью конкистадоров. Естественно, что большинство древнемексиканских ювелирных изделий погибло в плавильных горшках испанских завоевателей, превращенное в удобные для транспортировки слитки.

Между тем искусство древнемексиканских ювелиров было столь велико, что по словам тех же завоевателей даже превосходило мастерство ювелиров Испании. Историк завоевания Мексики монах-францисканец Торрибио де Мотолиния писал об ацтекских ювелирах: «Они превосходят ювелиров Испании, поскольку могут отлить птицу с движущимся языком, головой и крыльями или обезьяну... с подвижной головой, языком, ногами и руками, а в руку вложить игрушку, так что кажется, что обезьяна танцует с ней. Более того, они берут слиток, состоящий наполовину из золота и наполовину из серебра, и отливают рыбу со всеми ее чешуйками, причем одна чешуйка золотая, а другая — серебряная»⁵.

Те немногочисленные ювелирные изделия Мексики, которые находятся в настоящее время в музеях, сохранились только благодаря тому, что были погребены как имущество умерших задолго до появления в стране испанцев. Естественно, что полного впечатления о древнемексиканском ювелирном ремесле по этим жалким остаткам составить нельзя, однако и сохранившиеся образцы показывают, что восхищение испанцев не было напрасным. Большинство этих изделий (ожерелья, подвески, серьги, нагрудные пластины и др.) отлиты способом «потерянного воска». Все они отличаются точностью моделировки, изяществом и тонкостью исполнения. Очень интересны найденные в «священном колодце» Чичен-Ицы небольшие золотые диски, видимо, брошенные туда при жертвоприношениях. На них вычеканен ряд военных сцен, изображающих завоевание Чичен-Ицы тольтеками. Диски эти, очевидно, были выполнены значительно позже изображаемых событий, так как в пропорциях фигур, в композиции и орнаменте уже явно чувствуются традиции тольтекского искусства. Одним из немногих сохранившихся образцов ювелирного искусства ацтеков является нагрудное украшение предводителя «воинов-орлов» в виде фигурного колокольчика, хранящееся ныне в Особой кладовой Государственного Эрмитажа.

Сопровождавшееся страшными жестокостями завоевание Мексики Эрнаном Кортесом (1519—1521 гг.) положило конец самостоятельному развитию ацтекского государства. Вскоре, в течение нескольких лет, испанской короне были подчинены и другие народы Центральной Америки. Католические миссионеры, сопровождавшие завоевателей, обращая покоренное индей-

ское население в «истинную веру», ревностно уничтожали памятники древней культуры, как рукописи литературного или исторического содержания, так и произведения изобразительного искусства. Всякое обращение к языческому прошлому строго каралось вплоть до сожжения на костре. Народы Центральной Америки вступили в новый период своей истории — колониальный.

Древнемексиканское искусство оказало несомненное влияние на искусство индейских народов Мексики в последующий период их развития и тем самым внесло свою лепту в сокровищницу мировой культуры. Традиции доиспанского искусства продолжали существовать и в колониальный период, пробиваясь подобно живым струям родника среди официального искусства, призванного укреплять власть короля и церкви в завоеванной стране. Но разные виды искусства имели несколько различные судьбы. Многие строительные достижения древних мексиканцев вошли в плоть и кровь колониальной архитектуры, органически слившись с архитектурным опытом, принесенным испанцами. Не надо забывать, что каменщики, каменотесы и т. д., воздвигавшие замечательные памятники архитектуры колониального периода, в подавляющем большинстве своем были индейцами. Огромный строительный опыт, специфика архитектуры в полутропических и тропических областях, привычка к богатой орнаментировке зданий — все это переходило по наследству из поколения в поколение и обусловило многие самобытные и характерные черты мексиканской архитектуры в колониальный период.

По мере того как древние памятники извлекались из забвения, влияние их на творчество современных архитекторов становилось все более очевидным. Об этом свидетельствуют, например, многие здания в Центральной части Мексики и на Юкатане, явственно перекликающиеся с памятниками архитектуры ацтеков и майя. В последнее время эта связь с древними традициями еще более усилилась и окрепла. Характерными образцами, в которых современность успешно сочетается с художественным наследством прошлого, является новое здание Национального музея антропологии и истории, выстроенное в 1964 г. в г. Мехико, дом-музей Анахуакалли, построенный по плану Диего Риверы, и ряд других.

Скульптура после сравнительно краткого этапа увядания (может быть, связанного с какими-то событиями в канун появления испанцев) возродила свои традиции и нашла применение в украшении церквей и домов знати в колониальное время. Нередки случаи, когда индейский скульптор, высекая рельефы на чуждые ему христианские темы, вплетал в них привычные ему орнаменты и символические изображения. После завоевания национальной независимости многие скульпторы

Мексика стали прямо обращаться к памятникам древнего искусства, видя в них образцы для своего творчества. Этот процесс продолжает укрепляться и расширяться.

Иначе дело обстояло с живописью. После испанского завоевания древние традиции ее надолго погружаются в забвение, и только открытие фресок Теотихуакана и Бонампак пробудило вновь живой интерес к этой отрасли древнемексиканского искусства. В настоящее время, однако, воздействие этих памятников на творческие круги Мексики все более увеличивается, и можно надеяться, что дальнейшие археологические открытия (а залогом их являются недавно обнаруженные фрески в Муль-Чике) еще более укрепят связи между традициями древнеиндейского искусства и творчеством молодых художников Мексики.

Тесно связана с традициями древнего искусства современная монументальная живопись Мексики. Связи эти оригинальны и разнообразны. Не говоря уже о том, что Д. Ривера, Д. А. Сикейрос и другие мастера современной фрески неоднократно обращались в своих произведениях к тематике доиспанского прошлого, традиции древнего искусства сказываются в их творчестве и в композиции, и в цветовой гамме, и, может быть, прежде всего в общем могучем и драматическом стиле.

¹ М. Covarrubias. Tlatilco: el arte y la cultura preclásica del Valle de México. «Cuadernos Americanos». México, 1950, vol. 51, № 3, p. 149—162; R. Piña Chan. Tlatilco y la cultura preclásica del Valle de México. «Anales INAH», vol. IV. México, 1949—1950.

² R. Piña Chan y L. Covarrubias. El pueblo del jaguar (los olmecas arqueológicos). México, 1964.

³ Р. В. Кинжалов. Современное состояние ольмекской проблемы. «Советская этнография», 1962, № 2, стр. 72—81.

⁴ L. Avoloyra Arroyo de Anda. Obras selectas del arte prehispánico. México, 1964, табл. 81—95.

⁵ Toribio de Motolinia. Historia de los Indios de la Nueva España. «Collección de Documentos para la Historia de México», publicada por J. García Icazbalceta, vol. 1. México, 1858, p. 212—213.

ЗАМЕТКИ О МЕКСИКАНСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

Большие и глубокие изменения произошли в мексиканском обществе в результате буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг., сокрушающая сила которой разбила вдребезги старый оплот реакции, созданный Порфирио Диасом на протяжении почти тридцатилетнего пребывания у власти. В могучих рядах революционных армий маршировали миллионы людей: безземельные батраки, мелкие землевладельцы, рабочие, часть интеллигенции. Этим слоям населения впервые предстояло принять прямое участие в жизни страны. Не впадая в дешевый энтузиазм, которому так подвержены многие идеологи нынешних правящих кругов страны, не преувеличивая роли этой революции в нашей истории, не считая ее до конца доведенным процессом, мы можем, однако, с полной уверенностью сказать, что в результате суровой и продолжительной гражданской войны страна претерпела глубокие преобразования и облачилась в народное одеяние. Много раз революционные писатели описывали вдохновляющее зрелище народного ликования, когда отряды революционной кавалерии наполняли громким цокотом копыт улицы больших городов. Но самое важное это то, что длинные колонны народных солдат несли с собой не только оружие, а нечто неизмеримо более прочное — завоеванное народом право быть творцом истории.

Многостороннее влияние оказали эти события на всю национальную жизнь Мексики. Традиционные художественные формы стали полностью непригодными для объяснения и отражения происходящих процессов. Молодежь восстала против отсталости своих преподавателей, воспитанных в духе преклонения перед Контом и его позитивизмом. Мы можем сказать,

что культурная жизнь Мексики XX в. берет свое начало с этого знаменательного бунта молодых интеллигентов, которые, объединившись в «Атенею молодежи», начали свою деятельность в 1910 г., за два месяца до начала вооруженной борьбы.

В «Атенею молодежи» ковались новые формы восприятия действительности, не всегда прямо связанные с жизнью, но основанные на искренних помыслах установления контакта с народом. Из членов этого «Атенея молодежи» хочется выделить Альфонсо Рейеса, большого гуманиста, очень плодотворного писателя, человека, внесшего значительный вклад в создание современной мексиканской культуры, которому мы, революционеры, не всегда отдаем должное. К этому кружку принадлежали также Антонио Касо, Хосе Васконселос, Педро-Эрикес Уренья, Мартин Луис Гусман, Хулио Торри и др. Широко известна роль, которую сыграли некоторые из них в идейном воспитании мексиканской интеллигенции. Из них только двое принимали участие в политике: Васконселос и Гусман. Первый — человек очень темпераментный; он был связан с творчеством монументалистов в силу своих обязанностей: Васконселос занимал пост министра образования в годы появления этого направления в живописи; второй был писателем высоких помыслов, которому мы обязаны одним из лучших описаний революции. Его образ нашел отражение в живописи в виде замечательного портрета, написанного Диего Риверой в 1915 г.

Я упомянул об «Атенею», считая, что, только установив связь между деятельностью этого кружка и деятельностью наших художников, мы сумеем получить более полную картину, которая может помочь нам объяснить особенности мексиканского монументализма.

Наряду с деятельностью этой группы патриотически настроенных молодых интеллигентов следует упомянуть о гениальных творениях народных артистов, художников, граверов, певцов, музыкантов, которые, выйдя из народа, сумели найти раньше всех соответствующую форму отображения происходящих в стране событий и заложили, по словам самих художников, наиболее прочный фундамент для будущего монументализма. Из их числа я хочу выделить удивительного народного гравера Хосе Гуадалупе Посаду (1851—1913 гг.), который в тысячах своих ксилографий, цинкографий и литографий отобразил важные события мексиканской жизни, свидетелем которых он был. Гравюры Хосе Гуадалупе Посады, предназначенные для скромных газет и в основном для листовок с текстами корридо и других мексиканских песен, получили известность во всей Мексике, помогая правильно понять происходящее тысячам неграмотных людей, представлявших большинство нации. Гравюры Посады — это подлинные шедевры, являющиеся глубоко народными по содержанию. Они выполнены с применением средств, освоенных

художником в результате долгих лет непрерывного творчества и характеризуются уверенной композицией, которая в некоторых случаях заставляет вспомнить о пластической гармонии, свойственной настенной живописи. Некоторые из этих гравюр, увеличенные и размещенные на больших стендах, поражают своей эстетической силой и совершенством. Вполне справедливо отметил крупный монументалист Хосе Клементе Ороско, вспоминая свое детство: «Я каждый день торчал перед мастерской маэстро Посады, следя за ним через окно. Работал он без устали. Упорная работа — вот мое первое представление об искусстве». Эту точку зрения разделяет большинство наших наиболее выдающихся монументалистов, которые видят в Посаде своего непосредственного предшественника. Но если мы заговорили о предпосылках, следует пойти еще дальше. Многими своими корнями мексиканская настенная живопись глубоко уходит в наши древние культуры доиспанского периода, чье культурное богатство любовно собирали и изучали все наши крупные монументалисты. Однако было бы ошибкой абсолютизировать это наследие и считать, что мексиканская настенная живопись является продолжением искусства доиспанского периода. Не меньше, а в некоторых отношениях и большее влияние оказало великое наследие мировой культуры, в основном итальянской живописи эпохи Возрождения, византийской живописи, живописи ранних христиан, живописи, предшествовавшей эпохе Возрождения, и т. д. Характерной особенностью наших крупных монументалистов всегда являлось глубокое знание своего дела, умелое использование опыта всемирной истории искусства, хотя национальный дух всегда был присущ их творчеству, их постоянный интерес к новым течениям в живописи и неустанные поиски новых путей. Таким образом, помимо влияния, которое на них оказали две основные культуры — индейская и классическая европейская, необходимо отметить их очень хорошее знание современных форм; они, например, восторженно приветствовали или отрицали (Ороско отвергает, Ривера принимает) поиски в области красок, характерных для импрессионизма и следующего за ним периода. Короче говоря, я полагаю, что без понимания этой связи наших художников с мировым искусством было бы трудно понять основы их монументальной живописи.

Существует, таким образом, четыре источника мексиканской монументальной живописи: 1) могучее социальное движение 1910—1917 гг.; 2) попытки молодой интеллигенции по-новому подойти к осмыслению открывающегося перед ней нового мира; 3) творчество народных художников; 4) художественная традиция — как национальная, так и европейская.

Начало творческого пути

В целях более точного понимания некоторых из этих аспектов обратимся к биографиям трех выдающихся представителей мексиканской монументальной живописи: Ороско, Риверы и Сикейроса. Их жизнь, тесно связанная с развитием монументальной живописи в Мексике, дает возможность проследить шаг за шагом ее развитие.

Хосе Клементе Ороско родился в Запотлане Эль-Гранде (сейчас г. Гусман) в штате Халиско 23 ноября 1883 г., Диего Ривера родился в Гуанахуато в 1886 г., а Давид Альфаро Сикейрос — в 1896 г. в Чиуауе. Все они, строго говоря, являются современниками, и все они — свидетели одних и тех же исторических событий. Все трое родились в провинции, что позволило им лучше узнать природу и людей дореволюционной Мексики. Все трое в раннем возрасте переехали в столицу республики, что позволило им проникнуться «новым духом художественной среды». Первым из них заниматься живописью начал Ороско, который семи лет поступил на вечерние курсы по классу рисунка в Академию Сан-Карлос; именно в этот период он наблюдал, как Посада работает в своей скромной мастерской. Позже, после окончания средней школы, он поступает в Национальную агрономическую школу, в то время как Диего Ривера берет первые уроки рисунка, тоже в вечернее время, у художника Андреса Риоса.

Шел 1897 г. Хронологически XIX век прекращает свое существование в 1900 г., но его дух, сильно укоренившийся в мексиканском обществе под влиянием железной диктатуры Диаса, продолжает жить. В этом году Ороско кончает Агрономическую школу. В то время директором Академии Сан-Карлос был Сантьяго Ребулл, и Ороско поступает туда на курсы математики и архитектурного рисунка. На мой взгляд, эти занятия окажут определенное влияние на все творчество Ороско, если учесть наличие архитектурных форм в его стеновых росписях, законченную композицию объемов и расположение объектов — детали, которые изобличают в нем человека, искусственного в математике. За время обучения на курсах неоднократно отмечались его успехи. После смерти Сантьяго Ребулла в 1902 г. его место занимает Фабрес, посредственный художник, который устанавливает в академии режим неукоснительной приверженности примитивному и детализированному реализму, требует механического воспроизведения внешней формы предметов, как об этом будет писать позже сам Диего Ривера, который в этот период был учеником академии. Впервые, хотя и очень ненадолго, встречаются два будущих художника — Ороско и Ривера. Ороско уходит из академии и начинает работать рисовальщиком при разработке архитектурных проектов; годом позже

из академии уходит и Ривера, оказавшись «неспособным» соблюдать палочную дисциплину. Шел 1903 год. Ривере в то время было 16 лет, и он уже самостоятельно занимается рисунком. В это же время с Ороско, занимавшимся химическими опытами, произошел несчастный случай, в результате чего он получил ранение в грудь, потерял левую руку и повредил глаз.

Доктор Атль

Теперь необходимо остановиться на одном из наиболее выдающихся художников, человеке сказочно необычайной жизни и интенсивной деятельности, который, не будучи монументалистом, занимает важнейшее место в мексиканской пейзажной живописи в особенности благодаря своим картинам с изображением гор. Это Херардо Мурильо, известный под именем доктора Атля (1874—1964 гг.). Доктор Атль, вернувшийся из Европы и Азии, где он провел несколько лет, изучая живопись, уже обладал большим профессиональным опытом, в то время как будущие великие монументалисты еще были на положении учеников. Человек большой души, любящий молодежь и готовый помогать ей, доктор Атль сыграл важную роль в становлении выдающихся мексиканских художников этого периода. Неугомонный человек с открытым сердцем, необычайно одаренный, доктор Атль объединяет вокруг себя значительную группу юных художников и поддерживает контакт с группой молодых писателей из «Атенея молодежи»; в 1906 г. по его инициативе журнал «Савиа Модерна» организует выставку, в которой впервые принимает участие Диего Ривера. Спустя год Ривера экспонирует свои картины в Веракрус; его дарование замечает губернатор штата Теодоро Дееса, который направляет его за государственный счет в Европу для продолжения занятий живописью. Одним из лучших литературных портретов доктора Атля мы обязаны самому Диего Ривере, который в 1942 г. писал следующее: «Доктор Атль является одной из самых интересных личностей, живших в новую эпоху на Американском континенте. Его биография включает в себе наиболее яркие моменты из жизни всех художников и достойна красочного описания. Атль, вернувшийся из Европы, сразу же всколыхнул стоячие воды старого Теночтитлана: он появился с намазанными метиленовой синькой глазами, — как он сам говорил, от трахомы, — проповедовал эстетические теории, отличался манерой письма, воспроизводившего гамму тонких цветовых оттенков, возглавлял забастовки, писал разящие критические статьи, агитировал народ, обводил вокруг пальца глупцов, использовал фотокамеры своих друзей и знакомых, организовывал выставки и, не имея ни гроша в кармане, угощал друзей бочками превосходных макарон и помогал десяткам молодых художников,

ратовал за цветовой дивизионизм в духе неоимпрессионизма, производил масляные краски Рафаэля на основе местного копала, занимался коммерцией, разрабатывал правительственные программы, готовил президентов, продал все картины с моей выставки, чтобы я мог отправиться в Европу, завоевал симпатии юристов, включая Хусто Сьерру, обличал Фабреса, Руэлоса и Гедовиуса, учил молодежь дерзости, проявил себя как писатель и поэт, вулканолог, ботаник, горняк, гербарист, астролог, маг, материалист, анархист, тоталитарист — всюду успевал и все проделывал с быстротой, большей, чем та, с какой менял туалеты известный в то время Фриголи. Прежде чем он явится свидетелем последнего поражения Венустьяно Каррансы, к которому он примкнул, Атль занимается изданием газет, организацией красных батальонов, конфискует церковное имущество, приглашает красивых дам на чай в ризницы и объединяет вокруг себя группу молодых талантливых художников того времени. Среди них были Хосе Клементе Ороско и Давид Альфаро Сикейрос». Такое красочное описание личности Атля оставил нам Диего Ривера, и таким представляем его все мы, кто знал его.

Но вернемся к 1907 г. Ривера уезжает в Испанию, где учится в Академии Сан-Фернандо и работает в мастерской Эдуардо Чичарро, художника школы испанского реализма, он путешествует по Бельгии, Голландии, Франции и Англии. Между тем в Мексике в 1909 г. Ороско возвращается в Академию Сан-Карлос, где упорно занимается. Его преподаватель Хесус Ибарра вспоминает, что Хосе Клементе «был заинтересован только тем, чтобы овладеть мастерством, и совершенно не думал о получении диплома. В его работах обнаруживались новое понимание цвета и новый подход к изображению фигур. Что касается изображения натуры, то в основу этого он положил собственное ее восприятие, о чем свидетельствуют его превосходные анатомические этюды». К этому времени молодой Сикейрос уже начал рисовать.

В 1910 г. в условиях диктатуры Порфирио Диаса олигархия пышно праздновала столетие со дня провозглашения национальной независимости. Народ, которому была отведена роль стороннего наблюдателя, не принимал участия в этом празднике и почти ничего не знал о пышных торжествах, проходивших во дворцах. В эти дни столица стремилась превратиться в маленький Париж и сознательно копировала все то, что могло помочь достижению такого сходства. Во время празднеств Порфирио Диас открыл выставку живописи, в которой принимали участие Сулуага, Соралья Чичарро и другие испанские художники, но на которую не был допущен ни один мексиканский художник. В качестве протеста против преклонения перед иностранщиной была устроена по инициативе доктора Атля выставка молодых мексиканских художников, которые познакомили публику со

своими произведениями. В их числе был Давид Альфаро Сикейрос, и мексиканцы впервые узнали о нем. К этому времени Ривера покинул мастерскую Чичарро в Мадриде, проникшись презрением к его отжившему творчеству, и после знакомства с европейскими музеями, парижскими кафе и художественными мастерскими на короткое время возвратился в Мексику. Ободренные успехом на своей выставке, молодые художники принимают решение создать под руководством доктора Атля Художественный центр. Сведения об этом содержатся в автобиографии Ороско, который писал: «Доктор Атль предложил основать Художественный центр, преследуя цель добиться разрешения правительства на выполнение росписей на стенах общественных зданий. В доме на улице Монте де Пиедад была снята комната на втором этаже. Основание этого Центра было отмечено великолепными макаронами, приготовленными самим доктором Атлем и поданными в нескольких бочках из-под бензина. Во время обеда пиво лилось рекой, мы достали его у хозяина одного винного погребка в обмен на обещание сделать ему несколько объявлений». В этом Художественном центре впервые в XX в. формулируется отчетливая идея о создании настенных росписей в Мексике. О создании Художественного центра возвестил смелый для своего времени манифест, в котором говорилось, что творчество художников будет направлено «на создание нового мира, социализацию искусства и на превращение его в могучее средство воздействия на народ».

Возможно, что эти идеи принадлежат самому доктору Атлю, который к этому времени уже создал первую настенную роспись в Гуадалахаре, вернувшись из своей поездки по Европе и Востоку.

Через два месяца после создания Художественного центра раздались первые выстрелы революции, и молодые художники были вынуждены отложить осуществление своих проектов до более подходящих времен.

Забастовка в академии

1911 год является важной вехой в развитии пластических искусств в Мексике. Ученики Академии Сан-Карлос восстали против рутинных методов преподавания Фабреса, объявили забастовку, требуя его отставки. Председателем забастовочного комитета был Хосе Кlemente Ороско. В один из критических моментов забастовки Давид Альфаро Сикейрос, который в тот период пишет свою известную картину «Крестьяне», попадает в руки полиции и обвиняется в том, что он бросал камни в директора Фабреса. После освобождения он отправляется во второе путешествие по Европе. В Париже начи-

нается самый плодотворный период его деятельности как художника.

В 1913 г. Альфредо Мартинес открывает в Санта-Аните первую школу живописи для того, чтобы дать необходимую подготовку молодым талантливым художникам, вырвать их из затхлой атмосферы академии. Среди учеников этой школы был Давид Альфаро Сикейрос. Хосе Клементе Ороско пишет для бывшего музея Сан-Хуан большую картину, посвященную отступлению испанских войск, и продолжает работать над острыми политическими карикатурами, проявляя в них тонкое чувство юмора. Со своей стороны Ривера уже преодолел в Париже влияние неоимпессионизма в своем творчестве, преодолел период увлечения греко-византийским искусством и подошел к новым формам, открытым Пикассо.

В Мексике революция шла своим путем. В 1911 г. в результате народного движения был свергнут диктатор Диас, Мадеро стал признанным вождем революции, поставившей его у власти. В 1913 г. Рейес и Диас поднимают мятеж против Мадеро. Наступают «десять трагических дней» — Мадера назначает военным комендантом г. Мехико Уэрту, который вступает в сделку с мятежниками, арестовывает президента Мадеру и вице-президента Пино Суэреса, организует их убийство и провозглашает себя президентом. Венустиано Карранса и Майторена отказались признать узурпаторское правительство, и первый из них возглавил народное движение против Уэрты.

Доктор Атль присоединяется к армии Каррансы, увлекая за собой многочисленную группу молодых художников, среди которых были Ороско и Сикейрос.

В этот период доктор Атль начинает издавать газету «Ван-гардия», в которой выступает в поддержку Каррансы. На страницах этой газеты появляются карикатуры художника-солдата Хосе Клементе Ороско. Тем временем Сикейрос, верный своему страстному характеру бойца, принимает активное участие в сражениях, получает звание лейтенанта; в 1914 г. он переходит в штаб генерала Мануэля М. Диегеса, начальника Западной дивизии. В Европе началась первая мировая война, произошло сражение на Марне; Германия потеряла свои колонии; американцы высадили десант в Веракрусе, а Карранса нанес решительное поражение узурпатору Уэрте, заставив его бежать в Соединенные Штаты Америки.

В Париже Ривера учится у своего друга Писарро и находится полностью под влиянием кубизма, «но, несмотря на приверженность этому направлению, в его творчестве проступают черты его личности как мексиканца», — пишет позже о себе Ривера (в 1926 г.).

В сентябре 1915 г. Ороско открывает свою первую выставку в Мексике и экспонирует серию своеобразных литографий, по-

священных теме проституции, которые явились не только большой художественной удачей, но и представляли собой резкую критику социального строя. Два года спустя, в 1917 г., Хосе Клементе Ороско уезжает в США, где поселяется на два года в Калифорнии. На границе невежественный американский таможенник уничтожил 60 превосходных литографий, сочтя их «неприличными».

1917 год — это год Октябрьской революции в России, когда впервые в истории человечества пролетариат берет власть в свои руки; в Мексике провозглашается новая конституция — результат буржуазно-демократической революции; Карранса избирается президентом; Мариано Асуэла печатает свой роман «Касики»; Давид Альфаро Сикейрос в звании капитана находится на действительной службе в армии. Ривера в Париже начинает отходить от кубизма. В 1918 г. Ривера уже испытывает влияние Сезанна и Ренуара, а Ороско в Калифорнии заявляет: «Я бы предпочел писать черными красками и красками земли, исключенными из палитры импрессиониста». Сикейрос в Мексике жадно ловит известия о молодой Советской республике и лихорадочно работает по ночам, вернувшись из казармы. Эмильяно Сапата клеймит Каррансу как «воскресителя латифундизма».

Парижская встреча

1919 год — год подлого убийства Эмильяно Сапаты, вождя мексиканских крестьян, год подписания Версальского договора и год создания III Интернационала. В Мексике создается коммунистическая партия. Капитан Давид Альфаро Сикейрос приезжает во Францию в должности атташе мексиканского посольства и встречается Диего Риверу. Эта парижская встреча двух молодых мексиканских художников имела важное значение для мексиканской пластики. Давно уехавший с родины Ривера с восторгом слушает рассказы солдата Сикейроса о появлении нового общества, рожденного в муках революции, волнующие новости о возникновении новых направлений в мексиканской культуре, о появлении первых книг Антонио Кассо («Философия образования», 1914 г., «Философские проблемы», «Существование как экономика, как бескорыстие и как милосердие», 1915—1919 гг.), о первых работах Хосе Васконселоса («Пифагор, теория ритма», 1916 г., «Эстетический монизм», 1918 г.). У обоих этих философов они находят некоторые впервые поднятые серьезные вопросы, впервые высказанные идеи, против некоторых из которых Ривера считает необходимым вести борьбу. Сикейрос рассказывает ему о возрождении национальной литературы, о чем свидетельствуют значительные успехи, достигнутые в борьбе нового поколения

против старых модернистских форм. К таким успехам относятся произведения Энрике Гонсалеса Мартинеса «Смерть лебедя» (1915 г.), «Напрасный Час» (1916 г.), «Параболы и другие поэмы» (1918 г.); поэмы двух молодых поэтов — Хайме Торреса Бодета («Рвение», 1918 г.) и оригинального провинциального поэта Рамона Лопеса Веларде («Священная кровь», 1916 г.; «Тревога», 1919 г.); романы Хосе Рубена Ромеро («Героическая муза», 1915 г.) и Мариано Асуэлы («Те, кто внизу», 1915 г.; «Касики», 1917 г.; «Мухи», «Домитильо хочет быть депутатом» и «Муки приличного семейства», 1918 г.). Все эти новости Ривера слушает, опершись на свою грубую трость из Аписако, о которой упоминал его друг Илья Эренбург. Но что бесспорно восхищало обоих художников, так это раскопки, предпринятые группой ученых под руководством археолога Мануэля Гамио, которые постепенно открывали удивительный мир доиспанских народов с их могучей культурой. Как для десятков других художников, так и для Сикейроса и Риверы эта культура послужит надежным источником для создания великих творений в будущем.

Со своей стороны Диего познакомил Сикейроса с новыми направлениями, рассказал ему о тупике, в котором оказался кубизм, об опытах Шагалла и Чирико, о работах Матисса, Пикассо, Леже и Браке и особенно Модильяни, молодого итальянца, который восхищал Диего своими утонченными этюдами. Но Ривера также говорил с гневом об отсутствии интереса к социальным темам у этих художников, о забвении ими открывающегося перед ними мира; Ривера без конца говорил о новом строе, возникшем в России, о Ленине, некоторые работы которого он уже прочитал в переводе на французский язык. Сикейрос жадно слушал об этом братстве людей, восхищавшем его еще в Мексике. Они строили планы, горячо обсуждали вопрос о месте, которое художник должен занимать в новом обществе, о его обязанностях как политического борца и художника. Эти дни были полны безграничного энтузиазма.

Ривера говорил о больших знаниях, почерпнутых им в еврейских музеях, о необходимости заимствовать из чужой художественной традиции все необходимое, о своей безграничной любви к фра Анжелико. И самая главная идея, которая его волнует, — это стенная роспись, неотложная необходимость взять штурмом стены. У Сикейроса тоже такие же планы, и он называет Ривере имена молодых мексиканских художников, которые могли бы присоединиться к ним и организовать единое большое движение. С особым уважением он говорит о таланте Ороско. Эти парижские встречи закладывают основы будущего монументализма. Но художники едины и в стремлении углубить свое философское мировоззрение. Необходимо срочно приступить к изучению Маркса, Энгельса и Ленина.

Им совершенно ясно, что они должны быть готовы к тем дням, когда развернется ожесточенная идеологическая борьба. Все те молодые представители мексиканской интеллигенции, о которых они говорили вначале, изучают Бергсона и Гуссерля и будут опираться на них в будущем. Задачей интеллигенции своего времени они считали борьбу со сторонниками этих новых форм идеализма.

Только одно обстоятельство омрачало встречу друзей — смерть в 1913 г. гениального народного гравера Хосе Гуадалупо Посады. Он был погребен в общей могиле, и никто не знал, где покоились его останки.

Примерно год длилось общение обоих художников, живших в Париже. В 1920 г. Диего Ривера отправляется в длительное путешествие в Италию, где в результате упорного труда создает 350 рисунков с образцов византийского искусства, искусства первых христиан и доренессансного искусства и зарисовок с натуры.

В свою очередь Сикейрос переезжает в Испанию и основывает в Барселоне журнал «Латиноамериканская жизнь», опубликовав в нем свой известный манифест к художникам Латинской Америки, содержащий формулировки общих принципов, которыми следует руководствоваться в творчестве: «монументальность и героизм, гуманизм и гражданственность в соответствии с непосредственным и живым примером наших великих доиспанских культур в Америке». В этих строках нетрудно найти отзвуки состоявшихся в Париже бесед и усиления внутрисполитической борьбы. В этом же году для Сикейроса кончается, как он сам пишет, «период школьного и художественного ученичества и приобщения к гражданской жизни».

Встречи на родине

Ороско приезжает в Мексику в 1919 г., Ривера возвращается в 1921 г. и предпринимает поездку в Юкатан и Пуэблу, где «рисует, захваченный красотой Мексики, и проявляет наконец свою индивидуальность как художник». Сикейрос возвращается на родину в 1922 г. Все трое встречаются вновь, но у каждого из них за плечами большой творческий опыт. Президент республики Обрегон создает Министерство образования, во главе которого ставит Хосе Васканселоса. Буржуазия укрепляет свою власть и ведет борьбу против остатков феодализма и клерикализма. Приближаются крупные классовые бои, наиболее сознательная часть интеллигенции активно участвует в жизни страны. По инициативе Сикейроса создается «Синдикат революционных художников, писателей и гравиров», который объединяет самых решительных борцов за

новую культуру, наполненную социальным содержанием, связанную с современностью и поставленную на службу народу. В этом первом политическом союзе творческой интеллигенции Мексики участвуют Ривера, Ороско, Сикейрос, Чарлот, Леаль, Ревуэлтас, де ла Канал, Гарсиа Каэро, Герреро, Х. Монтенегро, Атль, де ла Куэва и Кастельянос. Трое последних создают значительные произведения станковой живописи, а остальные приступают к выполнению первой большой коллективной монументальной работы, с которой, собственно говоря, и начинается мексиканский монументализм,— выполняют энкаустикой и фреской росписи в Национальном Препаратории. Этими работами мексиканские художники создают для народа его собственный художественный образ — в нем родина видит себя такой впервые. «Действительно,— говорит Альма Реед,— они открыли целый мир ранее неизвестных форм».

Великий эксперимент

Настал момент, когда необходимо было приступить к исполнению больших планов. Стены Препаратории, великолепного архитектурного сооружения колониальной эпохи, были предоставлены в распоряжение группы талантливых художников. Было решено поделить стены огромного здания между различными художниками, чтобы каждый из них мог совершенно индивидуально изображать интересующие его темы. Несмотря на то что все выполненные росписи характеризуются высоким художественным уровнем, бесспорно, наибольший успех был достигнут Ороско, Риверой и Сикейросом.

Хосе Клементе Ороско работал над росписью стен северной части внутреннего двора и стен нижней части внутреннего двора (в 1922—1923 гг.). К этому периоду относятся его работы: «Пир богатых во время войны», оригинальная фреска «Троица» (рабочий, крестьянин, солдат), на которой три тесно связанных между собой фигуры символизируют силу и единство народа, «Забастовка» и грандиозная стенная роспись «Окоп» — подлинный шедевр по своей динамике, силе и точности красок, а также «Разрушение старого мира» и «Материнство».

На стене восточной части двора Ороско выполнил следующие работы: «Жаждающие люди» и «Инженеры», а в месте, где коридоры сходятся под углом, изобразил скрещенные руки рабочих, держащие серп и молот. На втором этаже он выполнил превосходные карикатуры под названием «Закон», «Свобода», «Церковь», а на третьем — росписи «Жены рабочих», «Могильщик», «Благословение матери», «Мир», «Возвращение с поля битвы». В 1926 г. Ороско расписывает пролет лестницы; здесь он выполняет своих известных «Францисканцев», «Кортес и

Малинче», «Конкистадор — разрушитель» и «Трудящийся индеец». Касаясь работ этого периода, Ороско отметил: «Моей единственной темой является человечество. Моей единственной тенденцией является максимальный энтузиазм. Средства для достижения этого я нахожу в реальном изображении тел самих по себе и в их взаиморасположении».

На долю Диего Риверы выпала роспись амфитеатра имени Симона Боливара в Национальном Препаратории. В биографии, написанной в третьем лице самим Диего Риверой в 1926 г., четыре года спустя после росписи амфитеатра, мы встречаем следующую его оценку своей работы: «Ему не удалось самостоятельная работа, и чрезвычайно заметно влияние Италии». И, со своей стороны, полагаю, что эту резкую оценку Ривера дал себе, находясь под влиянием своих последующих успехов, которые заставили его проявить определенное пренебрежение к своему собственному творчеству.

Совершенно другую оценку этой росписи дает известный мексиканский критик Хустино Фернандес, называя ее «первой крупной стеной росписью века». По этому поводу Х. Фернандес пишет: «Эта работа практически подводит итог живописи от Византии до Сезанна. Ривера выполняет и обновляет синтез этой стеной росписи, используя не только краски, но и золотую охру, которая действительно напоминает византийскую живопись».

Эту первую свою стеной роспись Ривера выполнил энкаустикой — приемом, характерным для эпохи итальянского Возрождения и состоящим в создании рисунка путем насечек на выровненной поверхности стены. Темой этой росписи, характеризующейся философским содержанием, является человеческая энергия, которая всему дает начало и к которой все возвращается. Особенно запоминается фигура «Веры», о которой Фернандес пишет: «Она величественна и благородна, впечатляет своим колоритом с золотистыми оттенками».

В Препаратории, в той его части, которая известна под названием «Колехио Чико», Сикейрос выполнил следующие стеной росписи: «Стихии», патетическая и волнующая роспись, «Похороны рабочего», «Мифы», «Призыв к свободе»; к сожалению, две последние почти полностью уничтожены. Несмотря на сравнительно ограниченный размер его работ и то, что они относятся к раннему периоду его творчества, в них уже со всей силой проявляются некоторые из его важнейших особенностей как художника, которые получают развитие в дальнейшем, — сила, динамизм, способность использовать абстрактные элементы, подчиняя их реализму первого плана, и прежде всего совершенное владение перспективой.

Фернандо Леаль, принимавший участие в росписи Препаратория, создал фреску «Праздник Христа в Чальме», а также

ряд фресок в вестибюле амфитеатра, посвященных жизни Боливара. К несчастью, другие работы Леаля уничтожены.

Фермин Ревуэльтас — один из художников, участвовавших в росписи Препаратории, и активный член «Синдиката художников», выполнил в одном из пролетов северного входа в здание «Праздник Гуадалупской божьей матери», проявив способности выдающегося колориста.

В это время доктор Атль и Адольфо Бест Маугарт рисовали в бывшем монастыре святого Петра и Павла.

Мы можем задать себе вопрос: в чем состояло значение этого великого эксперимента для истории мексиканского искусства и в основном для монументальной живописи. Во-первых, это означало претворение на практике новых эстетических теорий, это означало испытание огнем для «Синдиката художников», а также начало замечательной эпохи в живописи Латинской Америки. С чисто эстетической точки зрения были достигнуты важные успехи («Окоп» и «Троица» Ороско; «Вера» Риверы; «Похороны умершего рабочего» Сикейроса). Однако живопись того периода не преодолела полностью зависимости от старых классических тем как с точки зрения их замысла, так и с точки зрения их трактовки, хотя был пройден, бесспорно, большой путь к окончательному освобождению от них. Так, например, в этих произведениях находит свое отражение некоторые мифологические сюжеты (особенно из греческой и христианской мифологии). Нетрудно понять, что эти символы отнюдь не являются наиболее подходящими для выражения духа нашей эпохи, которую всегда, с самого начала, воспроизводили мексиканские монументалисты. Я считаю, что объяснение этой особенности заключается не только в том, что это были первые росписи, но также и в том, что философская концепция мексиканских монументалистов находилась в тот период в процессе развития. Вышесказанное в основном относится к Ривере, Ороско и Сикейросу, так как их коллеги в этом начинании (Ревуэльтас, Леаль и др.) еще не преодолели этапа жанровой красочности и, несмотря на умелое использование цвета и объема, не достигли большой глубины в трактовке тем.

Роспись здания Министерства народного образования

В 1923 г. Ривера приступает к такой колоссальной по размеру и замыслу работе, которую никогда не выполнял художник с эпохи Возрождения. Ему предстояло украсить росписями колоссальное трехэтажное здание с двумя внутренними двориками, т. е. тысячи квадратных метров поверхности. Его росписи должны были явиться настоящим гимном революции. В этой работе ему помогало большое количество его кол-

лег по «Синдикату художников» — Жан Чарлот («Грузчики», «Прачки»), Амадо де ла Куэва («Молодые быки», «Танцовщики»), которые работали на первом этаже второго внутреннего двора. За год до этого, когда основная группа художников продолжала работать в Препаратории, Роберто Монтенегро уже закончил роспись предназначенных для приемов залов Министерства образования и в 1923 г. приступил к работе в зале для прений бывшего монастыря Петра и Павла, где годом ранее работали Атль, де ла Куэва и Костельянос.

Темы, которые Ривера развил в своей колоссальной работе, были распределены им по соответствующим архитектурным элементам здания: в первом внутреннем дворе на каждый этаж он выделил три основные темы — труд, наука и искусство; во втором дворе он также развил три темы — раздел земли, 1 Мая и сцены на рынке. Между панелями он выполнил росписи на темы народных баллад и песен.

По мнению Х. Фернандеса, в этой грандиозной работе Ривера изобразил труд — шахты, сахарные заводы, литейные мастерские, сельское хозяйство, праздники — наделение земель, 1 Мая, рынок. Он отразил также многие аспекты нашего фольклора. На лестнице он изобразил подъем от берега к плоскогорью, грандиозную сельву. На стенах коридоров верхних этажей он отразил, или, точнее говоря, воспел, мексиканскую революцию.

При выполнении этих стенных росписей Ривера опирался на богатейшие зарисовки, сделанные во время путешествия в Пуэблу и Юкатан. Среди этих зарисовок есть такие, которые стоят на уровне лучших образцов мирового искусства, — никогда за всю историю латиноамериканского искусства сцены труда не были запечатлены с большей взволнованностью и любовью. Незабываемы фигуры рабочих, — изнуренные, они поднимаются из шахт; по лицу одного из них, выходящего из-под земли словно после страшного путешествия в ад, можно видеть, как он делает первый глоток чистого воздуха. На первом плане изображена постыдная сцена осмотра шахтера надсмотрщиками, боящимися, как бы он не украл руду, с чисто византийской тонкостью выписан рабочий, слегка склонивший на плечо голову, в то время как надсмотрщики опущивают его одежду. В этой сцене есть что-то от распятия Христа, однако здесь библейский образ оказывается полностью земным и человеческим и поставлен на службу классовой борьбы. Патетична также сцена с убитым крестьянином; труп, покрытый плащом, и его товарищи верхом на лошадях, взывающие о мести и наказании; за ними простирается бесконечный горизонт. Бесценны фрески, посвященные литейным пехам, изображению мирно спящей девочки, дыхание которой, кажется, падает на ее руки с невыразимой тяжестью.

Интересно отметить ту обстановку полной свободы, в которой Ривера работал над росписью этих стен здания Министерства образования, — и выбор темы, и ее трактовка были всегда исключительным правом самого художника. Общеизвестным является тот факт, что министр образования Хосе Васконселос, который горячо поддерживал идею этого эксперимента, не был согласен ни с формой выражения, ни с идеями Риверы, но тем не менее никогда не препятствовал его работе. Очевидцы рассказывают, что Васконселос тогда часто говорил: «Мне не нравится то, что он делает. Это ужасно! Но стены принадлежат ему. Пусть его!..» Позднее сам Ривера, добродушно улыбаясь, рассказывал, что когда министр каждое утро проходил мимо его помоста, он надвигал плечу на глаза, ускорял шаги и, отворачиваясь, говорил: «Боже мой! Только индейцы так рисуют!»

С точки зрения эволюции самого художника эта стенная роспись знаменовала начало самостоятельного творчества. Это совершенно самостоятельное произведение, свидетельствующее о преодолении прежних влияний и о поразительной способности глубоко раскрывать тему, о его огромных творческих способностях. Работа свидетельствует о более совершенном владении теорией и о заметной уверенности в трактовке определенных тем.

Работы Сикейроса

К 1924 г. как Ривера, так и Сикейрос вступают в Мексику в коммунистическую партию и становятся активными сторонниками социалистического переустройства общества, подобно Хавьеру Герреро Гальвану, Ревуальтасу и многим другим членам «Синдиката художников». Мятёж Уэрты провалился, и президентом республики стал Кальес. Политическая обстановка в стране была напряженной, учащались конфликты, за которыми стояло реакционное духовенство. Устанавливаются дипломатические отношения с СССР; Альфонсо Касо выпускает свою книгу — «Мексиканская проблема и национальная идеология».

В этом же году Сикейрос, Ривера и Герреро основывают газету «Эль мачете» — орган «Синдиката революционных художников, писателей и гравёров», в числе сотрудников которой были виднейшие художники и писатели-марксисты того времени. В этой газете были опубликованы очень интересные карикатуры и рисунки художников, например Хосе Клементе Ороско. Вскоре «Эль мачете» стал органом Центрального Комитета Мексиканской компартии под названием «Ла вос де Мехико».

Став профессиональным революционером, Сикейрос полностью отдается политической работе. В Таско и Гуадалахаре он создает четыре профсоюза горняков. В Халиско его избирают генеральным секретарем Рабочей федерации. Он находит время и для того, чтобы вместе с Амадо де ла Куэва заниматься росписью стен актового зала университета в Гуадалахаре.

Направленный в 1928 г. в качестве делегата от мексиканских горняков на IV конгресс Профинтерна, Сикейрос впервые знакомится с СССР. По возвращении на родину он избирается генеральным секретарем Мексиканской унитарной конфедерации профсоюзов и участвует в качестве делегата в работе Континентального конгресса профсоюзов в Монтевидео. Из Уругвая он направляется в Буэнос-Айрес, откуда его высылают за политическую деятельность. По возвращении в Мексику он был арестован и приговорен к годичному тюремному заключению за активное участие в первомайской демонстрации.

Чапинго

В 1926 г. Ривера приступает к наиболее крупной своей работе — к росписи бывшей капеллы в Чапинго, превращенной в актовый зал Национальной сельскохозяйственной школы. Здесь он создает большую стенную роспись, которую многие критики считают шедевром и, возможно, самым значительным произведением латиноамериканской живописи (наряду с «Человеком в пламени» Ороско и росписями стен Исторического музея в Чапультепек, выполненными Сикейросом).

Капеллу в Чапинго часто сравнивают с Сикстинской капеллой — и, я думаю, не без основания. При всем различии, существующем между обоими гениальными мастерами живописи, в работе каждого из них проявляется очевидное сходство в монументальности, в глубокой эмоциональности, достигнутой объемным изображением и строгой композицией темы.

Для решения задач, стоявших перед Риверой, требовалось большое напряжение сил и умение создавать детали. Сам Диего Ривера писал по этому поводу: «Я был вынужден сочетать архитектурный стиль капеллы (испанский Ренессанс) с подлинно мексиканской эстетикой при полном отказе от искусственного украшения. Хотелось представить идеи цветения и вызревания плодов как естественные символы развития человека-творца».

Считаю небесполезным процитировать прекрасное описание капеллы, сделанное Хустино Фернандесом: «Салон в стиле барокко, не очень большой, прежде служивший капеллой в по-

мещицъей усадьбе. Пол ее прямоугольный, потолок дощатый: пилястры, карнизы, арки и монеты делят пространство; окна находятся в люнетах правой стороны, круглые же окна — окулус — в стенах той же стороны; кроме того, имеется пространство, занимающее место, где прежде располагался хор. Ривера воспользовался архитектурными особенностями и осуществил свой замысел следующим образом: правую сторону отвел для изображения истории происхождения человека, левую — для изображения истории социального развития человечества. Используя то, что проемы расположены симметрично друг против друга по обеим сторонам, художник добивается параллелизма в изображении: один проем используется для изображения зарождения жизни, а другой напротив — для зарождения революционных идей, и так до этапа окончательного завершения обоих процессов, что изображено на стене, находящейся в глубине. На этой стене представлены символы четырех стихий и человек, который в конце концов подчиняет себе природу с помощью современной техники. Художник удачно избрал проемы правой стороны для изображения происхождения жизни, используя свет круглых окон; он выполнил целую серию обнаженных фигур, некоторые из которых характеризуются восхитительным мастерством рисунка, тонкостью колорита и высокой техникой исполнения. Изображения в проемах левой стороны более абстрактны, в люнетах над ними превосходно изображены монументальные руки. Росписи в глубине гармонируют с остальным ансамблем. Большая обнаженная фигура Матери-Земли находится на уровне карнизов нижней части. Символом воды является другая прекрасно выполненная крупная обнаженная фигура. Наблюдатель, стоящий лицом к выходу, видит на широкой стене, замыкающей хоры старой капеллы, лежащую обнаженную женскую фигуру — символ спящей Матери-Земли, из-под правой руки которой всходит растение. Эта колоссальная фигура имеет благородные и нежные формы, ее черные волосы ниспадают на лицо с полуоткрытым чувственным ртом. Художник изобразил тело различными красками и мелкими мазками, производящими большой эффект и представляющими новую технику выполнения фресок. Эта большая обнаженная распростертая фигура заняла подобающее место в истории живописи. И хотя можно вспомнить целую серию женских образов, начиная с «Венеры» Тициана, Джорджоне, Веласкеса, «Махи» Гойи и «Олимпии» Мане, ни одна из них не достигает монументальности именно этой фигуры, — здесь вспоминаются Рафаэль и Микеланджело, несмотря на все различие в манере изображения. Так же превосходно выполнена и производит соответствующее впечатление находящаяся в сводах целая серия обнаженных мужских фигур со смуглыми телами, являющимися символами земледелия.

**Важные поездки,
крупные работы,
большие символы Диего Риверы**

Завершив в 1927 г. свою грандиозную работу в Чапинго, Ривера впервые едет в Советский Союз. Акварельные зарисовки, получившие название «Московский альбом», запечатлели многие аспекты и сцены московской жизни. Возвратившись из Москвы, он завершает роспись второго внутреннего дворика Министерства образования и пишет картину, навеянную воспоминаниями о московском параде 1 Мая 1927 г., где он присутствовал. Эта картина называется «Мировая революция». Период, в течение которого он находился за границей, был насыщен политическими событиями. В 1927 г. началась избирательная кампания по выборам президента, который должен был сменить Кальеса. На основании незаконной поправки, внесенной в конституцию в 1926 г. и позволяющей повторное избрание президента, Обрегон при поддержке Кальеса выставил свою кандидатуру на пост президента. Оппозиция выставила свои кандидатуры — Арнульфо Гомеса и бывшего министра национальной обороны Франсиско Серрано. Убийство обоих кандидатов оппозиции открыло путь для Обрегона, который был провозглашен в 1928 г. президентом, но в этом же году был убит Леоном Торалем в ресторане «Ла Бомбилья». Тем временем Ривера возвращается из Советского Союза.

После убийства Обрегона временный президент Портес Хиль назначил новые выборы. Официальным кандидатом являлся Паскуаль Ортис Рубио, Васконселос же принял предложение оппозиции выставить свою кандидатуру на пост президента. Начался очень важный, напряженный период в жизни страны.

В те дни в кругах интеллигенции атмосфера была напряженной. Антонио Касо опубликовал свои «Принципы эстетики» (1925 г.), а Хосе Васконселос «Космическую расу» (1925 г.) и «Индологию» (1927 г.) — книги, в которых они выступали против позиций научного социализма. На этих позициях стояли самые последовательные представители интеллигенции, которые, к несчастью, не смогли выдвинуть из своей среды личностей, могущих противостоять этим двум философам. Роль защитника марксизма в рядах интеллигенции пытался было сыграть Виценте Ломбардо Толедано (можно сослаться на его известную полемику с Касо), но, к сожалению, его знания не выходили за пределы довольно элементарных представлений о марксизме-ленинизме. В конечном счете всю тяжесть идеологической борьбы пришлось выносить на своих плечах рабочему классу в лице его авангарда — коммунистической партии, несмотря на ее очевидную незрелость в тот период.

В 1927 г. доктор Атль издал свой прекрасный альбом «Народное искусство в Мексике», который значительно расширил знания о национальном искусстве страны и истоках современного искусства. Для иллюстрации своего издания «Церкви в Мексике» доктор Атль привлек молодого студента из Сан-Карлоса Хорхе Гонсалеса Камарену, который со временем превратился в крупного монументалиста.

Вся вторая половина 1928 г. и почти весь 1929 г. проходят под знаком ожесточенной политической борьбы, которая была вызвана выдвижением оппозицией Васконселоса на пост президента. Васконселос сумел объединить вокруг себя значительные массы народа и почти всех мексиканских студентов, среди которых фигурировал Адольфо Лопес Матеос, будущий президент республики. Правительство Портеса Хилья, являвшееся фактически орудием в руках Кальеса, было полно решимости не допустить победы Васконселоса. Большинство на выборах получил Васконселос, но путем махинаций правительство объявило об избрании президента Паскуале Ортиса Рубио. Васконселос готов был начать гражданскую войну, но, лишенный достаточной поддержки своих сторонников, был выслан в провинцию и отошел от политической и идеологической борьбы.

В тот же 1929 г. — год поражения Васконселоса — студенческое движение, возглавляемое Хорхе Гонсалесом Камареной, потребовало, чтобы Диего Ривера был назначен директором Академии Сан-Карлос. Это требование было удовлетворено, и гениальный художник возглавил школу живописи. У Риверы, занявшего пост директора, появились грандиозные планы — он стремится ввести обширную программу занятий, благодаря которой учащиеся получали бы универсальные знания и могли бы стать одновременно архитекторами, инженерами, скульпторами и монументалистами и тем самым решать большие задачи, которые им «уготовило время, в какое им довелось жить как художникам». Разумеется, скандал не заставил себя ждать: ученики, испугавшиеся обширной программы, обрекавшей их на несколько лет пребывания в академии, свергли Диего Риверу с поста директора. Вся история длилась лишь несколько месяцев.

Из Сан-Карлоса художник направляется прямо в Куэрनावаку для выполнения росписи стен дворца Кортеса, великолепного здания XVI в., где размещались правительственные учреждения штата Морелос. Здесь Ривера сделал серию превосходных росписей. В основу замысла этой работы положено противопоставление испанских конкистадоров руководителям народных масс — Морелосу и Сапате. Художник изобразил сцены завоевания Куэрनावакы и строительства здания с помощью принудительного труда индейцев. Достойны упоминания необычные портреты Хосе Мария Морелоса и Эмильяно Сапаты.

Одновременно с этим Ривера расписывает стены зала заседаний Министерства здравоохранения в Мехико (1929—1930 гг.) и приступает к осуществлению своего смелого и обширного проекта по росписи стен Национального дворца с целью изобразить историю мексиканской науки — этой работой он занимался в различные периоды своего творчества (1929, 1935, 1945 гг.), но она осталась неоконченной (часть верхнего этажа не была расписана).

Луначарский в Советском Союзе интересовался работой мексиканского художника. Уже давно слыхавший о Ривере от Эрэнбурга, Луначарский просил сообщить ему о росписи стен, выполненной в Мексике Диего Риверой. Хулио Гомес в 1929 г. рассказал ему об этих работах и по его просьбе передал ему фотографии росписей.

Диего Ривера получил всемирное признание как мастер живописи. В Соединенных Штатах Америки стали выражать желание иметь его росписи. С Диего заключают контракт на выполнение работ в США, куда он выезжает в 1931 г. В Сан-Франциско он расписывает здание «Ланчон клуб» биржи, а затем выполняет еще две росписи — одну из них в школе изящных искусств. В 1932 г. он выполняет роспись стен Художественной школы в Детройте, на тему массового производства автомобилей. Эта роспись послужила причиной первого скандала в США в связи с тем, что для нее он использовал определенные символы, связанные с сущностью учения Христа. В 1933 г. разразился большой скандал в Нью-Йорке в связи с тем, что во время работы в Рокфеллер-центре он сделал попытку создать свою стенную роспись «Микрокосмос и Макрокосмос», в основе замысла которой лежало стремление изобразить различное использование техники двумя системами — капиталистической и социалистической. На этой росписи были даны изображения Маркса и Ленина, что вызвало ярость реакции, которой в конце концов удалось добиться уничтожения росписи. В разгар этого грандиозного скандала Ривера возвращается в Мексику, взбешенный непростительным актом варварства, совершенным против его работы, но «счастливый тем, что американским рабочим будет приятно посмотреть на стенные росписи Детройта и Сан-Франциско».

Творчество Ороско в 1925—1934 гг. и его заграничные поездки

Хосе Клементо Ороско терпеливо продолжал роспись стен Препаратория до 1928 г., чередуя ее с росписью «Дома с изразцами», для которого он выполнил фреску «Мудрость» (1925 г.) о смысле жизни. Несколько позже для Промышленной школы в Орисабе он сделал стенную роспись «Ре-

волюция». Именно в этот период в его творчестве наблюдается наибольшее сходство с Гойей и Эль Греко.

Ороско уезжает в Нью-Йорк, где случайно встречается с крупным русским художником Н. К. Рерихом, которым он искренне восторгался. В это время Ороско выполняет серию работ «Мексика в революции», которая была показана на выставке в Нью-Йорке. В 1929 г. Ороско организует в Нью-Йорке большую выставку, на которой были представлены картины (113), знакомящие со всеми периодами его творчества, а также экспонировались фотографии стенных росписей, выполненных им в Мексике. Несколько американских музеев приобрели его произведения и организовали выставку, которая была показана в Париже, Вене и Будапеште. В 1930 г. Ороско выполняет свою великолепную фреску «Прометей» в Помона-Колледже в Клермонте (Калифорния); здесь, используя темы мифологии, он дает напряженную картину борьбы современного человека за правду и добро. В 1931 г. Ороско выполняет для Института социальных исследований в Нью-Йорке стенную роспись «Ганди», на которой изображены силы, которые, по представлению Ороско, творят историю, — социальная справедливость, братство народов и мир без эксплуатации и войн. В 1932 г. в Дортмудском колледже в Ганновере (Нью-Гэмпшир) художник делает ряд фресок. В 1934 г. Ороско отправляется в трехмесячное путешествие по Европе (Англия, Франция, Испания) и завершает работу «Культура Нового Света», в которой объединяет в своей трактовке милитаризм XVI в. с торжествующей механизацией XX в., резко критикуя социально-экономическую систему и систему образования США. В этом же году он возвращается в Мексику, где делает свою большую стенную роспись «Катарсис» в Музее изящных искусств в Мехико одновременно с Риверой, который для этого же музея создает свою фреску «Микрокосмос и Макрокосмос».

Новые работы Сикейроса

Выйдя из тюрьмы в 1930 г., Давид Альфаро Сикейрос выполняет интересную работу «Военный поезд» (станковая живопись), навеянную воспоминаниями о периоде вооруженной борьбы, в которой он принимал участие.

В 1931 г. Сикейрос выполняет превосходный портрет Эмильяно Сапаты, а в 1932 г. уезжает в США, заключив контракт с художественной школой Човинард в Лос-Анжелосе (Калифорния) на чтение курса стенной живописи. В этот период он выполняет две росписи — «Рабочий митинг» и «Тропическая Америка», используя для обеих один и тот же метод фрески на цементе. В это время Ороско работает над росписью в Дортмудском колледже, а Ривера в Детройте живет в атмосфере выз-

ванного им скандала. Именно в эти дни Сикейрос разрабатывает свою новую теорию наружного монументализма, заменив фреску пластическими росписями, стойкими к атмосферным воздействиям.

В 1933 г. он предпринимает новую поездку в Аргентину, чтобы прочесть ряд лекций о мексиканской монументальной живописи, и подвергается там на короткое время аресту за речь, произнесенную против правительства генерала Хусто. Выйдя из тюрьмы, выполняет стенную роспись в доме директора газеты «Критика» в местечке Дон Торквато. Эту роспись, небольшую по размерам, Сикейрос сделал на силикатной породе.

Вернувшись на родину в 1934 г., он встречается с Риверой и Ороско, также недавно вернувшимися в Мексику.

Нацизм угрожает миру и демократии. В этих условиях необходимо бороться с нацистской угрозой. В ответ на призыв Коминтерна в Мексике создается Национальная лига против войны и фашизма, президентом которой становится Давид Альфаро Сикейрос.

Стенные росписи для Музея изящных искусств

Двенадцать лет спустя после совместной работы в 1922 г. в Препаратории Ороско и Ривера снова выполняют росписи, на этот раз для недавно открытого Музея изящных искусств. Дирекция решила предоставить стены своего музея лучшим мексиканским художникам. Ороско и Ривера были первыми художниками, которые одновременно приступили к росписи стен музея. На третьем этаже этого здания они работают один напротив другого — Ороско над росписью восточной стороны, а Ривера — над росписью западной. Ороско создает «Катарсис», а Ривера выполняет стенную роспись «Микрокосмос и Макрокосмос», вернувшись к замыслу аналогичной фрески, разрушенной в Рокфеллер-центре.

«Катарсис» — первая стенная роспись Ороско в Мексике после крупных работ, выполненных им за границей на протяжении семи лет. Эта фреска насыщена фигурами, позы которых выражают человеческие муки и страдания; краски в отдельных случаях яркие, но всегда строгие; люди кружатся и падают в опасном водовороте штыков, шпиг и ружей. Впечатляет женская фигура, помещенная на первом плане, — проститутка в вызывающей позе, с искаженным лицом. От всей фрески веет кошмаром физического разрушения, на первый взгляд бессмысленной жестокостью борьбы.

Так в этот период Ороско представляет социальную борьбу. Таково представление одинокой человеческой личности, которая питает бесконечную любовь к людям, но не может объяс-

Хосе Клементе Ороско. «Катарсис»

нить, что же происходит в данный момент в Мексике, что произошло и что должно неизбежно произойти. В 1934 г. Мексика оказалась на историческом перепутье — решалась судьба революции; политическая клика могла сделать бессмысленными проявленный героизм, понесенные жертвы и пролитую кровь, а сама революция — превратиться лишь в разрушительную силу, катарсис — в стремительное чередование оружия и золота, вызывающее смех у отвратительной проститутки. Мир Ороско в этот период — это мир одинокого человека.

У работающего напротив него Риверы стремительность красок раскрывает законченную по замыслу и неотразимую по внутренней силе тему различного применения техники при капитализме и социализме. Эта тема находит выражение в уравновешенной, почти симметричной композиции, равноплановость которой служит для противопоставления двух различных систем. В центре стенной росписи изображен рабочий, управляющий сложным прибором, от которого отходят два ярких эллипса, образуя пересекающиеся наклонные плоскости. Один из эллипсов содержит детальное изображение планет, звезд, астероидов, спутников, магмы — одним словом, макрокосмоса, а другой — изображение амёб, клеток, различных микроорганизмов, моменты

размножения низкоорганизованных существ. Обе части вселенной представлены в прекрасной реалистической манере, в восхитительно нежных красках, что свидетельствует о прекрасных познаниях художника в соответствующих областях. Далее х-образное пересечение, образованное эллипсами вместе с блестящей овальной окружностью, отсекающей почти самые концы указанного выше пересечения, делит поверхность стенной росписи на отдельные участки. Левая часть со своими участками предназначена для капитализма, правая — для социализма. В левом верхнем углу стенной росписи изображена армия, движущаяся четким строем, а в правом верхнем углу — радостная народная первомайская демонстрация, несомненно воспроизводящая тот памятный парад, на котором Ривера присутствовал в 1928 г. В глубине видны кремлевские башни и стены. Слева, ближе к краю фрески, показана сцена полицейской расправы с народом, увиденная художником несомненно во время его пребывания в Нью-Йорке, — форма полицейских напоминает форму американской конной полиции. Справа, ближе к краю, видим веселое народное шествие. Слева, ближе к центру фрески, изображена сцена кутежа богачей в кабаре, а справа изображен Ленин, руководящий строительством социализма, и Карл Маркс.

Тема этой стенной росписи имеет универсальный, всемирный характер, но в ней не нашли отражения проблемы, актуальные для Мексики в тот период. Бесспорно, что эта фреска была задумана для выполнения за границей; она случайно стала собственностью мексиканского народа. Но вполне возможно, что в это время, точно так же как и Ороско, Ривера не знал, что должно было произойти в Мексике. Эту задачу он постарается решить в стенной росписи, которую ему предстояло выполнить для Национального дворца.

Работа Диего Риверы над росписью Национального дворца в Мехико

Во второй раз Диего Ривера приступает к росписи этой гигантской тройной стены, образующей пролет главной лестницы Национального дворца, после 1929 г. Хотя задачи, которые предстояло решить, в художественном плане были сложными, но еще более сложным было воссоздание достоверной исторической картины. И Ривера добился успеха как в изображении исторической правды, так и в собственно художественном отношении.

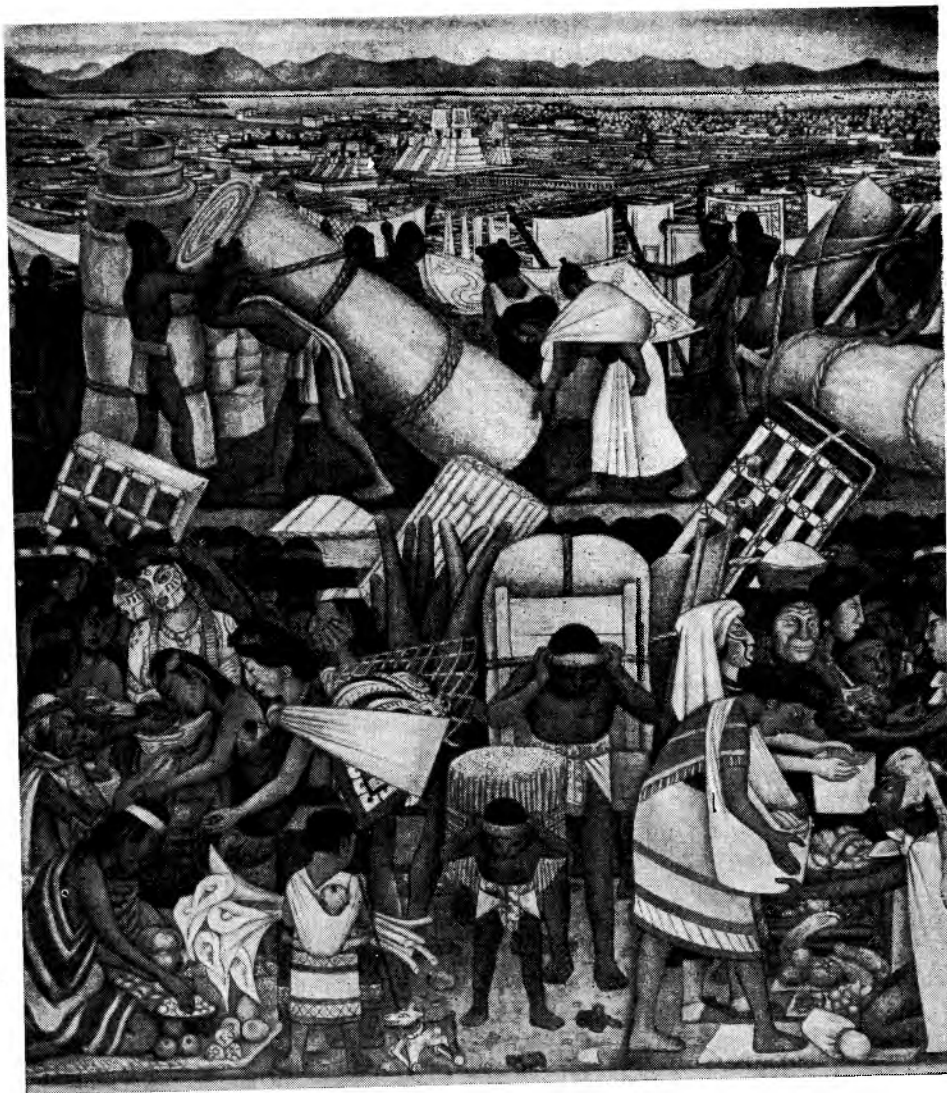
Ривера выделил северную стену для изображения доиспанского периода, центральную стену — для изображения периода завоевания, колониального периода, борьбы за независимость, периода реформ и периода вооруженной борьбы против дикта-

туры Диаса, а южную стену — для изображения современной эпохи с крупными классовыми выступлениями, т. е. 18 лет сравнительно мирного развития, прошедших со времени окончания гражданской войны.

Роспись левой стены свидетельствует о его больших познаниях в области этнографии, об умелом использовании красок и композиционном мастерстве. Здесь Ривера впервые обращается к одной из тем, которые ему с еще большим успехом удастся раскрыть в будущем, воссоздать высокую мексиканскую культуру, уничтоженную конкистадорами. Влюбленный в свою работу и воодушевленный своими успехами, Диего Ривера вернется к этим темам в 1945 г. и выполнит на стенах второго этажа этого же здания великолепные росписи и сцены (на большом рынке в Теночтитлане, процесс изготовления бумаги в Амате, индейская текстильная мануфактура, получение металлов в доиспанскую эпоху и портрет Кортеса, вызвавший много споров).

На центральной стене в хронологическом порядке в сжатом виде изображена история Мексики с момента ее завоевания испанцами до революции 1910—1917 гг. Обращает на себя внимание изображенный в нижней части первого плана бой между индейцами и испанцами. Производит сильное впечатление сцена, связанные с существованием ненавистной системы энкомьенд (тема, которая уже получила отражение в Куэрनावаке). Художник значительное место отводит фигурам монахов-гуманистов XVI в., выступавших против жестокого военно-колониального ига Испании; особенно выделяются великолепно выполненные портреты монаха Бернардино де Саагуна, видного ученого, который изучал мексиканские традиции, слушая рассказы стариков-индейцев — хранителей культурного богатства своего народа. На основании такого изучения народных традиций Саагун написал монументальный труд «Описание Новой Испании» — ценный материал для любого современного исследователя мексиканской культуры. Столь же хороши в художественном отношении портреты епископа Васко де Кирогги (Отеу-Васко), защитника мичоаканских индейцев, и монаха-гуманиста Бартоломе де Лас Касаса, епископа в Чиапасе.

Стенная роспись представляет собой умелую композицию сцен и портретов, относящихся к разным историческим периодам: инквизиция, восстания индейцев, различные моменты народного творчества и так вплоть до начала войны за независимость со сценами казни, с портретами народных руководителей, таких как Мигель Идальго-и-Кастилья, Хосе Мария Морелос-и-Павон. Имеются фрагменты, посвященные победоносному завершению войны за независимость, войне против американских захватчиков в 1847 г., много места уделено эпизодам, связанным с периодом реформ и войной против французских интервентов в 1862 г. Хорошо сделаны относящиеся к этому периоду

Диего Ривера. «Индийский Город». 1945 г.

портрет Бенито Хуареса, президента-патриота, возглавившего народную борьбу против французских интервентов, и сцены расстрела императора Максимилиана, креатуры Наполеона III, стремившегося поработить мексиканский народ, опираясь на поддержку наиболее реакционных кругов Мексики. Следующий фрагмент посвящен периоду длительной диктатуры Диаса и могучему народному движению 1910 г. под руководством Мадеро, превосходный портрет которого выполнен здесь же. Запечатлены также образы Сапаты, губернатора Юкатана Каррильо Пуэрто, социалиста, убитого реакцией, Обрегона и Кальеса.

На третьей, южной стене Ривера отображает важные моменты классовой борьбы в послевоенный период: отчаянную попытку реакции подавить крестьянское движение, проникновение империализма в страну, связь национального капитала с Уолл-стритом, участие духовенства в политических и финансовых махинациях, эксплуатацию масс с помощью религии, репрессии и убийства лучших сынов рабочего класса, новые отряды рабочих, крестьян, студентов и интеллигенции, которые, вооруженные марксизмом-ленинизмом, построят мир, достойный человека.

Таким образом, мы видим, что, в отличие от Хосе Клемента Ороско, Ривера подчеркивает закономерность в сложном развитии мексиканской революции, найдя путеводную нить, и изображает процесс борьбы.

Тем не менее справедливости ради следует сказать, что Ривера никогда больше не обратится к изображению современной Мексики. Впредь он изберет другой, тоже нужный путь, более не отображая трудных дней, выпавших на долю Мексики. И это тем более странно, что именно в 30-е годы Мексика переживала период ожесточенной классовой борьбы, в которой пролетариат проявлял свою силу и в которой работа партии достигла невиданного размаха, когда весь народ начал серьезную битву за свое экономическое освобождение, создав крупную нефтяную промышленность, и принял решительное участие в антифашистской борьбе. Тем не менее в этот период Ривера отошел от злободневных тем. Объяснение этому, возможно, заключается в его временном отходе от коммунистической партии из-за серьезных теоретических ошибок, преодоленных им только в 50-х годах, когда он публично признался в своих заблуждениях и вновь вернулся в ряды партии.

Сикейрос возвращается на поле битвы

Крупный спор, вспыхнувший в 1935 г. между Риверой и Сикейросом, был вызван различным подходом к вопросам политической тактики, художественного творчества, а также причинами личного характера. Сикейрос уезжает в Нью-Йорк и открывает там экспериментальную художествен-

ную мастерскую, где применяет новые пластические материалы, такие как пироксиллин, которому суждено будет сыграть столь важную роль в его будущем творчестве. Он активно работает в области станковой живописи, и Музей современного искусства в Нью-Йорке приобретает три картины, созданные им в этот период.

В Европе складывается напряженная обстановка: Гитлер вводит обязательную воинскую повинность; Италия наносит предательский удар Эфиопии; угроза фашизма нависает над миром. В Испании ощущается приближение большой грозы, происходит сплочение народных масс. В декабре Сикейрос уезжает в Париж, чтобы занять свое место в приближающейся битве.

За полтора года участия в борьбе испанского народа против фашизма Сикейрос получает звание полковника. В Сьерре де Альтамира он командует 29-й дивизией. В суровый 1937 г. тысячи солдат Муссолини пришли на помощь Франко, а немецкие линкоры обстреляли Альмерию. Фашисты захватили Малагу, Бильбао, Сантандер и Хихон. В Азии японские милитаристы овладели Пекином. Мир готовился принести большие жертвы на алтарь демократии.

Правительство генерала Карденаса высылает из страны Кальбеса, что знаменует демократизацию правительства. Национализация железных дорог положила начало дальнейшим мероприятиям по национализации; революционно настроенные массы крестьян под руководством коммунистической партии отстаивают в Лагуне свои права, начав осуществление аграрной реформы. В 1937 г. аграрная реформа приходит на Юкатан. Коммунистическая партия становится большой силой в стране.

1938 год является важной вехой в истории современной Мексики — осуществляется национализация собственности иностранных нефтяных компаний. Таким образом в распоряжение мексиканского государства переходит большое богатство, которое будет в дальнейшем играть важную роль в развитии страны, несмотря на помехи, связанные с приходом к власти новых групп и уступками империализму с их стороны в важных экономических вопросах. В 1939 г., вернувшись в Мексику, Сикейрос основывает газету «Документаль», в которой публикуются статьи и выступления в защиту испанских республиканцев. В этом же году правительство президента Карденаса открывает двери страны испанским республиканцам, потерпевшим поражение в борьбе с объединенными силами фашизма.

В эти годы Сикейрос принимает активное участие в антифашистской борьбе. ЛЕАР (Лига революционных писателей и художников), созданная в соответствии с лозунгом народного фронта, выдвинутого коммунистической партией, объединила демократических писателей и художников в борьбе против фа-

шистской угрозы. Мастерская народной графики, созданная в 1937 г., стала играть выдающуюся роль в этой борьбе; в ней были созданы серии гравюр «Во имя Христа» и «Франкистская Испания», в которых разоблачается антикоммунистическая политика духовенства и реакции как пособников фашизма. Искусство гравюры переживает новый подъем благодаря усилиям последователей гениального Хосе Гуаделупе Посады, среди которых выдающееся место занимал Леопольдо Мендес.

В Нью-Йорке в Галерее Пьера-Матисеа была организована выставка произведений Сикейроса, и Музей современного искусства в Нью-Йорке приобрел еще три произведения мексиканского художника.

Это был период напряженного творчества в жизни Сикейроса; используя технику пироксидина на цементе, он выполняет для здания Мексиканского профсоюза работников электропромышленности стенную роспись под названием «Использование электроэнергии при капитализме, постепенный упадок и окончательная гибель капиталистической системы». Пользуясь этой же техникой, он выполняет стенную роспись «Портрет буржуазии».

Большие работы Ороско

Вернувшись в свой родной штат Халиско в 1937 г., Ороско приступает к выполнению монументальных работ в г. Гуадалахаре. В этом же году он выполняет стенную роспись для Правительственного дворца в Гуадалахаре; здесь он создает самый большой в Мексике портрет дона Мигеля Идальго-и-Кастилья, начавшего борьбу за освобождение от Испании.

На левой стене изображены сцены хаотической борьбы и сцены смерти на фоне нагромождения ножей и кинжалов; эта роспись является продолжением «Катарсиса», но почти полностью лишена ярких красок и выполнена в темных, бледно-зеленых и коричневых тонах. Над всей сценой в духе Апокалипсиса изображена большая змея, которая изрыгает изо рта оружие, наводняющее мир и несущее смерть. В стенной росписи напротив, на правой стене, изображена известная сцена «Политический цирк», которую реакция пыталась безуспешно использовать как доказательство якобы «апокалиптического» характера Ороско. На ней изображен клоун, жонглирующий эмблемами революционных и реакционных партий. В отличие от некоторых критиков, я полагаю, что здесь Ороско проявил себя политиком и высмеял мелкую буржуазию, которая не может решиться принять чью-нибудь сторону в ожидании, что «прояснится и можно будет узнать, кто победит». В этот период в Мексике насчитывались тысячами такие паяцы, непрерывно взвешивающие возможные выгоды от присоединения к той или

иной партии, не зная точно, «кто победит, с тем чтобы оказаться в колеснице с победителем». Ороско всегда беспощадно относился к беспринципности.

В 1938—1939 г. Хосе Клементе Ороско выполняет превосходные фрески для Детского приюта Кабаньос, прекрасное здание которого в неоклассическом стиле навсегда вошло благодаря гению художника в историю искусства. На своде старой капеллы запечатлена его чудесная фреска «Человек в огне». На ней изображена фигура человека, которого пожирает пламя, но это не внешнее пламя, а сила, рождающаяся из самой плоти и терзающая ее, как в день Страшного суда. Это, может быть, образ самого Ороско, которого в одиночестве пожирает пламя внутренней борьбы, выбивающееся из него, оставляя на его теле смертельный ожог. Но это одновременно и олицетворение духа нашей эпохи, снедаемой огнем поисков великих решений. Это величие настоящего человека, который ради правды превращается в огонь и который, невзирая на бесчисленные трудности, движется вперед, охваченный внутренним огнем. Это новый Прометей, обнаруживший, что огонь запылал в его собственном теле. Это подлинно художественное произведение явилось большим вкладом в развитие живописи.

На панелях, образованных стенами, служащих контрфорсом куполу, в скорбных красках Ороско изобразил социальную эволюцию; там представлен ряд королей, священнослужителей, конкистадоров, ученых и эксплуатируемая часть человечества.

Летом 1939 г. Ороско поручают расписать стены актового зала Гуадалахарского университета. Это здание в строгом стиле, с широкими стенами и куполом. При росписи купола Ороско прибегает к смелому приему, изобразив голову с четырьмя лицами. Этот человек в четырех лицах — рабочий, просветитель, творец и революционер. На стенах автор изобразил картины тягостной нищеты, которые как бы призывают студентов помнить о своей стране и отдать свои знания решению великой задачи — уничтожению голода и нищеты. Эти росписи также содержат образы продажных профсоюзных лидеров с циничными и жестокими лицами, не замечающих нищеты, проявляющих жестокость, полностью забывших чаяния народа, готовых при удобном случае к сговору, предательству и оппортунизму. Это — прямой предшественник «чаррос», деятельность которых десятью годами позже будет оказывать пагубное влияние на профсоюзное движение Мексики и появление которых опытный взгляд художника сумел заметить в годы, предшествовавшие бурному 1939 г.

Диего Ривера

Между тем Ривера создал значительное количество произведений станковой живописи, отличавшихся большими художественными достоинствами. Он создал одну из величайших картин мексиканской живописи — «Портрет Лупе Марина» (1937 г.), а также свой известный «Автопортрет» (1939 г.). Для ресторана гостиницы «Реформа» он выполнил стенную роспись на четырех подвижных панелях — «Народные празднества в Уэксотсинго» (1938 г.). Вокруг этой картины возник политический скандал, так как одна из фигур, изображенных на ней, могла быть принята за одинаковым успехом за фигуру Рузвельта, Кальеса или Гитлера. В связи с этим скандалом администрация отеля решила убрать эту стенную роспись, направив в неизвестное место. О судьбе этой росписи мне ничего не известно.

В 1940 г. Ривера вновь уезжает в Сан-Франциско по контракту с Юниор-колледж для украшения гигантской стены, в которой он противопоставил народное мексиканское искусство американской механизации.

Другие художники

В 1935 г. была основана Галерея мексиканского искусства, которая, несмотря на все трудности и недостатки, играла важную роль как хранилище произведений мексиканской живописи в период ее бурного развития. Тамайо создал ряд произведений станковой живописи: «Портрет Ольги и ангелов» (1935 г.), «Академическая живопись» (1936 г.), «Красивая девочка» (1937 г.), выполненную в ярких тонах картину «Женщины Теуантепека» (1939 г.) и картину, вызвавшую дискуссию, — «Женщина с гитарой» (1940 г.). В 1939 г. он выполняет стенную роспись в холле старого Антропологического музея. К этому времени Тамайо несомненно представляет собой уже сложившегося крупного художника и является самым крупным представителем и главой направления, выступавшего против школы мексиканской живописи во главе с Ороско, Риверой и Сикейросом.

Фрида Кало, супруга Диего Риверы, создала проникнутые тонкой грустью произведения: «Мой дедушка, моя бабушка, мой родители и я» (1936 г.), «Моя кормилица и я» (1937 г.) и картину, раскрывающую внутренний мир художницы, — «Две Фриды» (1939 г.).

Кастельянос написал такие произведения, как «Диалог» (1936 г.), одну из наиболее ценных картин мексиканской станковой живописи «День святого Хуана» (1937 г.) и «Предсказа-

ние» (1939 г.). Коваррубиас создал портрет «Порфирио Диас в 1908 г.» (1938 г.), Гильермо Меса — «Женщину, стоящую спиной» (1939 г.), а доктор Атль — свой известный «Автопортрет» (1938 г.).

Новое поколение (среднее поколение) в области стенной росписи делало свои первые шаги. В 1933 г. Альфредо Сальсе расписал стены женской промышленной школы, изобразив труд на текстильной фабрике. В 1937 г. для старого здания столичного аэропорта Хуан О'Горман выполнил превосходную стенную роспись «Завоевание воздушной стихии человеком», состоявшую из трех панелей, две из которых были варварски уничтожены фашистскими агентами из-за их антинацистской направленности; третья панель экспонируется в Музее изящных искусств. В 1940 г. О'Горман выполнил фрески на стенах библиотеки Хертрудис Боканегра в Патскуаро.

Хорхе Гонсалес Камарена, в настоящее время самый выдающийся художник своего поколения, занимался восстановлением фресок XVI в. в монастыре в Уэксотсинго. Эти фрески, по-видимому, принадлежат кисти индейского художника Маркоса Сипактли; последнему приписывают авторство картины «Вирхен де Гуадалупе», находящейся в церкви того же названия в Мехико. Примерно в течение двух лет он работал над восстановлением фресок и, кроме интересного знакомства с индейским населением, проживающим в этом районе, приобрел ценный опыт в области живописи. По возвращении в столицу Камарена выполнил стенную роспись для находящегося в здании Гуардиола клуба банкиров, которую пытались, хотя и безуспешно, уничтожить из-за идей, выраженных в ней художником. С технической точки зрения ценность этой росписи заключается в том, что она является первой, выполненной гуашью.

Активный член ЛЕАР, Хосе Чавес Морадо в 1936 г. выполняет фреску на стене Нормальной школы в Ксалапе; его стенная роспись посвящена высадке американских интервентов в порту Веракрус в 1914 г. Спустя некоторое время эта стенная роспись была закрашена слоем белой краски в соответствии с «духом политики доброго соседа», которая стала проводиться в президентство Авилы Камачо и Рузвельта. Чавес Морадо, который в настоящее время является одним из наиболее выдающихся мексиканских монументалистов, родился в Силао Гуанахуато в 1909 г.; он путешествовал по США, Канаде и Аляске, живопись изучал в Художественной школе Човинарт в Лос-Анжелосе и в Академии Сан-Маркос в Мексике. Вместе с Сикейросом руководил «Центром реалистического искусства».

Рауль Ангiano — художник, который приобрел известность позже, преподавал в школе живописи «Ла Эсмеральда» в период 1940—1941 гг.

Культурная жизнь в 1934—1940 гг.

Шестилетний период президентства генерала Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.) имел большое значение для развития мексиканской культуры. В культурной жизни страны того периода нашли глубокое отражение широкий размах народного движения, обстановка, сложившаяся в стране в результате угрозы империалистических держав, крупных поражений реакции, решительного осуществления аграрной реформы и связанной со всем этим борьбой за национальный суверенитет. Усиленные поиски надежных путей для выражения национальной сущности проходили в Мексике под влиянием суrowой и длительной вооруженной борьбы. Общее настроение мексиканского общества было воспринято и интеллигенцией.

Мы можем сказать, что первым наиболее ярким выражением этого настроения явился могучий расцвет монументальной живописи, за которым последовал интересный период в развитии мексиканской музыки. В литературе уже в 20-е годы проявилась сильная тенденция создания произведений, «своими корнями уходящих в национальную жизнь». Однако эта тенденция получила полное развитие не в этот период, а в 1934—1940 гг.

В период президентства Ласаро Карденаса основные природные богатства принадлежали стране, внешний долг снизился, рабочий класс и крестьяне были организованы, а коммунистическая партия стала значительной силой. Тем не менее начали проявляться признаки оппортунизма в руководстве коммунистической партии, нашедшие выражение в усилении влияния браудеризма. Чрезвычайный съезд, созванный в 1940 г. для борьбы с этой опасностью, избрал новое руководство, которое на протяжении 20 лет совершало серьезные ошибки, приведшие к застою в деятельности партии в результате отрыва ее от масс. Это положение было исправлено только XIII, XIV и XV съездами партии, открывшими новый этап в деятельности партии, который позволит ей добиться новых успехов.

1940 г. завершается важным событием в живописи — Хосе Клементе Ороско осуществляет роспись стен библиотеки Габина-Ортис в Хикилпане (штат Мичоакан).

Деятельность Сикейроса

В этом же 1940 г. Давид Альфаро Сикейрос вновь уезжает из Мексики в Чили, чтобы расписать стены в школе «Мексика» в г. Чильян. Как школа, так и росписи были даром мексиканского народа народу Чили. В этой стенной росписи Сикейрос, как говорит Х. Фернандес, «впервые получил достаточно места для самовыражения».

Давид Альфаро Сикейрос. «Новая демократия». Пироксиллин. 1940 г.

Название этой росписи «Смерть оккупантам» (1941 г.) тесно связано с известным лозунгом советского народа, который в это время вел борьбу с фашистскими ордами. Хустино Фернандес так описывает эту стенную роспись: «Одну из стен он посвятил Мексике — изображенный в центре Гуатемок, откинувшись назад, пускает стрелы из лука в крест на потолке, а на земле лежит убитый бородатый конкистадор. Слева групповой портрет Морелоса, Идальго, Сапаты, а справа — Хуареса и Карденаса. Могучие фигуры имеют геометрические очертания; смещение их по отношению друг к другу, достигнутое в фигуре Куатемока, создает впечатление движения. Большие линии и плоскости на потолке связывают эту аллегорию с аллгорией Чили на противоположной стене, изображающей национальных героев: Гальварино, Бильбао, Рекабаррена, Лаутаро, Кауполикана, О'Хиггинса и Бальмаседу. Изображенная в центре колоссальная фигура выражает необычайно стремительное движение вперед, поднимая свои искаленные руки с ампутированными кистями. Головы изображены отчетливо, лица имеют трагическое выражение».

В 1943 г. Сикейрос уезжает из Чили и по пути на родину посещает Перу, Эквадор, Колумбию и Панаму, читая лекции о монументальной живописи Мексики. Из Панамы он едет на Кубу, где создает роспись «Аллегория расового равенства» (1943 г.) — произведение, выполненное пироксиллином на мазоните. У Сикейроса начинается период интенсивного творчества

по возвращении на родину. Он создает известную роспись «Ку-атемок против мифа» (1943 г.) на съемных панелях, которые были установлены в частном доме № 9 по улице Сонора в Мехико. Как и многие его другие картины, эта роспись имела необычную историю. Она была выполнена Сикейросом в доме его тещи и осталась там после продажи дома. Новый владелец открыл в доме клинику, но затем решил сдавать дом внаем. Новой хозяйкой оказалась разбогатевшая старая проститутка, которая устроила притон. Картина Сикейроса все время оставалась на старом месте. Когда художник был арестован в 1960 г., хозяйка пришла в ужас от того, что у нее в доме имеется стенная роспись «опасного коммуниста», и испортила ее, небрежно разобрав. Роспись валялась забытой в темном углу дома до тех пор, пока в результате специальных поисков, предпринятых друзьями художника и его женой, не удалось установить ее местонахождение и спасти, так чтоб она могла теперь занять по достоинству принадлежащее ей место, став собственностью мексиканского народа. В настоящее время она установлена в столице Мексики в капелле на площади «Трех культур».

В 1945 г. Музей изящных искусств предложил Сикейросу выполнить стенную роспись на почетном месте, выделенном для лучших мексиканских монументалистов. Он согласился и на четвертом этаже выполнил две стенные росписи, расположенные на противоположных стенах: «Кентавр конкисты» — выразительную группу фигур, в которой выделяется хорошо выполненный кентавр, символизирующий испанского конкистадора, и «Новая демократия» — роспись, в которой отражена радость художника по поводу разгрома фашизма. Последнее произведение состоит из трех панелей: центральная изображает запоминающуюся фигуру, рвущую цепи порабощения; необычная сила порыва этой фигуры является результатом смелой перспективы. Боковые панели, называющиеся «Жертвы фашизма», представляют впечатляющую картину тел, искалеченных войной.

Кроме того, для Министерства финансов федерального округа Сикейрос выполняет роспись «Реакция и реакционеры», в которой думал использовать всю сумму своих художественных приемов, приобретенных за 30 лет творческой деятельности. К сожалению, эта роспись осталась неоконченной. В этом же 1945 г. он создает свой известный автопортрет «Большой полковник».

Творчество Диего Риверы в 40-е годы

В 1942 г. Ривера выполнил известный портрет поэта Карлоса Пеллисера, а в 1943 г. сделал роспись стен вестибюля Национального кардиологического института. В этой фреске Ривера рассказывает об открытиях, достигнутых чело-

веком в области медицины, выполняет портреты выдающихся врачей всех стран и эпох и изображает волнующую сцену убийства кальвинистами врача Мигэля Сэрвета (1553 г.), открывшего круг легочного кровообращения.

В 1947—1948 гг. Ривера осуществляет свою прекрасную роспись в отеле «Дель Прадо» под названием «Полуденный сон в Аламеде», где воскрешается история Мексики.

В центре росписи запечатлена сцена в саду, где личные воспоминания автора переплетаются с изображением наиболее крупных политических и общественных деятелей начала XX в. Автор изображает себя ребенком, которого ведет за руку смерть в образе, известном по гравюрам Хосе Гуадалупе Посады, — последнего смерть также ведет, держа другой рукой. За Диего Риверой идет с настороженным взглядом его жена Фрида Кало, которая несет в одной руке надкушенное библейское яблоко; стоящий около нее Хосе Марти приподнимает шляпу, приветствуя своего друга Хосе Меркадо. Эти непревзойденные фигуры изображены на фоне пышной растительности. Вся сцена проникнута радостью. В мастерски выполненной сцене автор не довольствуется красочностью изображения, а тяготеет к подлинному большому и светлому искусству. В левой части росписи изображены исторические сцены, изображающие аутодафе испанской инквизиции в XVII в., борьбу за независимость, период Реформы и т. д.

Правая часть росписи проникнута идеей могущества революции — здесь изображены люди из народа, ставшие солдатами-борцами за новое, и вожди революции Сапата и Мадеро. Вокруг этой росписи разразился большой скандал в связи с тем, что вместе с портретом выдающегося мексиканского философа и просветителя эпохи Реформы Игнасро Альтамирано «Хулитель» была приведена и его известная фраза «Бога не существует», взятая из его лекции в Академии Летран в 1856 г. Реакционные элементы под руководством духовенства сделали попытку уничтожить роспись и развернули большую кампанию в печати. Испуганная администрация отеля закрыла роспись занавесью, скрыв ее от глаз публики. Спустя некоторое время после возвращения из последней поездки в СССР Ривера стер эту фразу Альтамирано, заменив ее словами «лекция в Летране в 1856 г.». Это не изменило существа дела, но позволило открыть произведение для публики.

Последние годы жизни Ороско

Ороско в 1941 г. возвращается к росписи стен здания Верховного суда в Мехико; в сдержанных строгих красках художник бичует нарушение правосудия. Он дает напоми-

нающийся образ богини правосудия с открытыми глазами, что символизирует всякое отсутствие беспристрастности.

В этом же году он выполнил ряд очень интересных росписей на шести съемных панелях на тему «Опасность бомб», в которой выразил свое отвращение к войне, развязанной нацистами. Эта роспись знаменует важный этап в творчестве Ороско. Она свидетельствует об умении автора точно выбрать необходимые средства, о совершенном владении формой. Эти шесть панелей могут экспонироваться как единое целое или в любом сочетании, или даже по отдельности, сохраняя качество художественного произведения во всех случаях. Эта роспись хранится в Музее современного искусства в Нью-Йорке.

В 1944 г. художник возвращается в Мехико, где выполняет для бывшей капеллы больницы Хесус стенную роспись «Апокалипсис»; здесь он проявляет себя как большой гуманист, страдающий при виде войны, несущей разрушение.

В 1943—1948 гг. Ороско организовал шесть выставок своих рисунков к росписям и цветных зарисовок. В этот период он также создал произведения станковой живописи («Теулес») и большую роспись для Музея истории в Чагультепеке.

В 1948—1949 гг. для открытого театра Национальной школы учителей в Мехико Ороско выполняет свою последнюю монументальную работу в полуабстрактной манере с применением пластических материалов; главный вход этого здания он украсил четырьмя панелями под названием «Поражение и смерть бесчестью».

Хосе Кlemente Ороско, великий мексиканский художник, умер 9 сентября 1949 г. Его смерть явилась тяжелой утратой для мексиканского народа, вызвав глубокую скорбь у лучших представителей Мексики. Его прах погребен в Пантеоне, надгробную речь произнес его большой друг художник Диего Ривера.

По решению правительства Мексики в 1951 г. для увековечения памяти художника его дом-мастерская в Гуадалахаре был превращен в Музей.

Новые работы Диего Риверы

В 1950 г. Ривера осуществляет свою большую мозаичную роспись для станции бассейна Лерма. Невиданная композиция скульптуры и живописи с применением мозаики и пластических материалов использована для изображения величественной Аллегории воды, начиная с бога дождя и воды Тлалока и кончая благами, доставляемыми человеку водой этого бассейна. С точки зрения техники эта роспись открывала новые пути для художника.

Хорхе Гонсалес Камарена. «Белисарио Домингес»

Изображение бога Тлалока представляет собой впечатляющую громадную скульптуру из мрамора, базальта и майолики, которая в некоторой степени предвосхищала работу, не законченную Диего Ривера в университетском городке.

В 1951—1953 гг. Ривера осуществил роспись фасада театра «Инсурхентес», применив для этого стеклянную мозаику. Эта роспись изображает историю театра в Мексике с доиспанских времен до настоящего времени; включенные в это целые сцены национальной истории представлены как фрагменты великой трагедии. Автор создал прекрасные монументальные портреты Идальго, Морелоса, Хуареса и Сапаты.

В 1959 г. в здании Госпиталя де ла Пласа Ривера выполнил свою последнюю внутреннюю стенную роспись под названием «История медицины в Мексике» с использованием различных средств: фрески с казеиновой темперой, масляной и мозаичной. На этой росписи, раскрывающей с поистине энциклопедической широтой состояние медицины у древних мексиканцев, ацтеков, запечатлены различные сцены с изображением древних приемов лечения, что еще раз свидетельствует о широте исторических познаний художника. Вторая часть стенной росписи посвящена медицине современной Мексики и подчеркивает тенденцию к социализации медицинского обслуживания.

Хорхе Гонсалес Камарена

В 1946 г. Хорхе Гонсалес Камарена для музея Куйкулко выполнил стенную роспись «Извержение Кситла», посвященную сильному извержению вулкана, уничтожившему архитектурные памятники древней цивилизации в долине Мехико. Здесь уже проявляются важнейшие особенности этого крупнейшего художника — монументальность, характерное восприятие цвета и художественные приемы, свойственные среднему поколению.

В 1950 г. Гонсалес Камарена выполняет свою значительную стенную роспись «Мексика» в здании Министерства социального обеспечения на бульваре Реформы. Это бесспорно выдающееся произведение, которое представляет вклад в монументальную живопись Мексики, являющуюся достоянием мексиканского народа. Главным замысел росписи, художнически безупречно выполненной, состоит в противопоставлении двух культур — испанской и индейской, смертельная борьба между которыми, воплощенная в единоборстве противников, кончается гибелью того и другого и возникновением мексиканской нации.

После этой работы Гонсалес Камарена создал скульптурную группу для детского сада на улице Обреро Мундиаль. Эта

группа представляет собой легкие детские фигуры, перелезающие через забор.

В 1953 г. для Мексиканского банка в Веракрус он выполнил большую стенную роспись площадью в 250 кв. м, передающую процесс труда и развития национальной экономики, символически изображенной в виде летящего могучего орла.

В течение 1954 г. молодой художник для библиотеки Политехнического института в Монтеррей сделал красочный барельеф площадью 300 кв. м с использованием керамики и мозаики — «Триумф культуры».

К этому времени Гонсалес Камарена уже был талантливым художником в сфере мексиканской пластики, художником, обладающим большим умением и значительным опытом, что позволило ему овладеть всеми видами пластического искусства.

Таковы вкратце основные вехи в развитии мексиканской монументальной живописи. Как мы видим, на ее становление сильнейшее влияние оказала революционная антиимпериалистическая борьба. Поэтому творения выдающихся мексиканских монументалистов столь остры по социальному содержанию, так много говорят сердцу трудового народа.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕКСИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.

то пятьдесят лет назад в Мексике был написан роман, герой которого, едва появившись на свет, был тотчас окружен нянюшками, тетушками да бабушками. Хлопотливо суетясь вокруг новорожденного, старухи принялись туго скручивать ему руки, «чтоб дите не пугалось и не выросло длинноруким», и увешивать младенца клыками каймана, «козьими глазками», «чертовыми пальцами» и другими чудодейственными амулетами, которые по их понятию должны были уберечь новорожденного от невзгод и болезней. Подоспевший папаша приложил немало усилий, чтобы отогнать от ребенка невежественных старух.

«Перикильо Сарньенто» («Periquillo Sarniento»), увидевший свет в 1816 г., т. е. в самый разгар полыхавшей в Мексике войны за независимость, принадлежал перу мексиканского мыслителя Фернандеса де Лисарди (1774—1827 гг.). В образе испорченного плохим воспитанием и окружающей средой мальчишки Перикильо, прозванного Сарньенто («шелудивый») за перьястую привычку чесаться, предстает перед нами несовершеннолетнее дитя Мексики начала XIX в., отягощенное всеми пережитками колониальной эпохи: невежественное, избалованное, перенявшее от окружающих его суеверных людей все пороки и предрассудки колониального сознания.

Таким увидел своего современника первый романист Мексики. Горячая убежденность в том, что пережитки колониального режима будут вырваны с корнем и мексиканец станет достойным гражданином своей свободной родины, не оставляла Ф. де Лисарди, когда в суровые годы войны за независимость он размышлял о будущем своей страны. 1816 год, год провоз-

глашения независимости, был лишь началом новых исторических испытаний для страны, сбросившей цепи испанского владычества. После того как внутренняя реакция потерпела поражение в своих попытках вернуть колониальные порядки, Мексика неоднократно подвергалась нападению со стороны иностранных агрессоров. В 1848 г. в ее пределы вступила армия генерала Тейлора, который, по словам Уильяма Фостера, «шел на город Мехико тем же маршрутом, которым за триста лет до того шел Кортес, и его поход по существу носил такой же грабительский характер»¹. В результате американской агрессии Мексика потеряла более половины своей территории. Но на этом не закончились попытки иностранных держав восстановить в стране колониальный режим.

Приход к власти либералов во главе с Бенито Хуаресом, провозглашение конституции 1857 г. и проведение важных социальных реформ было прямым ударом по интересам иностранного капитала и католической церкви в Мексике. Империалистические круги Англии, Франции и Испании при активном участии Ватикана подготовили новую агрессию против Мексики, не признав народное правительство Хуареса. В 1861 г. войска французских интервентов вторглись в пределы Мексики, чтобы посадить на престол австрийского эрцгерцога Максимилиана. Карл Маркс, внимательно следивший за событиями, назвал эту интервенцию «одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории»².

Принято считать, что бурный, насыщенный военными событиями XIX век мало благоприятствовал развитию в Мексике литературы, однако это не совсем так. Именно тогда в ходе ожесточенной политической борьбы внутри страны, в ходе борьбы за национальную независимость происходило становление национального самосознания в Мексике. Страна ослабла экономически, была разорена постоянными войнами, но передовые ее силы вышли из этой схватки окрепшими. XIX век был «веком освобождения» в Латинской Америке, и характер современной культуры Мексики несет на себе неизгладимый отпечаток того бурного времени.

16 сентября 1867 г. мексиканский народ отмечал двойной праздник — день независимости и победу над французскими интервентами (не прошло еще двух месяцев, как были казнены Максимилиан и предатели мексиканского народа Мирамон и Мехия). На одной из центральных площадей столицы выступал оратор с резко выраженными индейскими чертами мужественного лица. Страстные, полные гнева слова его речи собрали на площади Аламеда большую толпу народа. «Французская империя, — говорил оратор, — теперь, после казни Максимилиана, заявляет на весь мир, будто мы канибалы, но еще совсем недав-

по ее армия топтала мою многострадальную родину, развернув на ее просторах невиданную кровавую бойню...»³

Оратор этот был Игнасио Мануэль Альтамирано (1834—1893 гг.), которому предстояло сыграть выдающуюся роль в развитии мексиканской культуры. Сын безграмотного индейца (даже фамилия досталась будущему писателю от крестившего его испанца), Альтамирано — фигура необыкновенно красочная в истории мексиканской литературы. Человек передовых взглядов, близко стоявший к народу, он сражался в рядах республиканской армии Хуареса, разгромившей французских интервентов. В 70-х годах XIX в. Альтамирано становится душой культурного возрождения отстоявшей свою независимость Мексики.

В обстановке большого национального подъема, связанного с победой Хуареса над французскими интервентами и проведением социальных реформ, закладывались в то время основы современного искусства и литературы, и естественно, что это становление проходило под знаком борьбы против колониальных пережитков и влияния чужеземной культуры.

Что же противопоставляла освободившаяся от оков колониализма страна культуре интервентов, что она утверждала в противовес отброшенному? Прежде всего необходимо было восстановить историческую правду, которая умышленно замалчивалась историками, апологетами реакции и колониализма в Мексике, восстановить истинное лицо мексиканского народа. С этой неотложной задачи и начал Альтамирано, когда в конце 60-х годов основал литературно-критический журнал «Ренасимьенто» *. В его статьях, опубликованных на страницах этого журнала, нашел свое выражение и страстный протест против пережитков прошлого, и вместе с тем обращение к далекому прошлому мексиканского народа как к источнику национальных идеалов.

Покорив территорию Мексики, испанцы сровняли с землей священные храмы ее древних народов, пышные дворцы императора ацтеков Монтесумы, акведуки и гробницы. На протяжении трех веков существования Мексики как испанской колонии официальная история превозносила подвиги конкистадоров, а искусство и литература служили завоевателям. Начало этому положила «Правдивая история завоевания Новой Испании» («*Verdadera historia de la conquista de la Nueva España*»), написанная соратником Кортеса Берналем Диасом дель Кастильо в 1568 г. Конечно же, автор ее был правдивым лишь настолько, насколько мог быть таким солдат, вступивший на землю Мексики, чтобы заставить повиноваться «неверных» испанской короне. Для Берналя Диаса покорение Мексики было высочайшим человеческим подвигом, а Кортес — величайшим героем всех времен и народов.

* Исп. «Возрождение»

Почти одновременно увидела свет «История всего, чем славится новая Испания» («Historia de las cosas de la Nueva España»), принадлежавшая перу просвещенного монаха Бернардино де Саагуна (1500—1590 гг.), который одним из первых поведал миру об удивительных обычаях исконных обитателей Мексики, об их ремеслах и культуре. Позднее, в конце XVIII в., в защиту этой древней культуры, в опровержение клеветнических измышлений европейских ученых, пытавшихся представить народы, населявшие Мексику, дикарями, не имевшими даже своей письменности, выступил замечательный ученый-гуманист того времени Франсиско Клавихеро (1731—1787 гг.). Изгнанный из Мексики вместе с монахами-иезуитами, он посвятил свою жизнь в изгнании сочинению «Истории древней Мексики» («Historia antigua de México»), труда, не утратившего своего научного значения и интереса до наших дней. Однако на протяжении долгого времени книги Саагуна и Клавихеро не издавались. Сторонники реакции приложили немало усилий, чтобы создать свою версию завоевания Мексики, превознося цивилизаторскую роль завоевателей и миссионеров и в черных красках изображая жителей завоеванной страны. История стала полем ожесточенных битв между сторонниками прошлого и силами новой Мексики, отстаивавшей свое национальное достоинство и культуру.

В течение трех веков испанского владычества мексиканцев приучали стыдиться своего «варварского» прошлого, теперь же начинается своеобразная «реконкиста» мексиканской истории.

Альтамирано призвал молодых писателей Мексики воссоздать истинный облик героических предков, оказавших упорное сопротивление завоевателям. Под пером талантливого публициста встают в своем настоящем свете исторические события и герои прошлого: злобешая фигура Кортеса, окруженного жадной толпой авантюристов, армия миссионеров, принесших в Мексику вместе с христианством кабалу и инквизицию, «чтобы жечь на кострах свободолюбивую мысль Америки»⁴, вице-короли и вассалы, захватившие земли индейских общин, мрачные громады монастырей, окруженных рвами и виселицами, церкви, где в глубоких подземельях орудовали инквизиторы.

Воскрешая образы прошлого, Альтамирано делал это не ради самого прошлого, а во имя задач современности. С большим энтузиазмом была встречена им поэма Эдуардо дель Валье, где поэт, обратившись к событиям завоевания, сделал центральным героем не Кортеса, а благородного Гуатемока, руководившего героической обороной осажденной испанцами древней столицы Мексики Теночтитлана. Гуатемок бросил камень в императора Монтесуму, когда, выйдя на балкон своего дворца под конвоем испанских солдат, тот призвал народ Мексики покориться при-

шельцам. Восстановление исторической правды было необходимой ступенью в развитии молодой культуры Мексики, органической частью программы культурной эмансипации, с которой выступил Альтамирано.

Идея утверждения национального достоинства пронизывает политическую и эстетическую мысль Мексики на протяжении всего XIX в., начиная с известного трактата Маркеса «Суждение о красоте в ее общем понимании» (*Discurso sobre lo bello en general*), 1801 гг.) и кончая развернутой на страницах «Ренасимьенто» программой развития «национальной литературы», в которой обращение к прошлому было лишь одним из аспектов того требования правдивости, которое предъявлял Альтамирано к молодой мексиканской литературе.

Положения Альтамирано вызвали ожесточенную полемику. Представитель академической науки Франсиско Пиментель (1832—1893 гг.) выступил с утверждением, что для мексиканской литературы нет иного пути, как следовать испанским образцам.

Прославление героев и традиций мексиканской древности находит себе место не только в литературе. В 1887 г. на одной из площадей столицы, не знавшей до тех пор иных монументов, кроме памятников испанским завоевателям и королям, был воздвигнут памятник Гуатемоку, изображенному в одежде воина. Несколько позже та же тема была взята художником Исагирре для картины «Пытка Гуатемока» (1892 г.), где национальный герой Мексики изображен в тот момент, когда испанцы пытаются его раскаленными углями. Историческая тема нашла свое отражение на полотнах и фризах художника Сатурнино Эррана (1887—1918 гг.), предвосхитившего стенную живопись Диего Риверы, Ороско и Сикейроса, «трех великих» современной мексиканской живописи.

И все же не история, а современность легла в основу мексиканской литературы XX в. Антинародная диктатура Порфирио Диаса, ставленника укрепившихся у власти креолов-землевладельцев и иностранного капитала, была действительностью Мексики конца XIX — начала XX в., и потому у истоков современного реализма стоит образ Мексики, истерзанной и окровавленной. Такой она предстала в романе Эриберто Фриаса «Томочик» (*Tomóchic*, 1892 г.).

«Томочик» повествует о зверской расправе, учиненной Порфирио Диасом над восставшими индейцами далекого горного селения. Едва вступив в жизнь, юный герой романа Мигель мечтал о воинской славе, о подвигах во имя родины, и воображение уносило его в прошлое; в его глазах вставали юные герои 1847 г., как и он, кадеты военного училища, погибшие в схватке с американскими захватчиками на подступах к мексиканской столице. Но, лишь шагая по пыльным дорогам мекси-

канского захолюстья, по выжженным солнцем полям, он видит, как живет его народ, и понимает, что родина — это не громкое слово, звучащее под дробь барабана и торжественные звуки горна; настоящая родина предстала взору Мигеля, когда он смотрел на горящую деревню Томочик и слышал предсмертные крики женщин и детей, поднимавшиеся к небу вместе с пламенем пожара.

Военный трибунал приговорил Эриберто Фриаса к расстрелу за «разглашение военной тайны» порфиризма, и писатель лишь чудом спасся от смерти.

В то же время сторонниками самобытной, истинно национальной литературы в Мексике считали себя продолжатели традиций испанского «костумбризма», выразители вкусов и идеалов помещичьей Мексики Лопес Портильо-и-Рохас (1850—1923 гг.), Рафаэль Дельгадо (1853—1914 гг.). В их изображении мексиканская действительность являла собой идиллическую картину сотрудничества помещиков и бесправных пеонов. На самом деле это «безмятежное» существование помещиков держалось на специально созданной правительством сельской полиции «*руралес*», набиравшейся в основном из уголовников. Появление «*руралес*» наводило ужас на местное население, так как обычно сопровождалось жестокой расправой: заподозренных в недовольстве крестьян вешали на глазах у семьи, сбрасывали в пропасть, подвешивали за ноги.

Крупнейший писатель современной Мексики Мариано Асуэла охарактеризовал романы Дельгадо как «глубоко буржуазные, написанные для буржуазии довольным собой и своим классом буржуа»⁵.

Против идеализированного мира романов Дельгадо и Портильо-и-Рохаса выступил на страницах журналов автор коротких рассказов и очерков Анхель де Кампо (1868—1908 гг.), известный под псевдонимом Микрос. Каждым из своих рассказов писатель срывал маску с этого благополучия, чтобы показать всю бесчеловечность и жестокость режима диктатуры Порфирио Диаса. Микрос писал не о помещичьей, процветающей Мексике, а о Мексике босой, оборванной, которая спит на циновке, ест кукурузные лепешки и побеги кактуса, об ее униженном, страдающем народе.

Частые крестьянские восстания, имевшие место в начале XX в., антиклерикальные и антиимпериалистические выступления студенчества, забастовки и столкновения на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу, на рудниках свидетельствовали о революционном подъеме в стране. Антинародный режим Порфирио Диаса доживал свои последние годы.

Ярким выражением этих противоречий кануна революции явились образы, созданные народным гравером Гуадалупе Посадой (1851—1913 гг.), который широко использовал тради-

дии мексиканской народной культуры. На его рисунках представители мексиканской знати появляются в виде забавных скелетов, действующих совсем как живые люди. Пышно разодетые дамы-скелеты гуляют по парку, жеманно щуря пустые глазницы лиц-черепов, увенчанных модными парижскими шляпами. Скелеты-буржуа с котелком на черепе, скелеты-аристократы со сверкающими в галстук и в манжетах брильянтами — таким предстало это общество на гравюрах Посады, иллюстрировавшего народные песни. Эти странные фигурки как нельзя лучше передавали контраст между внешним величием порфиристского режима и его исторической обреченностью: представители господствующих классов живут, не замечая, что они уже мертвецы, скелеты.

В эти годы заката порфиризма и нарастания революционных настроений в стране берет истоки и творчество романиста Мариано Асуэлы (1873—1952 гг.), положившего начало современному социальному роману в Мексике. За первое десятилетие XX в. вышло пять романов Асуэлы, разносторонне показавших картину современной ему действительности. Асуэла разоблачал в них режим диктатуры не как господство отдельного диктатора, а как целую систему эксплуатации народных масс, организованное сплочение против народа всех сил реакции — феодальных землевладельцев, церкви и капитала, охраняемых армией и своим ставленником Порфирио Диасом.

В романе «Дурная трава» («*Malá yerba*», 1909 г.) впервые в истории мексиканской литературы Асуэла показал мексиканских помещиков в их истинном виде, далеко от пасторалей Портильо-и-Рохаса и Рафаэля Дельгадо. Потрясающая картина феодального произвола, воссозданная Асуэлой, раскрывала истинные причины того мощного крестьянского движения, которое, прорвав плотину либеральной умеренности, вывело мексиканскую революцию на широкую дорогу народно-освободительной борьбы.

Революция 1910—1917 гг. всколыхнула народные глубины, поставила на повестку дня давно назревшие и требовавшие своего разрешения вопросы: вопрос о земле, о национализации рудников и нефтепромыслов, принадлежавших иностранному капиталу, вопрос о народном бесправии, нищете и безграмотности. Но, поставив их, она не смогла разрешить ни одного из них до конца, или, говоря словами известного мексиканского критика и писателя Эрмило Абреу Гомеса, «революция открыла глубокие раны, не дав средства для их исцеления»⁶.

Противоречивый характер происшедшей революции определил расстановку сил и в послереволюционной Мексике.

В условиях этой полной нерешенных противоречий действительности реалистический роман развивался дальше, пробуя новые пути. Роман политический («Тень каудильо» М. Л. Гусма-

на) разоблачал демагогию и насилие, с помощью которых держалась у власти буржуазия. Роман социально-бытовой («Новая буржуазия» М. Асуэлы) раскрывал внутреннее убожество буржуазного мира, воздвигнутого на обломках порфиристской Мексики. «Индеанистский» роман, углубляясь в изображение быта и нравов индейцев, нередко суживал социальные границы реализма, идеализировал жизнь отсталых индейских племен. «Колониалистский» роман искал тему и сюжет в истории колониальной Мексики.

Параллельно героической теме революции, поэтически воссозданной в произведениях Мариано Асуэлы, Мартина Л. Гусмана, Рафаэля Ф. Муньоса и Хосе Мансисидора, все явственнее и настойчивее звучала в мексиканском романе 30-х годов мысль о безрезультатности революционной борьбы народа, впервые высказанная в романе Асуэлы «Те, кто внизу» («Los de abajo», 1916 г.). Обличению послереволюционной действительности посвящено все позднее творчество Мариано Асуэлы: «Товарищ Пантоха» («El camarada Pantoja», 1937 г.); «Новая буржуазия» («Nueva burguesía», 1941 г.); «Проклятье» («Maldición», 1955 г.).

К началу 40-х годов тема революции казалась исчерпанной; мексиканский роман развивался под заметным влиянием упадочнической литературы Запада, прежде всего сюрреализма и экзистенциализма. Мексиканская критика неоднократно отмечала «ожесточенный субъективизм, изощренное старание порвать все связи с действительностью», характерные для этой литературы, говорила о «летаргическом сне» мексиканского романа, усматривая причины упадка реализма в политическом приспособленчестве писателей, в коррупции и особенностях субъективного восприятия интеллигента.

Отдавая должное суждениям критики, в которых видна глубокая обеспокоенность передовой интеллигенции за судьбу мексиканской культуры, страх перед угрозой ее духовного обеднения, надо все же признать, что литература экзистенциализма не была всего лишь капризом пресыщенного воображения. Тот факт, что упадок коснулся самых основ мексиканского реализма, творчества таких ярко выраженных реалистов, как Асуэла в литературе, Хосе Клементе Ороско в живописи, свидетельствует о том, что причины распространения экзистенциализма надо искать глубже, в сложных поворотах общественного сознания, а не в особенностях чувственного восприятия оторванной от жизни «литературной аристократии». Если приглядеться к развитию мексиканского реализма второй четверти XX в., то остается ощущение, что его расцвет и упадок как-то связаны между собой, являясь как бы двумя сторонами одного и того же явления. От внимательного взгляда исследователя не уйдет, что литература упадка была заключительным этапом развития

«романа о революции». Возникнув в период подготовки и свершения революции, современная литература Мексики не только успехами, но и противоречиями своего развития уходит в действительность революционной эпохи.

Коммунистический Интернационал следующим образом охарактеризовал сущность происшедших в Мексике революционных событий: «Мексиканская революция, начавшаяся борьбой крестьян за землю против помещиков и церкви, в то же время в значительной степени приняла характер борьбы масс против американского и английского империализма и привела к созданию правительства мелкой буржуазии, стремящегося удержаться у власти путем уступок крупным землевладельцам и североамериканскому империализму»⁷.

Рожденная революцией, литература критического реализма 30-х годов обладала большой обличительной силой, показав во всей неприглядности послереволюционные будни буржуазной Мексики, однако чем больше фактов накапливал критический реализм, тем плотнее сжимался вокруг романиста заколдованный круг социального зла, из которого не в силах были вырваться его герои; в конце 30-х годов зарубежная критика говорит о фатализме как о неотъемлемой особенности мексиканского национального характера и литературы. Именно в это время в Мексике пускает корни экзистенциализм — философия поражения.

Поэтому когда в 40-х годах, с появлением первых романов Хосе Ревуэльтаса, заявил о своем существовании мексиканский экзистенциализм, оставалось впечатление, что его страшные призраки заключают в себе нечто большее, чем эстетское смакование ужасов. Герои Ревуэльтаса напоминали обессилевших путников, которые брели по бездорожью в спустившейся на землю мгле.

Далеко позади остались неоглядные просторы мексиканского романа о революции, откуда держат свой путь герои мексиканской прозы середины XX в.; суровые равнины, по которым шагал вооруженный народ Мексики, недостижимые горные вершины, у подножья которых погибли герои Асуэлы.

Мексиканский экзистенциализм представляет собой интерес как одна из причудливых форм мистификации, к которой прибегают модернисты, чтобы, не давая прямого ответа на сложные вопросы, поставленные перед ними жизнью, придать своему творчеству видимость глубины и подобие художественной убедительности. При этом экзистенциализм, как известно, не ограничивается формальным экспериментом, он претендует на глубокое понимание смысла жизни.

К 40-м годам в мексиканской прозе, как и в живописи, исчезает огрубленная определенность линий, природная густота красок, уступая место неясным бликам, безжизненным теням.

Страшные призраки возникают под кистью Хосе Клемента Ороско как заключительный этап творческих поисков этого большого художника, а на смену красочной и драматической прозе романа о революции приходит обесцвеченная проза Хосе Ревуэльтаса, в творчестве которого доведена до предела прозвучавшая у Асуэлы нота обреченности.

Роман Хосе Ревуэльтаса «Во мгле» («Luto humano», 1942) был первым значительным произведением, в котором ощущение тупика и безвыходности нашло свое законченное художественное воплощение. В романе почти нет действия: умирает ребенок, и собравшихся на похороны людей застигает наводнение. После долгого блуждания с трупом девочки на руках по затопленным окрестностям люди возвращаются и тоскливо ожидают своего конца. В памяти каждого мелькают обрывки прошлого. Происходящая в их сознании борьба каких-то сатанинских сил, звериных инстинктов призвана заменить отсутствующее действие. Обволакивая повествование паутиной смутных ощущений и эмоций, возникающих у обреченного на смерть человека, автор приводит читателя в состояние предельной взвинченности. Прогрессивная критика Мексики осудила роман Ревуэльтаса, получивший в 1944 г. премию на литературном конкурсе Панамеранского союза в Вашингтоне.

В это же время появился почти не замеченный критикой роман Грегорио Лопеса-и-Фуэнтеса «Недвижный караван» («Peregrinos inmóviles», 1944), где получает на редкость законченное и прямолинейное выражение идея бессмысленности исторического круговорота. В образе целого племени, которое, бросив обжитые земли, пускается в путь, чтобы найти лучшую долю, и, едва достигнув цели, опять все теряет, предстала судьба потерпевшего поражение народа Мексики.

И абстрагированный от действительности роман Ревуэльтаса, и исторический схематизм Лопеса-и-Фуэнтеса представляли собой беспомощную попытку осмысления окружающего мира. Немного раньше, в середине 30-х годов, другой мексиканский романист — Хорхе Ферретис в романе «Жаркие края» пытался объяснить неудачи своих героев зловредным влиянием тропиков, географической средой. Но, лишь сомкнувшись с историцизмом, литература упадка получила в Мексике свой настоящий размах.

Для той части интеллигенции, которая не верила в силы народа, устала от революционных бурь и не была способна разбираться в сложных конфликтах современности, древняя история страны оказалась неким спасительным оазисом: в экзотических обычаях аборигенов, в перипетиях эпохи завоевания была и пестрота красок, и волнующая напряженность конфликтов.

Еще в 1922 г., едва успели отгрезить революционные залпы, известный мексиканский эссеист Альфонсо Рейес писал:

«Надо наконец разгадать, какова же миссия мексиканца на земле, неустанно взывая для этого к призракам прошлого, к безмолвному камню надгробий, к памятникам старины... Оттуда, из глубины веков, сквозь хаос междоусобиц, нам слышится полный печали голос, словно поет невидимая глазу вещая птица: фью... фью... Кому дано разгадать, о чем твердит одинокий, не умолкающий столько веков голос оракула, в загадочных звуках которого кроется тайна избавления от невзгод, ответ на проклятые вопросы нашего времени, ключ к национальному согласию... до сих пор теснятся в наших сердцах, не находя себе выхода, глухие стоны прадедов...»⁸.

Само название страны — México — приобретает в глазах Альфонсо Рейеса и других любителей древности какой-то особый, таинственный смысл — современная Мексика предстает воображению писателя неким загадочным сфинксом с начертанным на лбу знаком «х». Под заголовком «X en la frente» («Икс во лбу») публикует Рейес целую серию писем и эссе, посвященных проблемам современной Мексики.

Немалый вклад в развитие литературы упадка внесла книга Самуэля Рамоса «Профиль национального характера и культуры Мексики» («El perfil del hombre y la cultura en México», 1934). Характеризуя современного ему мексиканца как существо злопамятное, изломанное, отягощенное сознанием неполноценности и способного будто бы лишь к подражанию культуре других, высокоразвитых народов, автор книги оправдывал модернистов в их стремлении уйти от изображения жизни в мир абстрактных символов и чистого искусства.

В то же время здоровое, реалистическое начало мексиканской литературы оказывало сопротивление этим попыткам окружить ореолом загадочности неприглядную действительность Мексики, которая сорок лет спустя после революции вновь оказалась свергнутой в зависимость от иностранных монополий.

Честные художники и писатели Мексики вступали подчас в литературную полемику с модернистами, расшифровывая их мрачные ребусы. Это очень характерно для творчества такого реалиста, как Рохас Гонсалес. В рассказе «Жажда» писатель дает потрясающую картину засухи и голода в мексиканской деревне и заканчивает его сценой расправы крестьян с землевладельцем доном Криспуло. Тело жадного метиса, стрелявшего в каждого, кто пытался зачерпнуть у него в пруду воды, чтобы напоить детей, остается лежать на пыльной дороге, образуя вместе с нею «х», как ответ на одну из загадок модернистов.

Однако легенда о раздвоенном мексиканце оказалась удивительно живучей. Ее продолжают развивать и подкреплять новыми историческими фактами. Э. Перес Мартинес, автор интересного по привлеченному материалу исторического романа «Гуатемок» (1944 г.), обратившись к эпохе завоевания, к исто-

рии обороны древней столицы Мексики, возглавленной Гуатемоком, и проецируя эти события далекого прошлого на современность, приходит к выводу, что в каждом мексиканце середины XX в. продолжается многовековая распря между Кортесом и Гуатемоком, завоевателем и завоеванным, господином и рабом.

Так реальные противоречия Мексики середины XX в. постепенно подменялись противоречиями вымышленными, корни которых искали в мистическом «национальном духе» или «душе». В то время как мексиканские археологи вслед за раскопками древних пирамид занялась поисками погребения Гуатемока, писатели-экзистенциалисты усиленно исследовали мистическую «сущность мексиканца».

«В своих поисках «сущности мексиканца», — пишет известный философ-марксист Эли де Гортари, — экзистенциалисты отказались от исследования подлинной истории и реальных условий существования мексиканского народа.

Созданный экзистенциалистами образ мексиканца по своему содержанию в точности соответствует тем чертам, которые империалисты приписывают жителям колониальных и зависимых стран, пытаясь тем самым оправдать их угнетение. У мексиканца якобы нет чувства собственного достоинства, он робок, скрытен, сентиментален, чувствителен и в то же время апатичен, склонен к нарушению законов, деспотичен, лжив, слабоволен, непредусмотрителен, склонен к подражанию, фаталист, суеверен. Вот далеко не полный перечень эпитетов, употребляемых экзистенциалистами для характеристики «мексиканца». Эта характеристика сущности мексиканца, нарисованная с помощью хитроумной игры слов, призвана отвлечь внимание некоторых групп интеллигенции от изучения реальных социальных проблем Мексики»⁹.

Правда, в литературной практике все обстоит гораздо сложнее в отличие от философов писатели-экзистенциалисты должны были оперировать не общими фразами, а образами, и, всерьез уверовав в мистическую сущность окружавшей их жизни, они стали обращаться к ней за доказательствами. В этом и состояло противоречие экзистенциализма: с одной стороны, это была литература ухода от жизни, с другой стороны, она существовала за счет полной социальных противоречий действительности и в чем-то продолжала критический реализм 30-х годов.

40—50-е годы, годы расцвета в Мексике литературы экзистенциализма, отмечены ослаблением национально-освободительного движения, наступившим после временного подъема в период правления президента Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.), который осуществил такие важные демократические преобразования, как национализация нефтепромышленности и частичное проведение в жизнь аграрной реформы.

Выдавая себя за верных революционным принципам после-

дователей демократической политики Карденаса, буржуазные правители Мексики старались сковать революционную инициативу народа при помощи теории «непрерывно развивающейся революции», согласно которой революция будто бы не останавливалась в своем движении начиная с 1910—1917 гг. В подкрепление этой теории в стране осуществлялось строительство огромных, но практически малополезных плотин, проспектов и зданий в центре столицы, служивших источником наживы для подрядчиков, но не облегчавших положения народных масс.

А рядом с этой показной роскошью и видимостью прогресса перед взором писателя простиралась все та же нищая и отсталая Мексика, где измученные постоянной засухой и неурожаем крестьяне бросали свой клочок земли и уходили на заработки в Соединенные Штаты. Это была страна, по-прежнему зависимая от иностранного капитала, страна чудовищных контрастов и неразрешенных национальных проблем.

Олицетворением такой Мексики предстает перед нами герой рассказа Хуана Рульфо «Нам дали землю» («Nos dieron la tierra», 1953 г.). Бережно спрятав за пазухой курицу, которая составляет все его богатство, долгие дни терпеливо идет крестьянин туда, где отвели ему участок земли, мечтая о новой безбедной жизни. А дойдя до места, он видит голую, каменистую, иссушенную солнцем пустыню, где случайно залетевшая капля дождя падает в дорожную пыль точно плевков.

Нетрудно заметить существенное различие между абстрагированным от жизни, бесплотным экзистенциализмом 40-х годов («Во мгле») и литературной продукцией экзистенциализма 50-х годов, который в противовес официальным политическим теориям говорил о страдании, хотел понять, о чем думает индеец, бредя с тяжелой ношей по горной тропе. Мы видим, что экзистенциализм иногда вплотную подходит к социальным проблемам, в какой-то мере отражая закономерности того жизненного материала, который он использует, а его жалость к человеку граничит подчас с гуманизмом. О том, какой огромный жизненный материал накопила литература экзистенциализма, свидетельствует хотя бы творчество Хуана Рульфо. Сквозь призму отчаяния и безнадежной обреченности смотрит писатель на свою землю, и она предстает его взору унылым, щемящим душу пейзажем. Картины засушливого мексиканского нагорья, безжалостное, раскаленное небо над головой — таким был окружавший мексиканца мир, воссозданный Рульфо в книге рассказов «Пылающая долина» («El Llano en Llamas»). Опустошенным и бессильным встает на этом фоне человек, влачащий свою жизнь как проклятье, как кару за несовершенную им вину («Тальпа»). Изображение смерти, гибели и унылые картины природы в рассказах Рульфо несут в себе смутное понимание социальной неустроенности.

Однако, исходя порою из существовавшего в самой жизни зла, писатель-экзистенциалист не раскрывал его истинных причин, а скорее, наоборот, как бы утверждал извечность и неизблемость этого зла, связывая его с какими-то мистическими особенностями характера мексиканца, восходящими к глубокой древности, к тем доисторическим временам, когда племена, населявшие Мексику, приносили богам человеческие жертвы. И рядом с крестьянином рассказов Рульфо в мексиканскую прозу входит на правах героя какое-то непонятное, трусливое и коварное существо. Это раздвоенное существо появляется, в частности, на страницах романа А. Бонифаса Нуньо «Южный крест» («La cruz del sureste», 1955 г.) в образе незаконного сына помещика, воспитанного матерью-индианкой. В каждый момент жизни героя в нем борются два начала — холуй и господин, униженный раб и жестокий хозяин. Вокруг этого искусственно созданного психологического конфликта строится все действие романа.

Границы экзистенциализма расширялись, он захватывал все новые и новые пласты жизни. Вот погружается в мутный поток действительности рассказчик Томас Мохарро («Cañón de Juchipila», 1960 г.). Жизнь захлестывает его героев, и они беспомощно барахтаются в ее водовороте, будь то история мальчишки, заживо погребенного вместе с отцом под грудой камней и умирающего, глядя с тоской на реку, которая несет мимо свой живописный поток («Cruenta alegría, cenizontle»), или история двух брасеро, которые, не сумев ничего заработать в США, погибают от голода, возвратившись на родину («Мой брат Бауделио»).

В рассказах Мохарро, казалось бы, все, вплоть до мельчайших деталей, взято из жизни: и заспанный мальчуган, которого подняли с постели пинком ноги, шагающий теперь рядом с отцом в поле, и холодок раннего утра, когда солнце не накалило еще каменистой равнины, и узелок с кукурузными лепешками, которые обронил в воду крестьянин, оступившись на шатких мостках, и судорожные движения его рук, когда он старается поймать плывущие по течению лепешки, и грубошерстное сарапе, вздуваемое пузырем за спиной жалкого и беспомощного человека, и недетская жалость мальчишки, когда, придя в церковь с набожной теткой, он тихонько вздыхает, сочувствуя изображенному на иконе дьяволу, потому что этот щедедушный бедняга-дьявол, виновато сжавшийся у ног архангела Михаила, очень напоминает ему отца. Однако творчество Мохарро лишний раз убеждает в том, что даже при большой насыщенности экзистенциализма материалом действительности, изображая жизнь как жестокую бессмыслицу, он обрекает себя на творческое бесплодие. В художественном отношении большая часть его литературной продукции представляет собой не что иное, как

литературную эмульсию, где правда более или менее тщательно перемешана с ложью, реальное — с нереальным, настоящее — с прошлым.

Впрочем, отстоявшись, всякая эмульсия непременно разлагается на свои составные части, и тогда над мутным осадком образуется прозрачный слой. Нечто подобное происходит и в современной литературе Мексики. Пожалуй, в наиболее законченном виде этот процесс можно наблюдать в творчестве романиста Карлоса Фуэнтеса. Подобно тому как когда-то роман о странствующем рыцаре положил конец рыцарской литературе в Испании, творчество Фуэнтеса знаменует собой конец экзистенциализма в Мексике. Точно фокусник, объясняющий публике секреты своего искусства, писатель раскрывает перед нами истинный смысл мрачных загадок экзистенциализма. Именно поэтому появление романов Фуэнтеса стало большим событием в литературной жизни Мексики, а творчество молодого писателя получило признание далеко за пределами страны.

Интересен один из последних романов Карлоса Фуэнтеса «Край безоблачной ясности» («La región más transparente», 1958 г.), название которого иронически повторяет эпиграф Альфонсо Рейеса к описанию древней столицы Мексики: «Путник, ты вступишь в край безоблачной ясности».

Город Мехико, этот воспетый поэтами всех времен «Край безоблачной ясности», предстает в романе Фуэнтеса как некое лобное место, где повседневно совершаются жертвоприношения, но не древним божествам, а чудовищному молоху наживы, продажности, насилия и нищеты.

Первая страница романа звучит почти как шаманское заклинание, напоминая местами бьющие на эффект декларации «эстридентистов» * конца 20-х годов, но это всего лишь прием, чтобы привлечь внимание читателя, а дальше, в приглушенных интонациях авторского «курсива-шепота», мы слышим истины, которые не скажешь в полный голос, и узнаем современную Мексику во всей сложности ее наболевших социальных проблем: «... Сквозь шум автомашин и вопли джаза, когда вокруг кишат увешанные драгоценностями пресмыкающиеся, я слышу грохот туземных барабанов. Давно уснул пернатый змей, давно сошли в могилу животные с исторической родословной. В твоих глазах горят сто тысяч солнц, все тело твое, Мексика, в шипах. Но ты не падай духом, а ошетишь свои колючки да наточи ножи. И, стиснув крепче зубы, молчи, будь беспощадной и неумолимой... Твои уснувшие герои ничем тебе уж не помогут»¹⁰.

Незначительные события прозаической повседневности, то, что видит писатель вокруг, перемежаются с полуфантастичес-

* Эстридентизм (от слова «эстриденте» — пронзительный) — мексиканская разновидность футуризма.

кими происшествиями, которых скорее всего не было в самом деле, с образами, рожденными в мучительных раздумьях, — соответственно идет то печатный текст, то курсив. А в раздумьях Карлоса Фуэнтеса — вся история Мексики, история революции и народного поражения, контрасты нищеты и роскоши. Исторические отступления в недавнее прошлое и яркие реминисценции древней мифологии служат романисту тем вторым фоном, который позволяет сделать особенно выпуклым изображение уродливых явлений сегодняшнего дня.

Особенность творческого метода романиста заключается в том, что писатель не претендует на целостное воспроизведение действительности, — он дает ее в хаотическом нагромождении разрозненных образов, отдельными фрагментами. Сквозь внешний хаос повествования проходит загадочный персонаж Иска Сьенфугос; в этом образе романист захотел собрать в единый клубок все противоречия современной Мексики, страны, которая, едва успев освободиться от оков колониального прошлого и суеверий варварства, оказалась один на один с американским империализмом, его гигантской техникой и все нивелирующими стандартами культуры «модерн».

Автор заставлял своего героя жить двойной жизнью: между прошлым, олицетворением которого предстает его мать, старая индианка, ревнивая хранительница древних обрядов и суеверий, и настоящим в образе светской львицы Нормы Ларрагойтия, жены банкира, нажившего миллионы за счет революции. Романист не столько осуждает наивные суеверия старины, сколько цинизм и лицемерие современного ему буржуазного общества. Рядом с повседневными жертвоприношениями на алтарь жадности и подлости, с безобразным зрелищем «нескончаемой комедии» окружающей романиста действительности, рядом с народной нищетой и танцовщицей ночного кабаре, которая, оголяясь перед публикой, не снимает с шеи образа богоматери, рядом с этими уродливыми образами сегодняшнего дня сверкнет вдруг древнее предание Мексики, вплетенное в причудливую канву романа. Автор отсылает нас к мифу о бедняке, который зажег солнце.

Согласно древнему мексиканскому преданию, создав землю и небо, боги оказались в затруднении: чтобы засияло и пришло в движение солнце, нужна была человеческая жертва, а среди обитателей мексиканского олимпа не находилось охотника броситься в священный костер. И вот вышел знатный вельможа Караколь; облачившись в дорогие одежды и яркий убор из цветных перьев, он бросал в огонь душистые смолы, наносил себе раны золотыми иглами и драгоценными камнями, но прыгать в костер все же не решался. В это время мимо проходил оборванный, покрытый язвами бродяга. Узнав в чем дело, он собрался с духом и, разбежавшись, прыгнул в костер, а за ним уже, осме-

лев, последовал и Караколь. Вот потому-то, говорит предание, на небе два светила: солнце и луна.

Поэтические предания старины живут новой жизнью в современной Латинской Америке. Революционные события на Кубе, подобно большим историческим катаклизмам, резко изменяющим очертания окружающего мира, во многом способствовали пробуждению творческих сил, которое мы видим на примере творчества Фуэнтеса. В беспокойной, нетерпеливой манере писателя ощущается жизненная потребность мексиканской интеллигенции вынести на повестку дня все проклятые вопросы своего времени — все сразу, вместе и неотложно.

Карлос Фуэнтес выступает как смелый новатор, ищущий новых форм романтического повествования, и одновременно является бесспорным преемником традиций критического реализма 20—30-х годов. Но это не простое возвращение к реализму романа о революции, блуждавшему в заколдованном кругу исторической обреченности. Переболев экзистенциализмом, мексиканская проза выходит на просторы беспокойной современности, размыкая заколдованный круг социального зла.

Исключительный интерес вызывает последний роман Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» («La muerte de Artemio Cruz», 1963 г.). Огросив прочь предложенные экзистенциализмом ходули, романист уже чувствует под собой твердую почву. Он берется за трудную задачу расшатать и привести в движение оцепеневший в мертвенной неподвижности мир. Карлос Фуэнтес подчиняет себе исключительно сложный жизненный материал, который дает мексиканской литературе эпоха прошедшей революции. Романист как бы разбивает его на отдельные глыбы и ворочает эти гигантские залежи реальных противоречий, воспроизводя в самой структуре произведения те глубинные процессы, в которых рождается будущее его страны.

В сознании умирающего миллионера Артемио Круса, нажившего миллионы за счет революции, возникают, причудливо чередуясь, события прожитой жизни, и если мы станем искать логику в этой цепи событий, то увидим, что это не логика субъективного сознания, а неумолимая логика хода истории, и страшный конец Артемио Круса — это конец целой эпохи в жизни Мексики, эпохи буржуазной революции и тех надежд, которые связывал с нею народ.

Умирающий воротила мексиканских финансов и политики отгоняет прочь видения прошлого, словно не дорожа воспоминанием о своих победах, и, усиленно напрягая мысль, что-то пытается разглядеть в надвигающемся на него мраке. Его мысль упорно возвращается к сыну, погибшему во время гражданской войны в Испании, и то, что всю жизнь казалось ему досадной оплошкой, поражением, обретает в сознании умирающего свой высокий смысл: его сын сражался и умер в борьбе за сча-

стве других людей, а не за собственное благополучие. Окруженный притворными заботами всегда ненавидевшей его жены и дочери, которые роются в поисках завещания, Артемио, хоть и поздно, сознает свое полное банкротство.

* * *

В истории мексиканского экзистенциализма есть нечто такое, что выводит его за рамки чисто литературных явлений.

Несмотря на все ухищрения, к которым прибегают экзистенциалисты, претендующие на утонченность и аристократизм, они напоминают чем-то уличных торговцев экзотикой. Далеко не все в их сочинениях сводится к игре в мистику: в них столько же горькой правды, сколько ее в усталом взгляде уличного факира, который выходит по вечерам на шумные перекрестки столицы с факелом в руке и, глотая горящую паклю, протягивает толпе свою старую шляпу; в них печаль, затаенная в глазах индейца; в них отчаяние человека, который за несколько долларов, собранных толпой туристов, бросается в узкую расщелину среди скал, на дне которой едва заметной полоской блестит вода; в них тупая боль ран, которые травит, чтобы выставить напоказ, нищий, — словом, все те печальные следы, которые налагает на духовный облик народов Латинской Америки власть доллара, экономическое порабощение империализма.

¹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1951, стр. 266.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 375.

³ I. M. Altamirano. Aires de México. México, 1955, p. 101.

⁴ I. M. Altamirano. La literatura nacional, t. I. México, 1949, pag. 11.

⁵ M. Azuela. Cien años de novela mexicana. México, 1947, p. 140—141.

⁶ E. Abreu Gómez. Clásicos, románticos, modernos, México, 1934, p. 195.

⁷ У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 438.

⁸ A. Reyes. Obras completas, t. IV. México, 1955, p. 422.

⁹ Эли де Гортари. Современные течения философии в Мексике. «Вопросы философии», 1957, № 2, стр. 96.

¹⁰ C. Fuentes. La región más transparente. México, 1960, p. 9—10.

ПАНОРАМА МЕКСИКАНСКОГО КИНО

I

1898 г. инженер Сальвадор Тоскано впервые организовал демонстрацию кинофильмов в Мексике. Проекционный аппарат фирмы «Люмьер» был привезен из Франции. Фильмы были засняты изобретателями кино и только что сформированной ими группой кинооператоров, которые разъезжали по всему свету в поисках интересных сюжетов для киносъемок. Но инженера Тоскано интересовала не только демонстрация кинофильмов; он выписал киносъемочную аппаратуру и начал производить съемки по принципу того времени: под открытым небом, на темы дня или по поводу исключительных событий — парадов или торжественных церемоний. Такой отснятый материал накапливался в течение длительного времени; особенно много его появилось в 1910 г., когда праздновалось столетие независимости Мексики.

Однако эти хроникальные киноленты, показывавшие парады, празднества, торжественные церемонии в обстановке необыкновенной пышности, которой диктатура Порфирио Диаса окружила столетний юбилей независимости, к концу года совершенно неожиданным образом изменили свое содержание. 20 ноября 1910 г., ровно через сто лет после начала революционного движения, приведшего к тому, что Новая Испания превратилась из колонии в свободную страну, Франсиско Мадеро поднял вооруженное восстание против диктатуры Диаса. Революция продолжалась несколько лет, и Тоскано запечатлел с помощью кинокамеры важные этапы борьбы и деятельности основных руководителей революционного движения. Сапата, Карранса, Вилья, весь народ, начавший борьбу за новую неза-

висимость, за землю и свободу, были увековечены в фильмах Тоскано. Спустя много лет, в 1950 г., его дочь Кармен Тоскано де Морено Санчес смонтировала из снятого материала документально-исторический фильм, который демонстрировался под названием «Воспоминания мексиканца» («Memorias de un Mexicano»).

«Примитивистское» движение в кино, начатое инженером Тоскано, получило развитие. В 1898 г. он сам снял первый художественный фильм «Дон Хуан Тенорио» («Don Juan Tenorio») по мотивам одноименного произведения Сорильи. Среди пионеров мексиканского кино выделялись братья Альба, которым удалось заснять некоторые колоритные сцены, относящиеся к жизни начала века: «Детский праздник в Аламеде» («Concurso de niños en la Alameda»), «День в Хочимилко» («Un día en Xochimilco»), «Бой быков» («Fiesta de torros»), «Страстная пятница» («El Viernes de Dolores»), выпущенные в 1909 г. Публика массами стекалась на эти «показы», как тогда называли демонстрации фильмов.

Вполне понятно, что в то время мексиканские кинематографисты в подражание примитивистским фильмам мира основное внимание уделяли хроникальным картинам документального характера, поскольку для их съемки не требовалось ни студий, ни сценариев. Достаточно было нацелить объектив на людей и заснять их в таком виде, в каком они предстали перед камерой.

Из Европы и США начали приходить первые недокументальные фильмы. Кино превращалось в популярное зрелище, и публику уже не удовлетворяли просмотры отрывков, вырванных из обыденной жизни; если раньше публику потрясал показ на экране ее собственной жизни, то вскоре она привыкла к этому. В Мексике, как и в других странах, начинаются поиски исторических сюжетов. Так, например, актер Фелипе де Хесус Аро выпустил короткометражный фильм на исторический сюжет «Крик Долорес» («El grito de Dolores»), чтобы рассказать о призыве к независимости, впервые брошенном священником Идальго в 1810 г. Тот же самый Аро снял и другие фильмы на исторические сюжеты и экранизировал короткие новеллы на французский лад. Никаких сведений о фильмах этого периода не сохранилось, кроме их названий, сообщенных фильмографом Хосе Мариа Санчес Гарсией.

В 1919 г. продюсер и директор Энрике Росас выпускает один из первых мексиканских полнометражных фильмов — «Банда в сером автомобиле» («La banda del automovil gris»). Основанный на подлинных фактах и показывающий преступления, совершенные бандой налетчиков, наводивших ужас на жителей г. Мехико, этот фильм представляет собой нечто большее, нежели простой пересказ событий. Автору удалось вели-

колепно воссоздать обстановку и характеры как жертв, так и убийц и, что особенно важно, с редким чувством кинематографического ритма нарисовать подлинную картину жизни. Его тонкая наблюдательность, безошибочно анализирующая человеческое поведение и замечающая малейшие подробности обстановки, превратила картину в чрезвычайно важный исторический и психологический документ, который вместе с тем обладает большой художественной ценностью. Иными словами, можно сказать, что автор поведал нам жизненную историю на чистом языке кино, непосредственном и сильном.

Этот фильм до сих пор постоянно демонстрируется в небольших городах в стране, что свидетельствует о его немалых достоинствах.

Во втором десятилетии нашего века уже образовалось несколько небольших кинокомпаний, организованных по образцу существовавших в США и Европе. В начале 20-х годов выделяются два режиссера. Первый из них — Мигель Контрерас Торрес, поставивший фильм «Капрал» («El caporal») в десяти частях и «Тропические души и золото, кровь и солнце» («Almas tropicales y Oro, Sangre y Sol»), в котором показан бой быков в Мексике. Второй режиссер, Карлос Сталь, начинает беспрецедентные для того времени съемки: он выпускает короткометражные еженедельные обзоры — серию под названием «Мексика» (México), нечто среднее между документальным фильмом и новостями дня. Кроме того, он руководит съемками нескольких полнометражных фильмов, среди которых достойны упоминания «Дама с камелиями» («La dama de las camelias») и «Да будут прокляты женщины» («Malditas sean las mujeres») — мелодрама в духе французских романов начала века.

В эту эпоху бурных политических событий в области кино наблюдается застой. Революция, начавшаяся в 1910 г., еще не была завершена: то тут, то там возникали мятежи, вспыхивали бунты, хотя кульминационный период уже миновал, после того как был ликвидирован контрреволюционный мятеж Викториа-но Уэрты, убившего Мадеро. Ожидались радикальные перемены в государственном строе. Парадоксальным образом кинематография этого периода не отражает глубоких потрясений, пережитых нацией. В кинематографической тематике, как правило, фигурируют мелкобуржуазная мелодрама и многосерийные приключения. В тот же самый период начала ощущаться сильная североамериканская конкуренция: процветающая кинопромышленность Голливуда давала 600—700 фильмов в год. Голливудская кинематографическая империя неслышанно окрепла после первой мировой войны.

В конце 20-х и в начале 30-х годов все решительнее утверждается звуковое кино с известными ныне модификациями художественных средств кинематографа, ранее опиравшегося в основном на игру актеров и монтаж фильма. В своей автобиографии Чаплин сетует на введение диалогов в фильмы: «Это вызывает огорчение, — говорит он, — так как мешает созданию поистине прекрасных фильмов». Возникновение звукового кино было не только переворотом в области искусства (он произошел позднее), а явилось подлинной экономической революцией.

Киноконцерны сначала в США, а затем и во всем мире захватили в свои руки производство, распределение и демонстрацию кинофильмов, стали навязывать систему съемок фильмов в нескольких вариантах. Так, одна кинокартина ставилась одновременно на английском и испанском языках с использованием тех же самых декораций. Менялись только директора картин и актеры. Однако публика, преклонявшаяся перед такими кинозвездами, как Мэри Пикфорд, Глория Свенсон, Дуглас Фэрбенкс, не приняла других актеров — их дублеров, в основном не столь знаменитых латиноамериканских киноактеров, которые обосновались в США. Несколько позднее с появлением знаменитых мексиканских актеров в голливудских фильмах (среди них самые известные Рамон Новарро, Луис Белес, Долорес дель Рио, Лупита Тобар) эта система потерпела крах. Субтитры также не смогли окончательно разрешить трудностей, возникавших при демонстрации американских фильмов в Мексике и во всей Латинской Америке из-за огромного процента неграмотности населения, доходящего в некоторых странах до 85%. Таким образом, настала пора больших надежд в развитии кинопромышленности стран, говорящих на испанском языке, но национальным студиям приходилось выдерживать конкуренцию США, инвестировавших капиталы в кинопромышленность Мексики. Условия конкуренции, возникшей между Мексикой, Аргентиной и Испанией в начале 30-х годов, стали благоприятными для развития нашего национального киноискусства. Возможно, что большую роль в этом сыграла почти бессознательная неприязнь мексиканской и латиноамериканской публики к испанскому и аргентинскому произношению. Другими обстоятельствами, способствовавшими успеху мексиканского кино, были качество их технического исполнения, оригинальность тематики, своеобразие характеров и драматических конфликтов. Но разработка мексиканскими кинопромышленниками мелодраматических сюжетов приводит к деградации фильмов в эстетическом и художественном отношении. Седовласые матери, обольщенные и покинутые служанки, незаконное материнство, религия как необходимый

атрибут и условие духовной жизни и т. д. накладывают на мексиканские фильмы оттенок мрачности.

В 30-х годах появляются интересные и многообещающие кинофильмы. Хуан Бустильо Оро осуществляет постановку фильма «Два монаха» («Los dos monjes», 1934 г.), в котором нашел несколько запоздалое отражение немецкий экспрессионизм, и «Нострадамус» («Nostradamus», 1936 г.) — фильм плаща и шпаги, сценарий которого основан на вымышленной биографии некоего знаменитого ясновидца. Кинофильм «Уапанго» («Huapango», 1937 г.) значительно слабее «Двух монахов». Постановщик проявляет себя здесь просто добросовестным ремесленником с некоторым воображением. Наиболее значительным режиссером этого времени является Фернандо де Фуэнтес, автор двух выдающихся фильмов — «Пленник № 13» и «Кум Мендоса» («El prisionero trece», El compadre Mendoza), выпущенных в 1933 г.

В первом фильме автор повествует о молодом человеке, по ошибке попавшем в плен и расстрелянном революционной армией при оккупации г. Мехико. Трактовка фильма мелодраматическая, но ритм ее динамичен и обстановка нарисована решительными и характерными штрихами. Стиль повествования уже превосходит добросовестное ремесленничество — это стиль кинематографиста-художника, думающего и ищущего.

Фильм «Кум Мендоса» бесспорно является лучшим фильмом Фуэнтеса и мексиканской кинематографии 30-х годов. Это рассказ о столкновении истинного революционера, чистого идеалиста, с человеком из среды приспособившейся, оппортунистической буржуазии. Их связывает крепкая дружба, которая выносит многолетнее испытание до тех пор, пока революционный герой не превращается в опасного врага правительства. Его пытаются отстранить, изолировать, но герой отказывается сложить оружие, пока Революция не пойдет по настоящему революционному пути. В имени его кума, которого он изредка навещает, с молчаливого согласия друга ему устраивают ловушку. Де Фуэнтес не вникает глубоко в научные проблемы, он заинтересован лишь тем, чтобы поведать нам историю о подло преданной дружбе. Его постановка уверенна, полна тончайшими нюансами, богата психологическими противоречиями и далека от мертвого копирования жизни. Автор отвергает всякое соглашательство и рисует героев смелыми мазками, наделяет их сильными характерами, не лишенными, однако, человеческих слабостей, что во многом определяется замечательной игрой актеров. Альфредо дель Дьестро, снимавшийся в роли богатого кума-приспособленца, после этой картины мог уже не завидовать лучшему исполнителю подобных ролей Райму. Благодаря своим блестящим качествам фильм «Кум Мендоса» даже сейчас, спустя 30 лет после выхода на

экран, смотрится с большим интересом: он не потерял ни силы воздействия на зрителя, ни выразительности. Даже композиция фильма не устарела.

В 1935 г. Фуэнтес ставит другой фильм, посвященный революционной эпохе, — «Пойдем с Панчо Вильей» («*Vámonos con Pancho Villa*»), который до сих пор остается самым удачным воплощением эпохи вооруженной борьбы. Как и в кинофильме «Кум Мендоса», персонажи здесь необыкновенно жизненны, наделены положительными и отрицательными чертами, достоинствами и недостатками.

Фернандо де Фуэнтесу принадлежит также знаменитый мексиканский фильм «Там, в Ранчо Гранде» («*Allá en el Rancho Grande*», 1936 г.), который прошел по всем кинотеатрам Латинской Америки и в значительной мере укрепил престиж коммерческих картин нашей страны. Являющийся прототипом комедии «ранчо»*, этот фильм рассказывает о бесхитростной любви, которая сталкивается с препятствиями, но счастливо завершается. Здесь много печальных песен, народного юмора и стилизованного фольклора, злоупотребление которым подтолкнуло со временем основы мексиканской кинопромышленности. Эти своеобразные атрибуты каждого мексиканского фильма, наряду с некоторыми чертами эротизма, определяют вплоть до настоящего времени постановочный стиль всей системы национальных студий. Успех фильма «Там, в Ранчо Гранде» способствовал популяризации мексиканских песен во всем мире.

Другим известным режиссером этого времени является Аркадий Бойтлер, русский по происхождению, создавший одну из первых высокопрофессиональных мексиканских картин «Портовая женщина» («*La mujer del puerto*», 1933 г.). Поскольку он обладал определенным опытом театральной режиссуры, его стремления и требования были отличны от режиссерской работы других постановщиков того времени, которые практически не были знакомы с театральной традицией. Несмотря на передовые постановочные тенденции, «Портовая женщина» представляет собой мелодраму, в основе которой лежит рассказ Мопассана. Этот фильм имеет два основных значения: он отражает стремление создать новый тип фильма — художественный, со сложной композицией, и, несмотря на все неудачи, обладает элементами большого кино благодаря режиссерскому умению создать нужную атмосферу и умело руководить актерской игрой. В своей работе режиссер скорее следует здесь тенденциям европейского кино, чем североамериканского. Деятельность Бойтлера сыграла также большую роль в коммерческом успехе наших фильмов, так как он первый

* Комедия «ранчо» — тип ковбойского фильма в мексиканском варианте (прим. переводчика)

вывел комического актера народного театра Кантинфласа * на экран и руководил его первыми шагами в кинематографе. Первые фильмы с участием этого комика — «Такова моя земля» («Así es mi tierra») и «Орел или солнце» («Águila o sol»), которые вышли на экраны в 1937 г. В это время комик, позднее ставший самой значительной фигурой национального кино, был только незначительным персонажем в фильмах, исполняя комические роли наряду с другим комическим актером Мануэлем Меделем. Благодаря действенному руководству Бойтлера сценическая игра Кантинфласа, основанная прежде всего на каламбурах и представлениях городского бедняка-оборвыша, полностью переходит на экран, что создает основы его последующей славы.

В 1930 г. в Мексику приехал советский режиссер Сергей Михайлович Эйзенштейн, для того чтобы снять фильм по сюжету Эптона Синклера, который поручил ему экранизировать свое произведение. Фильм должен был воссоздать широкую панораму истории Мексики и состоять из четырех частей, с прологом и эпилогом. Как известно, работа над этим кинофильмом, который должен был выйти на экраны под названием «Да здравствует Мексика!» («Que viva México!»), не была завершена. Часть негатива была приобретена кинокомпанией «Метро Голдвин Майер», и материал, снимавшийся в течение шести месяцев, частично перешел в фильмотеку с правом использования его для повторных показов, а частично был продан Солу Лессеру, смонгировавшему три фильма: «Буря над Мексикой» («Tempestad sobre México»), «Эйзенштейн в Мексике» («Eisenstein en México») и «Траурная месса» («Kermesse fúnebre»). В 1934 г. Мари Сетон сделала еще один монтаж из неопубликованного материала. Несмотря на то что ни один из этих фильмов не имеет непосредственной связи с идеями Эйзенштейна, которому не удалось смонтировать свой материал, этот режиссер оказал решительное влияние на некоторых деятелей мексиканского кино. С уверенностью можно сказать, что Эйзенштейн открыл Мексику для кино и что благодаря ему некоторые кинодеятели, интересующиеся выразительными средствами кино, увидели свою страну другими глазами. Однако следует признать, что преподанные им уроки были недостаточно усвоены.

Влияние Эйзенштейна особенно заметно в двух кинофильмах: «Сети» («Redes»), поставленного режиссером США Фредом Зинеманом и Эмилио Гомес Муриелем в 1934 г., и «Ханитцио» («Janitzio»), поставленного Карлосом Наварро. Первый кинофильм был снят около г. Веракрус; в простой истории рассказывает о борьбе рыбаков против эксплуатации и гнета со

* Кантинфлас — псевдоним знаменитого мексиканского комика Марио Морено (*прим. переводчика*).

стороны касика — местного богача, и торговцев. Актерами являлись сами жители этого поселка, и в основу фильма были положены действительные факты. Идея фильма состояла в том, чтобы привести рабочих к пониманию необходимости объединяться в профсоюзы, показать, что только в этом случае они смогут противостоять эксплуататорским классам, что разрозненная борьба беспредельна и обречена на провал, так как «силы порядка» находятся на службе у торговцев рабочей силой. Художественные средства фильма соответствуют стилю Эйзенштейна и оператора, работавшего вместе с ним, — Тиссэ; разделение пространства на определенные планы, ритм монтажа, колоритное изображение индейских фигур, использование пейзажа — все говорит о недавней работе советского режиссера в нашей стране. Его боевой дух и выдвигаемое им условие коллективного труда, а также его поиски новых форм оказали влияние на музыку, настенную живопись и литературу, развивающиеся в духе национальных традиций. Среди наиболее выдающихся деятелей этого движения фигурируют Диего Ривера и Сильвестре Ревуэлтас, написавший музыку к кинофильму «Сети». Кинофильм «Ханитцио», созданный по мотивам простого рассказа о жизни бедняков, также изобилует находками в области формы. Это наметившееся направление позднее достигнет наивысшего развития в творчестве Эмилио Фернандеса.

III

Десятилетие после 1938 г. было переломным для национального кино, потому что именно в этот период определились все положительные и отрицательные стороны мексиканской кинопромышленности. В это время появляется Эмилио Фернандес, в котором сочетаются основные достоинства и недостатки, свойственные мексиканскому кино, выдвигается Луис Буньюел, внесший интересный вклад в кинематографическое производство нашей страны. В течение этих лет и особенно к концу этого периода начинается едва заметный экономический упадок и эстетическая деградация нашего кино по вине безответственных коммерсантов, в руки которых попала кинематографическая промышленность. Мировая война и ее последствия отвлекли внимание империалистов США, и мексиканская кинематография получила некоторую свободу. Кроме того, после гражданской войны в Испании были ликвидированы важные конкуренты Мексики: кинопромышленность Иберийского полуострова была разрушена, а в Аргентине наступил стабильный кризис, в результате которого почти все выдающиеся деятели кино вынуждены были эмигрировать. Однако скрытый под маской внешнего благополучия и процветания кризис начал назреть и в нашей кинематографии из-за отсутствия

заинтересованности у продюсеров, из-за отсутствия творческого стимула у директоров производства, из-за отсутствия гибкости у руководителей синдикатов технического персонала.

В 1938 г. во время правления генерала Ласаро Карденаса была осуществлена экспроприация нефтяной промышленности. В стране начался процесс окончательной стабилизации, что позволило вырабатывать конкретные планы на будущее. Тот факт, что правительство одной из латиноамериканских стран осмелилось занять непримиримую позицию в отношении международных монополий и картелей, свидетельствовал о твердом намерении следовать по пути развития национальной экономики и прежде всего поставить естественные богатства на службу мексиканской нации. Кинофильм «Сети» пробудил национальное самосознание во всех отраслях культуры: так, например, в искусстве началось широкое движение за создание настенной живописи, возглавляемое художниками Диего Риверой, Ороско и Сикейросом; в музыке начинают использовать народные темы Ревуэлтас, Карлос Чавес и их последователи (Блас Галиндо, Пабло Монкайо, Луси Санди). Создание современного танца началось с основания в 1939 г. Академии мексиканского танца. Некоторые испанцы-иммигранты, такие как Хосе Бергамин и Родольфо Альфтер, вместе с балетмейстером Анной Соколовой (США) принимали в этом активное участие.

Начиная с кинофильма «Там, в Ранчо Гранде», мексиканская кинематография переходит от кустарного производства к развитию крупной кинопромышленности. Создаются новые киностудии и кинокомпании («Класс Фильмс», «Фильмекс», «Фильмс Мундиалес», «Гровас», «Пеликулас Родригес»), которые свидетельствовали о том, что лихорадка охватила деловой киномир. Но вызывает удивление тот факт, что правительство, покровительствующее всем видам искусства и стимулирующее их развитие, совершенно не обращало внимания на кино. Единственной мерой, направленной в защиту мексиканской кинопромышленности, был декрет 1939 г., обязывавший владельцев кинотеатров демонстрировать мексиканские кинофильмы. Однако правительство ни в коей мере не выступало за оказание поддержки киноискусству, что уже в то время могло бы дать положительные результаты. В 1938 г. в Мексике было 830 кинозалов, которые ежегодно посещало 66 млн. зрителей. Производство фильмов увеличилось в 1938 г. до 57, хотя в последующие четыре года не превышало 38 кинофильмов в год. Начиная с 1943 г. число их снова возрастает, достигнув в среднем ста кинофильмов в год.

Вторая мировая война способствовала развитию мексиканского кино. Причиной этого послужили два основных фактора: во-первых, потерпевшие крах попытки продюсеров США по-

теснить фильмы латиноамериканских стран при помощи дублирования, различных «вариантов» звукового кино и внедрения своих фильмов; во-вторых, увеличение производства военно-пропагандистских фильмов, которые очень скоро опостытели публике. Эти два обстоятельства благоприятствовали развитию мексиканского кино, но, к сожалению, все усилия создателей кинофильмов были сосредоточены на производстве коммерческих кинолент с мелодраматическими сюжетами, далекими от исторической и социальной действительности.

Эмилио Гарсия Рьера так описывает этот период: «Создаются также патриотическо-биографические фильмы с немислимо примитивным содержанием, с Кантинфласом — комедийным персонажем, который перешел из положения второстепенного действующего лица в основного героя всех кинокомедий. Увеличивается число скучнейших фильмов, идеализирующих то время, когда средние классы могли спать спокойно. Испанский театр продолжает создавать эталоны, по которым создаются любовные комедии, рассчитанные также на вкусы среднего класса. В мексиканском кино отражена идеология богачей-выскочек».

В результате отсутствия философских и эстетических знаний мексиканские кинопродюсеры не использовали благоприятной конъюнктуры для того, чтобы подняться на более высокий уровень и добиться истинной независимости.

Удивляет полное отсутствие широты взгляда у представителей правительственных и кинематографических кругов, в руках которых в то время была сосредоточена возможность ориентировать развитие национальной мексиканской кинематографии по собственному пути. Естественно, что кино является развлекательным искусством, но это лишь одна из его задач, и ничто не может оправдать его моральную и эстетическую деградацию. Поэтому кажется непонятным, что в благоприятное время экономического подъема, которое могло бы оказывать свое влияние и на развитие киноискусства, сделав его достоянием всего народа, только очень немногие думали о прогрессе. Сколько кинофильмов из обильной продукции того времени сохранилось до сих пор? Кто из режиссеров поднялся выше категории «добросовестного ремесленника»? С точки зрения идеологии естественно, что кинематографическая продукция, которая находилась в руках буржуазии, не имела иной цели, кроме пропаганды общества без острых социальных конфликтов, кроме разрешения незначительных психологических проблем, которыми были полны слюняво-слезливые мелодрамы, пропаганды мира, состоящего из белого и черного, из «хороших» и «плохих», но весьма примитивных личностей соглашательского мира, который никого и ничем не способен потревожить.

За период с 1938 по 1944 г. в нашей кинопромышленности работало 69 режиссеров. Создание Синдиката работников кинематографии Мексиканской республики в марте 1945 г. и в его составе секции режиссеров не только кладет конец проникновению в сферу кино «случайных» элементов, но и мешает всем тем, кто стремится заняться режиссурой. Так, со дня основания и вплоть до 1958 г. (период в 14 лет) секция состояла только из 14 режиссеров. Талантлив человек или нет, стремился он к новому или нет, обладал ли достаточной культурой или нет, двери секции режиссеров оставались закрытыми.

Режиссеры, обещавшие нам «большое кино», по мере создания которого сами могли бы стать зрелыми художниками, не прогрессировали, несмотря на благоприятные условия. Фернандо де Фуэнтес, например, после разработки различных тем — от кинокомедий до религиозных мелодрам и ковбойских фильмов — выпускает в 1943 г. достойный его таланта кинофильм «Донья Барбара» по роману венесуэльского писателя Ромуло Гальегоса, где главную роль исполняла Мария Феликс, одна из мексиканских кинозвезд первой величины.

Исполнение роли доньи Барбары не только превратило Марию Феликс в самую выдающуюся актрису мексиканского киноискусства, но и положило начало созданию характерного для этой актрисы «типа» женщин — сильных, властолюбивых, презирающих мужчин, но внутренне нежных и женственных. Приподнятая бровь, хриплый голос, резкие и величественные движения, прекрасная фигура и ледяная красота сделались необходимыми атрибутами этого образа.

Фуэнтес, однако, ничего более не создал, ни одной кинокартины, которая была достойна его творческих возможностей, так блестяще проявившихся в начале его деятельности. Впрочем, и «Донья Барбара» не шедевр, а всего-навсего хороший фильм, актуальность которого исчезла со временем.

Аркадий Бойтлер в 1944 г. создал свой последний фильм, многими считавшийся лучшим из всех его работ, — «Запрещенная любовь» («Amor prohibido»). Чано Уруэта, несобранный и честолюбивый не в меру, так и не смог стать настоящим художником, оставшись всего лишь ремесленником. Его самые выдающиеся фильмы «Ночь майя» («La noche de los mayas») и «Те, кто внизу» («Los de abajo») часто упоминаются в качестве образцовых национальных фильмов того времени. Это — помпезные произведения, прямолинейные и мелодраматичные. В основе сюжета второго фильма лежит один из известных революционных романов мексиканской литературы. Экранизация произведений Мариано Асуэлы, летописца революционной эпохи и послереволюционного периода, автора нескольких мелодраматических романов (что следует отнести за счет влияния того времени), оказалась не слишком удачной. В 1942 г. Ми-

гель Сакариас поставил фильм «Скала душ» («El peñón de las almas») с участием Хорхе Негрете и будущей звезды Марии Феликс.

В это время популярность Кантинфласа, комического актера, выдвинутого Бойтлером, достигла апогея. Отныне им руководит другой выдающийся режиссер, который делает его постоянным персонажем кинофильмов, построенных только на игре комика. Это режиссер Хуан Бустильо Оро, поставивший фильм «Вот в чем дело» («Ahí está el detalle»), выпущенный в 1940 г. В 1941 г. был создан лучший фильм с участием Кантинфласа — «Неизвестный полицейский» («El gendarme desconocido»), ставший широко известным в странах, говорящих на испанском языке. Фильм носит обличительный характер, комизм его основан на осмеянии представителей власти, сатире на полицию. Для публики, которой были весьма несимпатичны «блюстители» порядка, истинная суть которого всем известна, фильм «Неизвестный полицейский» явился как бы «отдушиной», некоторой формой удовлетворения обманутых надежд.

С этого времени неизменным режиссером фильмов с участием Кантинфласа стал Мигель М. Делгадо. Вначале этот факт практически не имел значения, поскольку как личность Делгадо ничего собой не представлял, что, по-видимому, и послужило причиной, по которой ему отдали предпочтение комик и те, кто его выдвинул. Однако в конце концов по мере упрочения своей славы и материального положения Кантинфлас превращается в героя бесконфликтных кинокомедий с благополучным исходом. Самое печальное то, что сценаристы не смогли правильно использовать огромный талант и необычайный юмористический дар Кантинфласа. Вместо того чтобы обращаться к народным источникам, питающим талант Кантинфласа, они, увлекшись прибылями и используя блестящую способность актера к перевоплощению, сочли для себя более удобным придерживаться установившихся типов фильмов и доходили до плагиата целых отрывков из фильмов Чаплина. С другой стороны, Мигель Делгадо ограничивался введением лишь легковесных, банальных трюков, вследствие чего талант комика из фильма в фильм тускнел, изживал себя, и Кантинфлас не мог уже дать ничего нового, ничего остросатирического, столь характерного для его первых ролей. Он начинает сниматься в таких пародийных фильмах, как «Ромео и Джульетта» («Romeo y Julieta», 1943 г.), «Три мушкетера» («Los tres mosqueteros») и «Гранд Отель» («Gran Hotel», 1944 г.).

Выдающейся фигурой этого времени является индеец Эмилио Фернандес, создатель мексиканской школы в мировом киноискусстве. Свою деятельность он начинает как актер в Голливуде, затем возвращается в Мексику, где продолжает работу.

Среди фильмов с его участием самыми значительными считаются «Прощай, Никанор» («Adiós Nicanor») — сельская мелодрама, созданная под руководством Рафаэля Портаса по сюжету, написанному самим Фернандесом в 1937 г., и «Остров страсти» («La isla de la pasión», 1941 г.), съемками которого он руководил. В двух фильмах, созданных в 1943 г., «Флор Сильвестре» («Flor Silvestre») и «Мария Канделярия» («Maria Candelaria»), выковывается его собственный стиль, стиль художника, которому суждено было стать самым знаменитым мексиканским режиссером. Он создал труппу, в состав которой входили такие звезды, как Долорес дель Рио и Педро Армendarис, оператор Габриэль Фигероа. Красота Долорес дель Рио и необыкновенное своеобразие Армendarиса великолепно гармонировали с эстетическим видением постановщика. Что касается Фигероа, то он достиг мировой славы благодаря фильмам с участием Фернандеса — в свое время его считали лучшим кинооператором мира. Несомненно, что его влияние на режиссера было немалым.

Стилю Эмилио Фернандеса свойственно переосмысление индейских традиций в искусстве и художественное видение, которому в известной степени он научился у Эйзенштейна. Более поздние кинофильмы «Влюбленная» («Enamorada»), «Мексиканская девушка» («Pueblerina»), «Макловия» («Maclovía»), «Салон Мехико» («Salón México») и «Жемчужина» («La perla») представляют второй этап его творчества. Возможно, лучшей из его картин является «Жемчужина» (1945 г.), созданная по сюжету повести Джона Стейнбека и выдержанная в суровых тонах, ранее не встречавшихся в его творчестве. Как охарактеризовать стиль Эмилио Фернандеса? Заслуги его несомненны: глубокая романтическая трактовка действующих лиц и событий, стремление найти темы и материал для искусства в жизни индейцев, необыкновенная поэтическая интуиция, творческие поиски, художественное восприятие пейзажа Мексики. Все это наложило явный отпечаток на его творчество и способствовало его выдвижению на первый план среди других режиссеров Мексики, за исключением Буньюэля, поскольку Буньюэль был первым, кто пытался раскрыть внутренний мир человека и отразить реальную действительность. В то время как другие кинорежиссеры превратились в услужников своих продюсеров, вместо того чтобы быть творцами, Фернандес отдавал весь свой талант настоящему искусству.

Его достоинства явились причиной и его недостатков: так, его романтический дух и отсутствие образования приводят его к идеологическим нелепостям, к фатализму в трактовке социальных проблем. Его приверженность к темам, связанным с жизнью коренного населения страны, и художнические концепции служат источником его конвенционализма, стереотип-

ного видения народной жизни. Его творческие поиски внешних форм ограничены сухими схемами, что препятствует развитию внутреннего плана. Это со всей очевидностью проявилось в последнем фильме «Раненая голубка» («La paloma herida», 1963 г.), где режиссер повторяет, «пережевывает» самого себя. Но, несмотря на чрезмерное увлечение фольклором и идеологические ошибки, проистекающие от отсутствия конкретных концепций в оценке проблем и интуитивного подхода к вещам, кинофильмы Фернандеса на протяжении многих лет были единственной надеждой мексиканского кино и единственно истинной реальностью мексиканской школы. Его немногие последователи ограничивались подражанием его внешним формам и пришли к безжизненному манерничанью.

Другим подающим надежды режиссером в тот период был, правда в меньшей мере и в другом плане, Хулио Брачо, начавший свою деятельность в 1941 г. фильмом, посвященным, подобно многим картинам того времени, эпохе Порфирио Диаса. «Ну и времена, сеньор дон Симон!» («¡Au que tiempos, señor don Simón!») — прекрасно скомпонованная комедия, которая обогатила режиссера техническими находками, способствовавшими созданию в 1943 г. его лучшего фильма «Странный рассвет» («Distinto amanecer»). В этом фильме Брачо проявил тонкое чутье реалистического воспроизведения характеров и необыкновенную легкость при воссоздании психологической и социальной атмосферы. Качество его фильмов далеко выходит за рамки его тенденций к мелодраме и штампам. После фильма «Росенда» («Rosenda», 1948 г.) он создает только коммерческие фильмы на уровне добросовестного ремесленника, в которых даже нет художественного видения реального мира, оригинального кинематографического стиля. Следует отметить, что большинство постановщиков нашего кино смогли создать в течение своего творческого пути только один или два истинно значимых фильма, если не считать Эмилио Фернандеса. К таким режиссерам относятся Фернандо Фуэнтес, Брачо, Бустильо Оро, Бойтлер, Роберто Габальдон, Контрерас Торрес («Бесполезная жизнь Пито Переса») («La vida inútil de Pito Perez», 1943 г.) и Алехандро Галиндо, начавший свою деятельность в 1938 г. кинофильмом «Эмигранты в Мадриде» («Refugiados en Madrid»). В этом кинофильме появляется необычайный элемент — политика. Война в Испании нашла свое отражение в мелодраматических произведениях: вводятся новые персонажи и надуманные диалоги на военные темы, что в то время считалось эталоном глубины, правда скудной и условной. С тех пор включение политики в кинофильмы сделалось не переменным, но почти несущественным условием.

Среди лавины коммерческих фильмов, не имеющих выраженной индивидуальности, Галиндо создает фильм «Ни кровь, ни песок» («Ni sangre ni arena», 1941 г.) с участием Кантин-фласа. Позже, и это будет характерно для творчества Галиндо, он попытается дать широкую панораму жизни народных масс в больших городах, в частности г. Мехико. Он взялся за разрешение, правда довольно ограниченно, социальных проблем, отказавшись от традиционного использования фольклора и от ковбойских фильмов, что до сих пор не дало ничего ценного нашему кино. За десять лет работы среди посредственных, но в общем хорошо принятых публикой фильмов Галиндо выделяются два: «Чемпион без короны» («Campeón sin corona», 1946 г.) — история чемпиона по боксу, выходящего из народа, и «Одна из многих семей» («Una familia de tantas», 1949 г.), в этом фильме удачно отображены проблемы среднего класса Мексики. Мастерство Галиндо опирается прежде всего на искусную технику и непосредственную манеру повествования, лишенную риторики. Хотя большая часть его работ не лишена некоторой условности и черт добросовестного ремесленничества, два наиболее значительных кинофильма из созданных им позднее поставили его в один ряд с Эмилио Фернандесом, как одного из тех немногочисленных режиссеров, которые следовали в кинематографе своим личным критериям. Это фильмы, вышедшие на экран в 1953 г.: «Мокрые спины» («Espaldas mojadas») — смелое решение проблем, стоящих перед мексиканскими батраками, которые в поисках работы были вынуждены эмигрировать из своей страны в США, и «Фернандесы из Пералвилло» («Los Fernandes de Peralvillo») — хроника жизни среднего класса в одном из бедных кварталов.

Имя Роберто Габальдона упоминается всегда, когда речь идет о «первоклассном» кинематографе. В действительности же этот постановщик, экранизировавший в начале своей карьеры произведение Бласко Ибаньеса «Крестьянская хижина» («La barraca», 1944 г.), не проявил в кинематографе творческой индивидуальности и никогда не испытывал потребности в выражении ни своих интересов, ни убеждений, которые носили бы социальный, моральный или политический характер. Но он — хороший техник, знаток своего дела, добросовестный мастер. Габальдон часто прибегает к помощи одного из лучших сценаристов мексиканского кино Хосе Ревуэльтасу и ставит фильмы по его сценариям. Наиболее значительными фильмами Габальдона были «На ладони твоей руки» («En la palma de tu mano», 1950 г.) и «Макарио» («Macario», 1960 г.), которые отмечены псевдоинтеллектуальными штампами в разработке традиционной темы — «мексиканец и смерть». Ни совершенство красок, ни разнообразие технических средств, ни игра хороших актеров, ни соответствующая подгонка — ничто не помогло

ему создать вдохновенного и самобытного кинофильма. Возможно, то же можно было бы сказать и о его последнем фильме «Золотой петух» («El gallo de oro», 1964 г.), поставленном по рассказу Хуана Рульфо и сценарию Карлоса Фуэнтеса, Габриэля Гарсия Маркеса и Карлоса Вело — виднейших деятелей литературы и искусства.

IV

В предыдущей главе я вышел за искусственные рамки десятилетия 1938—1948 гг. Самое основное, что в это время из 68 постановщиков, которые начинали свою работу в кинематографии или создавали фильмы, лишь немногие сумели подняться выше среднего уровня коммерческих картин. Индустриализация мексиканского кинематографа привела к созданию технически совершенных фильмов, способных конкурировать с лучшими кинокартинами; появилось несколько кинозвезд континентальной и даже международной известности, таких как Мария Феликс, Кантинфлас, Хорхе Негрете, Педро Армандарис, Долорес дель Рио, Давид Сильва, Артуро де Кордоба; улучшились система производства и распространения фильмов. Все это способствовало небывалому подъему нашей кинопромышленности.

Но этот бурный подъем, приведший к ежегодному производству в среднем до ста фильмов в год в течение десяти лет, ни в коей мере не содействовал появлению качественных кинокартин, о которых можно было бы говорить как о настоящих, серьезных достижениях в кинематографе, как о достижениях культуры производства. Образование синдикатов в значительной степени препятствовало развитию мексиканского кино, так как были созданы искусственные преграды не только для интеллектуального, но даже и для обычного прогресса. Во многом это объясняется позицией, занятой продюсерами, которые отказывались от любого риска, недоверчиво относились к тем, кто пытался внести в кинематограф свой оригинальный вклад, и ограничивались лишь созданием коммерческих фильмов, пользующихся успехом (картины о «золотой» эпохе Порфирио Диаса, псевдоисторические мелодрамы, музыкальные и комические фильмы, мелодрамы на тему о несчастном вдовстве, незаконных детях и т. п.). Все это подготовило кризис киноискусства. Усиливается коммерциализация, ведущая к увлечению эротизмом, засилью безвкусицы, преднамеренной игре на патриотических чувствах и мистификации народной жизни, к замалыванию жгучих социальных проблем нашего общества, защите лживой морали и конформистских лицемерных убеждений, господствующих в средних классах наряду с развратом,

наконец ко всему тому, что могло бы препятствовать созданию настоящего зрелого киноискусства.

В 1958 г. (20 лет спустя после начала периода индустриализации мексиканского кино) в Мексике уже насчитывалось 2465 кинозалов, число зрителей, ежегодно посещающих кино-театры, возросло до 365 млн., т. е. на каждый день приходилось по миллиону человек. Вместимость залов возросла на 300%, а число посетителей — на 500%. Следует отметить, что в период экономического возрождения можно было приступить к созданию произведений киноискусства большого масштаба, стимулировать не только техническое, но и эстетическое обновление кинематографа. Несомненно, что неумное стремление продюсеров к прибылям тормозило эту перестройку. Но очевидным является и тот факт, что сценаристы, постановщики и режиссеры, в чьих руках находилась творческая инициатива, как известно, никогда не оказывали энергичного и единодушного сопротивления коммерческому уклону производителей, не требовали свободы художественного выражения, не выступали за осуществление своего права быть творцами, а не ремесленниками. Они смирились с этим положением.

Я намеренно до сих пор не касался тех режиссеров и кинолент, которые многое сделали для того, чтобы было создано качественно новое мексиканское кино, более серьезное и менее потворствующее вкусам публики. Я думаю, что несмотря на то, что развитие нашей кинематографической промышленности было неблагоприятным для создания произведений киноискусства с эстетическими, социальными и идеологическими ценностями, и несмотря на то, что кинопромышленность в продолжение десяти лет была парализована кризисом, имеются благоприятные признаки будущих перемен. Об этом и пойдет речь в конце статьи.

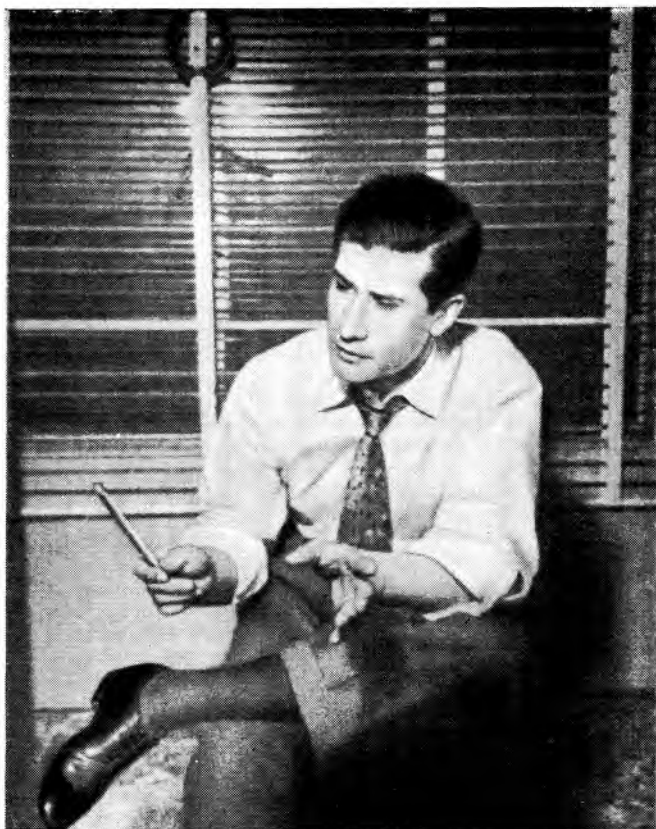
Из всех режиссеров, работающих в Мексике, особенно выделяется Луис Буньюэль как своими прежними произведениями, так и последовательным проведением своих творческих принципов. Известно, что в 1928 г. он создал фильм «Андалузская собака» («Un chien andalou») в сотрудничестве с Дали. Позже, в 1930 г., он выпускает фильм, который положил начало прогрессивному направлению кинематографа и сюрреализму, — «Золотой возраст» («L'age d'or»). В 1932 г. в Испании перед гражданской войной Буньюэль снимает один из самых больших в истории кино документальных фильмов «Урды», или «Земля без хлеба» («Las Hurdes» о «Tierra sin pan»). После того как он выпустил несколько фильмов в Испании, он направился в Париж, где и находился к началу гражданской войны в Испании; там он подвергался преследованиям, особенно усилившимся незадолго до оккупации Франции Германией. Потом Буньюэль уехал в США, где работал над произведениями, не имеющими

большого значения, но неизменно связанными с кино, до тех пор, пока знаменитый продюсер Оскар Данситер не заключил с ним контракт, по которому он должен был работать в Мексике. Здесь Буньюэль снимает два «кассовых» фильма: «Гран Казино» («Gran Casino») и «Большой кутила» («El gran calavera»), а в 1950 г. заканчивает свое первое крупное произведение (из числа снятых им в Мексике) под названием «Забытые» («Los olvidados»).

В этой работе он углубляет и драматизирует темы, ранее затронутые им в кинокартине «Урды»; он бичует конформистские теории, которыми убаюкивают себя правящие классы, показывает детей, живущих в условиях страшной бедности, жертв деградации, сопряженной с потрясающей и безысходной нищетой. Позднее Буньюэль снимает несколько фильмов, сыравших большую роль в развитии мексиканского кино: «Вознесенная на небо» («Subida al cielo», 1951 г.), «Он» («El», 1952 г.), «Расследование одного преступления» («Ensayo de un crimen», 1955 г.), «Назарин» («Nazarin», 1958 г.), «Падший ангел» («El Extremador», 1962 г.). Кроме этих фильмов, Буньюэль снимал и другие, более слабые «кассовые», в которых он, однако, не отрекается от своих моральных принципов и изобличительной сатиры. Вместе с мексиканским продюсером Густавом Алатристе он снимает в Испании картину «Виридиана» («Viridiana», 1960 г.), которая наряду с «Забытыми», возможно, представляет собой вершину его творчества. В этих произведениях Буньюэль показывает глубокое понимание человеческой души, бичует лицемерие, призывает к переоценке установившихся моральных ценностей, предлагает изображать настоящую страстную любовь. Как все великие творцы, он моралист, но такой моралист, который имеет целью ниспровержение традиционной и конформистской морали, моралист, борющийся за свободу духа.

Поскольку число полнометражных картин Буньюэля было невелико и выходили они нерегулярно, группа, во главе которой стоял Барбачано Понсе, приняла решение расширить кинопроизводство. В 1953 г. Бенито Алазраки снял с этой группой кинокартину «Корни» («Raíces»), состоящую из четырех эпизодов по сюжету произведения Франсиско Рохас Гонсалеса. Хотя сейчас фильм выглядит устаревшим и многие его качества — свежесть, непринужденность, правдивость — со временем потускнели и стали видны его слабые стороны, такие как определенное дилетантство, примитивизм, кинофильм «Корни», посвященный описанию народного быта, открыл перед мексиканским кино новые перспективы.

Карлос Вело, входивший в группу Барбачано, выпустил в 1956 г. «Тореро» («Togero»). Это одна из лучших кинокартин, посвященных бою быков. Тонкая драматическая основа карти-

Игнасио Лопес Тарсо —
известный мексиканский киноактер

ны — карьера матадора Луиса Прокуны — приобретает черты подлинной трагедии благодаря великолепному монтажу отрывков из документальных фильмов, в которых были засняты бои быков с участием Прокуны: при монтаже эти отрывки чередовались с реконструированными сценами.

В области коммерческого кино в последнее время выдвинулся Луис Алькориса, сотрудник Буньюэля по нескольким фильмам. До сих пор представляют интерес его картины «Тлайюкан» («Tlailacan», 1961 г.) и «Охотники за акулами» («Tiburones», 1963 г.). Особенно интересен последний фильм своим реализмом и новой трактовкой народных тем. Он был хорошо принят европейской и мексиканской критикой. Кинофильм «Ткач чудес» («El Tejedor de milagros») Франсиско дель Вильяры также явился серьезной попыткой вывести национальную кинопромышленность из летаргического состояния.

Можно сказать, что независимого и экспериментального кино в Мексике почти не существует. Наиболее значительной из картин подобного рода (по крайней мере в последнее время)

можно считать картину «Сильная рука» («El brazo fuerte»), снятую голландцем Джовани Корпораал, обосновавшимся в Мексике. В основу фильма положена история жизни Хуана де ля Кабада; в нем с горьким и острым сарказмом анализируются факты, связанные с приходом к власти касика — местного богача. «Касикизм» в течение многих десятков лет являлся настоящей язвой на теле нашей страны; он был во время диктатуры Порфирио Диаса, и даже революция оказалась неспособной выжечь его до конца.

Как говорит сам Хуан де ля Кабада и как показывает Джовани Корпораал, эта система основана на невежестве народа и жестоких притеснениях касика и его подручных. Режиссер дает и решение этой проблемы: необходимо создать единый и организованный фронт для того, чтобы продемонстрировать слабость и непопулярность касиков. По затронутой теме фильм «Сильная рука» более значителен и более глубок, чем «Корни», однако его режиссура крайне неровна.

Другой подобный фильм — «На пустом балконе» («En el balcón vacío», 1962 г.) снял Х. М. Гарсия Аскот на 16-миллиметровой пленке. Этот фильм получил приз на фестивале в Локарне. В нем рассматривается проблема беспризорности испанских детей, эмигрировавших в Мексику во время гражданской войны. Повествование идет от лица девочки; в фильме рассказывается о ее восприятии гражданской войны и о ее одинокой юности на чужбине.

Серхио Вехар, кинооператор, снял в 1961 г. в качестве постановщика фильм «Карусель» («Volantín»). В этом фильме, режиссерская разработка сценария которого была осуществлена им самим, имеется ряд недостатков — обилие общих мест, склонность к сентиментальности. Однако эта картина — ценная попытка отобразить жизнь и проблемы, с которыми сталкиваются актеры бродячего цирка. Честолюбивый и в то же время скромный, Вехар обладает такими качествами творческого восприятия и такой подготовкой, что может стать одним из ведущих режиссеров мексиканского кино.

В 1962 г. Сервандо Гонсалес, режиссер и продюсер короткометражных фильмов, осуществил съемку кинофильма «Янко» («Yanco»), первоначально задуманного как короткометражный и позднее переделанного в полнометражный. Несмотря на то что фильм был снят независимым художником, он страдает самыми досадными недостатками коммерческого кино, не обладая его достоинствами. Этот фильм, который Гонсалес хотел сделать жемчужиной национального кино, сентиментален, претенциозен, безвкусен. Однако режиссер умело использовал саморекламу, которая повысила его престиж. После выпуска «Янко» он едет в США, где ему представился случай работать в качестве режиссера-постановщика.

В числе режиссеров короткометражных фильмов заслуживают упоминания Рафаэль Коркиди и Антонио Рейносо, которые сняли в 1960 г. фильм «Грабеж» («El despojo») по сценарию писателя Хуана Рульфо, Арчибальдо Бёрнс, постановщик картины «Перфекто Луна» (1952 г.), а также Рубен Гамес и Роберто Ломели, снявшие в 1963 г. абстрактный и символический короткометражный фильм под названием «Агава» («Magueyes»). И наконец, Адольфо Гарника, способный режиссер коммерческих короткометражных фильмов высокого класса, выпустивший два кинофильма: «Они тоже сохранили иллюзии» («Ellos tambien tienen ilusiones», 1954 г.) и «Да здравствует земля!» («¡Viva la tierra!», 1958 г.). Кроме того, есть группа молодых режиссеров, которые являются членами кино клубов и занимаются выпуском экспериментальных короткометражных фильмов на пленке 16 мм, причем некоторые из этих фильмов отличаются высокими качествами монтажа и высокохудожественной съемкой.

В октябре 1964 г. закончился двухмесячный период, в течение которого можно было подавать заявки на участие в конкурсе экспериментального кино, объявленном секцией технического персонала кинопромышленности Синдиката работников кинематографии Мексиканской республики. Это признак, благоприятный по двум причинам: во-первых, технический персонал пытается разорвать тот замкнутый круг, который мешает ему принимать участие в производстве кинофильмов как в качестве технических, так и в качестве творческих работников; во-вторых, в конкурсе желает принять участие более 30 групп, т. е. в 3 раза больше, чем предполагалось по самым оптимистичным подсчетам организаторов конкурса.

Возможно, что эти группы образуют ядро широкого движения за обновление мексиканского кино во всех его производственных комплексах, таких как технические группы, творческие объединения (сценаристы и директора), операторы, режиссеры и, наконец, актеры. Мы верим, что вскоре эта надежда осуществится. Наша надежда основана на том, что даже сами технические специалисты, ранее безразличные к языку кино, стремятся изменить направление мексиканского киноискусства. Наша надежда опирается на сочувствие тех, кто хочет создать кино, достойное этого названия; наша надежда окрепла в результате того теплого приема, который оказали конкурсу представители критики и часть прессы. Отрадно видеть, что большая часть участвующих в конкурсе — молодые люди, полные энтузиазма и идей, стремящиеся прежде всего к свободе кинематографического самвыражения.

Таково положение мексиканского кино к середине 60-х годов.

«МЕКСИКАНСКИЙ ФИЛЬМ» ЭЙЗЕНШТЕЙНА

**(ИЗ ИСТОРИИ МЕКСИКАНО-СОВЕТСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)**

середине 20-х годов, после выхода на экраны кинофильма «Броненосец Потемкин», имя С. М. Эйзенштейна стало известно всему миру. Знаменитого режиссера наперебой приглашали снимать фильмы во многие европейские страны. Пригласил Эйзенштейна и Голливуд.

Осенью 1929 г. советская группа в составе С. Эйзенштейна, Г. Александрова и оператора Э. Тиссэ выехала в длительную заграничную командировку. В Голливуде группа советских кинематографистов должна была ознакомиться с техникой рождавшегося звукового кино и поставить фильм для фирмы «Парамоунт». Год проработали советские кинематографисты в Голливуде, но все предложенные ими сценарии были отвергнуты. Голливуд не устраивала социальная трактовка предложенных Эйзенштейном тем, а Эйзенштейн не мог согласиться с голливудской точкой зрения на цели и задачи киноискусства. Стороны не пришли к соглашению, контракт с фирмой «Парамоунт» был расторгнут.

Бот тогда-то группа американских и мексиканских друзей, среди которых были художники-монументалисты Диего Ривера и Давид Сикейрос, писатели Т. Драйзер и Э. Синклер, предложила советским кинематографистам интересную идею и финансовую помощь. Идея заключалась в том, чтобы снять в Мексике полнометражный документальный фильм о жизни страны. Финансирование фильма в основном взяло на себя семейство Э. Синклера. Мысль о таком фильме увлекла Эйзенштейна. Мексика давно интересовала его. Первое знакомство с ней состоялось в самом начале творческой деятельности Эйзенштейна, когда он как художник создавал декорации к «Мексиканцу», поставленному на сцене по рассказу Джека Лондона. Его влекло яркое

искусство Мексики, великолепная настенная живопись и графика. Еще задолго до поездки за границу Эйзенштейн интересовался богатой событиями историей, культурой, бытом далекой страны, которую называл «чудодейственной Мексикой» и которую знал по книгам, картинам, фотографиям, по рассказам друзей, в частности Диего Риверы, с которым Эйзенштейн познакомился и подружился еще в 20-х годах в Москве. Но особенно волновал воображение Эйзенштейна своеобразный, типично мексиканский народный праздник День мертвых.

«Сознаюсь совершенно объективно и откровенно, — писал об этом сам Эйзенштейн, — это именно он, День мертвых, или, точнее, данные о нем, еще задолго до случая посетить Мексику вселили в меня такую же страсть в более позднем возрасте, как в более раннем всякий мальчишка мечтает попасть в страну краснокожих индейцев Фенимора Купера»¹.

Удивительный, единственный в своем роде праздник! Он ежегодно отмечается в Мексике 2 ноября. В этот день куда ни глянешь, всюду увидишь неперенные атрибуты смерти: гробы, скелеты, черепа. Даже газеты, не говоря уже о специально издаваемых листках, полны рисунков на эту тему, карикатур на здравствующих политических деятелей, представленных в виде скелетов, эпиграмм, написанных в форме эпитафий. Все лавки завалены картонными черепами. Эмблемами смерти украшены улицы. Эти эмблемы обнаруживаются подчас в самых, казалось бы, неподходящих местах. В кондитерской вам предложат шоколадный гробик и сахарный череп, в магазине детских игрушек — куклу-скелетик.

День мертвых начинается с поминовения усопших и кончается карнавалом в масках смерти, изображающих черепа. В этот день мексиканцы демонстрируют свое презрение к смерти — и не только презрение. Мексиканец смеется над смертью и превращает день поминовения усопших в день торжества жизни. Эти удивительные взаимоотношения со смертью нашли потом яркое отражение в эпилоге фильма о Мексике.

Предложение снимать в Мексике фильм было принято с энтузиазмом.

«Свидание с Мексикой» состоялось 5 декабря 1930 г. В этот день прогрессивная общественность страны приветствовала советских кинематографистов на мексиканской земле. Эйзенштейну и его сотрудникам была предоставлена широкая возможность ознакомиться со всеми сторонами жизни Мексики. Объездив всю страну вдоль и поперек, изучив «реальную Мексику после воображаемой», ее природу, уклад жизни, обычаи и традиции, быт, культуру, ее прошлое и настоящее, поняв душу народа и полюбив его, советские кинематографисты отказались от показа «экзотической» Мексики, какой ее было принято снимать в то время, во имя подлинной. Лавина впечатлений, чувств, мыслей, но-

Сергей Михайлович Эйзенштейн

вых знаний вылилась в сценарий, на основе которого снимался этот выдающийся фильм. Замысел Эйзенштейна сводился к созданию нечто глубоко национального. Национальным должно было стать не только содержание, но и форма. Гениальный мастер монтажа, он хотел смонтировать свой фильм как грандиозную национальную кинофреску, заимствовав композицию кадра у настенных фресок Ю. Ороско. Фильм мыслился как широкое полотно мексиканской жизни во времени и пространстве, как большая поэма о Жизни, Смерти и Бессмертии. Сюжет фильма разворачивался во времени, охватывающем тысячелетнюю историю страны в разных местах ее — на Юкатане, в тропиках, на центральном плато, на севере страны, в столице — г. Мехико. Проходили эпохи, менялся социальный строй — от примитивного натурального быта через феодализм к капитализму и неминуемому его концу шла Мексика, и сквозь эпохи шел человек, сам меняясь с эпохой и как эстафету передавая следующим поколениям жизнь, любовь, борьбу, подымаясь от древней покорности своим богам и смерти к осознанию себя и своего места в жизни и борьбе, к осознанию своего классового бессмертия. Фильм был назван «Que viva México!» — «Да здравствует Мексика!». В разных местах страны было снято более 80 тыс. метров интереснейшего, подчас уникального материала: древние архитектурные памятники, своеобразные народные обычаи, обряды и религиозные празднества, тяжкий повседневный труд крестьян, которые стали главными исполнителями всех ролей фильма.

Гениальный мастер дописывал свою фреску, в которую он вложил столько таланта, фантазии и труда. Оставалось доснять

некоторые эпизоды, когда пришлось прекратить работу над фильмом.

В том виде, в котором был снят фильм, он насчитывает две игровые новеллы «Сандунга» и «Магей» и три эпизода, которые служат как бы обрамлением новелл, — это Пролог, испанско-католическая Мексика и Эпилог.

Пролог фильма — древняя Мексика, страна великой культуры майя и ацтеков, древнейшей в мире цивилизации, уничтоженной испанскими конкистадорами. Неподвижные камни крепостей, храмов, пирамид; каменные лики богов и людей, неподвижные лица индейцев, похожих на своих каменных предков, свершающих неподвижный погребальный ритуал майя: покорность судьбе и смерти на лицах. Пролог переходит в первую игровую новеллу «Сандунга». Это идиллическая доколониальная эпоха, эпоха матриархата и натурального хозяйства, тропическая дофеодалная Мексика с ее неосознанным, биологическим бытием. Новелла снималась в Оахаке, где даже не пришлось воссоздавать доколумбову эпоху, так как Оахака столетиями не меняла своего быта, уклада жизни, обычаев и костюмов. Медленно и лениво течет здесь время, и так же медленно разворачивается сюжет вокруг любви и свадьбы молодой индейской пары. Последние кадры новеллы: счастливые родители смотрят на своего здорового, смеющегося сына. Следующий эпизод является переходом ко второй новелле. Перед нами церковно-испанская Мексика после покорения испанцами, которые привезли с собой католическую религию с ее пышными празднествами и поклонением святой деве. Эйзенштейну удалось снять уникальный материал во время празднеств 400-летия «чудотворной» иконы святой девы де Гуадалупе — покровительницы Мексики. Здесь и самоистязания кающихся, и шествия пилигримов, и религиозные пляски, и бой быков, ставший национальным зрелищем мексиканцев.

К этому материалу должен был примыкать неотснятый эпизод «Флеста», задуманный как инсценировка типичного «чуда», относящегося к церковному фольклору.

Вторая новелла рассказывает, какой стала Мексика после покорения испанскими завоевателями и установления в ней феодального строя. Новелла называется «Магей». Из сока агавы магей делают национальный мексиканский хмельной напиток — пульке. Действие новеллы происходит на плантации магея в Центральной Мексике в начале века в эпоху жестокой диктатуры Порфирио Диаса. Картины произвола помещика, имевшего вплоть до 1910 г. неограниченную власть над жизнью своих пеонов, и издевательства над батраками раскрываются перед нами в жутких кадрах. От зари до зари изнурительная работа на полях и полное бесправие. Пьяный гость хозяина может отнять любимую девушку, и пеон лишен возможности за-

щищать ее. Но он может мстить. И вот уже горит дом помещика, подожженный молодым пеоном Себастьяном и его тремя друзьями. Схваченных пеонов подвергают мучительной казни — их по горло зарывают в землю, и мчащиеся кони копытами дробят им черепа. Ничем не могут помочь своим друзьям остальные пеоны. У них еще ничего нет, кроме ненависти и готовности к борьбе. Но приближаются годы мексиканской революции и гражданской войны, когда батрацкая Мексика пытается сбросить с себя ярмо эксплуатации.

Следующая новелла — из времен гражданской войны — являлась как бы логическим продолжением предыдущей новеллы, продолжением той борьбы, в которой погибли Себастьян и его друзья. Новелла, подготовленная к съемке, но недоснятая, называлась «Солдадера». Солдадера — жена солдата, она сопровождала его в походах, деля с ним все тяготы жизни. На ее плечи ложились заботы о пропитании, уход за ранеными. Часто она боролась рядом с мужем, выносила его с поля боя, если он погибал — хоронила и шла дальше рядом с другим бойцом. Панча, героиня новеллы, пошла дальше с бойцом враждебной армии, поднявшись выше распри, раздирающих ее родину, распри, глубоко чуждых народу. Образ Панчи — верной дочери революционного народа — вырастал до обобщения, воплощался в образ самой Мексики, мятущейся между армиями Франсиско Вильи, Эмилиано Сапаты и правительственными войсками В. Каррансы, вождя так называемых конституционалистов, переходящей из рук в руки разных группировок. Кульминацией этой новеллы должен был стать момент въезда в столицу Панчи с объединившимися — увы, лишь ненадолго! — войсками Вильи и Сапаты.

Б этой новелле должна была кончаться одна из тем фильма — тема отношений мужчины и женщины, вернее эволюции этих отношений: от безмятежного сожительства в эпоху матриархата («Сандунга») к борьбе за свои права и свою свободу в эпоху феодализма («Магей»), и, наконец, к общей борьбе плечом к плечу за свободу всей страны, в которой мужчина и женщина выступали как равноправные боевые товарищи («Солдадера»).

Последний эпизод — эпилог фильма посвящен празднованию Дня мертвых.

«Если первым посылом к поездке в Мексику был имсино День мертвых, — писал Эйзенштейн, — то не удивительно, что последнее слово о Мексике — заключение фильма — нашло свое образное воплощение именно из круга тем того же Дня мертвых»².

Бушует карнавал. Кажется, вся Мексика справляет тризну над смертью. Но вот в карнавал масок смерти эпилога фильма вплетаются знакомые фигуры персонажей фильма. Но здесь не

только вымышленные персонажи. Тут и черепа в треугольниках генералов и министров, фуражках жандармов, персонаж в епископском облачении, персонаж в цилиндре, при ленте со звездой (именно в таких костюмах были засняты папский нунций и президент республики для некоторых сцен фильма). Под звуки румбы пляшут люди в масках смерти — и те, кто олицетворял доброе начало, и носители зла — их лица одинаково прикрывает карнавальная маска в виде черепа. Но вот слетают маски и смеются живые лица детей, батраков, механика, шифера, рабочих с индустриальных предприятий. Снимают маски и те, кто играл отрицательную роль в фильме, слетают маски с жандармов, министров, генералов, президента, епископа... «Но это не только картонные, карнавальные маски, — писал Эйзенштейн. — Это гораздо больше! Сорваны маски другие. Ибо из-под картонных масок... торчат не живые лица, а... подлинные черепа. Уже не карнавальные, а реальные. Реальные черепа. Смерть и разложение. Трупы. Общий труп социального обреченного класса. Череп как новый символ»³.

Насмешливо улыбаются рабочие, глядя на парад черепов. Они уверены, что будущее — за ними, ибо «только на время скроет маска подлинный мертвый лик класса, еще пляшущего, но класса, уже обреченного на смерть, класса, лишнего будущего, мертвого класса»⁴.

«Эпилог является перспективным взглядом на вступающую новую Мексику развивающегося капиталистического индустриализма и полицейского режима, но вместе с тем в самом этом развитии несущую предпосылку к перерождению пробужденного социального инстинкта у примитивного индейца (под влиянием мексиканской революции) в будущего классово-осознающего себя пролетария»⁵, — писал Эйзенштейн. Но вот на экране появляется еще одна маска. Она слетает, и во весь экран смеется маленький мексиканец, тот, которому передана эстафета жизни и борьбы и который увидит свою родину свободной.

Так воплощалась в фильме одна из главнейших его тем — тема жизни и смерти, победы над смертью, тема бессмертия. Похоронным обрядом, культом смерти древних ацтеков и майя начинался фильм, трагически продолжалась эта тема в образе смерти, растаптывающей жизнь, чтобы закончиться безудержной насмешкой и издевательством над смертью. Так в конце фильма утверждалась идея социального бессмертия в противоположность смерти биологической.

Таков был замысел Эйзенштейна. Но ему так и не пришлось смонтировать свою гениальную «фреску». Отснятый материал, посланный в лаборатории Голливуда для проявки и печати, не был возвращен его создателям, хотя договор предусматривал безвозмездную передачу фильма для проката в пределах СССР.

Чтобы окупить затраты на производство фильма, Э. Сниклер позволил пользоваться снятым материалом по усмотрению тех, кто за него платил. Так началось форменное разграбление бесценного материала, и в разное время в Голливуде из 80 тыс. метров снятой пленки были смонтированы триумфально прошедшие по экранам Америки и Европы две полнометражные картины: «Буря над Мексикой» (на материале эпизода «Магей») и «Время под солнцем», несколько короткометражных лент этнографического характера. Так, на эпизоде материала «День мертвых» был смонтирован короткометражный фильм о том, как справляется в Мексике этот праздник. Разумеется, те, кто «монтировал» этот фильм, понятия не имели о его назначении. Отдельные кадры и даже целые фрагменты были использованы в разных картинах, в частности в «Вива, Вилья!». Но ни один из фильмов не отражает замысла авторов. Больше того, замыслы авторов искажены. «Бессмысленной склейкой, разбросом материала, распродажей негатива на отдельные фильмы — уничтожена концепция, разбито целое, растоптан многомесячный труд»⁶, — с болью писал С. М. Эйзенштейн. Но несмотря на далекий от оригинального плана, а подчас просто бездарный, даже абсурдный монтаж (как, например, бессмысленная склейка в фильме «Время под солнцем»), ленты, сделанные на материале неоконченного мексиканского фильма, вызывают неизменно восторженные отзывы, — настолько велики сами по себе художественные достоинства материала «Это самый прекрасный фильм из всех мною виденных», — сказал Чарли Чаплин, посмотрев фильм «Буря над Мексикой». В рецензии на фильм «Время под солнцем» «Юманите» в феврале 1957 г. писала: «Фильм ослепляет и одновременно разочаровывает. Разочарование возникает от горького сознания, чем мог бы быть этот фильм, если бы его автор смог воплотить до конца свои идеи. Но не лучше ли дать волю радости от ослепительного зрелища, что предстало перед нами, потому что не часто дано нам испытать такой восторг, не часто мы так прикованы к экрану кадрами столь восхитительно прекрасными, столь предельно выразительными».

Когда в конце 1957 г. в Париже для участников Первого международного конгресса историков кино был организован просмотр 10 тыс. м несмонтированного материала из «мексиканского фильма», то для поддержания порядка к зданию, где проходил просмотр, были стянуты отряды полиции — настолько велика была толпа взволнованных парижан. «Не часто приходилось мне присутствовать на таком празднике! — писал об этом вечере известный французский историк кино Жорж Садуль в газете «Леттр франсез». — ...Поистине, я никогда не видел ничего более чудесного, чем этот фильм, совершенно особенный и открывающий новые горизонты...» У этого фильма тоже

есть своя история. В 1955 г. Э. Синклер передал весь оставшийся у него к тому времени негатив (50 или 60 тыс. из 80 тыс. м отснятой пленки) фильмотеке Музея современного искусства в Нью-Йорке. Негатив, поступивший в фильмотеку, не только не был систематизирован, он представлял собой отдельные нарезанные куски и кусочки пленки, над которой основательно работали пожницы киноторгашей. Американский киновед Джей Лейда, посвятивший творчеству Эйзенштейна свою жизнь, взяв на себя громадный труд по восстановлению материалов фильма. Он начал с того, что систематизировал и описал весь материал фильма. Прodelав эту кропотливую работу, он приступил к созданию своеобразного фильма на 10 тыс. м, того самого, что вызвал такую сенсацию в Париже. Что же представляет собой этот фильм? Нет, Лейда не позволил себе монтировать фильм, врываясь в замыслы художника. Из всего имевшегося у него материала он отобрал лучшие фрагменты (из Пролога, новелл и Эпилога) и в них последовательно соединял куски негатива в том порядке, в каком они снимались. Воссоздавая фильм таким путем, он дал возможность непосредственно проникнуть в замыслы художника, кадр за кадром следить за самим процессом создания фильма, видеть, как «ищет» камера и после многочисленных дублей находит в конце концов то, что нужно. Это была единственная некоммерческая лента, не предназначенная для проката, лента, ставшая оригинальным учебником кинематографического искусства. Да и весь этот незаконченный киношедевр стал своеобразным учебником для кинематографистов всего мира.

Пребывание Эйзенштейна в Мексике стало эпохальным событием для развития национальной кинематографии. Советский режиссер «открыл» Мексику не только всему миру, но прежде всего самим мексиканцам, показав им, «как» нужно снимать их прекрасную страну. Вот что пишет один из самых видных историков мексиканского кино Эмилио Гарсия Риера: «Великий советский режиссер С. М. Эйзенштейн приехал в Мексику, чтобы сделать свой выдающийся фильм, который, к сожалению, он не смог закончить. Но как бы то ни было, материал, снятый Эйзенштейном, был, вне всякого сомнения, с точки зрения художественной и эстетической выше всего сделанного до той поры в Мексике. Гениальный создатель «Броненосца Потемкина» запечатлел в незабываемых образах трагедию и надежды мексиканского народа, народа, которого по-настоящему не знали отечественные кинематографисты. Эйзенштейн дал наглядный урок того, как надо делать настоящее кино»⁷.

Эйзенштейн «открыл» мексиканский пейзаж, который впоследствии так блестяще снимал один из лучших современных кинематографистов мира Габриэль Фигероа, начавший свой путь в кино помощником Э. Тиссэ. Работе съемочной группы

помогал также Э. Фернандес, ставший одним из ведущих мексиканских кинорежиссеров, в содружестве с Г. Фигероа снявший фильмы, вошедшие в золотой фонд мексиканской кинематографии и получившие мировое признание.

Но влияние советского режиссера испытали не только те мексиканские кинематографисты, которым посчастливилось в начале своего пути встретить великого мастера. Своим учителем его считают многие ведущие кинематографисты Мексики. «...Благотворное влияние гениального Сергея Эйзенштейна до сих пор чувствуется во всех наших значительных фильмах», — писал в октябре 1958 г. мексиканский журнал «Амбьенте».

Мексика помнит и любит Эйзенштейна, Мексика чтит его память. Ежегодно в киноклубе столицы читают лекции о творчестве советского режиссера, демонстрируются его фильмы, а также советский документальный фильм «Сергей Михайлович Эйзенштейн».

«Его превосходительство Сергей Михайлович» — шутливо и почтительно назвал его киновед Риера, вложив в эти слова восхищение и преклонение перед талантом великого художника.

Яркую, неизгладимую память о себе оставил Эйзенштейн в Мексике! Когда-то Диего Ривера запечатлел своего советского друга в одной из фресок. И словно в этом портрете оставил Эйзенштейн в далекой стране частичку своей светлой души. До конца жизни он нежно любил Мексику, неоднократно возвращался к ней в своих воспоминаниях, статьях и очерках, посвященных различным проблемам искусства кино. Обворованный беззастенчивыми дельцами, присвоившими плоды огромного вдохновенного труда художника, он мучительно переживал, зная, как безжалостно режут, кромсают отснятый им материал и бездарно клеят коммерческие ленты, не понимая его замыслов, искажая их, не ведая места и назначения отдельных эпизодов фильма. Эйзенштейн оставил много заметок о «мексиканском фильме», о том, каким он должен был стать, словно надеялся, что когда-нибудь сможет закончить свой незавершенный труд. Незадолго до смерти он писал известному французскому историку кино Ж. Садулю, что был бы счастлив смонтировать хотя бы часть фильма.

Эйзенштейн не смонтировал свой фильм, хотя имел на это и моральное, и юридическое право. В 1957 г. сотрудники Эйзенштейна по мексиканской экспедиции Г. Александров и Э. Тиссэ в открытом письме предложили закончить фильм «Да здравствует Мексика!» соответственно замыслам Эйзенштейна совместно с американскими и мексиканскими кинематографистами. Многие зарубежные газеты напечатали это письмо и откликнулись на него. Мексиканцы с воодушевлением поддержи-

вают эту благородную идею — ведь трудно переоценить значение фильма для всего мирового киноискусства.

Летит время... Вот уже 10 лет, как опубликовано открытое письмо Г. Александрова и Э. Тиссэ. Уже нет в живых замечательного оператора «мексиканского фильма»... А вопрос, будет ли возвращен искусству шедевр, все еще остается открытым.

¹ «Искусство кино», 1957, № 5, стр. 116.

² С. М. Эйзенштейн. Собр. соч., т. 1. М., 1964, стр. 148.

³ «Искусство кино», 1957, № 5, стр. 117.

⁴ С. М. Эйзенштейн. Собр. соч., т. 2, стр. 366.

⁵ Там же, т. 1, стр. 621.

⁶ Там же, стр. 152.

⁷ E. García Riera. Medio siglo de cine mexicano. México, 1960, p. 6.

СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

чтобы лучше понять архитектурные течения, господствующие в настоящее время в Мексике, целесообразно, хотя бы в общих чертах, рассмотреть данный вопрос в историческом плане. Заметим также, что современной мы будем называть архитектуру периода, последовавшего за революцией 1910—1917 гг. Как известно, эта революция изменила экономическую структуру страны и нашла специфическое отражение в области искусства. Естественно, что архитектура, которой коснулись эти изменения, приобрела свои характерные черты, существенно отличающие ее от архитектуры предшествовавшего периода.

В XIX в. наша страна добилась политической независимости от Испании, положив конец так называемой колониальной эпохе. В этом же веке преобладающее развитие получили капиталистические формы производства. Начинается нескончаемая борьба противоположных по своим интересам сил — восходящих классов против еще сильных, но гибнущих классов. Эта борьба, нашедшая выражение в соперничестве консерваторов и либералов, характеризует значительную часть века.

Данный исторический процесс нашел свое отражение, более или менее сильное, в литературе и в искусстве. В колониальный период была основана королевская Академия Сан-Карлос Новой Испании с целью подготовки мастеров изобразительных искусств. С именем этой академии связано появление лучших произведений официального искусства колониального периода.

После победы в войне за независимость меняется название академии и, некоторым образом, ее деятельность. В соответствии с президентским декретом 1843 г. она стала называться

Мексиканской национальной академией Сан-Карлос. О значении академии свидетельствует тот факт, что ее выпускники сыграли решающую роль в развитии различных течений в мексиканском искусстве. Их творчество определяло стиль эпохи. В основном эти художественные направления были заимствованы у Европы. Для того чтобы получить представление о европейском влиянии на деятельность академии, достаточно сказать, что по распоряжению мексиканского правительства директором ее был назначен испанец каталонского происхождения Перегрин Клаве, который хотя и полностью реорганизовал преподавание изобразительных искусств, но одновременно с этим способствовал подражательству крупным мастерам европейского искусства (Давиду и Энгру).

В архитектуре прямым образом сказалось влияние европейских школ. Противопоставление неоклассицизма стилю барокко, проявившееся достаточно сильно уже в начале века, заметным образом сказалось в Мексике периода независимости. В то время правительства обычно приглашали европейских архитекторов, несмотря на заметные успехи, достигнутые мексиканскими архитекторами. В середине XIX в. в архитектуре господствовал неоклассицизм, и хотя он не приобрел здесь специфических особенностей в отличие от барокко, которое на определенном этапе развития можно было бы назвать «мексиканским барокко», некоторые важные сооружения, выполненные в неоклассическом стиле, принесли определенную известность ряду архитекторов. Лоренсо де ла Идальго (1810—1872 гг.) построил, например, из кипариса кафедральный собор в Мехико, купол часовни Дель-Сеньор де Санта-Тереса и театр Санта-Ана, который критики той эпохи расценивали как «лучшее архитектурное сооружение Мексики эпохи независимости». Архитектор Эдуардо Трес Геррас построил в штате Гуанахуато церковь Дель-Кармен и большое количество других значительных сооружений. Архитектор Мануэль Толса создал ряд сооружений — Горный колледж и другие столичные здания, — которые теперь приводятся в качестве примера неоклассических сооружений той эпохи. Следует упомянуть церковь Де-Лорето в Мехико, построенную архитекторами Игнасио Кастерой и Аугустином Пасо.

Во время тридцатилетней военной диктатуры генерала Порфирио Диаса культурное развитие Мексики было сильно окрашено «европеизмом». Тем не менее в области литературы наблюдались значительные перемены, одной из которых явилось возникновение «модернизма» — течения, пожалуй, не совсем точно названного и получившего распространение по всей Латинской Америке.

В области изобразительного искусства также произошли значительные изменения. Несмотря на европейское влияние,

Памятник Бенито Хуаресу. 1910.
Архитектор Гильермо Эредия

возникло направление, которое стремилось подчеркнуть национальную самобытность и обращалось к темам доиспанской истории. Представителем этого течения являлся Леандро Исагирре, автор большой картины «Казнь Гуаутемока».

Позже появляется импрессионизм, представляемый Хоакином Клауселем (1886—1935 гг.). Видное место занимал пейзажист Хосе Мария Веласко (1840—1912 гг.), который писал картины в подчеркнуто натуралистическом стиле, придавая им очень поэтический колорит; он считается одним из наиболее выдающихся художников Мексики. Настроения, выражающие стремление к ломке европейских форм, явились протестом против академического преподавания, которое, бесспорно, было связано с установками диктаторского режима в области культуры. Протест художника против окружающей социальной действительности, ощущаемый в этом духе обновления, не носит характера открытого политического вызова и часто выражается настроениями грусти и тоски.

Художник Сатурнино Эрран (1887—1918 гг.) впервые использовал в своем творчестве фольклор, недвусмысленно выразив чувство симпатии к угнетенным слоям населения, и хотя его творчество не содержит политического протеста, его картины приобретают глубокое содержание в силу своей народности. Хулио Руэлас (1870—1907 гг.), гравер и художник, пытался уйти от действительности, создавая фантастический, но в то же время натуралистический мир. И наконец гениальный народный гравер Хосе Гуадалупе Посада в своих многочисленных произведениях по-новому подошел к изображению целой эпохи в жизни своего народа. Хотя, подобно Руэласу, он окрашивает свои произведения фантазией, но трактует ее как отражение мудрости народа, его фантастических легенд, а не как терзание и тоскливое одиночество человека. Посада не выражает каких-либо политических идей, но тем не менее его гравюры, обладающие ярким национальным характером, в конечном счете являются критикой диктатуры и господствующего класса, представителей которого так мастерски сумел запечатлеть в своих карикатурах гениальный гравер.

Архитектура, тесно связанная с государственной властью, которая располагает средствами для строительства, а также с представителями зажиточных слоев населения, подвержена большим ограничениям, чем другие виды искусства, и прямо предопределяется вкусами правительственных кругов. Тем не менее в некоторых особенностях архитектурных сооружений по-своему проявляется самобытность художника, народная тематика.

Архитектурное творчество мексиканцев в основном было ограничено направлением, господствовавшим в школе изящных искусств во Франции. Помимо этого, Порфирио Диас еще

Дворец изящных искусств, 1904 г.
Архитекторы Адамо Боари и Федерико
Марискаль

обычно приглашал в Мексику и зарубежных архитекторов. В память наших героев был построен монумент независимости на бульваре Реформы, выполненный архитектором Антонио Ривас Меркадо, который построил и театр Хуарес в Гуанахуато. Оба эти сооружения показывают степень «офранцуживания» официальной архитектуры той поры. Были возведены такие сооружения, как памятник Хуаресу на Аламеда Централь в Мехико. Выполненный в классическом дорическом стиле с императорской пышностью, этот памятник, по-видимому, был предназначен больше для того, чтобы прославить диктаторский режим.

Мексиканское правительство приглашает европейских архитекторов для строительства таких зданий, как Законодательный дворец, работа над которым была прервана начавшейся революцией, Национальный театр — теперь Дворец изящных искусств и Почтамт. Все эти здания, несущие на себе отпечаток различных течений европейской архитектуры, были построены европейскими архитекторами, за исключением Дворца изящных искусств, в создании которого, кроме итальянского архитектора Адамо Боари, принимал участие и мексиканский архитектор Федерико Марискаль.

Совокупность архитектурных течений той эпохи была названа «стилевым эклектицизмом». Этот термин соответствует действительному положению вещей. Французский неоклассицизм, хотя и проникнутый монументальностью, нашел свое воплощение в архитектуре театра Хуарес (1903 г.) в г. Гуанахуато и Монументе Независимости (1910 г.). По своему стилю здание Почтамта (1910 г.), построенное архитектором Адамо Боари в Мехико, близко к образцам испанской архитектуры того времени и, говоря конкретно, напоминает дом графов Монтеррей в Саламанке (Испания). По канонам европейской архитектуры — в соответствии с той или иной разновидностью неоклассицизма — были построены такие здания, как Министерство связи, главная больница и военный колледж. В архитектуре Музея естественной истории в Мехико отразилось влияние готического стиля и в некоторой степени влияние стиля «Ар нуво». Это направление, называемое также «стиль модерн», возникло в Европе в ответ на призыв Роскина к «культу выразительной простоты, линии и цвета», «освобождению от симметрии и греческих орнаментов» и, несмотря на свой анахронизм, возможно вызванный неразвитостью строительной техники и отсутствием философски зрелой эстетики, несомненно представляет протест против неоклассицизма и отвечает духу обновления. В Мексике имеется ряд сооружений, выполненных в стиле «Ар нуво», — наиболее значительным из них является Дворец изящных искусств. Монументальность этого здания и его роскошную архитектуру, дисгармонирующую с

общим фоном бедности страны и народа, проектировщики дополнили элементами, характерными для доиспанского периода, стремясь сделать его «мексиканским» по стилю, и хотя им это в сущности не удалось, они все же построили здание, которое не имело себе равных в Мексике и которое в некоторой степенишло зразрез со вкусами господствовавших классов. Были возведены и сооружения, копирующие формы древней архитектуры мексиканских индейцев, например монумент Гуатемоку (1887 г.) в Мехико, выполненный инженером Франсиско М. Хименесом и скульптором Мигелем Нореной. Подобные сооружения свидетельствуют о тенденции создания национальной мексиканской архитектуры, но это намерение не достигло своей цели — было лишь внешнее копирование форм, а проекты не учитывали возможностей строительной техники.

Революция 1910—1917 гг. знаменует новый этап в жизни страны. Феодальный строй рушится под натиском революции, победа которой означает установление буржуазно-демократического строя. Началось строительство промышленных предприятий и агротехнических сооружений.

В отличие от дореволюционного периода большее внимание уделяется культуре, развитие которой способствовало распространению образования в стране и в соответствии с моментом, переживаемым страной, придала ему новый, националистический характер.

В области изобразительных искусств стремление к обновлению проявляется с большой силой, приобретая не только национальное, но и мировое значение. В первую очередь мы имеем в виду живопись, которая в поисках собственных форм выражения на определенном этапе, и прежде всего монументальная живопись, сумела достичь такого своеобразия — как по форме, так и по содержанию, отвечающему в основном самым передовым направлениям в обществе, — что достигла уровня творений итальянского Возрождения. Выдающимися художниками этой эпохи являются Диего Ривера, Хосе Клементе Ороско и Давид Альфаро Сикейрос, которые, несмотря на свои формальные различия, выразившиеся у них во внешне непримиримом характере их эстетических взглядов, заложили основы так называемой мексиканской школы. У этой школы прежде и теперь много последователей в различных областях изобразительного искусства, прежде всего в области гравюры, родоначальником которой являлся уже упоминавшийся гравер прошлого века Хосе Гуадалупе Посада. Можно утверждать, что из всей совокупности изобразительных искусств именно живопись и гравюра наилучшим образом отражают в наше время стремления мексиканского народа, идущего по пути социального прогресса. И хотя, как и в литературе, официальная точка зрения в области искусства находит свое выражение в благо-

желательном отношении к эклектизму, в свою очередь склоняющемуся к «чистому» искусству, невыразительному, абстрактному, в конечном счете лишенному прогрессивного значения, в нашей стране существуют и развиваются все направления, из которых самым важным является революционное.

В общем можно утверждать, что художественное творчество после 1910—1917 гг. характеризуется поисками форм национального выражения. Эти поиски велись по различным направлениям, начиная от стремления возродить формы прошлого со всеми их различиями и кончая попытками (которые мы оцениваем как положительные) представить национализм как результат отображения национальных проблем, что, не пренебрегая традициями нашего исторического прошлого, давало бы возможность ответить требованиям современной эпохи. Результаты таких «националистических» поисков наиболее полно отразились в творчестве революционно настроенных представителей искусства. Этот период характеризуется также появлением направления, совершенно неверно называемого «интернационалистическим». Его сторонники образно говорят, что оно не «признает границ», и противопоставляют его первому направлению. Это направление, которое, как мы увидим дальше, найдет заметное проявление в архитектуре, представляет собой простое заимствование мексиканским искусством эстетической нормы, якобы обуславливающей ценность художественных творений отсутствием у них социально-политического содержания. Внутри этого течения также существуют разновидности, и очень различные, но в сущности все они оценивают действительность больше с буржуазных позиций космополитизма, чем с прогрессивных.

Внешне оценка современной архитектуры представляет большую сложность в силу специфического характера этого вида искусства. Действительно, специфические особенности архитектуры, связанные с целевым использованием человеком создаваемых строений и успехами строительной техники и поэтому заставляющие отнести этот вид искусства к промышленности, таковы по своей природе, что иногда трудно применить к ней тот или иной общий эстетический критерий. Тем не менее мы убеждаемся, что на протяжении всей истории искусства архитектура, точнее ее художественная сторона, не избежала воздействия общих законов искусства. Строительный элемент представляет лишь техническое средство для воплощения этой художественной стороны, и он развивался вместе с развитием средств производства в целом. Если архитектура в целом объективно рассматривается как вид искусства, подчиненный воздействию эстетических законов, то в этом случае оценка архитектурных сооружений становится менее сложной.

Характер поисков, направленных на достижение нацио-

Латиноамериканская башня. 1957 г.
Мехико. Архитектор Аугусто Алварес.
Расцвет функционализма

нального выражения в архитектуре, проявился уже в последние годы диктатуры Порфирио Диаса (монумент Гуатемоку) и стал еще более ясным в период 1910—1917 гг. Несмотря на шедшую в стране вооруженную борьбу, были созданы многочисленные сооружения, отразившие этот дух поисков и тесно связанные с копированием форм колониального или доиспанского прошлого, и хотя не было создано очень значительных сооружений, тенденция, заложенная в них, отражала дух поиска решений, отвечавших условиям, складывавшимся в стране.

К 1917 г. относятся первые важные попытки по созданию мексиканской архитектуры, которая отвечала бы запросам эпохи. Такая созвучность архитектуры эпохе касалась не только ее программного аспекта, но и технического. В Европе и США уже в течение нескольких десятилетий в строительстве применялись железобетон, сталь и стекло. Мексиканские архитекторы не хотели пренебрегать этими успехами в области техники. Деятельность первых буржуазных правительств после революции ознаменовалась значительными достижениями в области строительства, что позволило мексиканским архитекторам осуществить свои новые замыслы. Попытка внедрить национализм в архитектуру, который принято называть «романтическим», приходится на первый этап, непродолжительный по времени.

К этому периоду относятся такие сооружения, как оригинальное здание Министерства здравоохранения, возведенное с применением современной строительной техники, местных облицовочных материалов и форм декоративного оформления, прекрасно согласованных с архитектурой здания, а также монумент Революции, для которого были использованы конструкции монументального Законодательного дворца, начавшего строиться в период диктатуры Порфирио Диаса, здание пожарной охраны в Мехико и большое количество менее значительных сооружений. Типичным для этого первого этапа является павильон Мексики на выставке в Рио-де-Жанейро в 1922 г., построенный по проекту архитекторов Карлоса Обрегона Сантасилии и Карлоса Тардити.

К 1924 г. относится зарождение такого направления в архитектуре, которое окажет решающее влияние на формирование стиля современной архитектуры. Хотя оно претендовало на оригинальность, предпосылками для него явились, с одной стороны, получившая распространение в Европе теория венского ученого Готтфрида Семпера о взаимодействии формы и функции, и, с другой — эстетическая концепция Баухауса и известные теории французского архитектора Ле Корбюзье. Для того чтобы дать отчетливое представление о теоретической сущности этого направления, которое в настоящее время бесспорно получило распространение во всем мире, мы процитируем

Торговое здание. Мехико.
Функционализм в последнее десятилетие

одну выдержку из работы архитектора Рикардо де Робины о современной архитектуре Мексики, опубликованной издательством «Фонд экономической культуры» («Мексика, 50 лет революции»): «Новая эстетика связана с современным пониманием жизни и духом нашей современной культуры. Она отражает новую форму восприятия окружающего нас мира со всеми присущими ему элементами, дух абстракционизма, с которым человек подходит к природе, понимания машины как элемента, который человек создал и которым он овладел для защиты своей духовной способности...» Архитектор Рикардо де Робина утверждает: «Сходство по форме и по принципам между европейским и мексиканским направлениями налицо...»

Архитектор Хосе Вильягран Гарсия является основным

теоретиком этого направления, претендовавшего, как мы уже отмечали выше, на оригинальность.

Положения Вильяграны легли в основу концепции трех «логик» архитектуры — «программной», «строительной», «эстетической». Эта концепция нашла воплощение в архитектурной практике и привела к возникновению функционализма, который еще раньше получил распространение в Центральной Европе и США.

Несмотря на чисто функционалистские посылки, раздавались голоса о национальном характере этого направления и были предприняты попытки достичь выражения национального характера путем декоративного оформления и соблюдения соответствующих пропорций построек. Первыми сооружениями в этом стиле был туберкулезный санаторий (1925 г.) и Институт гигиены в Попотла (1924 г.) архитектора Хосе Вильяграны Гарсии. Эти здания лишены формального мексиканизма и характеризуются максимально простой конструкцией.

В современной мексиканской архитектуре появляются новые имена — Хуана О'Гормана, Хуана Легорреты, Энрике дель Моралия, Альваро Абурто и Антонио Муньоса.

Хуан О'Горман построил ряд школ в духе указанного направления в Федеральном округе. «Мексиканизм» этих зданий заключается в их цвете; они характеризуются преувеличенной простотой, которую сами эстеты функционализма назвали «побризмом». Он построил множество жилых домов; особое место занимает квартира и студия Диего Риверы в Копоакане (Федеральный округ). В таком же стиле строил дома для рабочих архитектор Хуан Легоррета.

Антонио Муньос создал в Мехико школьный городок «Революция» — сооружение монументального характера, которое благодаря своим значительным художественным достоинствам занимает видное место среди сооружений той эпохи. Скульптурные украшения составляют часть архитектурного ансамбля этого сооружения.

Интересно отметить, что сооружения такого архитектурного стиля вызвали в основном благожелательные отклики у представителей мира искусства и интеллигенции, а также, естественно, и у представителей правительственных учреждений — заказчиков этих сооружений.

Излишне говорить, что мнение народа не принималось во внимание. Тем не менее убежденность архитекторов в том, что они решают задачи национального характера, в значительной степени соответствовала их практической деятельности, хотя и ограниченной условиями буржуазной демократии. Решения, связанные с формой, были одобрены правительственными кругами в силу того, что они резко отличались от архитектуры периода диктатуры с ее декоративной пышностью. В издававшемся в те годы политическом журнале демократического

Здание социального обеспечения
в штате Морелос. 1964 г.
Архитектор Алехандро Прието

направления «Футуро» часто затрагивались вопросы искусства. В шестом номере этого журнала от 15 февраля 1934 г. целая страница была отведена проекту школы Хуана О'Гормана.

Комментарий к этому проекту состоял из следующих слов: «В Мексике начинает прокладывать себе дорогу новая архитектура — цемент, сталь, воздух, свет, чистота, простота, удобство, отсутствие надписей и украшений, безвкусовых, дорогих и вызывающих». Очевидно, что отношение официальных кругов в основном определялось привлекательностью целей этого направления, а не оценкой его художественных достоинств.

С другой стороны, очевидно, что это направление в архитектуре сулило определенные преимущества — непродолжительный срок строительства и низкую стоимость строительных работ. Несомненная привлекательность теорий, лежащих в основе этого направления, способствовала тому, что на них было воспитано современное поколение мексиканских архитекторов.

Здесь интересно отметить появление нового взгляда на конструктивные элементы: они рассматриваются отныне как удовлетворительные в художественном отношении элементы, но лишённые ненужного украшения. Уже известный нам архитектор Рикардо де Робина пишет: «Третьим в сущности архитектурным элементом, который также кладется в основу этого направления, является новая эстетика, возникшая из программной и строительной логики, но не в виде неизбежной и математически выражаемой равнодействующей, а в результате необходимости выразить настроения и чувства».

По нашему мнению, это — провозглашение эстетических взглядов, тяготеющих к абстракционизму и, как ни парадоксально, — к формализму.

То, что функционалистское направление послужило исходным пунктом для дальнейшего развития архитектуры, является конкретным фактом. Прежде чем попытаться оценить это направление, необходимо познакомиться с его последующими достижениями.

По мере развития страны крепнут позиции буржуазии. Появляются национальные капиталисты-заказчики, с которыми архитекторам неизбежно приходится иметь дело. В дополнение к строительству, предпринятому государством в больших масштабах, строится много предприятий и домов по заказу промышленников и коммерсантов. Иностранные компании, увеличивающие свои капиталовложения в Мексике, разумеется, также ведут строительство.

На рассматриваемом этапе капиталисты, так сказать, по причинам социально-психологического характера не могут согласиться с духом архитектурных стилей, которые в совокупности были использованы для государственного строительства. Непрерывно растущая активность масс, участвующих в демократическом и антиимпериалистическом движении, осуществ-

Библиотека Университетского городка
в г. Мехико. 1954 г.
Архитекторы Хуан О'Горман, Густаво
Сааведра

вление таких требований народа, как раздел крупных латифундий, подъем профсоюзного движения, а также антиимпериалистические проявления в деятельности правительства и национализация нефтяной промышленности вызвали тревогу у капиталистов и помещичьей реакции.

Как и во многих других отношениях, на этом этапе развития нашей страны вкусам капиталистов отвечали другие образцы в области архитектуры. В 1934 г. одна страховая компания построила здание «Ла насиональ», самое высокое по тем временам в Мехико и во всей стране. Применяв с учетом твердости грунта железобетон и свайный фундамент, архитекторы Мануэль Ортис Монастерио и Бернардо Кальдерон Касо выполнили это здание в стиле ранних небоскребов США. В подобном стиле было построено множество зданий.

В этот же период в столице Мексики в районах Рома и Кондеса богачи строят для себя особняки. Из множества роскошных домов, построенных в самых различных стилях, до смешного малое количество приходится на дома в стиле функционализма. Поскольку в «частной» архитектуре доминировала идея копирования форм прошлого, в основном колониальной эпохи, казалось, что эти слои восторженно относятся к идее обращения к феодально-колониальному прошлому страны. Вполне очевидно, что предпочтение, которое они отдавали этим стилям, не содержало какого-то осознанного эстетического подхода, выражающего стремление к созданию «мексиканской архитектуры». Просто многочисленные помещичьи семьи, которые все без исключения придерживались консервативных взглядов, вели образ жизни с претензией на «истый аристократизм».

Начиная с 1940 г. в развитии архитектуры наступает важный этап. Развитие капитализма сопровождается усиленным проникновением иностранного капитала. Разумеется, общественное строительство, проводимое государством, не выходит за рамки требований капиталистического строя. Архитектура соответствует этим экономическим условиям. Функционализм отвечает интересам бизнесменов — принцип «минимальная затрата средств, максимальная прибыль» согласуется с формальными принципами рационализма.

Дальнейшее развитие функционализма сопровождается отказом от так называемого побризма. Совершенствуется строительная техника, качество исполнения повышается в результате применения новых материалов. Жилые дома богачей строятся в различных стилях, причем, казалось, проводилось сознательное различие между «архитектурой бизнеса» и «архитектурой жилого дома». На склонах Чапультепека и Чапультепека-Поланко вырастают кварталы особняков; стиль их архитектуры пазывается «колониально-калифорнийским» и представляет собой гротескное копирование колониального стиля, лишенное

масштаба и пропорции. Со временем функционализм начинает применять дорогостоящие материалы и приобретает тем самым новую черту, превращаясь, как это ни парадоксально, в «пышный функционализм».

На этом этапе прежде всего в архитектуре государственных учреждений довольно сильно проявился национализм. По нашему мнению, это самое позитивное направление в современной мексиканской архитектуре. Наиболее важная отличительная черта его — стремление (в пределах все того же функционализма) к комбинированию изобразительных средств. В строительстве зданий принимают участие не только архитекторы, но и художники, и скульпторы. Для этой цели приглашались самые известные мексиканские монументалисты: Диего Ривера, Хосе Клементе Ороско, Давид Альфаро Сикейрос, Хосе Чавес Мораво. Самыми выдающимися архитекторами этого направления являются Карлос Ласо младший, Хуан О'Горман, Рауль Качо, Энрике Иапес, Альберто Арай.

В этом стиле создается ряд крупных сооружений, таких как здание Министерства связи и общественных работ и некоторые здания Университетского городка в Мехико.

Это направление существовало, однако, непродолжительный период, и несмотря на то, что в последнее время были построены здания в этом стиле, хотя и менее значительные, оно все больше уступало дорогу новому стилю, развившемуся на основе функционализма, — «структурализму». Несмотря на очевидное применение теперь новых строительных методов, строительство большинства объектов в стране осуществляется кустарным способом.

Таким образом, в Мексике берет верх направление, которое неправильно называют «интернационалистским». Как мы указывали, предпринимались попытки по созданию национальной архитектуры. Примером этого является большое количество домов, построенных Мексиканским институтом социального обеспечения и, возможно, страдающих искусственной монументальностью. Кроме того, если считать, что в искусстве вообще ведется борьба против националистического направления, то в архитектуре в силу ее особенностей эта борьба выражается еще сильнее. Функционализм достиг крайности. Фасады зданий свидетельствуют о несколько символическом характере постройки с применением большого количества накладного металла. Здания, обильно снабженные стеклянными украшениями, производят впечатление зеркальной мебели или витрин. По-видимому, эти факты представляют явно выраженные симптомы упадка, а не кульминационный этап развития данного архитектурного направления в современной Мексике.

МЕХИКО — ГОРОД ОЛИМПИЙСКИЙ

Вечером 24 октября 1964 г. столица Японии Токио прощалась с участниками XVIII Олимпийских игр. Торжественно в последний раз по дорожкам Национального стадиона прошла сводная колонна спортсменов, овеваемая знаменами своих стран, прозвучала короткая речь президента Международного олимпийского комитета (МОК), объявившего о закрытии Игр, и о закрытии Игр, и олимпийский огонь в большой чаше стал медленно угасать. И в это время в наступившей темноте на электрическом табло стадиона ярко вспыхнули большие буквы: «Мы встретимся снова в городе Мехико в 1968 году!».

«До встречи в Мехико!» — прощались сильнейшие спортсмены всех континентов, уезжая к себе на родину. А тем временем в столице будущей Олимпиады уже разворачивались первые приготовления.

Вопрос о месте проведения XIX Игр решил еще за год до проведения Токийской олимпиады на сессии МОК в Бадене-Бадене (ФРГ) в октябре 1963 г. Свои кандидатуры на проведение XIX Олимпийских игр выставили четыре города: Детройт (США), Лион (Франция), Буэнос-Айрес (Аргентина) и Мехико (Мексика). От каждого из них выступали представители, доказывавшие целесообразность проведения мирового спортивного форума именно в их городе. Особенную настойчивость проявляли США, приславшие на сессию внушительную делегацию во главе с губернатором штата Мичиган Д. Ромни. Члены МОК заслушали также записанное на пленку выступление президента США Д. Кеннеди, в котором он заверял в обеспечении свободного допуска спортсменов всех стран на

Игры, если они состоятся в США, в Детройте. Однако все это не помогло. 18 октября 1963 г. место Олимпийских игр 1968 г. было определено: тайным голосованием члены МОК высказались за Мехико. За него было подано 30 голосов, Детройт получил 14, Лион — 12 и Буэнос-Айрес — 2 голоса. Для выбора Мехико имелся ряд оснований.

Поражение кандидатур Детройта и Лиона явилось не случайным. Мировая спортивная общественность увидела в этом закономерную реакцию на те дискриминационные акты, которые допустили в 1963 г. по отношению к спортсменам ГДР правительства США и Франции, не выдав им виз для приезда на чемпионаты мира по хоккею и горным лыжам, проводившиеся в этих странах. Грубо нарушив олимпийские принципы мира и дружбы между всеми спортсменами, не допускающие какой-либо дискриминации, представители этих двух государств тем самым поставили под сомнение возможность въезда к ним представителей всех стран без исключения в том случае, если бы Детройт или Лион явились местом проведения будущих Игр. «Принадлежность Детройта и Лиона к Североатлантическому пакту, — как признал Брэндедж, — повлияла на то, что большинство голосов было отдано Мехико»¹.

Бесспорно, в этих условиях внешняя политика Мексики, построенная на принципах мира, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств, послужила весомым доводом в пользу Мехико.

Вместе с тем, голосуя за мексиканскую столицу, члены МОК исходили также из ее более чем убедительной спортивной характеристики, вполне достойной для избрания города местом проведения очередных Олимпийских игр.

Достаточно сказать, что в 1966 г. в столице насчитывалось 7500 спортивных сооружений — среди них более 1000 волейбольных и 870 баскетбольных площадок, почти 900 футбольных полей, 5 больших стадионов, 2 гребных канала. К этому можно добавить 167 бассейнов, 26 гимнастических залов². Эти и без того солидные цифры еще более увеличатся ко дню открытия Олимпиады.

Спортивные традиции Мексики уходят корнями в седую старину. Известно, что еще предки мексиканцев (древние ацтеки), добившиеся больших успехов в развитии своей культуры, много внимания уделяли физическому воспитанию своей молодежи. Их любимыми занятиями были игры в мяч, стрельба из лука, метание копий. Часто соревнования по этим видам проходили на стадионах с трибунами, которые начали строиться ацтеками в XIV—XV вв.

К концу XIX в. широкое распространение в Мексике получают футбол, баскетбол, бейсбол, бокс (вспомните рассказ Д. Лондона «Мексиканец»). В наши дни в Мексике культиви-

руются все виды олимпийской летней программы. Очень популярны легкая атлетика, плавание, конный, велосипедный и парусный спорт.

С 1924 г. мексиканцы — постоянные участники Олимпийских игр. Они не раз завоевывали медали всех рангов по боксу, стрельбе, гимнастике, конному спорту, прыжкам в воду, а в 1956 г. в Мельбурне Хоакин Капилья стал олимпийским чемпионом по прыжкам в воду с вышки.

Спортивными организациями Мексики не занимать и опыта в организации крупнейших международных соревнований. Столица страны не раз гостеприимно принимала участников различных региональных латиноамериканских чемпионатов и международных состязаний с участием представителей всех континентов. Так, в 1955 г. в Мехико проходили II Панамериканские игры, в 1962 г. — первенство мира по современному пятиборью, в 1965—1967 гг. — международные предолимпийские соревнования.

Таковы те спортивные критерии, которые позволили определить место прописки XIX Олимпийских игр. Вскоре после баден-баденской сессии МОК Мексика стала готовиться к достойной встрече Олимпиады. В первую очередь был создан Организационный комитет, который возглавил бывший президент страны Лопес Матеос. Уже одно это — выдвижение на столь почетный пост высокоавторитетного государственного деятеля — говорило о значении, придаваемом в Мексике предстоящей Олимпиаде. Сам Лопес Матеос в молодости являлся хорошим спортсменом и выступал в соревнованиях по боксу. С первых же дней, как только мексиканцы узнали о том, что в 1968 г. им предстоит зажечь олимпийский огонь, все они, особенно жители Мехико, стали жить заботами и хлопотами этого самого грандиозного мирового фестиваля спорта. «Наша столица готовится к Олимпиаде с интересом, настойчивостью и энтузиазмом, — отмечал в апреле 1965 г. в беседе с советским корреспондентом посол Мексики в СССР Хосе Е. Итурриага. — На вооружение взят опыт последних игр в Токио... Мексиканцы сделают все, чтобы и участники Олимпиады, и ее гости сохранили хорошее впечатление и об организации игр, и о нашей стране»³.

Однако удовлетворены, по всей видимости, будут не только зарубежные гости. «Мы стремимся, — подчеркнул в одном из интервью вице-президент мексиканского олимпийского комитета Х. Остот, — чтобы предстоящие игры явились важным средством в решении трех проблем. Во-первых, стимулировать широкое развитие спорта среди мексиканской молодежи. Во-вторых, повысить уровень мастерства наших спортсменов. В-третьих, всемерно расширить строительство спортивных баз»⁴.

Стадион «Ацтека» в г. Мехико

Но, конечно, центральный вопрос каждой Олимпиады — это проблемы, связанные со спортивными сооружениями: их наличием, качеством и удобствами, которые могли бы полностью отвечать олимпийским требованиям и удовлетворять все запросы будущих участников соревнований. В октябре 1966 г. президент Организационного комитета Олимпийских игр в Мексике известный архитектор Рамирес Васкес (заменивший заболевшего Л. Матеоса) мог с уверенностью заявить: «Мы уже располагаем более чем 90% необходимых для проведения соревнований sportсооружений. Все они отвечают требованиям, которые предъявляются при таких встречах. Всего лишь 10 процентов сооружений должны быть возведены заново»⁵. Это подтвердили и многие из участников вторых предолимпийских соревнований. В частности, руководитель делегации румынских спортсменов Ион Балаш отметил, что «материальная база и ее качество полностью отвечают будущей хорошей организации Олимпийских игр»⁶.

Как же будут жить и соревноваться участники XIX Олимпийских игр? Перенесемся мысленно в недалекое будущее... Октябрь 1968 г.

В празднично украшенный международный аэропорт Мехико один за другим прибывают воздушные лайнеры, доставляющие лучших спортсменов всех стран и народов, а также многотысячные армии зарубежных гостей. От воздушных ворот столицы автомобили помчат их по сверхсовременной автостраде, удобно и быстро соединяющей аэропорт, центр города, основные олимпийские сооружения и Олимпийскую деревню. О последней, расположенной в тенистом парке Университетского городка, стоит рассказать особо. Олимпийская деревня — это целый городок, в котором 800 одно- и двухэтажных домов с 16 тыс. жителей. Вся ее территория делится на три части. В первой из них размещаются спортивные делегации, во второй — многочисленные журналисты, в третьей — участники культурной программы, сопровождающей Олимпиаду. У спортсменов здесь все условия для отдыха, дружеских встреч и развлечений. Предусмотрено, что они будут жить не более двух-трех человек в комнате. К их услугам в Олимпийской деревне рестораны, зоны отдыха, салоны красоты, кинотеатры, театр, торговый центр. Интересно, что вокруг самой деревни — зона археологических раскопок с памятниками религиозного характера, возраст которых перевалил за 4000 лет.

От деревни буквально рукой подать (1,5 км) до стадиона «Университариос», который в октябре 1968 г. заметно изменится и станет главным Олимпийским стадионом, где произойдут центральные события — церемонии торжественного открытия и закрытия Игр, соревнования по легкой атлетике и финальные футбольные матчи⁷. Тот, кто бывал на «Университариос»

года два назад, не сразу узнает его ко дню открытия Олимпиады: он будет значительно реконструирован. Если в 1965 г. стадион вмещал 75 тыс. зрителей, то осенью 1968 г. его достроенные трибуны примут еще 25—30 тыс. любителей спорта. Благодаря системе туннелей и наклонных входов вместо лестниц стадион сможет заполняться или пустеть необычайно быстро, за 15—20 мин. Восемь беговых дорожек с синтетическим покрытием, невосприимчивым к дождю, позволят стартующим на них показать возможно более высокие результаты, чем на обычных гравевых. На территории стадиона появятся здание Информационного центра и помещение для врачей.

Красив и внешний вид стадиона. Его стены богато украшены живописными фресками, выполненными в сочной мексиканской манере и отражающими достижения спорта в Мексике.

Болельщики кожаного мяча посетят и другой крупнейший стадион города — «Ацтека» вместимостью 105 тыс. человек, где развернутся баталии предварительных игр олимпийского футбольного турнира. На «Ацтеке» созданы все условия и для играющих, и для посетителей: футбольное поле полностью защищено от ветра, а самое большое расстояние от зрителя до поля — всего 97 м.

Бесспорно, многих привлечет знаменитый столичный парк «Чапултепек». На его просеках пройдут олимпийские состязания по конному спорту; он особенно популярен у мексиканцев.

Вряд ли сможет принять всех желающих 18-тысячный зал здания «Аудиторио насьональ», здесь развернется острейшая борьба за право стать олимпийскими чемпионами по гимнастике. К олимпийскому октябрю вступят в строй еще два крупнейших спортивных сооружения Мехико: Дворец спорта на 25 тыс. мест и Олимпийский плавательный комплекс с трибунами на 10 тыс. зрителей. В первом из них пройдут состязания по баскетболу, а во втором — соревнования по плаванию, прыжкам в воду и водному поло. К бассейну примыкает Олимпийский спортзал на 5 тыс. мест (его строительство будет закончено в мае 1968 г.). Здесь развернутся баталии волейбольного турнира. 15 тыс. зрителей будут ежедневно смотреть поединки лучших мастеров кожаной перчатки — боксеров на стадионе «Арена Мехико», а сильнейшие тяжелоатлеты мира вступят в борьбу с многопудовой штангой в зале театра «Инсурхентес».

Большой отряд спортсменов-олимпийцев и во много раз больший зрителей-болельщиков примет популярный в столице спортивный городок «Магдалена Миксхука», расположенный на восточном краю города. На его площади в 229 га расположены 2 плавательных бассейна, 69 футбольных полей, 74 волей-

больных и баскетбольных площадки, 7 теннисных кортов, легкоатлетический стадион и другие спортивные сооружения⁸. Здесь, конечно, идеальное место для тренировок и соревнований. В «Магдалена Миксхука» пройдут олимпийские состязания по велосипеду (на треке), фехтованию, травяному хоккею, отдельным видам современного пятиборья. Но самую большую аудиторию соберут, разумеется, марафонцы, которые побегут по одной из главных улиц Мехико — авениде Инсурхентес, протянувшейся через город почти на 30 км.

Как подчеркивал Организационный комитет XIX Олимпиады, все места проведения будущих состязаний олимпийцев связаны между собой, а также с центром города и Олимпийской деревней скоростными дорогами и наиболее важными городскими магистралями, которые позволяют избежать всякого рода транспортных проблем как для массы зрителей, так и самих спортсменов⁹.

Ареной спортивных состязаний станет не только город, но и его окрестности. Гребцы отправятся на канал Ксочимилко, стрелки — на полигон в 10 км от столицы, а велосипедисты помчатся по автостраде Мехико — Толука. Еще дальше придется отправиться яхтсменам: их паруса будут бороздить лагуны воды тихоокеанской бухты Акапулько.

На Олимпийские игры в Мехико хлынут десятки тысяч туристов со всех концов мира. Если в 1966 г. город располагал 705 отелями, способными разместить 50 тыс. человек, то через два года, в октябре, по утверждениям мексиканских официальных лиц, столица сможет принять гостей в три раза больше. Для этого вместе с ультрасовременными отелями строятся сравнительно небольшие гостиницы, пансионаты, мотели, которые после Игр пойдут под жилье.

«Каждый гость — иностранец, который приедет на Олимпиаду, будет обеспечен жильем и билетами на соревнования»¹⁰, — заявил на одной из пресс-конференций Рамирес Васкес.

Заранее принятое Мексиканским олимпийским комитетом решение о резервировании билетов подтверждает эти слова: 80% всех билетов предназначается для иностранных туристов, 15% — для жителей самого Мехико и 5% — для жителей других районов Мексики¹¹.

Впрочем, число зрителей Олимпиады не ограничится только теми, кто в дни состязаний будет сидеть на трибунах. Подсчитано, что репортажи об олимпийских соревнованиях смогут смотреть по телевидению 400 млн. человек — жители Латинской Америки, США и Канады.

Олимпиада в Мехико пройдет не только как грандиозный спортивный праздник, но и как большой красочный фестиваль культуры и искусства. В этом одно из ее самых характерных отличий от всех предыдущих Игр. Еще в 1966 г. Олимпийский

комитет Мексики обратился к странам участникам с просьбой о присылке по одному самому лучшему образцу изобразительного искусства, по одному театральному или народному ансамблю. Бесспорно, это обращение найдет самый широкий отклик, тогда хозяева и гости Олимпиады смогут познакомиться с присланными шедеврами на экспозиции «Избранные произведения мирового искусства» и аплодировать мастерству зарубежных и местных фольклорных коллективов, которые проведут свой красочный Международный фестиваль.

Знаменитая мексиканская балерина Амалия Эрнандес вместе со своим ансамблем готовит к октябрю 1968 г. оригинальную постановку «Балет пяти континентов». До 20 различных видов искусств в виде специальных программ будут сопровождать Олимпийские игры. Пройдет кинофестиваль, будут устроены выставки фотографии, филателии. Перед спортсменами и туристами гостеприимно распахнут свои двери лучшие культурные учреждения Мехико — Национальный музей антропологии и истории, Национальный дворец, богато украшенный фресками Диего Риверы и Давида Сикейроса, отображающими историю страны, различные театры и концертные залы, живописнейший парк «Чапультепек». Фактически в Мексике будут проходить две Олимпиады — спортивная и культурная.

Многих, бесспорно, привлекут знаменитые ацтекские пирамиды, расположенные меньше чем в часе езды на машине от столицы. Любители острых ощущений, конечно, отправятся на бои быков полюбоваться искусством знаменитых тореадоров.

Гостям Мехико должна сопутствовать хорошая теплая погода. Октябрь не случайно рекомендован для проведения здесь Олимпийский игр. Центральное метеорологическое бюро, изучая климат за последние 40 лет, пришло к выводу, что этот месяц наиболее благоприятен: обычная температура в это время здесь равна +22, +23 градусам, среднесуточная — +13, +14 градусам. Относительная влажность около 70%, отсутствуют ветры, чрезвычайно редки дожди. Но если температура и погода благоприятствуют соревнованиям, то средняя высота города над уровнем моря 2240 м¹² создает для спортсменов, особенно приезжих, сложную проблему акклиматизации к выступлениям в условиях большой высоты. Немало хлопот доставляет и сильно загрязненный от множества автомобилей воздух Мехико.

С целью приспособления к этим специфическим, и прежде всего климатическим, условиям в Мехико уже трижды, в октябре 1965, 1966 и 1967 гг. проводились так называемые олимпийские недели, включавшие состязания по многим видам программы XIX Игр. В первой из них приняло участие 240 спортсменов из 16 стран, во второй — более 500 из 23 стран,

а на третью «генеральную репетицию» прибыло около 3 тыс. человек, представлявших 55 государств. Все три раза «недели» привлекали немало звезд мирового спорта. Так, на последней из них, в октябре 1967 г., среди гостей были чемпионы Токийской олимпиады Р. Клим (СССР, молот), Г. Прокуменщикова (СССР, плавание), И. Фёльди (Венгрия, штанга), Л. Дэвис (Великобритания, прыжки в длину), Р. Матсон (США, ядро) и др. Команда СССР одержала на этих соревнованиях убедительную победу, завоевав 44 золотые медали. Среди посланцев советского спорта особенно отличились установившие новые мировые рекорды штангисты В. Куренцов и Я. Тальтс, гонщик на треке О. Пхакадзе, обладателем нового европейского и все-союзного рекорда в прыжках в длину с разбега (8 м 35 см) стал И. Тер-Ованесян, сразу четыре золотые медали завоевала чемпионка СССР по гимнастике Н. Кучинская, вне конкуренции был наш копьеметатель Я. Лусис. Хорошо выступили спортсмены и других социалистических стран.

Неплохо показали себя и хозяева будущей олимпиады. После Токио, где они выступили ниже своих возможностей, мексиканцы тщательно готовились, и сейчас их результаты налицо. Если во время второй «олимпийской недели» успех им сопутствовал в турнире боксеров, отдельных видах современного пятиборья и фехтования, то в октябре 1967 г. они достигли значительных успехов в других видах спорта. Представители мексиканской команды завоевали золотые медали в плавание вольным стилем на 400 и 1500 м (Г. Эчиварриа), в спортивной ходьбе на 20 км (Х. Педраса), серебряным призером в стрельбе из малокалиберной винтовки стал О. Васкес. Заметно прогрессируют мексиканские бегуны. Серебряной медалью они удостоились в эстафете 4×100 м, бронзовой — 4×400 м, а также в беге на 5 км (Х. Мартинес). Все это говорит о том, что в лице хозяев гости олимпиады встретят достойных соперников.

Во время «олимпийских недель» команду каждой страны сопровождала группа врачей и спортивных специалистов. В результате проведенных исследований они пришли к выводу, что двух-трехнедельная предварительная акклиматизация во многом позволит участникам олимпиады приспособиться к условиям Мехико и успешно выступить в соревнованиях. Как подчеркивал после окончания третьей «олимпийской недели» председатель Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Ю. Машин, возглавлявший советскую делегацию, «психологический барьер высокогорья преодолен. И в этом мы видим, пожалуй, основной итог участия советской делегации в трехдневных предолимпийских состязаниях 55 стран... Не менее важно другое: спортсмены перестали бояться выступлений на такой

высоте; они убедились, что и в Мехико можно показывать великолепные результаты»¹³.

Советские спортсмены во время всех трех «недель» неизменно встречали теплый прием и радушие со стороны жителей столицы. Профессор-медик А. Коробков еще после первой предолимпийской прикидки в 1965 г. вспоминал: «К нам все без исключения относились хорошо, можно сказать сердечно и доброжелательно»¹⁴.

Накануне открытия третьей «недели» крупнейшая спортивная газета Мексики «Эсто» писала: «Состязания «олимпийской недели» еще не начались. Но самый почетный приз уже отдан команде Советского Союза. Этот приз — любовь и уважение мексиканцев»¹⁵.

Интересно отметить, что спортсменов СССР и Мексики связывает старая дружба. Еще в ноябре 1925 г. в Мехико приехали два московских велосипедиста А. Г. Князев и И. М. Фрейдберг, совершавшие путешествие вокруг света. Через два дня после прибытия столичный велоклуб «Радио» устроил им торжественную встречу в парке «Чапультепек». Князев и Фрейдберг посетили в Мехико несколько клубов, в которых, как они писали, «рабочие встречали нас всегда с большой радостью. В некоторых клубах в честь нашего прихода хоровой кружок исполнял „Варшавянку“»¹⁶.

В том же ноябре 1925 г. в I Московском международном шахматном турнире принял участие талантливый мексиканский мастер Карлос Торре.

После войны спортсмены СССР и Мексики неоднократно встречались в различных международных соревнованиях, приезжали в гости друг к другу. Советских баскетболисток — чемпионок мира в 1964 г. принял и приветствовал тогдашний президент страны Лопес Матеос.

Встречи на «олимпийских неделях» и самой Олимпиаде еще больше скрепят дружбу спортсменов СССР и Мексики.

До начала XIX Олимпийских игр осталось совсем немного. В первых числах октября этого года священный огонь, зажженный на горе Олимп в Греции, будет доставлен на берег Мексики. Отсюда по пяти маршрутам, олицетворяющим пять олимпийских колец, мексиканские спортсмены пронесут факел с огнем через столицы всех штатов Мексики и доставят его 11 октября в Теотиуакан — некогда священный город ацтеков. На его древних пирамидах состоится торжественная церемония «побратимства богов Олимпа и Теотиуакана». Отсюда 12 октября огонь будет доставлен в Мехико и в тот же день вспыхнет в чаше олимпийского стадиона.

Интересно, что это торжество совпадает с другим большим праздником всего западного полушария — открытием Америки Христофором Колумбом.

Олимпиада впервые стартует в Латинской Америке, и Мехико первым удостоивается здесь высокой и почетной миссии — стать олимпийским городом.

¹ В. Михайлов, А. Романов, П. Соболев, Л. Хоменков. Олимпийские игры. М., 1964, стр. 170.

² «Советский спорт», 17.XII 1966; Ю. Симаков. Мексика — страна XIX Олимпийских игр. М., 1966, стр. 23.

³ «Советский спорт», 18 IV 1965.

⁴ «Красная звезда», 20.VIII 1966

⁵ «Советский спорт», 17.XII 1966

⁶ «Sportul popular» (Bucuresti), 8.XI 1966

⁷ Это и все последующие места проведения олимпийских соревнований в Мехико даны согласно информационному письму Оргкомитета XIX Олимпиады «México 68. Carta olimpica 8».

⁸ «México 68, Noticiario olimpico», 1967, № 24, p. 7.

⁹ «México 68. Carta olimpica 8».

¹⁰ «Excelsior», 26.XI 1966.

¹¹ «Sport» (Bern), 16.XII 1966.

¹² «Diccionario Porrúa Historia, biografía y geografía de México». México, 1964, p. 997.

¹³ «Советский спорт», 25 X 1967.

¹⁴ «Спортивная жизнь России», 1966, № 1, стр. 10.

¹⁵ «Esto», 10.X 1967.

¹⁶ А. Князев, И. Фрейдберг. Вокруг света на велосипеде. М., 1929, стр. 87.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
П о л и т и к а , э к о н о м и к а	
Е. В. Колесникова, И. К. Шереметьев. Национальная экономика: структура и тенденции развития	11
Ю. И. Андреева. Положение и борьба мексиканского пролетариата на современном этапе	30
В. П. Золотухин. Мексиканское крестьянство на современном этапе	54
Е. Г. Локтев. Некоторые проблемы формирования и структуры мексиканской буржуазии	93
Н. А. Бережная. Женское демократическое движение Мексики на современном этапе	113
Е. Г. Лапшев. Мексика в современных международных отношениях	129
К у л ь т у р а	
Ю. А. Зубрицкий. Индейцы Мексики (Исторические и этнографические заметки.)	159
Р. В. Кинжалов. Искусство древней Мексики	198
Эраклио Сепеда. Заметки о мексиканской монументальной живописи	237
И. В. Винниченко. История и современность: две тенденции в развитии мексиканской литературы XX в.	278
Мануэль Мичель. Панорама мексиканского кино	296
Г. Э. Миллер. «Мексиканский фильм» Эйзенштейна	317
Ф. Лопес Ранхель. Современная мексиканская архитектура	327
А. И. Сизоненко. Мехико — город олимпийский	344

Подбор иллюстраций, а также
работа по подготовке сборника к изданию
проведены И. Ф. В о р о б ь е в о й

МЕКСИКА
[Экономика, политика, культура]

Утверждено к печати
Институтом Латинской Америки
Академии наук СССР

Редактор *Е. П. Пряхоров*
Художественно-технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 8/І 1968 г. Т-07839
Подписано к печати 16/У 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 2. Печ. л. 22,25 + 1 вкл.
Усл. печ. л. 22,25 Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 5500 экз.
Тип. зак. № 57 Цена 1 р. 53 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
37	15 сл.	эти	этой
142	3 св.	Кобалевского	Кабалевского
223	23 св.	причем	прнем
264	1 св.	Хпареса	Хуареса
276	11 сл.	ственную	стенную
287	21 св.	Панамеранскою	Панамериканскою
344	10 и 11 св.	о закрытии Игр и о закрытии Игр	о закрытии Игр

Мексика